

СМЕНА

май 2003

молодой бульвар

Крэйг Райс
Розы
миссис
Черрингтон

Андрей
Макаров
Катапульта

Любовь Русева
Любовь
и филантропия

Признание и доверие сделали масло ЛУКОЙЛ
народной маркой

ЛУКОЙЛ Стандарт

ЛУКОЙЛ Супер

ЛУКОЙЛ Люкс

ЛУКОЙЛ Синтетик

ЛУКОЙЛ Авангард

По вопросам приобретения фасованных масел "ЛУКОЙЛ" обращаться
по многоканальному телефону: (095) 973-7063

www.lukoil-masla.ru

ЛУКОЙЛ
ВСЕГДА В ДВИЖЕНИИ

Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал

Основан
в январе
1924 года.

главный редактор

Михаил Низилов

редакция

Борис Данюшевский

зам. главного редактора

Николай Левичев

Сергей Попов

зам. главного редактора

Виталий Федоров

главный художник

Тамара Чичина

зам. главного редактора

5 **2003**
май (1663)

Сдано в набор 22.03.2003.
Подписано к печати 19.04.2003.
Печать офсетная.
Заказ № 5642
Тираж 50 000 экз.
Цена свободная

Адрес редакции:

Бумажный проезд, 14,
Москва, А-15, ГСП-4, 127994.

212-15-07 — для справок.

257-31-37 — отдел реализации.

Факс (095) 250-59-28.

E-mail: smena @ garnet.ru

www.smena-id.ru

Проект разработан и поддерживается
студией веб-дизайна "Крон"

www.cron.ru (<http://studio.cron.ru>)

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской

Федерации по печати.

Per.№ 014832

Учредитель —

**ООО "Издательский дом
журнала "Смена".**

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.

Набор, верстка и цветоделение
ЗАО "НИИ НИТ"

Отпечатано в ФГУП "Смоленский

полиграфический комбинат"

по адресу: 214020, Смоленск,

ул. Смольянинова, д. 1.

Журнал выходит

12 раз в год.

© "Смена", 2003.

Круги жизни

Александр Шабалов:

4 "Спасать людей — их религия"

Валерий Шаров

21 Выход

Иван Зюзюкин

212 Странности

Антуана де Сент-Экзюпери

236 Этажи Рунета

Совместный проект "Смены" и интернет-портала Report.ru

Кирилл

Соколов-Нарташов

244 Огород на крыше

Женщина и мужчина

Андрей Макаров

78 Катапульта

Рассказ

Светлана

Бестужева-Лада

221 От судьбы не уйдешь

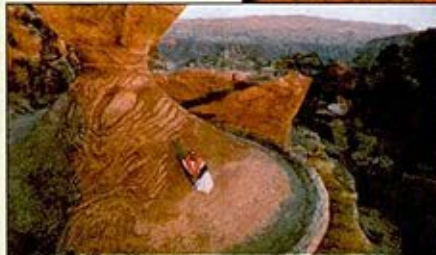
▼ стр. 52

▼ стр. 28

стр. 226 ▼

стр. 67 ▶

Иронический детектив

Крэйг Райс

92 Розы миссис Черрингтон

издалека

Любовь Русева

12 Любовь и филантропия

наследие веков

Ирина Опимах

28 Хаим Сутин

Игорь Опарин

226 Петра

молодой бульвар

Елена Захарова

46 "Ковчег" для детей

Бертран Вьедливый

50 Заметки пижона и экстремала

Елена Смирнова

52 Откровенный язык одежды

Сергей Лимонов

59 Стихи

Анжелика Энзель

60 Прощание

Рассказ

Софья Стебловская

67 Девочка с объективом

Поля Теслер,

Натя Шанерова

72 Со скейтом вместе жить интересней!

76 Ой, как вкусно!

▼ стр. 12

◀ стр. 244

Светлана Бестужева-Лада

КРЕМ-БРЮЛЕ С БРИЛЛИАНТАМИ

Ловко закрученный сюжет, иронический язык и интрига, не разгаданная до самой последней страницы, – вот что привлечет любителей криминального чтива в новом произведении известной журналистки. Симпатичная москвичка, проводящая две недели отпуска в турецком Кемере, оказывается в эпицентре разборок русской мафии. Любовный роман с богатейшим человеком Турции помогает разоблачить и наказать преступников.

ИЮНЬ '2003

АНОНС: 6

Руководитель
Московской службы спасения

Александр ШАБАЛОВ: // **спасать людей —** **их религия** //

■ Сегодня без всякого преувеличения можно сказать, что каждый москвич слышал или читал о Московской службе спасения. К сожалению, работы у нее хватает — изо дня в день мы видим по телевидению, как спасатели извлекают из искореженных автомобилей водителей и пассажиров, как лазают в вентиляционные шахты за котенком или собакой, как вскрывают дверь, за которой — тяжелобольной человек.

Конечно, кроме чувства благодарности, возникает и интерес — кто же они, эти люди, которые по первому зову приходят на помощь, и во что государство обходится их работа?

Однако в том-то все и дело, что Московская служба спасения — первая и единственная частная служба спасения. Не только в России, но и во всем мире. Служба, которая спасает людей за свои деньги и при этом не берет никакой платы с пострадавших. Тысячи спасенных жизней и ни одной казенной копейки — это и есть Московская служба спасения.

Не может быть? Дикость по нашим временам? Кому как. Сам "капиталист от спасательного дела", хозяин и руководитель службы Александр Шабалов готов с этим поспорить.

— *Александр Павлович, зачем еще и Московская служба спасения, если*

есть Министерство по чрезвычайным ситуациям, быть может, самое богатое министерство России, у которого свои самолеты, корабли и т. д.?

— Лучше всего ответят цифры. Только за 2001 год и только в Москве мы спасли более 12 000 человек. МЧС спасает на порядок меньше — по всей России. И не потому, что работают хуже. Их работа — чрезвычайные происшествия в масштабах всей страны. Там, где есть десятки, сотни пострадавших. То есть на крупных техногенных катастрофах, землетрясениях, наводнениях, а таких, слава Богу, мало.

— В таком случае, кто же те 12 тысяч, которых спасли вы?

— Это те, кто не остался умирать в искореженных машинах после ДТП, те, кто не умер в собственном доме из-за того, что болен и одинок, те, кого вытащили из-под обломков домов, башенных кранов, из канализационных люков. Локальных аварийных ситуаций гораздо больше, чем землетрясений, наводнений и селей.

— Стало быть, вопреки расхожему мнению, Московская служба спасения и МЧС в родстве не состоят?

— Действительно, в последнее время я то и дело слышу, как наших спасателей называют сотрудниками МЧС. Ни о каком родстве не может быть и речи. Московская служба спасения задумывалась совсем для другого — работать в городе и спасать конкретного человека. Или животное (смеется). Ведь МЧС не будет разворачивать все свои подъемные краны и экскаваторы, чтобы спасти котенка, который провалился в канализационный люк.

К тому же только мы занимаемся всеми без исключения происшествиями в городе в качестве диспетчерского центра. Каждый звонок — наш. И неважно, касается он "Скорой помощи", милиции, пожарных, сантехников, электриков или спасателей. Мы фиксируем каждый вызов, четко знаем,

куда его передать и, самое главное, контролируем, чтобы нужные службы вовремя приехали.

И еще одно важное отличие. МЧС — структура государственная, Московская служба спасения государственной организацией не является. Понятно, что никаких денег ни из какого бюджета мы не получаем — ни из федерального, ни из местного. Служба спасения живет на те деньги, которые мы зарабатываем сами и, естественно, не на спасении. Аналогов в мире нет.

— Если не с МЧС, то хотя бы со знаменитой по американской сериалу службой "911" вас что-то роднит?

— Только отчасти. Ведь служба "911" — исключительно координирующий центр. Сначала и мы так работали — принимали звонки и сортировали их по соответствующим оперативным службам. Но очень скоро поняли, что этого мало. Например, человеку стало плохо в башенном кране. Приезжает "скорая", а медики говорят: мы не альпинисты. Появляются альпинисты и говорят: мы можем подняться, но мы не медики. Рано или поздно мы вынуждены были поступать, как дядя Степа: брали подручные средства, ехали и пытались спасти. Потом появились специальные экипажи со всем необходимым оборудованием, которые и на кран могут влезть, и на дно реки опуститься, и помощь оказать.

Сотрудники "911" слышат только голос человека, попавшего в беду, мы — видим еще и его глаза. Глаза того, кого мы спасли, и его родственников. Это очень большая разница. Такое не забывается. Хотя координация — одна из основных наших задач.

— При нашей традиционной неразберихе это, может быть, самое главное...

— Бардак, извините за выражение, был всегда, хватает его и сейчас. В принципе каждая из оперативных или городских служб сама по себе может

работать неплохо. Но на любом крупном происшествии, будь то взрывы домов в Москве, захват заложников на Дубровке, авиакатастрофы — повторяется одно и то же. Службы приезжают на место — у каждой свои средства связи и нет возможности координировать действия. Пожарные, скажем, должны идти в зону возгорания, но они не знают, выключили там электричество или нет. Рванет или не рванет газ, который, возможно, тоже еще не успели отключить. Кого спросить, не видно — все заслонила толпа чиновников и даже депутатов. Поэтому и начинаются крики вроде: “Ребята, а кто здесь из водоканала, а кто здесь из газовой службы, а кто здесь...” Шум, гам, крик, а толку — чуть. Из-за этого у нас до сих пор не переводятся герои — обычные рядовые спасатели, пожарные, медики, которым каждый раз приходится рисковать собственной жизнью из-за чиновничьей халатности и общероссийского бардака (кстати, медали за героизм почему-то всегда достаются именно тем чиновникам, которые в первую очередь и повинны в том бардаке).

— С созданием Службы спасения что-то изменилось?

— До сих пор зачастую так. Хотя, например, во время захвата заложников на Дубровке мы выступали в роли диспетчера. Звонки заложников, звонки террористов поступали в наш информационный центр (кстати, по технической оснащенности такого центра нет ни у одной нашей спецслужбы), и дальше мы четко распределяли, куда их направить. В те дни через нас прошли тысячи звонков. Не считая того, что на месте работали 25 наших экипажей.

В том, что касается освобождения заложников, ФСБ сработало очень четко. После же штурма все видели, что происходило. Хотя и там сотрудники “Альфы” и “Вымпела” пытались сделать все, что могли, но это уже была не

их задача. Там должны были скоординированно работать другие службы.

— Александр Павлович, почему же вы создали Службу спасения и зачем?

— Просто потому, что хотим жить. Я хочу, чтобы жили мои дети. У меня погибла трехлетняя дочь. Погибла глупо и нелепо. Стояла куча народа. На их глазах умирал ребенок, но никто не помог. А когда мы все-таки довели дочь до больницы, выяснилось, что дежурный врач, в нарушение всех мыслимых и немыслимых инструкций, ушел домой ужинать. И моя дочь погибла. Погибла из-за вечного авось и отсутствия элементарного порядка. Я не хочу, чтобы это повторилось. У меня еще трое детей.

Наш главный стимул — помогать ближнему, спасать себе подобных. Если государство защищает только себя вместо того, чтобы защищать своих граждан, то у людей наступает отчаяние и они начинают защищать себя сами. Именно так и рождалась Московская служба спасения.

— С чего все-таки она начиналась?

— Это было 7 лет назад, в ноябре 1995 года. Тогда в московском районе Чертаново строители повредили телефонный кабель, а заодно и силовой. В колл-центре начался пожар. В итоге весь район остался без связи. Почти миллион человек.

Люди оказались практически беззащитными — один на один со своей бедой: болезнью, пожаром, затоплением, грабительством и т. д. Живя в столице, они могли умереть, так и не дождавшись помощи. И все оттого, что отсутствовала связь.

Медики обратились к нам: слышали о вас, помогите нам решить конкретную проблему. Мы дали объявление в газеты: приглашаем всех, у кого есть радиостанции, а сотовые телефоны тогда были большой редкостью, связаться с Московской службой спасения — нужно помочь жителям Чертанова.

— И много нашлось добровольцев?

— В том-то и дело, что сотни. К тому же мы обратились за помощью в магазины, торгующие радиоаппаратурой, к операторам сотовой связи. Собрали рации, телефоны и развезли их по больницам, роддомам, отделениям милиции, чтобы они могли сами принимать информацию, по всему району расставили добровольцев-радиолюбителей. Тогда же на их машинах впервые появились надписи "Московская служба спасения: вызов "скорой", милиции, пожарных". А по телевидению объявили всем жителям района, где стоят эти машины. И так мы отработали около недели. Только по линии "скорой" спасли больше тысячи человек, предотвратили несколько грабежей. Был реальный результат.

Стояла поздняя осень, холодно, но наши добровольцы дежурили круглосуточно. Хотя у каждого своя работа, семья и, конечно, никто за это никаких денег не получал. Люди все-таки лучше, чем о них пишут и говорят. Я в это верю.

Кстати, чертановский опыт нам здорово пригодился — с добровольцами мы работаем до сих пор. Кроме штатных спасателей, в нашем Учебно-методическом центре проходят полную подготовку и резервисты. Они умеют все то же самое, что и наши спасатели, но каждый работает на своей постоянной работе, а в свободное время выходит и дежурит с нашими экипажами. Спасают людей.

Кроме того, мы занимаемся и с детьми. У нас есть детские экипажи спасателей, которые ездят, конечно, на те случаи, где нет угрозы для их собственной жизни. Помогают одиноким старикам, инвалидам. Отвозят их в больницы, привозят на дом лекарства и продукты, оказывают первую помощь. Стариков это особенно трогает, часто до слез, когда не взрослые, а дети приезжают помогать. Да и самим

маленьким спасателям это нужно не меньше, чем старикам. Четырнадцатилетние подростки уже спасают людей.

— На что же живет Служба спасения, если от государства она ничего не получает?

— Исторически сложилось так, что раньше наша организация называлась "Центр гибких технологий безопасности". Мы занимались разработкой и производством всевозможных систем безопасности — от банковского оборудования до броневыводомобилей для перевозки ценных грузов, программного обеспечения, систем спутниковой навигации. Благодаря этому мы зарабатывали деньги, а свои разработки предложили московскому мэру Юрию Лужкову. Идея была в том, чтобы создать в столице службу, которая бы координировала действия всех разоблаченных городских оперативных, аварийных и коммунальных служб. Лужкову идея понравилась, он даже издал несколько постановлений, чтобы нам выделили помещения, каналы связи и т.д. Но потом все про это благополучно забыли. Поэтому коммерческая структура взвалила на себя весь этот груз и по сей день на те деньги, которые зарабатывает, содержит службу спасения.

— Не могу не спросить: а какой, собственно, интерес той же коммерческой организации тратить деньги на то, что дохода не приносит? Деньги ведь огромные?

— Деньги немалые, безусловно. Мало того. Мы еще и пребываем в постоянном страхе: от того, насколько успешно идут наши коммерческие дела, зависит, будут спасать людей в Москве или кто-то так и не дожидается помощи. Это огромная ответственность. Мы начали это дело, поэтому должны его продолжать. Московскую службу спасения знают, ее ждут, на нее надеются. Смешно получается. Сначала мы должны заработать деньги, заплатить налоги на содержание аналогичных

служб, а потом закупать все, что нужно, оплачивать аренду помещений, платить людям зарплату и...спасать людей.

В Европе экипаж выезжает на вызов, и, сделав свое дело, составляет калькуляцию. А потом пострадавшему выставляют счет, и он платит из своей страховки. Во всем мире так. И только в нашей стране есть Московская служба спасения, работающая бесплатно. В общем же, это можно назвать благотворительной деятельностью.

— По закону ведь за благотворительность положены какие-то льготы...

— У нас пока нет ничего. Льготы давали ветеранам Афганистана, спортсменам, которые завозили сюда водку, сигареты и имели прекрасный бизнес, а тем, кто спасает людей, такие льготы не положены...

— Что-то же, если не деньги, должно компенсировать это?

— Очень просто — моральное удовлетворение. В Московской службе спасения работают очень много людей, которые подрабатывают и еще где-то. Бывает и так, что основной заработок все-таки на стороне. В разговоре они объясняют: "Не могу бросить эту работу, потому что здесь я получаю моральное удовлетворение, плюс ко всему дети мои гордятся, что я работаю именно здесь. А вот там я зарабатываю основные деньги, чтобы кормить семью".

— И кто же они — московские спасатели?

— Они разные. Много среди наших спасателей тех, кто раньше работал в спецслужбах, воевал в "горячих точках". Первые говорят: "Раньше мы защищали абстрактное государство, но моральной отдачи не получали, а вот здесь я каждый день вижу человека, которому я помог, которого спас, вижу его глаза". Вторые объясняют свое желание работать здесь по-другому: "Понимаете, я был там, я убивал, выпол-

нял приказ. Кого убивал, не видел, стрелял. А сюда я как в церковь пришел. Чувствую, что на мне много того, чего не должно быть на человеке. Здесь я самоочищаюсь". Понимаете, это особое состояние, особое чувство, когда ты спас человека. Особенно для тех, кто когда-то отбирал чужую жизнь. Им нужна эта возможность — вернуть человека к жизни. Пусть даже не человека, а кошку или собаку спасти. Неважно. Дело в принципе. Я уверен, что если таким людям даже ничего не платить, они все рано не уйдут. Спасать людей — их религия, помогать и словом и делом — их работа.

А ситуации бывают самые разные. Летом в жилом доме не было электричества. Отключили и забыли на целый месяц. Представляете — лето, а холодильники не работают. И электроплиты тоже — а у многих маленькие дети и их нужно кормить. Никто не хотел помогать. Куда только жильцы не обращались. Наконец, вспомнили о нас. Наш оператор, сделав больше сотни звонков, за полчаса часа решил проблему, которую никто не мог или не хотел решать в течение месяца.

Или такой случай. Ночью ребенку стало плохо. Когда родители пытались вызвать медиков — те ответили, чтобы утром приходили с ребенком в местную поликлинику. Тогда родители обратились к нам, и наши операторы настояли на том, чтобы медики немедленно выехали к больному. В итоге оказалось, что жизнь ребенка была под угрозой, и только благодаря оперативному медицинскому вмешательству он выжил. Выжил еще один человек, еще одна мать не потеряла сына.

Совсем недавно в наш информационный центр позвонила женщина и сообщила, что только что ее номер телефона (видимо по ошибке) набрала какая-то незнакомая старушка и сказала, что ей плохо. Кроме этого старушка успела назвать только свое имя и отчество и, что она много лет назад работала

на одном из московских заводов. Потом связь прервалась. Больше мы ничего о ней не знали. Долго рассказывать, как, но через два часа мы все-таки узнали, кто звонил, вычислили адрес и послали наш экипаж. Старушка была одна дома, без сознания, у нее был инсульт, еще немного, и она умерла бы. Для такого города, как Москва, может быть, и мелочь, но такие случаи происходят почти каждый день. А значит, каждый день кто-то, кто бы наверняка умер, остается жить.

— Знаю, что и сам руководитель Московской службы спасения часто выезжает на вызовы со своими спасателями...

— Раньше ездил часто. Когда только начинали, просто жил на работе и ездил на вызовы. Почти на все. Но тогда их меньше было, нас мало знали. Теперь-то группы оперативного реагирования больше ста выездов за сутки делают. Сегодня у наших спасателей появился опыт, поэтому теперь езжу редко — только на самые крупные ЧП. У меня действует принцип "нужно доверять подчиненному".

— Александр Павлович, есть что-то общее между спасением людей и политикой? Как вы оказались среди организаторов недавно созданной Российской партии жизни?

— Странно, но чисто случайно. У нас всегда была четкая установка — работаем вне политики, вне религии, помогая человеку, мы не смотрим на его расу, вероисповедание и т. д. Иногда спасаем и преступников. Кому-то отдавать предпочтение в нашем деле — это абсурд. Наше дело — спасать людей. Спасать всех, кого можно спасти.

— Но ведь такую заметную организацию, как Московская служба спасения, наверняка пытались, что называется, завербовать?

— И не раз. Ко мне приходили представители разных партий, причем не самых последних, а как раз из тех,

что всегда на слуху, и предлагали: "Давайте мы будем как бы вас поддерживать. И у нас на счету будет какое-нибудь хорошее дело". Больше всего мне нравилось слово "как бы". Короче говоря, за подавляющим большинством наших партий ничего не стоит. Мне же в первую очередь важна конкретика. И больше всего мне симпатичны те люди, которые делают что-то полезное и не ждут, что им за это что-то будет.

Профессиональные политики — не по мне. Большинство из них — банальные словоблуды. Они похожи на паразитов. На Западе у профессионального политика есть имущественный ценз. Он приходит в политику, когда у него уже все есть и ему не надо думать о зарботке. Он готов решать проблемы общества. Политикой он занимается для души. И для своей страны.

У нас же зачастую в политику идут люди, которые собой ровным счетом ничего не представляют, которые не смогли ничего добиться в других сферах деятельности. В первую очередь, они рассматривают политику как средство собственного заработка, или, проще говоря, как кормушку. Поэтому в это дело я никогда не лез. Но Российская партия жизни мне понравилась в первую очередь тем, что там нет тех самых "профессиональных" политиков.

— Что же вас так привлекает в этой партии?

— Самое главное, что в Российскую партию жизни в большинстве своем входят люди, которые уже состоялись как профессионалы в своем деле. Кто-то открыл свою фирму, кто-то сделал изобретение. Бизнесмены, ученые, экологи, занимающиеся этим на свои собственные заработанные деньги, представители общественных организаций. Активные люди. В исполком партии входят те, чьи имена вряд ли что говорят "профессионалам от политики". И это хорошо. Тем не менее они вполне

самодостаточные люди, каждый в своей профессии. И политикой они начали заниматься не для того, чтобы заработать на этом деньги.

Мой хороший друг — вполне состоятельный человек. В нашей стране инсулин для диабетиков до какого-то времени не производили. Завозили из-за рубежа. Потом поставки резко сократили. А людям, страдающим диабетом, он жизненно необходим. Мой друг вышел на чиновников и сказал им, что может производить инсулин и без всяких льгот. Однако для его производства требуется разрешение. И вы знаете, что они ему на это ответили? “А сколько ты нам за это дашь?”

Так вот именно таких людей, как мой друг, и объединяет, по-моему, Партия жизни. Которые хотят что-то делать, не уезжать из России, но устали от взяток и поборов. А еще в Партии жизни собрались просто интеллигентные, умные люди. Те, с кем даже пиво приятно выпить или просто поговорить о жизни.

— Российская партия жизни — партия молодая, но у нее уже появились влиятельные союзники. Спикер Совета Федерации Сергей Миронов вступил в вашу партию...

— И это еще одна причина, по которой мне нравится наша партия. Сергей Миронов лично мне глубоко симпатичен: он настоящий мужик, из тех, по которым испытывают ностальгию современные женщины. Он из тех, кто не бросает слов на ветер и тот, с кем можно идти в разведку. Политиков с такими качествами в нашей стране можно пересчитать по пальцам. Он не стандартный — это личность. В свое время он, как и многие до него, обещал помощь питерской службе спасения, но, в отличие от тех многих — сдержал свое слово. Питерские спасатели за это его очень уважают, а они наши братья. В Российскую партию жизни вошли представители десятков служб спасения из разных городов Рос-

сии. Значит, им это близко. Значит, это близко и нам, и всем тем, кого мы спасаем.

— Некоторые уже считают, что РПЖ претендует на звание партии власти...

— Партии власти быть не может. Может иметь место власть партии, и мы уже это проходили на примере КПСС. Термин “партия власти” придумали представители тех партий, которые хотят примазаться к власти и за счет этого выжить и получить льготы.

Для меня партия власти — это комнатная собачонка, которая лает на каждого, кто подошел к хозяину. Я не считаю, что состою в такой партии. Разве та же Московская служба спасения этим занимается? Как члены партии мы спасаем людей за свой счет, а могли бы отдать эти деньги на те же партийные взносы. Экологи, например, занимаются своими программами и тоже на свои же деньги. Кто-то пусть организует на партийные деньги митинги и доказывает, что они и есть партия власти. Для нас же важнее поехать в детский дом и оказать реальную помощь — это для нас и есть Партия жизни.

— А сами себя вы во власти представляете?

— Сам я во власть не хочу. Мне вполне хватает того, чем я занимаюсь сейчас. Чиновники спрашивают меня иногда, зачем мне все это, думают, что я хочу с этого что-то получить. Не понимают, что единственное, что мне надо, чтобы сыновья мои жили нормально, чтобы не погибли, как погибла моя дочь. Московская служба спасения независима ни от кого. Спасать людей гораздо важнее, по-моему, чем сидеть в Думе. Просто иногда те, у кого власть, мешают это делать. Я не хочу, чтобы так было и дальше. И если будет нужно — представители нашей партии пойдут во власть, чтобы изменить нашу жизнь к лучшему, и не на словах, а на деле. ■

Беседовал **Антон РЫБАКОВ.**

ЛЮБОВЬ И ДИПЛОМАТИЯ

ЛЮБОВЬ РУСЕВА

фельдмаршала — генерал-майора Михаила Борисовича и служившего у Бориса Петровича переводчиком Шафирова. Впоследствии за сметливый ум и расторопность Петр сделал Шафирова вице-канцлером.

В Царьграде с Михаилом Борисовичем обращались чрезвычайно жестоко. И, несмотря на то, что в 1714 году его отпустили, первенец графа скончался по пути на Родину. Генерала похоронили в Печерской обители города Киева. Смерть сына фельдмаршал тяжело переживал, он помышляет об отставке и желает поселиться в своем родном городе, где нашел свое пристанище его первенец.

Чувствительный фельдмаршал, потеряв еще и любимую жену, собрался в монастырь. Да только царь ему не позволил, а вместо этого женил Шереметева на своей родственнице. Анна Петровна Нарышкина, урожденная Салтыкова, была вдовой любимого дяди Петра I — Льва Кирилловича Нарышкина. Молодая жена подарила престарелому фельдмаршалу четверых детей.

Дом первого русского фельдмаршала стал настоящим прибежищем для бедных. За его столом обедали званые и незваные гости, допускались все, но при обязательном условии — не чиниться перед хозяином. Его обеды никогда не превращались в шумные пиры, поскольку Борис Петрович не любил излишеств и обычных для того времени “бесед”, в которых кубки с вином играли главную роль. Чрезвычайно уважая Шереметева, царь, вопреки своему обычаю, никогда не принуждал его пить, и во время праздников государевых Шереметев освобождался от наказания — осушать кубок Большого орла.

Общество графа состояло из людей самых образованных, и молодежь почитала за честь попасть на вечерние собрания фельдмаршала. Он отличался дружелюбием и был предупредительным со всеми, независимо от происхождения и богатства. Последние годы жизни он посвятил благотворительности. Бедные семейства толпились вокруг его дома. Вдовы с детьми и слабые старцы получали от него различные пособия. Петр Великий в знак уважения всегда встречал и провожал любимца до двери своего кабинета. Император собирался поставить графу монумент в Невском монастыре, но ему помешала смерть.

Воитель и благодетель Шереметев воспитал прославленного фельдмаршала Ласси, победителя турок. Потомки же фельдмаршала ничем не отличились на военном поприще, но наследовали его любовь к благотворительности. Сын, внук и правнук Бориса Петровича памятливы россиянам как меценаты.

26 дней счастья

“Любовь страданий всех начало, И сколько б ты не перенес, Ей тысячу рыданий мало, Она все новых жаждет слез...” Эти строки словно написаны специально для рода графов Шереметевых. История его представителей полна счастливой и трагической любви.

Над живописным Кусковым звенели радостные детские голоса. Среди крестьянских ребятишек взор приковывает ангельски красивая девочка. Это Наташенька — любимая дочь и отрада престарелого графа Шереметева и жены его Анны Петровны. Девочка радовала родителей не только своим веселым нравом, но и способностями. Особенно легко давались ей иностранные языки. Но Наташа прекрасно писала и говорила и по-русски, о чем свидетельствуют ее письма и написанные ею “Своеручные записки”. Ее по праву можно назвать первой русской писательницей, а “Своеручные записки” — настоящим литературным произведением.

Наташа росла в роскоши, окруженная заботой и любовью родных. От отца, которого потеряла в пятилетнем возрасте, она унаследовала верность, терпение, благо-

родство, независимость и умение ладить с людьми. Овдовевшая мать всю свою душу вкладывала в ненаглядное чадо.

Казалось бы, удел Наташеньки — безоблачное счастье, но в 1728 году ее постиг первый удар: умерла мать. Девушка была безутешна, стала вести затворнический образ жизни. На склоне лет она в "Своеручных записках" напишет: "Итак, я после смерти матери своей всех компаний лишилась. Пришло на меня высокоумие, вздумала я себя сохранять от излишнего гулянья, чтоб мне чего не понести, какого поносного слова, — тогда очень наблюдали честь. И так я сама себя заключила; и правда, что в тогдашнее время не такое было обхождение: в свете очень примечали поступки знатных девушек; тогда не можно было так мыкаться, как в нынешний век...".

Два года затворнической жизни вознаградили Наташу: к ней посватался самый завидный жених империи — самый близкий человек Петра II — князь Иван Алексеевич Долгорукий. Отчаянный, беспечный царский фаворит полюбился сироте, и она считала себя самой счастливой. На обручении молодых присутствовала императорская фамилия, вся знать и генералитет, весь дипломатический корпус. Жениха и невесту после обручения одарили богатыми подарками.

Но счастье длилось всего 26 дней. За ними последовали 30 лет горя. 24 декабря состоялось обручение, а в ночь с 18 на 19 января 1730 года скончался 14-летний император Петр II. И так уж повелось у нас истари, что по смерти монарха их фаворитов ждет погильель.

— Ах, пропала, пропала! — только и могла выговорить Наталья, узнав о смерти государя.

Безутешно плачущую девушку пытались успокоить родственники.

— Да что ж ты так себя безрассудно сокрушаешь?! Ты еще молода. Можно этому жениху отказать, когда ему будет худо. Будут другие женихи, которые не хуже его достоинством, разве только не такие великие чины будут иметь.

— Какое это утешение? И честна ли после этого совесть моя? Когда Иван был велик, так я с радостью за него шла, а когда он стал несчастлив, — отказать ему? Я такому бессовестному совету согласиться не могу! Я не имею такой привычки, чтоб сегодня любить одного, а завтра — другого. Когда сердце одному отдала, жить или умереть вместе, а другому уже нет участия в моей любви!

Родня отговаривала Наталью выходить замуж за опального князя, но та настояла на своем. Родственники отвернулись от упрямцы. В день свадьбы она осталась фактически одна. Пора было ехать под венец, а привезти ее в церковь было некому. Сжалились над сиротой две старушки, отвезли ее в деревню, где состоялось венчание, да уехали. Впоследствии Наталья Борисовна с горечью писала, что "сам Бог дал меня замуж, а больше никто".

Большая семья Долгоруких нелюбезно встретила невестку — не до того было: уже пришел указ о ссылке. С этих пор "радость моя была с горестью смешана всегда".

До Тобольска княжескую семью сопровождала команда под началом гвардейского капитана, который знал Долгоруких в силе, и ему неловко было поступать с опальными вельможами, как с преступниками. За время пути арестанты и капитан привыкли друг к другу и подружились. Передавая их гарнизонному офицеру, гвардеец грустно заявил на прощание:

— Теперь-то вы натерпите всякого горя. Эти люди необычайные, они с вами будут поступать, как с подлыми, никакого снисхождения от них не будет.

В Березове Ивана Алексеевича и Наталью Борисовну поселили в сарае. Спустя 4 месяца у молодой семьи родился сын Михаил.

Человек ко всему привыкает. Постепенно жизнь ссылке стала налаживаться. Со временем стражники Долгоруких проявили некоторое снисхождение к ним. Особен-

но мирволили узникам майор Сибирского гарнизона Петров, присланный из Тобольска за ними надзирать, каптенармус Козьмин и березовский воевода, добродушный старик Бобровский. Князю Ивану и его жене разрешили выходить из острога в город и принимать у себя гостей. Бобровский с семьей часто навещал опальных, приглашал их к себе на вечеринки, присылал им "разную харчу".

Общительный от природы Иван Алексеевич подружился с местными офицерами и духовенством. Особенно сблизился он с флотским поручиком Овцыным, что впоследствии погубило не только его, но и почти всю семью.

Княжна Екатерина Алексеевна Долгорукая — бывшая невеста Петра II — была не только редкой красоты, но и гордости. Потеряв любимого и не став императрицей, гордая княжна должна была еще больше страдать в Березове, чем некогда общительная и веселая Наталья Борисовна, вышедшая замуж по любви. Возможно, она не могла простить брату (если бы не он, то не пропала бы она в сибирской глуши, а жила припеваючи в Европе), и это становилось причиной постоянных ссор между ними. О пререканиях между членами княжеской семьи стало известно в Петербурге. Возникло даже дело, и последовал указ императрицы Анна Иоанновны: "Сказать Долгоруким, чтобы они впредь от ссор и непристойных слов конечно воздержались и жили смирно, под опасением наистрожайшего содержания".

А жизнь брала свое, и неприступная княжна, бывшая царская невеста, обратила внимание на товарища брата — офицера Овцына. Их интимная дружба поощрила тобольского таможенного подьячего Тишина, который часто приезжал в Березов. Красота Екатерины Алексеевны покорила его. Как-то напившись, он в грубой форме высказал ей свои желания. За оскорбленную княжну вступился Овцын, который вместе с атаманом Лихачевым и боярским сыном Кашперевым избил Тишина.

Подьячий затаил злобу и поклялся отомстить. Повод подал князь Иван Алексеевич, который в пьяном виде вел себя неосторожно, позволял себе осуждать Бирона, Анну Иоанновну и ее приближенных. По доносу Тишина Долгоруких арестовали.

Сначала князя заключили в сырую землянку. Наталья Борисовна выплакала у караульного солдата разрешение тайно по ночам видаться с мужем через маленькое оконце, приносила ему еду. Но темной августовской ночью 1738 года к Березову подплыло судно с вооруженной командой. На нем увезли более 60 человек, среди них были Иван Алексеевич с двумя братьями, Бобровский, Петров, Овцын, трое священников, княжеские слуги и обыватели. Схвачена была и бывшая царская невеста.

Наталья Борисовна осталась с детьми одна в Березове. Больше своего мужа она не видела и ничего не знала о его судьбе.

— Кто даст глазам моим слезы?! Недостает сил ни плакать, ни вздыхать...

В Тобольске следствие вел грозный Ушаков. Князя Ивана приковали к стене ручными и ножными кандалами. Нравственные и физические страдания довели Долгорукого до помешательства. Он бредил наяву, говорил то, о чем его и не спрашивали или то, чего вообще не было. Из-за его показаний были арестованы и его дяди — князь Сергей и Иван Григорьевичи, а также Василий Лукич. Всех их в Новгороде обезглавили, а князя Ивана четвертовали. Братьям его отрезали языки и сослали на каторжные работы, а сестер заключили в разные монастыри.

Наталья Борисовна оставалась в Березове до восшествия на престол Елизаветы Петровны, которая вернула ее ко двору. Только здесь страдальца узнала о лютой казни любимого. В это время ей было всего 27 лет. Дав образование сыновьям, княгиня Долгорукая, дочь первого русского фельдмаршала и графа, покидает свет. Она удалилась в обитель в Киеве, приняла схиму и стала зваться Нектарией.

Но и монастырские стены не уберегли ее от треволнений. Сын Дмитрий, статный красавец, полюбил незнатную и бедную девушку. Родственники ополчились против неравного брака. Рассудок 20-летнего юноши не выдержал беспощадной борьбы, и Дмитрий сошел с ума. Остаток своей жизни он провел под присмотром матери в Киеве в Никольском монастыре.

Имя Натальи Борисовны стало легендой, ее воспели в своих поэмах поэты Рыле-ев и Козлов.

Судьба брата Натальи Борисовны сложилась по-другому. Камергер принцессы Анны Леопольдовны, обер-камергер Петра III и Екатерины II граф Петр Борисович Шереметев (1713-1788) являлся, по словам Бессонова, образцом екатерининского вельможи, ловким и самостоятельным придворным, "важный, но не надменный, и со всеми до низших ласковый, не любивший головоломного труда, но очень крепкий природным умом и образованный по-французски; член знати европейской и вместе хлебосольный русский барин; артист в душе для всех искусств...".

Театр Петра Борисовича славился по всей России, в кусковском парке гуляла вся Москва. Подобно отцу, он до конца жизни ежедневно накрывал столы для бедных и занимался благотворительностью.

Женитьба Петра Борисовича поначалу не предвещала романтических отношений. Брак был заключен не по любви, а по расчету: граф женился на первой по богатству невесте в России, дочери князя Алексея Михайловича Черкасского, княжне Варваре Алексеевне. Но, видно, такова судьба Шереметевых — без страсти сердечной, без страданий жить не могли. С годами между супругами возникло чувство настолько сильное, что кончина любимой женушки стала трагедией для графа. Он удаляется от двора и ведет замкнутый образ жизни в подмосковном имении Кусково.

Смерть не щадила Шереметева. В 1768 году, за три дня до свадьбы, умирает от оспы его дочь Анна Петровна — всеми любимая фрейлина Екатерины II и невеста графа Никиты Ивановича Панина, который потом так и не женился.

*Вечор поздно из лесочку
Я коров домой гнала.
Лишь спустилась к ручеечку
Возле нашего села:
Вижу, — барин едет с поля,
Две собачки впереди...*

Эту песню о первой встрече Николая Петровича Шереметева с красавицей Парашей — знаменитой крепостной певицей Жемчужовой — распевала вся Россия. Событие это перевернуло жизнь молодого графа — подмосковное имение стало прельщать его гораздо более, нежели столичные дворцы.

Николай Петрович перенял у отца не только нежное сердце, но и любовь к искусству. У Шереметевых было три театра: в Москве, Кускове и Останкине. "Рассадником сценических талантов" называли современники кусковский театр. По масштабам, богатству убранства и артистическим силам он превосходил императорский. Театральные представления давались для всей Москвы по четвергам и воскресеньям. Вход был бесплатным. Постановки на сцене шереметевских театров восхищали австрийского императора, прусского и польского королей. Дипломаты поражались не только богатством декораций и костюмов, но и мастерством артистов. Жемчужиной театра являлась Параша — дочь крепостного кузнеца Ивана Ковалева.

Родилась Прасковья в 1768 году и с семилетнего возраста воспитывалась княгиней Долгорукой. Здесь она участвовала в домашней труппе как певица. Умную и

талантливую девочку стали серьезно обучать языкам и сценическому искусству. Ковалева играла на арфе, клавесине и гитаре. Через год из Парашы вышла замечательная певица Жемчугова с широким диапазоном голоса. За свою сценическую жизнь она исполнила 50 оперных партий. Красотой ее голоса наслаждалась императрица Екатерина II, а император Павел посещал ее в Останкине как хозяйку дома.

“Искра нежной любви воспламенилась, — писал Николай Петрович Шереметев, — и душевная привязанность друг к другу возрастала на вечность...” Но долгие годы любовь причиняла им страдания: трудно было Николаю Петровичу переступить через сословные преграды. По совету и с благословения митрополита Платона граф наконец-то решился вести под венец свою бывшую крепостную. Бракосочетание произошло в ноябре 1801 году в церкви Симеона Столпника на Поварской. Молодожены поселились в Петербурге в знаменитом Фонтанном доме. Но законное супружество принесло незначительное душевное успокоение. Шереметев не спешил с оглаской, поэтому супруга богатейшего человека России не могла бывать при дворе, не смела на людях называть любимого мужем. Только за 20 дней до кончины Прасковьи Ивановны Николай Петрович объявил о своей женитьбе императору Александру I, который благосклонно отнесся к известию.

Рождение наследника стоило жизни жемчужине русского театра. Графиня скончалась 23 февраля 1803 года. Похоронив супругу, Шереметев тотчас же принял за исполнение ее завещания. По желанию Прасковьи Ивановны ежегодно выделялось 6 000 рублей на приданое 25 осиротевшим девицам, 5 000 — на помощь бедным семействам; 4 000 — на поддержание бедных ремесленников; 5 000 — на вклады в обители и церкви и 2 000 рублей на составление предохранительного капитала в пользу “Странноприимного дома”. В том же году Александр I утвердил план и устав шереметевского “Странноприимного дома”, окончательно отстроенного и открытого уже после смерти его основателя в 1810 году.

“Дом” состоял из богадельни на 100 персон — престарелых и увечных лиц обоего пола; бесплатной больницы на 50 человек. Для обеспечения всех расходов Николай Петрович пожертвовал 500 000 рублей, а общий расход его по этому учреждению достигал более 3 миллионов.

Николай Петрович пережил любимую супругу всего на шесть лет. Все свои благодеяния граф завещал продолжать и после своей смерти, вплоть до совершеннолетия сына.

В наши дни в “Странноприимном доме” размещается одна из крупнейших больниц Москвы — Институт скорой помощи имени Склифосовского.

Эстафету благотворительности рода Шереметевых принял сын крепостной актрисы и блестящего вельможи. В характере красавца-кавалергарда Дмитрия Николаевича Шереметева соединились аристократизм и народность. Сироту опекала вдова Павла — императрица Мария Федоровна.

После восстания декабристов Дмитрий Николаевич стал отходить от общественной жизни и, подобно деду и отцу, всецело отдался искусству и благотворительности. Шереметев серьезно занимался музыкой и создал замечательную капеллу, слава о которой гремела по всей Европе. Меценатство его приняло громадные размеры — при нем появилась поговорка “На шереметевский счет”. Средства Шереметевы шли на содержание “Странноприимного дома”, на Кусковскую и Невскую богадельни, на школы, гимназии. Он основал первую в России бесплатную музыкальную школу, женское воспитательное заведение в Москве, которое назвал в память о жене “Аннинским”.

В молодости граф Шереметев был страстным поклонником балерины Истоминой. Долго уговаривали его товарищи бросить мысль о женитьбе на ней. Но без романтической любви род Шереметевых жить не мог. Дмитрий Николаевич полюбил свою дальнюю родственницу Анну Сергеевну Шереметеву — девушку редкой красоты и талантов. Анна и ее сестра Елизавета брали уроки музыки у Шопена. "Он играл, как ангел... — писала Елизавета Сергеевна, — Аннет ему пела". Великий композитор посвятил Анне Сергеевне свое сочинение "Листок из альбома".

После женитьбы Дмитрия Николаевича на Анне Сергеевне их дом становится настоящим музыкальным центром. Здесь пели не только хозяйка, но и европейские знаменитости, исполнял свои концерты Лист.

В 1844 году у счастливых супругов родился сын Сергей. Но, видно, семью преследовал рок: через 5 лет мальчик лишился матери. О ее неожиданной кончине ходили различные слухи. Графиня Евдокия Васильевна Шереметева рассказывала об этой трагедии: "...Вокруг нее плелись интриги, сплетни... Отчего это произошло — никто не знает, но известно только, что однажды в Кускове ей подали бульон, она поела, почернела на глазах и тут же умерла".

Здесь же, в Кускове, умер и самый крупный меценат нашего Отечества Дмитрий Николаевич Шереметев. Он ушел из жизни в 1871 году — ровно через 100 лет после Натальи Борисовны, которой он приходился внучатым племянником.

"Родина — та колыбель, которой мы не променяем на весь блеск, на все красоты и благоустройство иных стран, на золотые горы Гонконга". — Эти слова принадлежат графу Сергею Дмитриевичу Шереметеву. Он считал, что в нашей бескрайней и бедной России дворянские усадьбы являются "культурными гнездами", оазисами, воплощающими гармонию человека и природы. "Пока еще уцелели эти уголки и связанные с ними предания, еще жива наша Русь — самостоятельная, необезличенная, верная своему историческому прошлому!" Такая любовь к дворянским гнездам привела к тому, что в своей благотворительности, среди других дел, большое внимание он уделял именно усадьбам. А делал Сергей Дмитриевич немало. На севере он построил тысячи русско-карельских школ. На народное просвещение тратил более 180 тысяч рублей в год. Но самая большая его страсть — усадьбы. Особой заботой его стало Остафьево. Полюбив в молодые годы внучку поэта Петра Андреевича Вяземского — Катеньку, он женился на ней. Родовое имение жены к тому времени чуть не ушло с молотка. Мог ли это допустить Шереметев, поклонник Муз и Наук, истинный представитель своего рода? Остафьево было не только приданым жены, но местом, святым для каждого русского: оно связано с именами Карамзина, Жуковского, Пушкина. Сергей Дмитриевич превратил родовое имение Вяземских в музей, а в 1899 году здесь открылся общедоступный музей имени А.С. Пушкина.

Не меньше любви он вложил в другое имение, связанное с отечественной историей 1812 года, — Вороново. Он приобрел эту усадьбу, полную нераскрытых тайн, в качестве приданого для своей старшей дочери Анны. Когда же выходила замуж любимая дочь Мария, он выкупил построенное Львовым имение Введенское.

Сын Сергея Дмитриевича — Павел стал хранителем родового дома на Воздвиженке, куда после революции свозились архивы разных знаменитых семейств. Когда и его отобрали, Павел Сергеевич перевез все в Остафьево, где до 1929 года являлся директором и хранителем, пока и этот оазис культуры не закрыли. Его сын Василий — последний граф Шереметев — всю Великую Отечественную войну прошел солдатом, на груди его висела ладанка с изображением Прасковьи Ивановны Шереметевой-Жемчуговой. ■

ВЫХОД

Первый выход человека в открытый космос едва не закончился трагедией. Как же ее удалось избежать?

Если в списке великих деяний человечества по освоению космического пространства под первым номером стоит полет Юрия Гагарина, то под вторым — выход в открытый космос Алексея Леонова в марте 1965 года.

Об этом замечательном событии в истории космонавтики написано много, но мало кто знает, что тот короткий — всего-то 26 часов — исторический полет может войти в книгу рекордов Гиннесса по количеству нештатных ситуаций. Их было семь, а три — сверхэкстремальные, поставившие оказавшихся в них людей на грань жизни и смерти.

К первому выходу человека в открытый космос в Советском Союзе готовились в условиях жесткой нехватки времени — американцы вот-вот должны

были осуществить нечто подобное. Чтобы опередить их, сильно спешили, но несмотря на это предпринимались все меры для обеспечения безопасности принципиально нового полета. Первым на орбиту был послан беспилотный корабль-разведчик, у которого в определенное время открывалась шлюзовая камера, из нее в открытый космос выдвигалась платформа с установленными на ней образцами технических материалов и биологических тканей. Опытным путем предполагалось изучить воздействие, которое окажет на человека "нечто" из космоса, о котором еще мало было известно. "Нечто" — это и солнечная радиация, и температура, и потоки частиц с высокой энергией...

Корабль отлично отработал в космосе, собрал все запланированные сведения, но произошло непредвиденное:

* Отрывок из книги "Приглашение в космос", в ближайшее время выходящей в свет.

при возвращении на Землю он по нелепой случайности был взорван, и бесценные данные погибли. Все автоматические объекты имели тогда систему АПО (автоматического подрыва объекта) на случай серьезного отказа при посадке, чтобы многотонная машина не рухнула на головы, а разлетелась на мелкие части. Так вот при заходе этого беспилотного "Восхода" на посадку конец одной команды и начало следующей неожиданно сформировали третью — на подрыв объекта, и он был уничтожен!

В результате за полтора месяца до намеченной экспедиции Павла Беляева и Алексея Леонова, когда должен был состояться первый выход человека в открытый космос, его устроители остались без каких бы то ни было сведений о том, что там ждет человека, и всего с одним подходящим кораблем. Сергей Павлович Королев честно рассказал обо всем экипажу и стал советоваться:

— Что будем делать? Пойдем на запланированный эксперимент с большой неопределенностью или будем ждать новый корабль — а это месяцев 6-8, — чтобы снова запустить его в беспилотном режиме для сбора всех утерянных данных и только потом лететь самими. Ваши мнения?..

Оба космонавта прекрасно знали, что американцы вот-вот осуществят похожий эксперимент — их астронавт на корабле "Джемини" должен будет полностью его разгерметизировать, вынуть руку наружу, и это будет зафиксировано как первый выход человека в космос. Они прекрасно понимали, что такое конкуренция между США и СССР в космической сфере. Ответ их был прост:

— Мы находимся сейчас в прекрасной форме. Прошли для этого полета все, что необходимо, и психологически готовы выполнить задание. Конечно, понимаем, что там все будет по-другому, чем планируется и продумано на Земле. В общем, мы готовы и надо лететь...

А почему ж не лететь? На Земле, во время полетов на невесомость был от-

работан даже вариант потери сознания выходящего в космос и действий командира по разгерметизации всего корабля и возвращению в него бесчувственного человека в скафандре. Корабль проверялся на герметичность — все отлично. Шлюзовая камера — в порядке. Выходной скафандр "Ястреб" — сложная многослойная термостатическая система с автономным жизнеобеспечением примерно на час работы в космосе — тоже был скрупулезно проверен. Зачем же откладывать?

И они полетели. Королев потом им признался, что очень волновался и сомневался в этом полете. Когда "Алмазы" (позывные экипажа Беляева и Леонова) ушли в небо, он долго стоял на стартовой площадке, охваченный нервозностью и какой-то духовной пустотой, думая, что ошибся и плохо поступил — на что же послал ребят? Ведь он привык перед каждым новым экспериментом иметь максимальное количество ответов на возникающие вопросы. А тут совсем без разведки пошли на такое дело!

И началось. Прежде всего вместо запланированных 300 километров их выбросило на орбиту аж в 500 километрах от поверхности Земли. Но не это было самым страшным, самым непредсказуемым в том полете, а выход в открытый космос. Да, да, тот самый выход, восторженные оценки которого самим Леоновым из космоса быстро облетели мир, но абсолютно ничего не говорили о чрезвычайной ситуации, возникшей у Алексея Архиповича в черной космической бездне, на фоне нашего замечательно голубого шарика. Ситуации, которая могла закончиться трагедией.

На Земле сам выход в открытый космос моделировался в барокамере, где Леонов находился в скафандре, работающем в "космическом" режиме, а атмосфера вокруг разрежалась до той, что соответствует 60-90 километрам над уровнем моря (выше разрежение не позволяла создать техника). В случае разгерметизации на такой высоте человек

умирает почти мгновенно. Задачей моделирования было дать космонавту уверенность, что скафандр его защитит. Леонов такую уверенность получил и в открытый космос шел без особой боязни. Однако случилось непредвиденное.

Тренировки на Земле проходили хоть и в разреженной, но все же атмосфере, где еще присутствовали какие-то газы. На высоте же 500 километров — глубочайший вакуум. Предполагалось, что скафандр может деформироваться, поэтому Леонов перед выходом тщательно и плотно затянул на нем все ремни. В условиях глубокого вакуума — в шлюзовой камере и в открытом космосе — он находился всего-то 50 минут. Но этого оказалось достаточно, чтобы облачение непредсказуемо деформировалось: раздулись перчатки и сапоги, руки и ноги вышли из них, угрожающе вспухли все его сегменты. Скафандр сильно увеличился в объеме — и в длину и в ширину.

И когда после окончания работы в открытом космосе, где-то над Енисеем (он хорошо это запомнил), Леонов получает команду командира возвращаться в корабль, то с ужасом понимает, что у него это не получается. Как и было запланировано, он снял фиксировавшую его выход кинокамеру и, соблюдая инструкцию, попытался войти вперед ногами в открытую шлюзовую камеру. Не получается! Раздувшийся скафандр не пускает, цепляясь за края входного люка.

И так и сяк пытался Леонов войти — не получилось. Не хватало сил, чтобы преодолеть это цепляние безумно раздутого скафандра. Ощувив что-то неладное, вышел на связь Беляев, спросил, в чем дело.

— Ерунда какая-то, — насколько мог спокойно, чтобы не пугать товарища, ответил Леонов, — я не могу войти...

— Почему? В чем дело? — услышал он встревоженный голос командира экипажа.

— Скафандр...скафандр раздулся и мешает...

И через некоторое время доложил командиру: "Паша, это кажется серьезно... Я попробую войти головой..."

— Давай, Леша, все пробуй, — еще более взволнованно отозвался Беляев. — Только входи. Не волнуйся, я тебя подстрахую, если что...

Да, вышедшему в космос первому человеку трудно было позавидовать. Всего на тридцать минут оставалось кислорода в системе жизнеобеспечения скафандра. И если он не придумает что-то, не войдет в корабль — гибель!

Он, конечно, понимал, что Павел сильно переживает за него и действительно сделает все от него зависящее, чтобы помочь. Помнил, что они даже отработывали в невесомости эвакуацию его в корабль в случае потери сознания, но он также и прекрасно понимал, что это возможно лишь в случае свободного его входа в шлюзовую камеру. А именно это у него не получалось! И здесь только он сам мог себе помочь...

Но мучительно искавший выхода из экстремальной ситуации Алексей Леонов не предполагал, что и его напарник оказался в не менее тяжелых обстоятельствах. Морально тяжелых. И связано это было с разговором, который перед их стартом произошел у Беляева с Главным конструктором Сергеем Павловичем Королевым. Леонов при нем не присутствовал, но узнал о содержании от командира после завершения полета. Вот как он его понял:

"Возможно, на орбите складывается ситуация, что корабль не может вернуться на землю — нет топлива на ориентацию, на спуск или еще что-то случилось. Упали бы на землю лет через пять в мумифицированном состоянии... При неизбежном в таком случае кислородном голодании у человека нарушается сознание. И лучше, мужественнее до такого состояния не доходить — это должен понимать каждый трезвый, смелый человек. Через 10-15 минут я все равно погибну, но перед этим буду кричать, психовать, реветь, как ненормальный —

человека-то уже не будет... Тогда надо в какой-то момент мужественно покончить с собой. В этой ситуации сначала Паша убивает меня, а потом — себя. Это и есть настоящий, мужской подход”.

— Ты знаешь, что сделать, если с кораблем случится подобное? — спросил Королев у Беляева в завершение того разговора.

— Да, я знаю, — ответил ему Павел. — У нас есть для этого все...

А затем Королев подозвал к себе Алексея. После общих вопросов и ответов о готовности. Королев ни о чем подобном ему не говорил. Только попросил:

— Ты там особо на рожон не лезь. Просто выйди из корабля, помаши нам рукой и — назад. И мы пойдем, может ли человек работать в открытом космосе...

...И вот теперь вдали от Земли, в чудном пространстве и непредсказуемо сложившейся ситуации, которая фантастическим образом приблизила их к тому, о чем говорил с командиром экипажа Главный конструктор, каждый из них оказался перед своей проблемой. Леонов — перед физической проблемой входа в корабль за оставшиеся ему считанные минуты. Беляев — перед жесткой моральной проблемой, о которой ему говорил Королев и о которой он вообще не хотел думать. Однако, поди ж ты, как в воду глядел Главный: еще десять-пятнадцать минут безуспешных попыток Алексея, и ему надо будет решаться.

Потому Беляев, бессильный как-либо вмешаться в происходящее и обязанный в случае неуспеха Алексея выполнить то, от чего у него немело сердце, Бога молил, чтобы у Леонова получилось. Чтобы он только вошел в корабль. Только вошел!

И у того получилось! То ли мольбы командира, то ли собственные опыт или удача помогли, но он сообразил: перевел давление скафандра на аварийный, пониженный режим, соответствующий

нахождению человека примерно на 5-километровой высоте. И сделал это без доклада на землю, обязательного по инструкции.

— Представляю, что было бы, если бы я сообщил им, что не могу войти! — комментировал в беседе со мной он ту страшную ситуацию. — И, допустим, сообщил бы, что собираюсь перейти на аварийный режим работы скафандра...

(В этот момент нашего разговора, по прошествии тридцати с лишним лет со времени тех событий, увидел я на лице первого вышедшего в открытый космос человека неподдельную безысходность — он ведь прекрасно понимал, к чему привело бы его обращение с такими проблемами к руководству полетом.)

— Тут же нашлась бы куча спецов, — предположил Леонов, — которые захотели бы изучить мою электрокардиограмму, прочую “физиологию”, чтобы выяснить, готов ли я к переходу на аварийный. А у меня, простите, всего тридцать минут до окончания кислорода и пять до входа в тень. Далее — полная темнота, поскольку подсветки на корабле не было. И кто бы мне помог?! Нет, лучше меня никто ситуацию не понимал.

Как только он уменьшил давление внутри скафандра, тотчас руки у него вошли в перчатки, ноги — в сапоги, скафандр принял привычный объем. Правда, где-то билась мысль о возможной кессонной болезни, но он знал, что уже более 50 минут дышит смесью с большим содержанием кислорода, а значит, азот из крови успел вымыться, и кессонная болезнь не грозит. Увидев, что скафандр принял привычные размеры, он начал вход — на этот раз руками вперед, поскольку боялся потерять кинокамеру, ее пустил перед собой.

И — о, счастье! — в шлюзовую камеру вошел без осложнений. Но тут же выявилась новая проблема: поскольку вошел вперед руками, надо разворачиваться на 180 градусов, чтобы закрыть

выходной люк и войти в корабль ногами вперед. А при сечении шлюза 120 сантиметров и длине скафандра 190 в шлюзе можно лишь слегка шевелить конечностями. Но куда денешься — пришлось разворачиваться с неимоверным напряжением сил. В этот момент пульс подскочил до 190 ударов в минуту и начался жуткий внутренний перегрев. На дыхание и вентиляцию у Леонова было всего 60 литров дыхательной смеси в минуту — это чрезвычайно мало. Для примера, в сегодняшнем выходном скафандре 360 литров.

В общем, когда он вошел в отсек и, находясь напротив командира, снял гермошлем, то Беляева не увидел, поскольку ручьем льющийся со лба пот заливал глаза. От момента, когда он понял, что не может войти в шлюзовую камеру, до принятия решения о переключении скафандра на аварийный режим давления прошло две минуты, а разворот в шлюзовой камере занял полторы. Но сколько вместили в себя эти три с половиной минуты! На Земле выяснилось, что за сутки Леонов потерял почти 7 килограммов веса, и большая часть из них пришлось именно на выход в космос. Из каждого сапога вылил по три литра воды.

Но все это уже были мелочи. Главное — Леонов вышел в открытый космос и благополучно вернулся. Отстрелив выполнившую свою роль и ненужную более шлюзовую камеру, они стали готовиться к спуску. И здесь судьба преподнесла им еще один сюрприз, который просто мог привести к гибели, на этот раз обоих сразу.

Вдруг ни с того ни с сего в корабле начался подъем парциального давления кислорода: 160, 180, 220. Космонавты принялись бороться с ним, понижая влажность, температуру. Но подъем продолжался и достиг значения в 460 миллиметров ртутного столба. А уже при 360 — это чистый гремучий газ, чрезвычайно взрывоопасная смесь. Достаточно небольшой искорки — и про-

изойдет взрыв. При значительно менее опасных показателях атмосферы в бахроаме сгорел на Земле — еще до полета Гагарина — советский космонавт Валентин Бондаренко. А позже, в январе 1967, в кабине "Аполлона-1" — американские астронавты Гриссом, Уайт и Чаффи.

"Алмазы" были в оцепенении, но потом, видимо, сказалося утомление первых часов полета: они просто плюнули на весь этот кошмар и 7 часов находились во власти PROVIDЕНИЯ. Даже уснули ненадолго. И все же удача шла к ним. Неожиданно они проснулись от какого-то взрывообразного хлопка. Поначалу решили, что это конец. Но вокруг ничего не горело. Наоборот, давление вдруг начало медленно падать и вскоре нормализовалось.

Все оказалось, как это нередко бывает, довольно просто. Во время выхода Леонова в космос корабль находился долгое время в статичном положении. Из-за этого обращенный в сторону солнца его бок нагрелся до +160 градусов, а другой, в тени, остыл до -140. Из-за этой разницы произошла небольшая деформация всего корпуса, и внутренний люк при заходе космонавта в корабль не до конца сел на место, хотя соответствующие датчики просигнализировали закрытие. Но какой-то ничтожный, микронный зазор все же остался. И через него началось травление воздуха наружу. Система же жизнеобеспечения этого не понимает, а при любом падении давления реагирует добавлением в атмосферу корабля кислорода — до выравнивания общего давления. А стравливание воздуха в космос продолжается, и космонавты не успевают перерабатывать дыханием добавленный кислород — вот его общее содержание и росло. Кроме этого, засыпая, они случайно включили тумблер подачи воздуха в корабль, и у них общее давление поднялось до 960 миллиметров вместо положенных 760. В этот момент, из-за высокого давления, с характерным, довольно громким хлоп-

ком и сработал специальный клапан сброса лишнего давления.

Ох уж, эти случайности! Но нет худа без добра. Лишнее давление посадило на место выходной люк, и парциальное давление кислорода вошло в норму.

Потом, при подготовке к спуску, был еще отказ автоматической солнечной ориентации и вынужденный переход на ручную ориентацию, а потом — впервые в космонавтике — ручной спуск. Да вдобавок незапланированно сели в тайгу.

И уже на Земле, в самую неожиданную для Леонова минуту, Павел Беляев вдруг вернулся к тому разговору с Королевым перед полетом и чрезвычайной ситуации, возникшей у них в космосе. Взяв имевшийся на корабле пистолет, сказал:

— Знаешь, я вот смотрю на тебя, когда ты спишь... У тебя слюнка течет от уголка губ, как у младенца... И думаю: "Неужели же я тебя мог убить?!"

Вслед за этим он и рассказал удивленному Леонову о напущении Главного конструктора.

— И мы были на половине пути к гибели — к тому, чего так боялся Сергей Павлович Королев, — подытожил Алексей Леонов тот непредсказуемый полет.

Взаимоотношения трех этих людей — Королева, Беляева и Леонова — накануне исторического полета и возникшая в ходе его критическая ситуация, оставляют непреходящее ощущение драматического спектакля, который только и может сыграть жизнь. Но, похоже, на самом деле его завязка была еще драматичнее. Она запрятана в том самом разговоре, который незадолго до полета произошел у Беляева с Главным конструктором Сергеем Павловичем Королевым. Вернее, с новыми сведениями, ставшими известными много позже. Оказывается, у того памятного разговора был свидетель!

Тогда, за несколько недель до старта Беляев и Леонов прошли ответственную тренировку в термо-барокамере, и после

нее, когда с космонавтов были сняты все датчики и прочая медицинская амуниция, с ними захотел тет-а-тет поговорить Королев. Ему предоставили кабинет врача. Первым с Сергеем Павловичем туда вошел командир экипажа Павел Беляев. Но незадолго до этого психолог отряда космонавтов Ростислав Богдашевский, собрав всю снятую с ребят медицинскую экипировку, удалился в так называемую "темную комнату", находившуюся в этом же помещении, чтобы там привести экипировку в порядок. Разговор Королева с Беляевым начался настолько неожиданно, что выходить из этой комнаты ему было уже очень неудобно — так Богдашевский стал невольным свидетелем того диалога. Вот его версия:

— Как самочувствие, как тренировка, — спрашивает Главный, — как оцениваете готовность экипажа к выполнению программы?

— Все нормально. К полету готовы, — дежурно отвечает Беляев.

— Что ж, это хорошо, что готовы. Очень хорошо... А сам, как командир, к полету готов?

— Да, готов.

— Сейчас проверю... Вероятность того, что все будет хорошо, — порядка 0,7 на сегодняшний день. Если еще полгода поработаете, то сможем ее повысить от силы до 0,8. Через неделю-другую после намеченного нами времени старта ту же программу должны выполнить и американцы. Сам понимаешь, что такое первое выход в открытое космическое пространство. А теперь, Павел Иванович, проверяю твою готовность. Что будешь делать, если Алексей не сможет войти в шлюз?

— Во время тренировок на невесомость при полетах на самолете-лаборатории Ту-104 я отрабатывал такую штатную, — отвечает Беляев. — Он (Алексей) имитировал бессознательное состояние, и я затаскивал его в шлюз и далее в спускаемый аппарат.

— А если у тебя ничего не будет получаться, сможешь отстрелить Алексея

вместе с шлюзовой камерой? — напрямую, в упор спросил Главный конструктор.

После недоуменного молчания Беляев ответил:

— Я уверен в себе. Такого не может быть.

Теперь задумался Королев. А потом неожиданно подоштил:

— Что ж, спрашивал о твоей готовности, Павел Иванович, не зря. К полету не готов. Иди...

Снова замолчал Беляев. Никуда, естественно не пошел, а после минутной паузы тихо выдал из себя:

— Если потребуется, я смогу это сделать.

— Спасибо, — спокойно принял его слова Королев...

Два свидетельства того памятного разговора Королева с Беляевым при некоторой внешней схожести сильно отличаются по своей фактической, но более — моральной сути. Потому, обнаружив такое несоответствие, я попытался как можно более точно услышать о нем от обоих оставшихся в живых людей, кто имел к нему отношение. Однако, оба, передавая тот разговор в деталях, стояли каждый на своем. Более того, Леонов решительно не принимает не только подобное его толкование Богдашевским, но даже сам факт возможного присутствия кого-то третьего при личном разговоре Королева с Беляевым. Где же тут истина?

Осмелюсь предположить: если и впрямь тот разговор был таким, как его описывает психолог Богдашевский, то в его толковании правы... оба. И в этом нет ничего странного, поскольку Леонов-то излагает эту историю со слов своего командира Павла Беляева. А он в счастливую минуту благополучного возвращения, передавая своему другу и напарнику недавний диалог с Королевым и находясь во власти вполне понятных сентиментальных чувств, полусознательно чуть изменил его суть. Наверное, Ле-

онову было бы более обидно услышать, что при определенном стечении обстоятельств он (или его безжизненное тело) просто бросался в космосе ради возвращения на Землю оставшегося в живых другого члена экипажа. Во всяком случае, так мог предполагать сам Беляев, и это обстоятельство, видимо, и заставило его рассказать о том разговоре по-своему.

А действительно, что делать, если во время выхода Леонова в космос возникает ситуация, при которой он не может войти в шлюзовую камеру и погибает вне корабля? Не гибнуть же обоим — со шлюзовой камерой благополучное возвращение корабля невозможно, — тут хоть одного спасти! Именно такой и была позиция Главного конструктора Сергея Павловича Королева, который нес персональную ответственность и за жизни людей, и за успешное выполнение намеченной космической программы. И при подготовке к столь непредсказуемому полету он просто обязан был предусмотреть минимизацию возможных потерь. Что он, видимо, и сделал. В этом случае услышанный психологом Богдашевским разговор Главного с Беляевым вполне мог иметь место. А Беляев, в свою очередь, проявил истинно гуманные чувства, не обманывая Леонова, нет! — лишь чуть изменив тот разговор и по-своему интерпретируя его суть сразу после их благополучного приземления. Но разве можно упрекнуть его за это?!

И можно только очень отдаленно представить себе, что пережил Павел, когда у Алексея возникли серьезные проблемы при возвращении в корабль — все как будто развивалось по жуткому сценарию, оговоренному с ним Королевым. Какое великое счастье, что в решающий момент полета неведомый режиссер счастливо изменил ход спектакля — Алексей Леонов нашел единственно правильный выход из смертельной ситуации. ■

Фото из личного архива Алексея Леонова

Ирина ОПИМАХ

■ Хаим Сутин мало известен в России. В нашей стране не издано ни одного его альбома, не было и персональных выставок художника. Однако в других странах Сутина знают хорошо, ведь он — один из основателей Парижской школы, его имя в истории искусства стоит рядом с именами Пикассо, Модильяни и Шагала, а выставки прошли почти во всех культурных центрах мира, в самых лучших музеях.

Жизнь этого человека — блестящий пример мужества, постоянного сопротивления обстоятельствам и безграничной преданности искусству. Уроженец забытого Богом белорусского местечка сумел стать высокообразованным человеком, глубоким мыслителем и, наконец, гениальным художником, отразившим в своем творчестве все взлеты и страдания, выпавшие человечеству в XX веке. Известный американский искусствовед С. Хантер писал: "Если Сутин и страдал немного больше, чем положено гению, то он, по крайней мере, знал, как возвысить страдание до уровня искусства и превратить в искусство. Подобно великим католическим мистикам XVII века, подобно Эль Греко, он открыл, что боль — не только удар по нервам. Боль и чувственность могут пересечься друг с другом в плоскости высокого духовного удовлетворения".

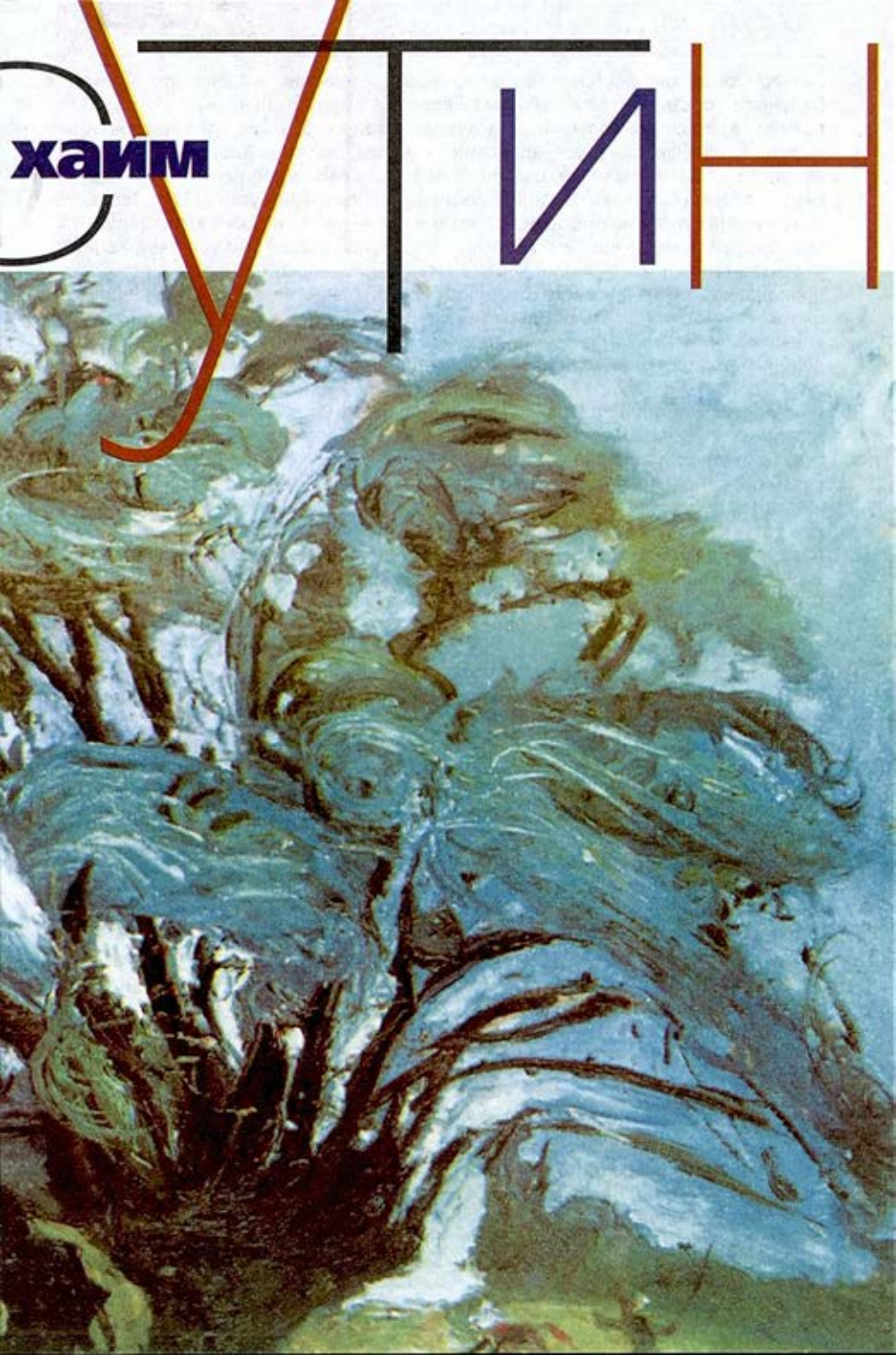
Хаим Сутин родился 13 января 1893 года в местечке Смиловичи, недалеко от Минска. До сих пор во многих монографиях и альбомах по искусству можно прочесть, что Сутин родом из Вильнюса — художник прекрасно понимал, что никто про его Смиловичи никогда не слышал, и, дабы избежать неизбеж-

Дерево на ветру. 1939.

хаим

ных вопросов, слегка упростил факты своей биографии, заявляя, что родился в Вильнюсе, гораздо более известном в Европе. И действительно, что такое эти Смиловичи? Крошечные деревянные домишки в три окна, узкие кривые улочки, пожарная башня, украшенная надписями на идише, старое кладбище... (В 1941 году фашисты, войдя в местечко, расстреляли все его еврейское население — две тысячи человек, наверняка среди них были и родственники Сутина.) Его отец, Соломон, считался даже не портным, а портняжкой — чинил и подновлял старую одежду соседей. В местечке с его мелочной иерархией, пишет искусствовед Хана Орлова, где сапожник, тачавший верх сапога, презрительно смотрел на сапожника, приколачивающего подметки, быть портняжкой означало всю жизнь ощущать себя изгоем, молча терпеть обиды и унижения. В семействе Сутиных к моменту рождения Хаима уже было девять детей. А после появления на свет будущего художника родился еще один ребенок, одиннадцатый. В Смиловичах все жили бедно, нищета, а Хаим еще не удивлялся. Поразительное, как в голову сына местечкового портняжки пришла мысль стать художником! Отец мечтал: его мальчик станет приличным человеком — ремесленником или раввином, а Хаим изрисовал все стены углем и воровал у матери кухонную утварь, которую продавал, а на вырученные деньги покупал цветные карандаши. Старшие братья его дразнили, а частенько и побивали — еврей не должен рисовать! Мальчишка, чтобы избежать крепких кулаков любящих родственников, сбегал из дома, ночевал в лесу, на сеновале — где придется. А изголодавшись, возвращался домой, крался на кухню и жадно выпивал оставленную для него матерью кружку молока с краюхой хлеба. С тех пор появилась у Сутина привычка — в минуты дурного настроения, чтобы рассеяться, уходить из дома и бродить по окрестностям, беседуя со случайными знакомыми.

В 14 лет он снова убежал из дома, в этот раз — навсегда. Добравшись до Минска, попытался найти работу — ведь надо же что-то есть. После продолжительных поисков удалось устроиться помощником к фотографу. Огромная удача! Он научился ретушировать. Тогда же Хаим дебютировал как портретист. Правда, дебют ему дорого обошелся: Сутин написал портрет раввина, и его сын, огромный здоровенный мясник, в бешенстве, что Хаим нарушил иудейский запрет на изображение живого существа, избил художника до полусмерти. Хаим попал в больницу, а мясника заставили заплатить штраф — 45 рублей, часть из которых раввин отдал Сутину. Получив деньги, Хаим решает уехать из Минска в Вильно и поступить там в художественную школу. Так и сделал — ему уже исполнилось 17 лет, и он чувствовал себя вполне самостоятельным человеком. Учась в школе, работал у известного виленского адвоката Рубинлихта. Рубинлихт, увидев случайно рисунки юного Хаима (к сожалению, большая часть работ утеряна, сохранились лишь две, напоминающие по манере Коро), поразился — юноша обладает незаурядными способностями! И тогда Рубинлихт написал Сутину рекомендательное письмо в Виленское иудаистское общество поощрения художеств. В обществе оказались умные и добрые люди. Увидев, что юноша действительно талантлив, его убедили уехать в Париж — ведь только там можно стать настоящим художником! Члены общества собрали нужную сумму и отправили Хаима во Францию.

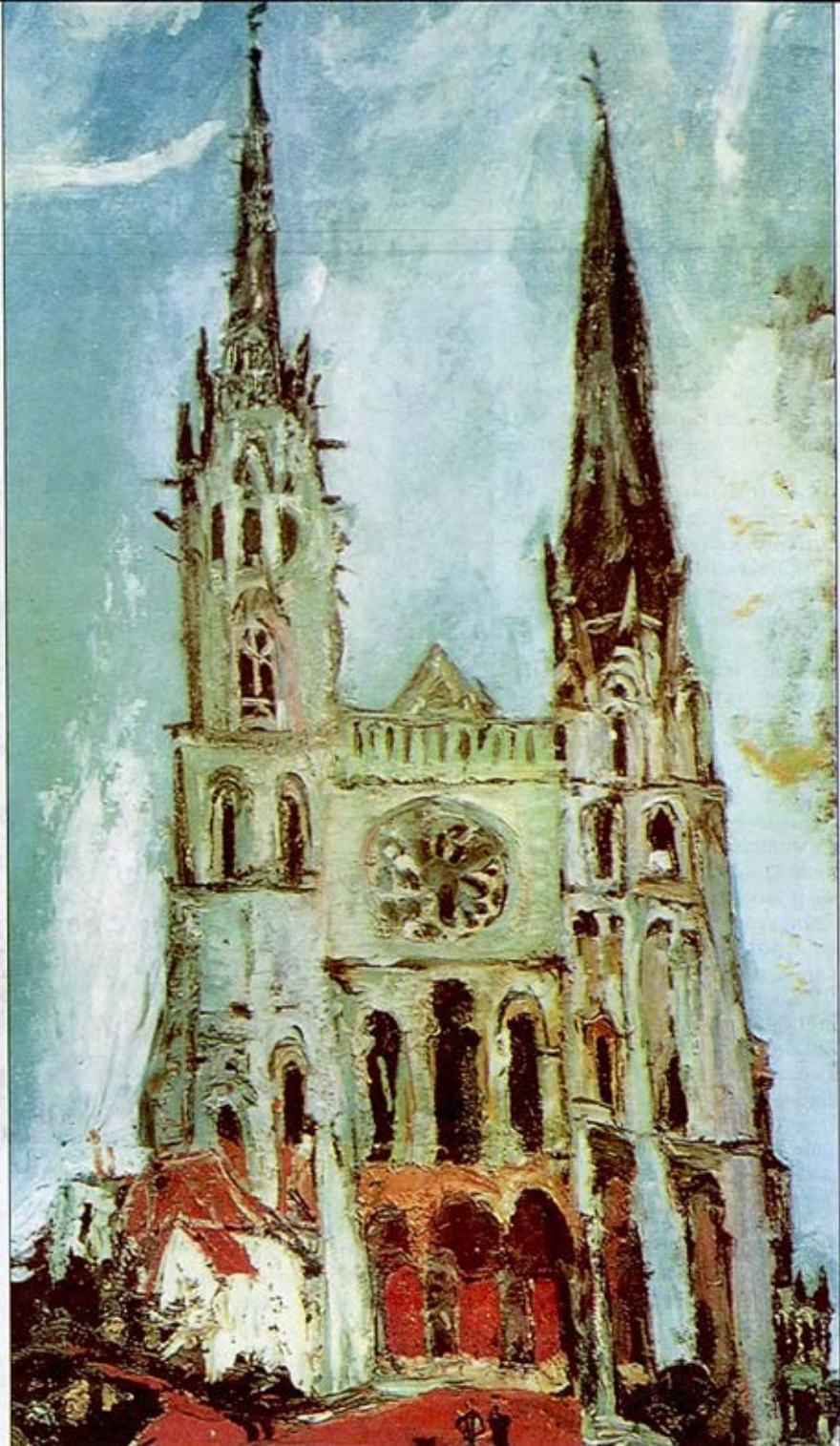
И вот Сутин в Париже. Хаиму всего девятнадцать лет, он никого не знает в этом огромном городе, не знает и языка, на котором здесь говорят. Только внушительное расстояние, разделяющее Вильно и Париж, помешало Хаиму тут же вернуться обратно к своему благодетелю Рубинлихту. Первые парижские месяцы показались ему сущим адом. Он голодал, работал вокзальным носильщиком, таскал тяжелые чемоданы, питался благотворительной похлебкой, часами простаивал у

стойки бара в надежде, что кто-нибудь угостит его чашкой кофе и бутербродом, менял жилье, когда приходила пора платить. Такое безрадостное существование могло отбить охоту не только рисовать, но и жить — однако Сутин оказался сильным человеком. Что поддерживало этого молодого, нескладного, постоянно голодного и безумно одинокого обитателя парижского дна? Наверное, только вера в себя, в свои силы и свой талант. Хаим Сутин сумел, несмотря на тяжелейшие испытания, выпавшие на его долю, — а может, и благодаря им, кто знает, — стать одним из самых ярких и самых трагичных художников XX века. А тема борьбы с судьбой, с неизбежностью жалкой участи выходца из самых низов стала главной в его творчестве.

Как-то Хаим познакомился с художниками, такими же нищими, как и сам. Вскоре он стал работать у них натурщиком. Странные люди со странными фамилиями — Фужита, Кислинг, Фриш — полные энтузиазма и творческого пыла, изображали худое тело Хаима на своих полотнах. А еще Сутин регулярно ходит в Лувр — учится у старых мастеров и много работает сам. С 1912 года по 1914 Сутин посещал художественную школу Кормона при парижской школе искусств, но то ли у него не хватало денег на оплату уроков, то ли там было просто не интересно, но школа не оставила заметного следа в его жизни. Когда началась Первая мировая война, Сутин попытался записаться добровольцем в Иностранный легион, но изможденный, болезненного вида юноша не произвел должного впечатления на офицеров-вербовщиков — его не приняли по состоянию здоровья. Тогда в антивоенном порыве он устроился на завод "Рено", производивший в те годы снаряды. Но и там долго не продержался — слишком велики оказались нагрузки на заводе, потом он поранил себе палец и ушел с завода, испугавшись — а

Шартрский собор. 1933.

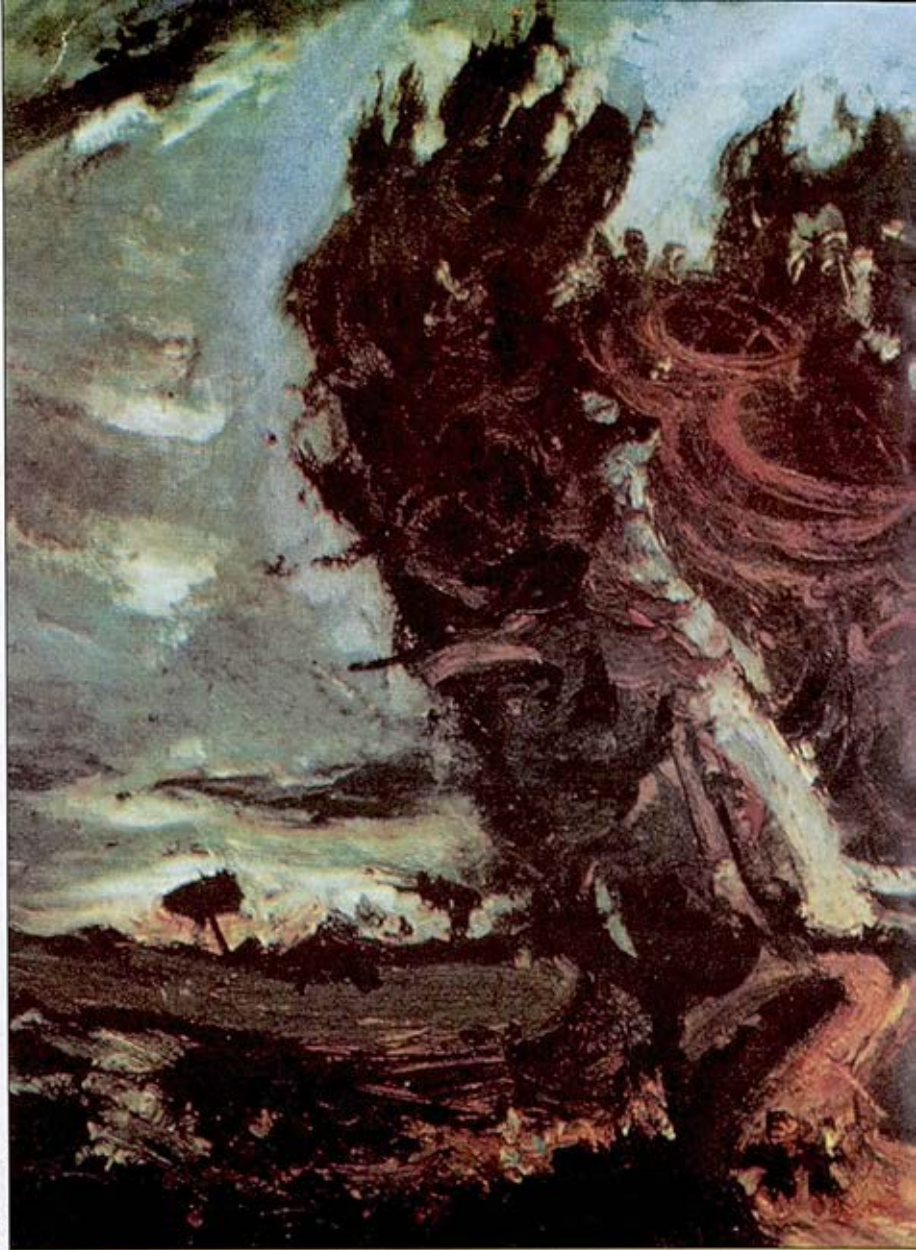

вдруг в следующий раз еще сильнее поранит руку и не сможет держать кисть. После этого он разгружал вагоны на вокзале Монпарнас, превратившись в самого настоящего бродягу без крыши над головой, а вечерами прогуливался у кафе "Ротонда", весьма популярном в те времена среди парижских художников, надеясь повстречать кого-нибудь из приятелей, кто угостит бы чашечкой кофе. Если же у него оказывалось в кармане несколько су, усаживался в дальнем зале кафе, за отдельным столиком, где неподвижно просиживал часами. "Неизменно в самом темном углу сидели Кремень и Сутин. У Сутина вид перепуганный и сонный. Казалось, его только что разбудили, он не успел помыться, побриться; у него были глаза затравленного зверя, может, от голода. Никто на него не обращал внимания. Можно ли было себе представить, что о работах этого тщедушного подростка, уроженца белорусского местечка Смиловичи, будут мечтать музеи всего мира?" — писал в своих воспоминаниях Илья Эренбург.

Надо сказать, что "Ротонда" слыла замечательным местом. У цинковой стойки толпились извозчики, шоферы такси, служащие. А позади находилась комнатка, где стояло десять-двенадцать столов. Вечером она заполнялась нищими художниками и поэтами — спорили о живописи, декламировали стихи, ссорились, мирились, обсуждали, где бы достать несколько франков, частично здорово напивались. Здесь бывала довольно пестрая компания: поэты Аполлинер, Жакоб, Сандрар, Кокто, художники — Леже, Вламинк, итальянец Модильяни, мексиканец Ривера, выходцы из России евреи Шагал, Штеренберг, Цадкин, норвежец Кроог, поляк Кислинг, японец Фужита и многие другие. Именно здесь и, конечно же, в знаменитом "Улье", в прибежище нищих и дерзких молодых гениев, формировалась так называемая "Парижская школа", куда вошли поэты и художники, французы и приезжие из разных стран. Молодые, талантливые и безрассудные, они определили пути развития искусства XX века. Париж обрел безвестных пришельцев на голод и нищету, зато предоставил огромные возможности. Они все очень разные, и в искусстве, и по характеру; их объединяет, скорее, судьба, а не тематика произведений, не стиль, а поразительная свобода в творчестве. Главой "Парижской школы" по праву стал Пикассо, а ее полномочными представителями — Модильяни, Шагал и Сутин, Ривера и Фужита. Спустя много лет Шагал вспоминал о тех бурных годах, прожитых в "Улье", наполненных искусством и лишениями:

"Монпарнасская жизнь — это великолепно! Я работал ночи напролет... В соседней комнате рыдала обнаженная натурщица, у итальянцев пели под мандолину, Сутин возвращался с рынка с грудой несвежих цыплят, чтобы рисовать их, а я сидел в своей деревянной келье перед мольбертом, при свете жалкой керосиновой лампы... За тридцать пять франков я располагал всеми мыслимыми удобствами". Сутин, как, кстати, и Модильяни, никогда не жил в "Улье", но часто приходил к своим друзьям. Существует легенда — горькая и очень похожая на правду: в один из таких приходов Сутин, измученный нищетой и отчаявшийся, попытался повеситься. К счастью, в комнату зашел Кремень и спас друга от неминуемой смерти.

В два часа ночи "Ротонда" закрывалась на час — особо приближенным хозяин заведения Либион разрешал тихо посидеть в темноте — а в три часа кафе открывалось вновь, и бурные дискуссии в задней комнатке продолжались. Разве мог Либион, вполне заурядный кабатчик, представить себе, что его имя попадет в историю искусства и литературы XX века. Упитанный, крепенький, добродушный и такой типичный парижский буржуа совершенно случайно купил кафе, в которое стали захаживать нищие оборванцы. Странно, но почему-то через несколь-

ко лет они стали известны на весь мир! Поначалу он с большим недоверием относился к завсегдагам "Ротонды", а потом — полюбил их. Нет, конечно же, "он никогда бы не повесил на стены своего дома картины Модильяни или Сутина, Боже упаси. Он привязывался к своим клиентам, но отнюдь не к их произведениям", — писал Эренбург, один из тогдашних клиентов месье Либиона. Иногда Ли-

бион совал пять франков поэту или художнику и сердито говорил: "Найди себе бабу, а то у тебя глаза сумасшедшие". После войны Либион продал "Ротонду" и купил другое кафе — в более тихом месте, но довольно скоро понял, что с обычными посетителями ему не о чем говорить — он тосковал по своим сумасшедшим художникам...

Как-то в компании новых знакомых Хаим встретился с Осипом Цадкиным — скульптором и графиком, но самое главное, тоже выходцем из белорусского местечка. Почти родственник! И Цадкин, проникшись теплым чувством к молодому, нищему и талантливому — это сразу видно! — Хаиму, приглашает его делить с ним мастерскую. Мастерская находилась в подвале четырехэтажного дома на улице Вожирар, рядом со знаменитыми парижскими скотобойнями. Забравшись на крышу дома, Сутин часами смотрел, как здоровые мясники волокли упирающихся животных в специальные помещения, а потом выносили оттуда страшные кровотокающие туши. Цадкин привел Сутина к Пикассо, и тот рассказал Хаиму о корриде. “Если бы я не стал художником, обязательно стал бы тореадором!” — потом не раз говаривал Сутин, потрясенный бескомпромиссностью битвы человека и быка. А однажды Цадкин, сидя в одном из заведений на Монмартре, рассказал о своем новом друге Модильяни. Тот, уже изрядно набравшийся, тут же захотел идти смотреть работы. Приятели ввалились в подвал к Сутину и застыли в изумлении. Сутин стоял совершенно голый перед холстом и смотрел на него — во взгляде Хаима было столько нежности и любви, словно перед ним находился не холст, а любимая девушка. А потом он взял кисть и нанес на полотно три сильных мазка. Эффект получился таким, будто на картину брызнули кровью. От избытка чувств Модильяни закричал. Затем Хаим набросал вокруг этой рваной раны линии человеческого тела, водрузил на голову существа нечто, напоминающее цилиндр, который через минуту превратился в колпак поваренка. Модильяни, потрясенный, воскликнул: “Хаим, тебе нужна женщина, иначе ты пропадешь!” Так началась дружба утонченного, образованного, открытого, читавшего наизусть Данте и Вийона, Бодлера и Рембо, тосканца Модильяни и темного, необразованного, замкнутого выходца из еврейского местечка Хаима Сутина, плохо знавшего русский язык (его родным языком был идиш, по-русски он заговорил лишь в тринадцать лет) и выучившего немного французский, чтобы общаться со своими новыми приятелями. Казалось, более противоположных людей трудно найти. Но Модильяни проникся любовью к Хаиму, стал помогать ему, учил всему, что знал и умел — вплоть до того, как пользоваться носовым платком и столовыми приборами. Научил он Сутина и пить. Нашел ему жилье — комнату в доме русского скульптора Оскара Мещанинова. Тот уже давно обитал в Париже — с 1907 года, прекрасно знал всю, как говорят теперь, парижскую тусовку: Пикассо, Ривера, Цадкина — и очень любил литературу, а особенно Пушкина. Часами читал он пушкинские стихи своему новому приятелю. А еще в доме Мещанинова были книги Достоевского, Бальзака... Так малограмотный, но жадно впитывающий все новое Сутин приобщался к шедеврам русской, да и мировой культуры.

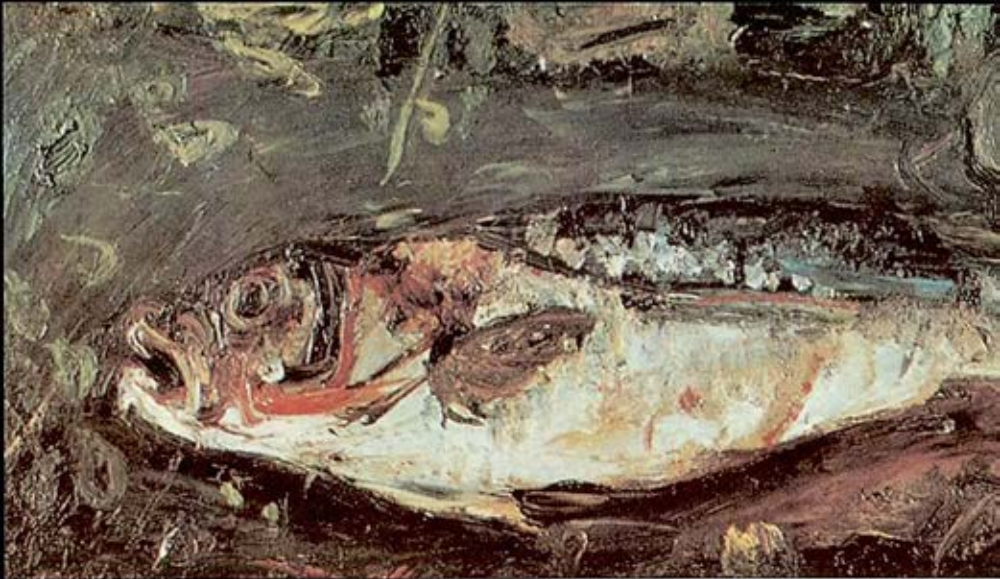
Однажды в “Ротонду” заглянула Мадлен Кастен со своим мужем Марселем, увлекшимся живописью. “Мы с мужем в те годы часто заходили в “Ротонду”. Как-то нам представили странного, диковатого вида молодого человека, рисовавшего такие же странные и диковатые картины. “Вы его выручите, если купите картину. Он не ел нормально уже почти целую неделю”, — шепнул мне на ухо мой знакомый”, — рассказывала спустя сорок лет в своих воспоминаниях Мадлен Кастен, ставшая близким другом Сутина, в доме которой он потом всегда находил заботу и тепло. О Сутине, талантливом и абсолютно нищем, поведает Винавер, адвокату, дававшему деньги Шагалу. Винавер, решив, что сотня в месяц его не разорит, начинает посылать деньги и Хаиму.

А потом Модильяни познакомил Сутина с Леопольдом Зборовским. Зборовский, молодой и небесталаный поэт, милый, аристократичный, приехал в Париж из Польши изучать словесность в Сорбонне, но началась война, Польшу заняли

Женщина в красном. 1924—25.

австрийцы, и родственники Зборовского не могли больше пересылать ему деньги. Приходилось как-то выживать, и он, попробовав разные способы, решил заняться продажей картин. Во многом благодаря именно ему Модильяни смог сделать в искусстве то, что сделал. По договору тот платил Модильяни каждый день пятнад-

цать франков, и художник мог спокойно работать. (Зборовскому порой непросто было выполнять свои обязательства, иногда приходилось закладывать украшения жены или ее шубу, или даже занимать деньги у своей консьержки.) Жена Зборовского Анна невзлюбила Сутина, похожего на самого последнего парижского клошара, и запретила приводить его в свой дом. Тогда Модильяни в отместку ей нарисовал портрет Сутина на двери квартиры Зборовских. Так, благодаря этому портрету, Сутин приобрел известность на Монпарнасе. Анна пыталась смыть портрет, выскоблить, но ничего не получалось, дверь сняли, заменив другой, и выставили на продажу. Ее тогда купил сумасшедший любитель постимпрессионистов Люсьен Мапр. Через десять лет он продал дверь арабскому шейху — ее цена выросла в тысячу раз.

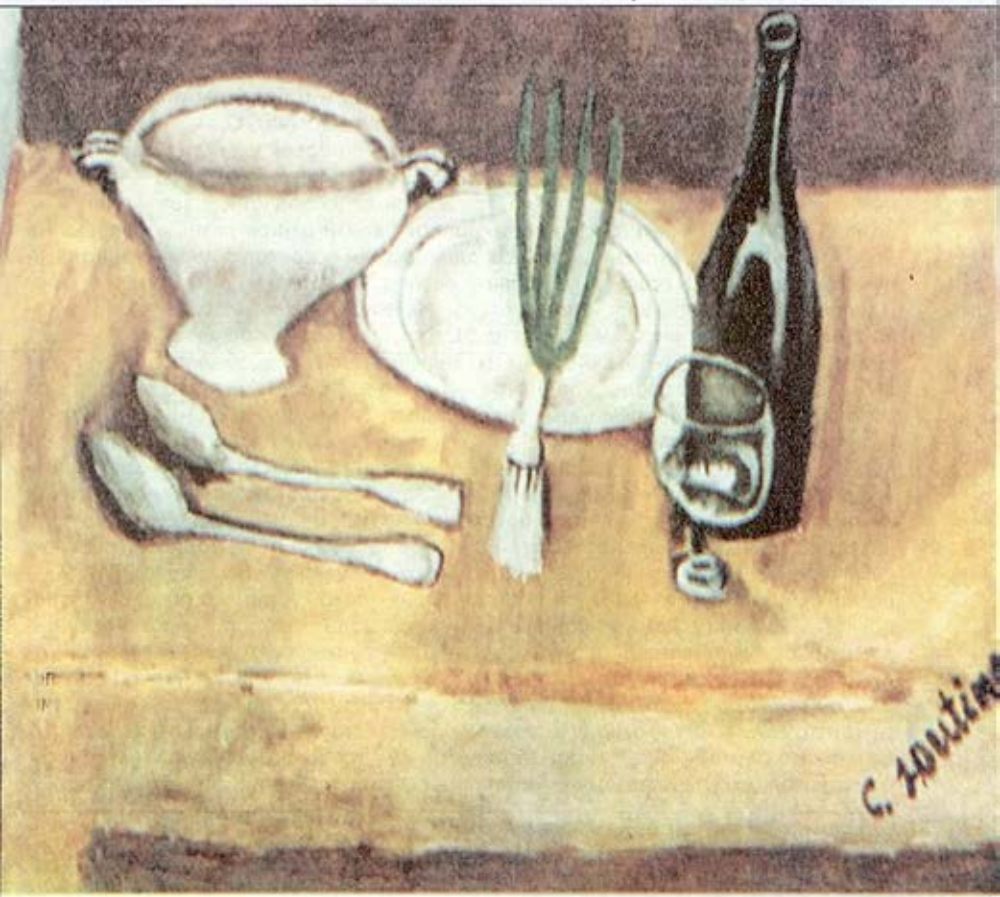
Модильяни приводил к Сутину натурщиц. Среди них — Люния Чеховская, очаровательная и изысканная; Беатрис Хестингс, знаменитая подружка художников, властная, эксцентричная, соблазнительная; Алиса Прен, знаменитая Кики — в шестнадцать лет она уже поджидала свое счастье, сидя за столиком в "Ротонде". Но больше всех Сутин любил писать продавщицу цветов с площади Пигаль. Руфь — так ее звали — была очень толстая и выглядела лет на сорок старше subtilного Хаима. А он ее любил — и за то, что такая же толстая и мягкая, как женщины из города его детства, и за ее незамысловатые шутки, граничащие с пошлостью. Говорили, что именно Руфь лишила Хаима невинности.

Однажды утром бездыханного Сутина нашли в мусорном ящике. Дворник, обнаруживший тело, вызвал полицию. Оказалось, что Хаим жив, просто мертвецки пьян. В полицейском участке, куда его забрали, он за чашку кофе с булочкой нарисовал портрет начальника. Полицейский оказался тонким ценителем искусства — увидел в нищем алкаше великого художника и отпустил его.

В 1919 году Сутин на деньги Зборовского приехал в Серре — городок, расположенный в восточных Пиренеях, недалеко от границы Испании. Здесь его и настигла страшная весть — умер Модильяни! Он остался один, без самого близкого друга, наставника, учителя, единомышленника. После смерти Модильяни Сутин резко изменил свой образ жизни. Теперь старался как можно меньше общаться

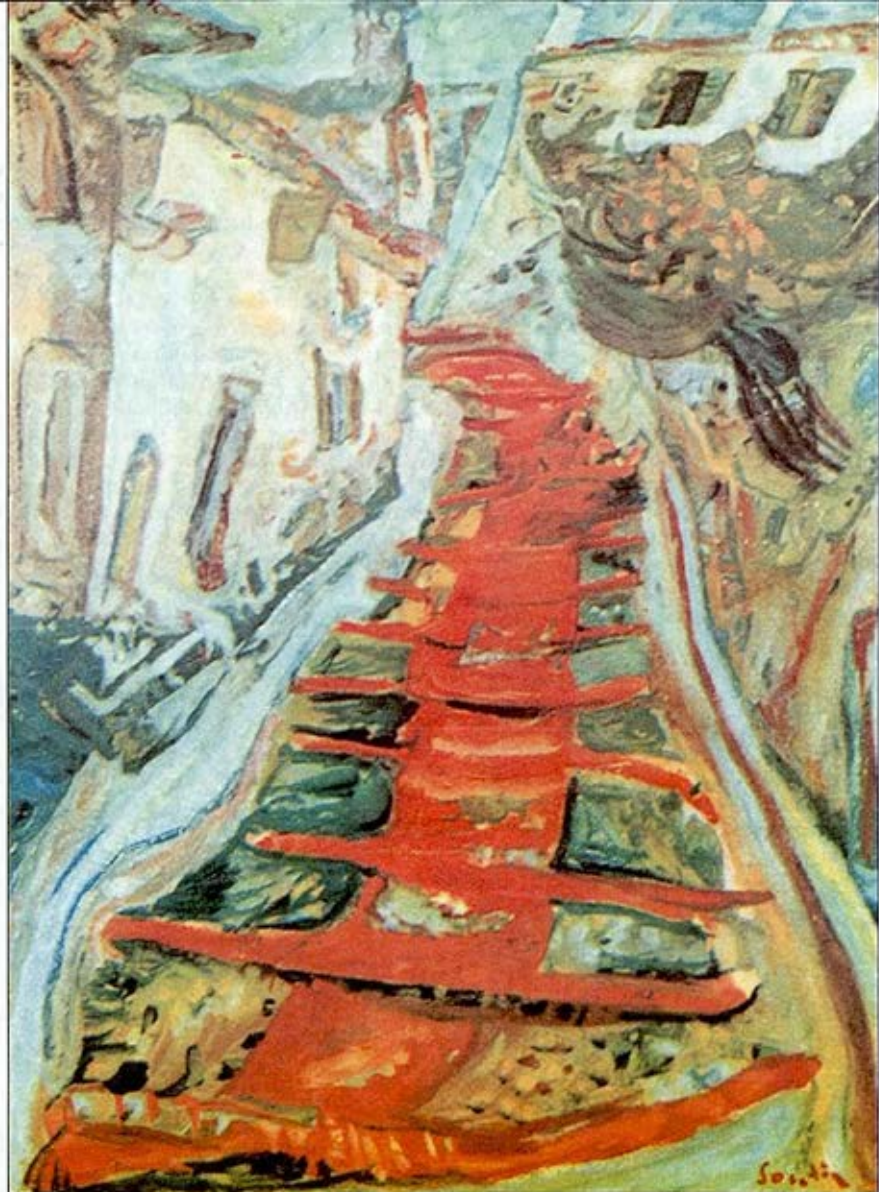

с чужими, незнакомыми людьми, много размышлял о себе, об искусстве. Он создает свои самые замечательные работы. "Вот представьте себе, если я Фальк, — одна лошадиная сила, то Сутин — сто лошадиных сил", — писал искренне влюбленный в живопись Сутина Фальк. Здесь, в Сере, среди поlyingающего красками южного пейзажа, Сутин обретает свободу кисти — на его полотнах оживает цвет, приобретает насыщенность и плотность; уходит серо-коричневая гамма, а на картинах появляются красный и ослепительно белый цвета — цвета красных черепичных крыш и побеленных стен домов, в которых живут крестьяне на юге Франции. Он пишет пейзажи. Увлеченный Ван Гогом, создает свой бунтарский, "турбулентный", как определили критики, стиль. На его картинах — ураган, вихрь, все движется, живет бурно и порывисто. "Деревья Сутина корчатся на ветру, потому что буря — это его погода и его пища, они вертят своей растрепанной листвой под апокалиптическим небом, подобно тому, как у Ван Гога кипарисы взрываются пламенем под горящим солнцем. Беспорядок — их порядок, ... трудно представить, что могло бы стать их спокойствием", — писал французский критик Раймон Конья.

Послевоенные годы — период творческой зрелости. Он пишет пейзажи, портреты (среди них — знаменитый “Кондитер”). Зборовский, который не очень любил неотесанного Сутина, но прекрасно понимал, что тот — настоящий большой художник, взял его на контракт. (Перед смертью Модильяни говорил Зборовскому, что вместо себя оставляет Леопольду Сутина, настоящего гения!) В 1923 году Зборовский показывает его работы американскому меценату и искусствоведа из Филадельфии Альфреду Барнесу, и тот покупает более сотни картин! Это уже значительный успех. А в 1927 году парижская галерея “Бинг” устроила Сутину первую персональную выставку. Он становится знаменитым и весьма обеспеченным человеком. Но это мало влияет на его жизнь, когда появляются деньги, он старается как можно скорее их потратить, видимо, не хотел или не мог изменить образ жизни. Его идеал — нищета и уют “Улья”. “Выселить их (художников) отсюда (из “Улья”) может только настоящий успех... Так было с Сутиным — с неловким, местечковым, удивленным неожиданной славой Сутиным, не знающим, что делать теперь со своими несколькими комнатами и со своим телефоном: в пустой и необжитой квартире лежит метровая пыль, сам он приткнулся коечным жильцом в одном углу, где стоит взлохмаченная целый день постель, по полу разбросана бумага, кисти, краски, холстины и на столе пахнет недоеденная и неубранная еда. В парке “Монмури” Сутин восстановил для себя кусок “Улья”, — писал Абрам Эфрос. О том же рассказывает и Фальк: “Жил он замкнуто. Часто менял квартиры. Раньше, когда он был беден, его часто выгоняли из квартиры, так как он не мог заплатить, а потом у него это вошло в привычку — переезжать. Обычно в Париже художники живут в мастерских. Комната с одним окном, антресолями для постели, печка, которая топится углем или антрацитом. У Сутина последняя квартира состояла из мастерской и пяти комнат. Однажды я зашел к нему около 12-ти часов дня. Дверь — не заперта. В первой комнате открытый чемодан на полу и куча грязного белья в нем и около него. Во второй — прекрасный старинный стол черного дерева, три жестянки из-под консервов на нем и на полу. В третьей комнате роскошная кровать с грязным-прегрязным бельем. На ней спит Сутин под атласным рваным одеялом небесно-голубого цвета. Больше ничего из вещей. На полу возле кровати разостлана газета и на ней его костюмы. В мастерской ужасный хаос, этюдник грязный, всюду всякий хлам”. Нет, это не игра в богему или причуда сноба. Просто Сутину казалось, что художник не имеет права, не должен быть благополучным, иначе потеряет способность ощущать беды и тревоги других людей, бедняков, униженных и обездоленных, которых на свете гораздо больше, чем сытых и довольных, а ведь именно они, эти несчастные, настоящие герои его картин.

Про Сутина говорили, что он странный, не совсем нормальный — отказывается продавать свои картины, не хочет участвовать в выставках. Сплетничали, что он немного лунатик, что не женится, потому что не любит живых женщин, а предпочитает каменные изваяния женских тел. Кто-то держал в доме кошек и собак, а у Сутина в доме жили какие-то безумные старухи — кухарки, уборщицы, удивительно похожие на персонажей его полотен. Одни утверждали, что он с ними спит, другие — что они лишь натурщицы. Он никогда не рисовал по памяти — ему было необходимо непосредственное общение со своими моделями. Замкнутый, не любящий общество, он вел долгие разговоры с ними, которых тщательно выбирал, а выбрав, не жалел сил и денег, чтобы уговорить попозировать. Не мог писать, не соприкасаясь с реальной жизнью, попадающей на его холст — и неважно, был ли это портрет, пейзаж или натюрморт. Ему требовалась натура, даже когда он создавал свои парафразы на темы старых мастеров. Одна из лучших картин Су-

Красная лестница. 1920.

тина — «Женщина, входящая в воду», созданная по мотивам Рембрандта, — написана под звуки грозового раската. Испуганная крестьянка, которую Сутин написал и таким образом обессмертил, ни за что не желала стоять под грозным дождем, а ее муж, услышав, что художник попросил женщину поднять подол и обнажить ноги, в порыве ревности порывался убить Хаима, однако картина была все-таки написана с натуры — ничто не могло помешать Сутину создавать свои шедевры! Он вообще очень любил Рембрандта, особенно его картину «Еврейская неве-

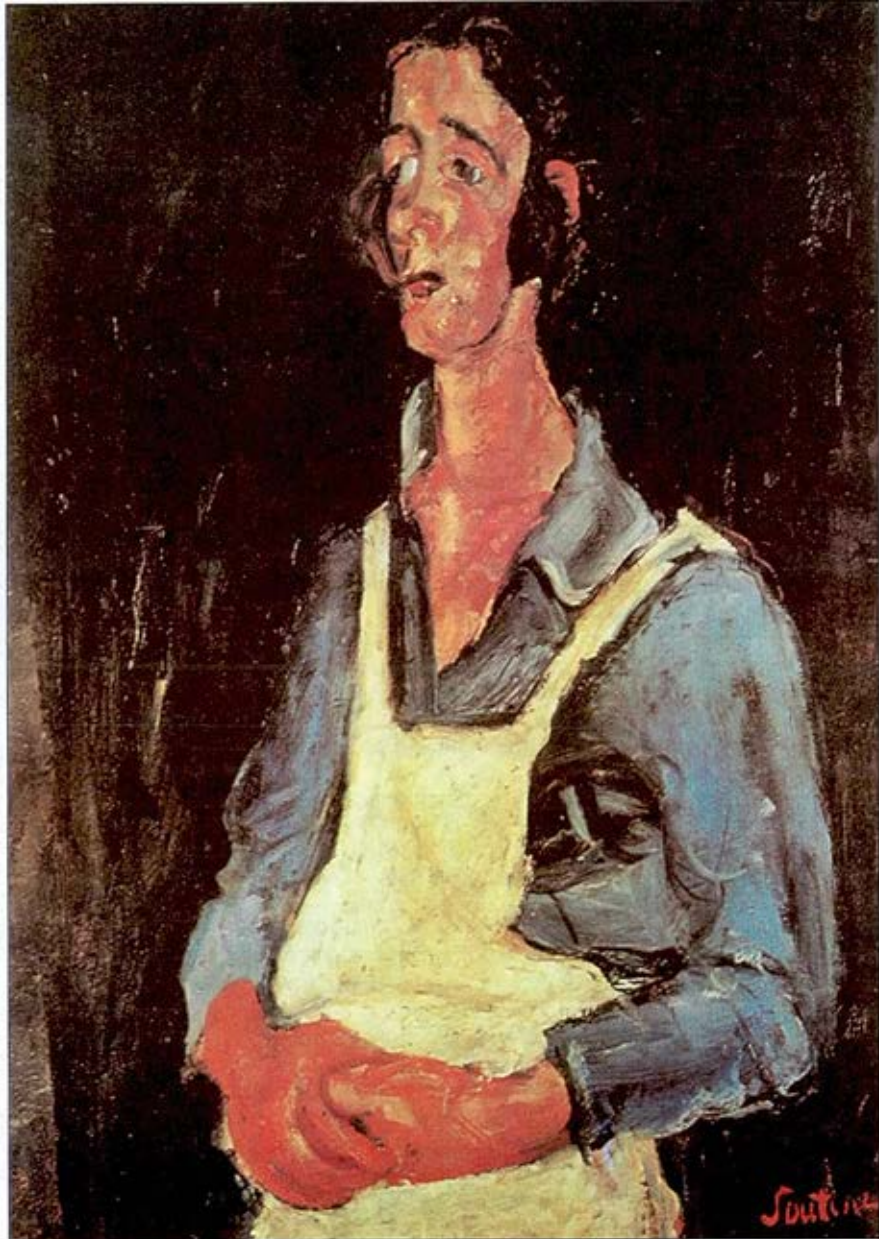
ста", и став обеспеченным человеком, каждый год ездил в Амстердам, где в городском королевском музее висела эта картина. Рембрандт учил Сутина чувствовать цвет, учил лирическому восприятию жизни, учил человечности.

Художник создал целую галерею жителей парижского дна. Он жесток и в то же время милосерден, беспощаден к своим опустившимся героям, но в то же время глубоко им сочувствует, и в этом он близок к Достоевскому. Он пишет обаяние и поразительную жизненную силу людей, при этом деформация линий их фигур и лиц лишь усиливает впечатление. "Пироженица с красным платком" — одна из самых известных его работ. На пироженичке все кремово-белое — куртка, колпак, штаны, и красный платок, который он нервно зажал в руках, кажется сгустком крови, пятном, расплывающимся по белому фону живота. Нелепая фигура, но в то же время перед нами человек с чувством собственного достоинства... Почти одновременно с этой сюжетной в бело-розовых тонах пишет "Портрет женщины в красном" — как полыхают огнем ее красные одежды, которым вторят красные щеки, и словно летит синяя шляпа! И глубоко несчастное лицо... Да, она несчастна, наверное, страшно одинока, но с каким достоинством носит свою великолепную шляпу! Человек, писавший такие работы, несомненно, должен не только испытывать сочувствие к своим героям, но и обладать тонким юмором. И действительно, в самых грустных работах художника чувствуется добрая улыбка, та улыбка, за которую его так любил Модильяни.

В 1925 году Сутин переживает творческий кризис. Он не знает, что писать и лихорадочно ищет новые темы. И находит — на картинах появляются освеженные туши, дохлая дичь. Говорят, что в его квартире страшная вонь, просто невозможно дышать, а для того, чтобы туши и вся эта дохлатина выглядела посвежее, он якобы поливает их бычьей кровью или водой. Это мертвое мясо на его картинах грубо, обнаженно и беспредельно трагично. Висящие вниз головой зарезанные или застреленные птицы, распятые бычьи туши — яркий, кричащий образ жертв безумного насилия. Сутин, как и Шагал в своем "Белом распятии", словно предчувствовал бойни Второй мировой войны, бесперебойно работающие печи лагерей смерти, атомный гриб, поднявшийся над Хиросимой и Нагасаки, Холокост, катастрофу, которая потрясет все народы мира.

Потрясающее впечатление производят натюрморты Сутина. Как правило, на них изображена снедь. "Шолом-Алейхем сказал о героях своих произведений из жизни местечек, что они были экспертами по голоду. Таким экспертом по голоду был и Сутин", — писал американский критик Морис Тачмен. Получил свою высокую квалификацию в этой области Сутин не только в голодных белорусских Смилевичах, но и в благополучном и сытом Париже. В "Празднике, который всегда с тобой" Хемингуэй, оказавшийся в этом самом лучшем городе мира и тоже испытывавший страшную нужду, рассказывал, как мучительно голодать, когда на каждом шагу подстерегали соблазны и доносились манящие гастрономические ароматы, и как трудно сохранить себя, свою личность и не продаться за жалкую чечевичную похлебку. И вот Сутин, совсем недавно как бешеный колотивший в двери своих приятелей в "Улье", требуя кусок хлеба, пишет еду. Три следки, к которым как руки, тянутся вилки, пучок чеснока, огурец. Это вам не роскошь натюрмортов малых голландцев. Да, в сдержанных полотнах Сутина — бедность, граничащая с нищетой, но и поразительное человеческое достоинство, гордость, сила духа и негибимость под ударами судьбы.

В 1937 году старая приятельница Мадлен Кастен познакомила Сутина с Гердой Грот, рыжеволосой еврейкой из Германии, сбежавшей во Францию от нацистов. Герда так же одинока, как и он, а еще она страшно нуждается. Они полюбили друг

Кухарка. 1936.

друга. Он водил ее в Лувр, где они подолгу рассматривали скульптуры мастеров древнего Египта и античной Греции, любовались шедеврами Рембрандта, Коро, Шардена. А по вечерам просматривали его любимую газету "Пари суар", слушали музыку Баха или Моцарта, или читали книги — томики Пушкина, Бальзака, Монтеня... Хаим уже совсем не тот почти неграмотный мальчик из глухого белорусско-

го местечка, который приехал покорять Париж в 1912 году. Нет, теперь это широко образованный и глубоко мыслящий художник.

Когда началась война, они жили в деревушке Сиври, недалеко от Парижа. Сутин опять попытался стать солдатом, и опять, по причине слабого здоровья, ему отказали. Многие друзья Сутина — Шагал, Цадкин и другие, — бежали из Франции в спокойную Америку переждать опасное время. Сутин отказался уезжать — остался во Франции, словно хотел увидеть, чем кончится это безумие, которое он предсказал в своих картинах. В 1940 году немцы оккупировали Францию. Любимую, все понимающую, близкую и такую необходимую Герду арестовали и депортировали в концлагерь, у подножия Пиренеев. Сутин просил всех своих влиятельных друзей помочь его подруге, но ничего сделать не удалось. Он остался один. Метался, скрывался. Уехал в Париж. В кафе “Купол” познакомился с Мари-Бертой Орэнш, бывшей женой немецкого художника Макса Эрнста. Она хорошо понимала, что такое настоящий талант, настоящее искусство. Мари-Берта подпала под очарование мощной индивидуальности Сутина. “Мужик, озаренный гением”, — так говорила она о Хаиме своим друзьям. Она увидела, что под его грубым внешним обликом скрывается тонкий, нежный и безраздельно преданный искусству человек. Она захотела быть с ним, и он принял ее заботу.

14 июня 1940 года немцы вошли в Париж. Теперь жизнь Сутина находилась под постоянной угрозой — он вынужден прятаться, постоянно менять квартиры. Симона Синьоре вспоминала, как покупала краски и холсты для Сутина — он боялся выходить из дома, ведь его могли узнать и выдать полиции. Сутин и Мари-Берта бежали из Парижа, друзья помогли уехать подальше, на юг страны, где фашистов пока нет. Мэр Шампиньи-сюр-Вельдре Фернан Мулен выдал ему фальшивый паспорт — еврей Сутин должен скрывать свое настоящее имя. Здесь, в этом маленьком провинциальном городке, Сутин написал свои последние работы.

В начале августа 1943 года резко обострилась его застарелая болезнь — язва желудка, заработанная в голодные юные годы. Мари-Берта увезла его в Париж, — срочно требовалась операция. Ехали окружными дорогами, двое суток, стараясь не привлекать к себе внимание немцев. В Париж они приехали 7 августа, его сразу же положили на операционный стол, но поздно — несмотря на все усилия врачей через день, 9 августа, он умер. Чтобы организовать похороны, Мари-Берте пришлось продать почти за бесценок большое количество его картин. Купил картину Сутина и Матисс. Хаима Сутина похоронили на Монпарнасском кладбище. (Мари-Берта покончила жизнь самоубийством в 1960 году, ее похоронили рядом с Сутиным, как она просила в своем завещании.) В процессии за его гробом шло совсем немного людей, но среди них были те, кто определил пути развития искусства и литературы XX века — Пабло Пикассо, Жан Кокто, Макс Жакоб.

Модильяни, так любивший Сутина, написал два его портрета. На первом Хаим печально склонил голову набок, в глазах — готовность встретить и покорно пережить любые несчастья, которые пошлет ему судьба. А на втором портрете он улыбается, лицо словно светится надеждой, голову венчает гордая швелюра. А еще есть сутинские автопортреты, на которых мы видим человека с простонародными чертами лица, сквозь которые явственно проступает сложная внутренняя жизнь. Физическая хрупкость и духовная сила, сосредоточенность и готовность откликнуться на чужую беду. И решимость пройти свой путь до конца...

Однажды Сутина спросили: “Вы, наверное, часто бывали очень несчастны?” “Как вам могло такое прийти в голову? — возмутился художник. — Я всю жизнь был очень счастливым человеком!”

МОЛОДОЙ БУЛЬВАР

"КОВЧЕГ" для

■ Как часто повторяют родители: маленькие детки — маленькие бедки. Сначала плач по ночам, смена подгузников, прогулки и первые шаги. Но дальше больше — внезапно и ребром встает вопрос о начальном образовании. Куда отдать учиться ребенка, если, с одной стороны, активно говорят о недостатках средней общеобразовательной школы, а с другой — не менее придирчиво ругают частные учебные заведения, всякие там лицеи и прочее. Но это еще половина беды. А что если вы боитесь за своего ребенка — он у вас и более чуткий, чем другие дети, и рисует, и стихи сочиняет, а в школе будет "как все"?

Александра Михайловна Ленортович, директор школы под названием "Ковчег", с пониманием кивает головой на мои слова, говоря, что с этого и началось создание ее школы. Будущие преподаватели школы, естественно, сами имели детей и мечтали отдать их в такое учебное заведение, где бы действительно занимались их воспитанием, а не просто "дрессировали" на таблицу умножения. Так и родилась идея небольшой школы (изначаль-

но частной, только в последние несколько лет перешедшей на государственное финансирование), где будет пока один первый класс и всего четыре преподавателя — иностранный язык, русский, математика и продленка: рисование, лепка и проведение чаепитий. Это был 90-й год. Сняли помещение большой коммунальной квартиры в центре, отремонтировали, поставили парты, сделали вешалки и — набрали учеников. Все учителя — профессиональные преподаватели и психологи — в основу взяли вальфдорское учение: дети должны приобщаться ко взрослой жизни не муштрой и построениями по парам, а через игру, через имитацию жизни. "Главное — индивидуальный подход", — говорит Александра Михайловна. Небольшой класс, четкая программа обучения плюс творческое решение — вот то, что легло в основу современной школы под названием "Ковчег".

Теперь она занимает большое, свежестроенное здание — при входе большой зал рекреации, где стоит пианино, диванчик с креслами и стеллаж, под стеклом которого

Чез"детей

Елена ЗАХАРОВА

выставка поделок учеников: бумажные Парфеноны и глиняные сказочные зверушки. Это создает особенную атмосферу уюта и неофициальности обстановки — ни гулких коридоров с кафелем, ни нахмуренной уборщицы на входе. Тут же лестница с резными перилами на верхние этажи. Школа выстроена в стиле загородного кирпичного дома, хотя находится рядом с обычным зданием школы в совершенно обычном жилом квартале.

На вопрос, в чем же принципиальное отличие от обычной школы, Александра Михайловна говорит, что сейчас, когда уже прошло много выпусков и школа набрала определенную силу, приводят совершенно разных детей: от обыкновенных до аутентиков, которые невероятно талантливы, умны, но не умеют общаться с внешним миром. "К каждому свой подход — не врачебно-преподавательский, а почти родительский", — говорит директор школы. Школа работает по обычному распорядку, только кроме стандартных предметов есть еще гимнастика, танцы, лепка и история культуры. На втором этаже большой

читальный зал со свободным доступом — открывай дверь, заходи, бери книжку и читай. Ни оформлять билеты, ни заполнять анкету — просто наслаждайся чтением. Стен голых очень мало — все завешано картинками и картинами, инсталляциями из ниток, батиками и прочим. Невероятно сложно поверить, что это не филиал музея современного искусства, а просто поделки детей школьного возраста. Александра Михайловна с удовольствием рассказывает, что восемь раз ученики побеждали на городских олимпиадах, да и вообще они очень талантливы — вот даже организовали в шутку "Салон изящных искусств", где постоянно к различным праздникам организуются выставки поделок из дерева, керамики и прочего.

Конечно, это удалось не сразу, были сложности и с арендой, и с набором новых преподавателей. Но когда сформировалась команда единомышленников и увлеченных своей работой людей, развитие и пошло вверх. Тем более что для них это не работа, куда надо приходить и отбывать положенные начальст-

В о м
 часы, это дей-
 вительно дело, которым
 они занимаются сами, исходя
 из своих жизненных принципов
 и установок. Потому что в пер-
 вое время очень сложно было
 с финансированием, и часто
 даже совместно решали, кому
 и в каком размере в этом меся-
 це платить зарплату, а кому
 придется подождать. И это еще
 надо сделать так, чтобы не от-
 разилось на обучении детей.
 Теперь все "устаканилось",
 Александра Михайловна улы-
 бается, даже открыли при шко-
 ле еще и детский садик. Посто-
 янно проводятся мероприя-
 тия — постановки школьных спектаклей, тан-
 цевальные вечера, выставки, какие-то коллек-
 тивные игры. В общем, так получается, что ре-
 бенок занят каждую минуту, неплохо если
 еще подключаются и родители.

Однако, когда я спрашиваю про процесс
 обучения, директор сразу переходит на серь-
 езный тон. "Средняя школа дает другие уста-
 новки, — говорит Александра Михайловна, —
 с ней, к сожалению, нет возможности вести
 диалог. Там все сформировано, нет динамики
 внутреннего развития. Четкий план, как и что
 должно быть. И в первую очередь, от этого

страдают дети — есть четкое деление на "хо-
 рошистов" и двоечников, так же распределя-
 ется и любовь преподавателя. А ведь всегда
 есть причина, почему человек не может учить-
 ся, только зачастую найти ее нет у учителя ни-
 какого желания: то ли слишком сильна власть
 шаблона "работа и все", то ли, как правило,
 нет реального стимула — зачем это надо за та-
 кую зарплату. Школа "Ковчег" не претендует
 на самое лучшее обучение, просто это другая
 методика, которая ставит перед собой другие
 цели во главу угла. Средняя школа дает уста-
 новку на успех — кто-то учится успешно, а кто-

то двоечник, его поднимают перед всем классом и на глазах у всех отчитывают, таким образом давая якобы импульс учиться лучше. Но с точки зрения детской психологии, это неверно — это убивает в ребенке активную личность, запугивает его, а потом ему очень тяжело выйти из шаблона двоечника, потому что он сам начинает ощущать его в себе”.

Методика “Ковчег” — интеграция. Ребенок это ребенок, к нему нельзя применять взрослые методы, но с ним надо разговаривать как с личностью. Каждый — особенный, его надо не отругать, а похвалить перед всеми, отметить его успехи. Так, чтобы не завидовали, а, напротив, радовались за одноклассника. С другой стороны, дети — это самые жесткие существа. Они легко говорят то, что по тактичности не скажет взрослый. Раз в неделю преподаватели собираются вместе с психологом обсуждать того или иного ученика — школа не настолько велика, чтобы не было возможности заняться каждым в отдельности. Задача — максимально раскрыть, раскрепостить ребенка. Александра Михайловна смеется: “Мы тоже не отстаем от современности. Вот летом организовали проект под названием “Экологическая деревня”, с одной

стороны — игра, с другой — это импульс активного участия для детей. Они чувствуют себя нужными и важными, на них полагаются, они что-то придумывают, проектируют... Это большой шаг навстречу открытой жизни в большом мире. Ребенок чувствует себя свободным и уверенным”.

А еще преподаватель музыки Юлиан Юльевич отдал, как он выражается, “на растерзание” свою дачу в Подмоскowie. Там организовали штаб-квартиру летнего отдыха и даже завели свою, ковчеговскую, лошадку по имени Зозуля, за которой попеременно вместе с кем-нибудь из учителей ездит ухаживать группа учеников.

За время существования школы прошло уже девять выпусков. Школьники давно стали самостоятельными, работающими взрослыми людьми. Кто-то учится на юриста по авторскому праву, кто-то стал детским врачом-терапевтом. Две девушки даже вернулись в родную школу преподавать английский и рисование. В принципе — ничего особенного

или нового, все куда-то поступают и где-то работают. Но есть одна черта, о которой с удовольствием и даже гордостью говорят эти бывшие школьники: школа дала им нечто очень важное, нечто такое, что они никогда бы не приобрели без ее помощи — умение не бояться жизни, не опасаться ее порой непредсказуемых поворотов. А проще говоря, оптимизм как жизненное кредо, в основе которого уверенность в себе, самосознание и самоопределение себя в мире, а не только мира вокруг. Школьные знания — это то, что остается с нами на всю жизнь. А школьная атмосфера, само "ощущение школы" — формируют детское подсознание, которое не однажды даст о себе знать в любом возрасте. И когда ребенок осознает, что эти годы для него были счастливыми, тогда у него вырабатывается максимально стабильный и спокойный взгляд на мир. Проведите эксперимент: попробуйте просто идти по улице и улыбаться. Это очень тяжело — возникает чувство неловкости или желание опустить глаза из-за боязни быть непонятым или осмеянным. Это тоже комплекс. И посмотрите, как свободно и приятно делают это выпускники школы "Ковчег" — они радуются жизни, потому что они уверены в себе.

На вопрос, какие планы на будущее, Александра Михайловна пожимает плечами — много дел, текучки и организаторской работы. Но и планов огромное множество, даже столько, что иногда приходится привлекать родительский коллектив: организовывали поездки в Анапу всей школой, ездили в Пушкинские горы. Как говорит директор, слишком мало в современном мире добрых, понастоящему отзывчивых и дружелюбных людей. А школа дает такую атмосферу, ощущение детства и праздника. Это некое увлечение полнотой жизни — то самое, что долго и тщетно ищут многие, не понимая, чего же им на самом деле не хватает. Вопрос не в том, чтобы привить какую-то мораль или догму, как это может показаться со стороны. Дети — это не эксперимент, это как бы зародыш, концентрат всех человеческих эмоций и чувств. И на самом деле задача школы не научить тригонометрии в полном объеме, а научить понимать, как видеть красоту в себе и в окружающих людях. ■

МОСКОВСКИЙ
ДНЕВНИК

Бертрана
Вьедливого

и жена
ниже
стремалла

■ Подмосковье. Дачный поселок в сорока пяти минутах езды от Москвы на электричке. Площадка в пятьсот квадратных метров. Три магазина, аптека, небольшой рынок, остановка автобуса и рядом платформа электрички. Неподалеку молодежная, спортивно-туристическая база, рядом школы — обычная и художественная. Площадка — место встреч и вечернего сбора как местной, так и приехавшей отдыхать молодежи. Не знаю, но думаю, что наша российская молодежь говорит и думает о прекрасном, чистом и вечном где-то в других, более приспособленных для этого местах, да еще на страницах "Молодого бульвара" в журнале "Смена", фламане журнального мира России, но вот здесь, на вечернем пятачке подмосковно-дачного поселка, они говорят о насущном и, видимо, думают о нем же...

Улица. Он и Она. Возраст не превышает семнадцати. Стоят позади коммерческой палатки и разговаривают. Одеты броско и дорого.

— Ты с ума сошел, Игорек, водку?

— Да, водку.
 — Нет, ты определенно не здоров, прямо на улице?
 — Да, прямо на улице.
 — Ты полный кретин, полный стакан?!
 — Конечно, я кретин, а это полный стакан водки.
 — Ну и черт с тобой, давай стакан...

И девушка лихо, залпом, как бы "гори все огнем ясным", выпивает водку. Что было дальше — я не знаю.

Магазин. — Значит так, — решительно входят в продуктовый магазин двое молодых парней. У одного в руке хозяйственная сумка. Возраст между пятнадцатью и семнадцатью. — Берем тридцать бутылок пива, — говорит тот, что с сумкой. — Воблы штук пять, заходим по дороге к Витьке и Сереге, берем Ольгу и Таньку, и на дачу к Натахе до утра.

— Надо брать пятьдесят бутылок, — вышает ставки второй. — Борис и Слапоня тоже будут.

— Можно и пятьдесят, — соглашается первый, — но я уверен, они тоже не пустые будут.

Смотрят на витрину. Одеты в черные кожаные пиджаки и американские джинсы, без дураков, истинная фирма.

— Ну что "Балтику" трючку или "Клинское"? — спрашивает с хозяйственной сумкой.

— Лучше "Балтику", — отвечает второй и становится в очередь из пяти человек.

— Кстати, Слапоня и Танька пиво не пьют, — говорит с сумкой. — У Слапони почка болит, а Танька не любит.

— Да ты что? — испуганно смотрит на него приятель. — А что делать?

Первый молча пожимает плечами.

— Ну, что будете брать? — нетерпеливо спрашивает продавщица у парней, так как подошла их очередь.

Они стряхивают оцепенение и заказывают:

— Пятнадцать бутылок водки "Смирновской" и две бутылки "Святого источника".

Взяв товар, спокойно удаляются. Главное лекарство от почек и нелюбви — водка.

Улица. Рядом со мной остановились двое хорошо одетых подростков лет пятнадцати, Она и Он.

— Там махыч (драка) идет. — Юноша со смехом посмотрел на девушку. — А он мне паровоза вдвует. (Папироса с анашой, когда один, взяв в рот горячей стороной, вдвует дым другому в рот.)

— Ха, — сказала беленькая, худенькая, глазастенькая, хрупкая девчушка. — Ты тогда так дико нажрался, что поимел меня прямо в ванне.

— Тогда все в крезе лежали, ты что, не помнишь? — рассмеялся ушастый подросток. — Три батла (бутылки) колючей (левой) водки влупили на двоих.

"Иностранцы", подумал я и направился к аптеке.

Аптека. Входят двое. Он и Она. Широленные брюки, рюкзаки за плечами, по виду школьники, старшеклассники.

— С малиной, — спрашивает Он, — или земляничкой?

— С банановым запахом лучше всего, — уверяет его девчушка.

Они покупают упаковку "презика" с нарисованным на ней бананом и под умиленные взгляды скрюченных невзгодами пенсионеров покидают аптеку.

Москва, без сомнения, молодежный город. Московская молодежь, без сомнения, самая продвинутая молодежь России.

Тверская улица, стекаящая к подножию Красной площади, всегда возбуждает во мне раздраженную въедливость из-за многолюдности. Возле дома номер девять я увидел двух мальчишек и девушку, которые приложили руки к обложке из красного мрамора и чуть ли не в экстазе закрыли глаза.

— Что это с ними? — спросил я у подсобного рабочего из магазина, расположенного в этом же доме. Он сидел на грузовой тележке.

— Шизанутые, — объяснил тот. — Эта обложка сделана из триумфальной арки, которую Гитлер хотел установить в Москве

(это документально и официально подтвержденный факт. — Автор.), но ему этого не позволили и сделали из нее обложку для здания. Они, — рабочий кивнул головой на молодежь, — считают, что к этому мрамору прикасалась рука Гитлера. Хотят выйти с ним на контакт.

— Понятно.

Конечно же, я ничего не понял.

Выходя из метро на станции "Орехово" я был вполне невменяем от обрушившихся на меня мыслей, и поэтому, когда возле развалин какой-то Екатерининской усадьбы в каком-то парке передо мной предстали юноша и девушка с торчащими из-за спины рукоятками перекинутых через плечо мечей, и вопросом: "Вы цивил или толкиенист", — я машинально и глупо ответил:

— Я Бертран Вьедливый. — Впрочем, я тотчас же опомнился и спросил: — Вы кто, ребята?

— Я Моргрим, — представился юноша в кожаной косухе и джинсах. — Воин.

— А я Раннвейг, — представилась девушка в косухе и джинсах. — Воин.

— Очень приятно, — проявил я вежливость. — Так кто я, как мне отвечать на ваш вопрос?

Моргрим внимательно посмотрел на меня, переглянулся с Раннвейг и произнес:

— Вы толкиенист, заблудившийся в цивилиах.

Мимо проходили две странные фигуры в черных балахонах и с посохами.

— Ал, Ольга! — закричал один из них, но спохватился и величественно спросил: — Моргрим, дай балрог.

— Он же не курит, ты что забыл, Маг, и вообще в Мандосе надо кончать с курением, — возмутилась Раннвейг, не дав ответить Моргриму...

Молодежь забыла обо мне и увлеклась сама собою, своим сказочным и, в общем-то, протестующим против пошлости, миром. Я тихо отошел и ушел. Так вот, значит, кто я: "Толкиенист, заблудившийся среди цивилиов". Москва, сказочный город... ■

Продолжение следует.

**Елена
СМИРНОВА**

**Откровенный
язык одежды**

■ Известно, что первое, и зачастую самое верное, впечатление о человеке мы составляем по тому, как он одет. Эффект "одежки" с успехом эксплуатировали во все времена. Военный френч Сталина, картуз Жириновского, пролетарские кепки Ленина и Лужкова — отнюдь не случайные детали гардероба, а продуманные элементы политического имиджа.

В одежде, как и во всем, что мы выбираем, отражается наша неповторимая индивидуальность. И происходит это абсолютно бессознательно. Так же бессознательно окружающие считывают эту информацию. Такое взаимодействие на уровне психического контакта открывает большие горизонты: на протяжении многих лет люди пытаются влиять и управлять человеческим подсознанием. Зная

те или иные закономерности восприятия одежды, а значит, и нас в ней, можно корректировать свой имидж, успешно манипулировать восприятием окружающих, создавая наиболее благоприятный в данной ситуации образ.

Правильно подобрав костюм, можно расположить к себе собеседника для доверительного общения или, наоборот, установить огромную дистанцию. И абсолютно неважно, на какую сумму вы одеты.

■ Как ни странно, стили в одежде традиционно разделяются: прямая — мужская линия, волнообразная —

Никакая мода не скроет вашего характера

женская. Округлые линии костюма говорят о творческой натуре его обладателя, о его внутренней энергии и способности рождать новые идеи. А люди, предпочитающие строгий стиль с гладкими ровными линиями, бессознательно воспринимаются как более деловые. Чистота линий, цвета, гармоничные сочетания — черный-белый, черный-голубой, серый-розовый — всегда создают впечатление строгого костюма. Женщина даже в короткой юбке, но прямого, лишённого изгибов и украшений фасона, и в кофте с закрытым воротом будет восприниматься совсем по-другому, нежели, например, в длинной юбке с рюшами и в кофте с вырезом.

Такое восприятие сохраняется даже при отсутствии классического костюма. Скажем, мужчина в слаксах и в рубашке все равно выглядит более деловым, чем в футболке и брюках пусть даже самых строгих цветов. А, скажем, тот же мужчина в свитере и джинсах воспринимается как личность творческая.

Закрытость, недоверие к людям, стремление оградить свой внутренний мир от нежелательных вторжений отражаются в закрытых костюмах. У женщин это — застегнутые на все пуговицы блузки, водолазки, длинные юбки, словом, все, что закрывает тело.

Закрытость мужчины выдает костюм в полной комплектации — галстук, рубашка, пиджак (особенно двубортный), застегнутый на все пуговицы. Сразу видно, что перед нами консерватор, человек негибкий в поведении, часто закрытый для новых идей и веяний. Но стоит тот же пиджак расстегнуть, ослабить галстук и расстегнуть ворот рубашки, и вы выглядите более раскрепощенным, достижимым для собеседника.

Многослойная одежда — футболка, рубашка и пиджак, а также кожа или блестящая водоотталкивающая ткань — тоже своеобразная защита от внешнего вторжения. Многочисленные застежки, молнии, клепки говорят нашему подсознанию, что их обладатель может быть агрессивен, либо таким образом защищается от окружающих, как дикобраз иголками, некими элементами "отпугивания". Много одежды — футболка, жилетка, рубашка поверх — указывает на чело-

века стеснительного, с трудом входящего в контакт с внешним миром. Ему мешают внутренние комплексы, и чтобы остаться в "раковине" своего мирка, ему необходимо установить барьер, прикрыться и максимально "утолщить" расстояние между своим "я" и внешним миром.

Хотите расположить к общению с вами — наденьте мягкий пуловер с треугольным вырезом, брюки из мягкой ткани, замшевые (не кожаные!) ботинки. Женщине для этого достаточно вырезов на одежде. Если же ей в какой-то ситуации важно показать свою мягкость, женственность и романтичность, можно хотя бы расстегнуть пиджак или повязать шарфик. Тут срабатывает некий импульс как бы обнаженного тела. Это унаследовано человеческим подсознанием от животного — подставить своему собрату незащищенное брюхо означает безграничное доверие. Так и человек — если видит обнаженные участки тела собеседника, то невольно испытывает

ощущение легкого превосходства, менее настороженно к нему относится.

Полные люди подсознательно воспринимаются как добрые, худые — злюками. Поэтому одежда вытянутого силуэта, продольная полоска, утончающая фигуру, делают вас в восприятии окружающих более агрессивным. "Злость" подчеркивают темные ткани, тигровый, леопардовый или змеиный рисунок. Острые воротнички, рукава с острыми концами (кольца с выступами, украшения в виде зубьев, лезвий, камни в форме полумесяца, заклепки, бляшки) — заставляют окружающих инстинктивно держать дистанцию.

Квадрат и треугольник — фигуры страха. На уровне подсознания эти символы связаны с физической болью — с ранениями, порезами, ушибами от углов. Поэтому острый или узкий угол выреза или юбки может вызывать у окружающих чувство неприятия, опаски. Они будут ожидать от вас неожиданного или непредсказуемого

поведения. Как правило, люди, вопреки любовью моде одевающиеся в "острую" одежду, имеют твердый, негибкий характер, склонны к жестокости, с трудом переносят критику в свой адрес.

■ **По тому, как внешне выглядит человек, можно определить многое в его характере.** Например, женщина в массивных очках с короткой стрижкой классической учительницы и в неожиданно обтягивающем платье: нетрудно здесь увидеть внутренний конфликт — достаточно строго воспитанная пуританка, в глубине души желающая обратить на себя внимание мужчин. Подбирая костюм, она стремится подчеркнуть свои достоинства и при этом громко недоумевает, почему к ней пристают мужчины.

Другой пример. Вроде перед вами оригинальный человек с тягой к творчеству — экстравагантная одежда, необычные аксессуары и... красивое, но достаточно стандартное заурядное кольцо на правой руке. Оно и выдает его тщательно скрытый консерватизм.

Одежда отражает и желания своего владельца. Успешный в общении человек обычно склонен подчеркивать свою фигуру с помощью одежды. Тесные потертые джинсы, футболку, под которой угадываются мышцы, обнажающую грудь рубашку с закатанными до предела рукавами — так называемый стиль мачо, — выбирают гиперсексуальные мужчины. У женщин сексуальность выдают меха, разрезы, вырезы и мини-юбки. При этом женщина, которая не испытывает проблем с мужчинами, скорее наденет юбку лишь чуть выше колен.

Если же человек не очень уверен в себе, вряд ли он предпочтет обтягивающую одежду, — скорее, наденет рубашку навыпуск или жилетку, которая прикроет живот. Вот для них подойдет все то, что содержит в себе круг. Ведь круг — с доисторических времен отождествляется с материнской утробой, уютом. Поэтому, если вы не уверены в себе или желаете расположить к себе окружающих, вам подойдет круглый широкий вырез, плавные линии рукава. При этом даже резкий или агрессивный цвет приобретает более невинный оттенок, смягчается формой и фасоном.

■ **Эксклюзивные, уникальные вещи, необычные аксессуары** — крупные камни причудливой формы, туфли, украшенные диковинной вышивкой — указывают на попытку привлечь внимание к неординарности своего владельца. Нельзя одеться в красное и не при-

влекать внимания. Как бы тихо вы ни сидели, люди вокруг будут подсознательно ожидать от вас опасности. Красный цвет — цвет лидера или достаточно эмоционального человека.

Любители комфорта предпочитают полуспортивный стиль, удобную, мягкую оде-

жду. А если у женщины в гардеробе преобладают брюки, то это говорит о ее стремлении к движению, о динамичной натуре. Она достаточно легко приспосабливается к обстоятельствам, может поставить себя в выгодную и удачную ситуацию. Когда же в гардеробе доминируют юбки, значит перед нами мягкая натура, уважающая сильного человека и не стремящаяся менять свою жизнь.

Но надо иметь в виду, чем проще человек одет, тем легче окружающим вступить с ним в общение. Хотя если встречаются два экстравагантно одетых человека, они, как правило, живо интересуются друг другом. Однако у обыкновенного человека "эсклюзивно" выглядящий собеседник, скорее всего, вызовет комплекс недосыгаемости. Поэтому при желании казаться "своим парнем" надо в одежде быть максимально простым.

Что может при совершенно незатейливом, казалось бы, стиле и фасоне одежды придать вам особый шарм и показать хороший уровень вашего вкуса? По определению всех модельеров — обувь и сумка. Можно надеть совершенно обычные брюки и мешковатый свитерок, но если у вас аккуратные стильные туфли, считайте — сто баллов ваши. Окружающие увидят в вас свободную, уверенную натуру, всегда следящую за собой. Современный стиль настолько демократичен, что работавшая раньше аксиома "обувь и сумка одного цвета, одного фасона" теперь вызывает лишь легкую улыбку. Нет — будничности! С выходными изящными ботинками или туфлями может запросто гармонировать холщовая сумка в стиле хозяйственной. К лету предпочтительнее сумки ярких, живых расцветок — такие не только выдают человека с хорошим жизненным тонусом, но и просто повышают настроение своей яркостью. С обувью дело несколько сложнее — она не только обязательно должна быть чистой и ухоженной, но и выбор ее больше отвечает характеру владельца.

А поэтому — встречайте по ботинкам! Даже носки туфель могут рассказать о вас многое. И хотя мода вносит свои коррективы, самый большой модник всегда выбирает, ис-

ходя из собственного характера. Круглый носок предпочитают люди мягкие, конформисты, склонные подстраиваться под обстоятельства. Квадратный носок ближе личностям упертым, с трудом принимающим какие-либо перемены в жизни. Они могут сделать вид, что выслушали собеседника, но у них всегда есть свое мнение про запас, с которого их не сдвинуть.

Пухлый носок импонирует сторонникам всевозможных накоплений — информации, капитала, впечатлений, решительные действия не для этих людей.

Острый носок выбирают люди амбициозные и целеустремленные. Видимо, сейчас мы переживаем период сильных порывов и активных жизненных движений, поэтому мысы особенно заострились.

■ Характер женщины легко угадать по ее украшениям.

Затейливые фигурные серьги и клипсы, как правило, выбирают те, кто хочет выделиться из толпы и обратить на себя внимание. Им явно не хватает радости и любви. Сдержанная и уравновешенная женщина предпочтет круглые серьги: она ценит в людях надежность и верность. Энергичные леди носят украшения с острыми углами. Они не выносят одиночества и скуки.

Честность и прямолинейность ценят в окружающих обладательницы четырехугольных украшений. Они уверены в себе и целенаправленны. Не лукавьте с ними, и в награду получите весь мир. Женственность и мягкость символизирует эллипсовидная бижутерия. Их носят чувствительные натуры, умеющие слушать и понимать собеседника. А если они предпочитают спокойные и матовые тона, то надежны, рассчитывают на взаимность.

Женщина, которая надела два кольца на один палец, любой ценой стремится удержать брак, статус замужней женщины для нее особенно важен.

Мужчины более закрыты, чем женщины, поэтому обычно не носят украшений. Надев на палец кольцо, человек выдает слишком много информации о себе, а это не всегда бывает полезно, особенно в бизнесе.

Громоздкие печатки говорят о том, что их обладатель в душе или по жизни беспре-

дельщик, он амбициозен, целенаправленно движется к своей цели, что, правда, несколько не мешает ему быть рубахой-парнем, склонным к активному бесшабашному времяпровождению. Такой человек ценит в людях искренность, но и некоторую необычность жизненных ценностей или положения в обществе.

Более изысканные перстни на мужской руке выдают человека, претендующего на власть, но более спокойную, это благополучный вариант авантюриста, человека, склонного к риску.

Печатки с мистическими знаками, всевозможными инкрустациями говорят о непростой внутренней жизни. Их обладатели достаточно эмоциональны. Перстень на мизинце свидетельствует о чувствительности, романтизме и даже мистицизме.

Мужчина с обручальным кольцом подчеркивает свой статус, ему важно ощущать себя мужем. Возможно, тут еще и обратная ситуация — жена в чем-то превосходит его. Это может относиться к внешности, эмоциональному или денежному превосходству, но в этом случае кольцом на руке он привязывает ее, напоминая ей, себе и окружающим, что она — жена. Если мужчина не носит кольца, конечно, не значит, что для него не важна жена, — просто, наверное, он не прочь “пострелять глазками на стороне”.

Порой, чтобы казаться стильными в глазах окружающих, мы прибегаем к маленьким хитростям.

Чтобы придать себе респектабельный вид, порой достаточно подобрать подходящие очки. Например, если у вас плохо проглаженная рубашка и времени в обрез, неудачно или не слишком хорошо уложены волосы — это как раз то, что прикроется именно очками! Собеседник или просто идущий навстречу человек, как правило, окидывает вас взглядом, и его внимание заостряется на самой заметной детали вашей внешности. И хорошо подобранные очки способны спасти ваше положение. Они оживляют лицо и придают некую симметричную законченность с точки зрения внешних пропорций — туфли, сумка на бедре или

плече и очки. Образ завершен, вы сложили о себе впечатление, как о человеке со вкусом. А главное — в подсознании вызываете приятель, ваш внешний облик приятен для глаза, как картина Леонардо да Винчи с “секретом” золотого сечения.

И хотя очки обычно выбирают под тип лица, открытые люди предпочитают более широкие очки. Те, кто отдает предпочтение узким, часто мстительны, кусачи, но более динамичны, готовы к движению, переменам.

Чем толще оправа очков, тем консервативнее человек. Чем она тоньше, тем их владелец агрессивнее, особенно если их оправа металлическая. Всевозможные бриллианты, стразы, украшения в оправе выдают романтическую сентиментальную личность.

Интересно отметить, что “провинциальность” внешнего вида — негармонизирующая одежда, вульгарные украшения и яркий макияж — то, что так активно вызывает неприязнь и даже раздражение, на самом деле комплекс. Все дело в том, что комплекс маленьких городов перед столичными мегаполисами очень силен, хоть и неосознан. А разгадка проста и находится на уровне неосознанного — человек из провинции подсознательно хочет прикрыться, спрятать свое “я” под нагромождением внешнего — одежды, косметики, украшений. Он нервничает, его пугает слишком большой мегаполис, снобизм коренных жителей, да и множество других факторов.

Внешний вид — та визитная карточка, которая представляет вас, сообщая подсознанию собеседника многое о вашем характере, стиле жизни и привычках. Цвет, фасон, аксессуары — как бы вы ни скрывали себя, они выдадут вас с головой. Все дело в том, что над этим не надо задумываться или тщательно компоновать. Одежда должна придавать уверенность, ее надо нести впереди себя, но, не прячась за ней, а лишь добавляя ее к своей внешности и внутреннему миру в качестве необходимого и приятного дополнения.

Сергей ЛИМОНОВ

* * *

Меня в пути
Настигла волчья стая.
Мне не уйти,
Но горло закрывая
От яростных клыков,
Кричу своей судьбе назло:
«Что! Съела?! Иль не повезло?»
Я ранен, кровь из горла хлещет,
Но крик мой оказался вещим.
И волк, что растерзал меня,
Мне раны зализал, печаль в глазах храня.

* * *

Забуду всё, что между нами было,
Для призрачных надежд давно прошла пора.
И сердце, видно, век свой отлюбило,
Как будто я и не любил вчера.
И ни к чему пустые оправданья,
Раз возродить нельзя созвучие сердец,
И музыке любви, и пеплу расставанья,
Всеми, что было, свой пришёл конец.

* * *

Уже давно идут бескрайние дожди,
Прохожие мостят зонтами тротуары,
Всё потускнело — холод впереди.
И гонят сон весенние кошмары.
Я не люблю весенней полноты
И лета жёлтый зной, зимы холодной глянец,
Мне осень правится за мутные черты,
За листьев опадающих румянец.
Всё это здесь, в моей душе, и там,
Где ветер хороводы галок водит,
Где дождь стучит и льется по рукам,
И мысль тревожную наводит.

* * *

О чём сегодня я мечтаю,
Нельзя словами передать,
Но я не в облаках витаю:
Мне трудно жить, легко страдать.
Мой дом не посещают нимфы:
За письменным моим столом
Рождаются стихи и мифы
О мире чудном и живом.
Насмешек не стыжусь поныне:
Пусть посмеётся надо мной
Тот, кто забыл о нас, в пустыне
Дворец построив золотой.

*"Нет слов грустнее, чем был, была, было..."
"Самое печальное на свете слово
это не "был", а "снова". Снова..."*

Анжелика ЭНЗЕЛЬ

У. Фолкнер

■ Допустим, все уже кончено. Но до тех пор, пока человек, уже перестрадав, змеей отползший от эпицентра своих мук, не расскажет об этом — ему не обрести свободу. Невысказанные воспоминания, как невыплаканные слезы, будут жечь его.

— Какой у тебя стал нежный голос. Я не слышал его почти два года, откуда ты взяла эти зеленые, синие, медовые краски?

— Это не нежность, это слабость. Прошло почти два года, я не помню тебя, я не желаю помнить тебя, но отчего-то он вдруг стал слабым, видишь, я почти шепчу. У тебя ведь все хорошо, правда?

— Правда. У меня молодая, совсем маленькая жена. Она хорошая, у нее синие глаза и губы, совсем как твои... И она ждет нашего сына.

— А я только мужа.

— Ты любишь его?

— Да.

— Ты любишь меня?

— Нет... не знаю... я ни за что на свете не хотела бы к тебе вернуться, но что-то...

— Что?

— Отчего же так горько? Может, оттого, что я еще помню? Я тогда могла...

— Я только могла мечтать о тебе. Ты не был таким уж красивым, но твой высокий лоб, кустики светлых бровей и глубоко под ними — синие, синющие глаза. В них — вся твоя душа, открытая, не источенная унынием. За эти глаза-то тебя, наверное, все и любили: и учителя, и одноклассники...

И я... Безнадежно и преданно. Ты хохотал с друзьями на переменах — а я слыхала твой голос. Ты проходил мимо — на меня накатывалась горячая волна и отывала и смерзалась слезами в душе, когда ты исчезал. Я даже не могла заикнуть-

ПРОЩАНИЕ

ся о своей любви, я знала, что это невозможно — такой блестящий мальчик... Но мне было достаточно наших ежедневных свиданий в школе, а уж если ты вдруг заговаривал со мной — я была счастлива целый день, и все повторяла, повторяла случайные слова, обращенные ко мне.

— Я мог смотреть на тебя, подперев голову, под монотонный шум класса, под стук учительских каблучков, вязнувший в помещении, где никогда не хватало воздуха. Ты сидела в среднем ряду, маленькая, хрупкая, а глаза большие и какие-то нервные. Никто не обращал на тебя внимания, а я разглядел в тот день, на физкуль-

туре, когда попал в тебя баскетбольным мячом. Твоя голова дернулась, ты прижала ладонь к покрасневшей щеке и посмотрела на меня. В глазах были слезы — два сияющих упрека. А потом ты задрала вверх подбородок и улыбнулась. И сказала: да ладно, ничего. Как будто бы я извинился. А я стоял дурак-дураком и молчал.

— А потом я вдруг заметила, что ты смотришь на меня. Твой взгляд обжигал, я не слышала никаких объяснений на уроке, ничего, кроме шума собственной крови в ушах. Набравшись смелости, я иногда оборачивалась, и наши взгляды встречались. Дыхание останавливалось, я втягивала в себя растворившийся воздух, и долго потом еще кровь разъедала мои щеки предательским огнем. Я боялась поверить, но уже знала, что чудо произошло — ты обратил на меня внимание.

— Я мог часами стоять у зеркала, в солнечном прямоугольнике, разбитом оконной перекладиной, в одних трусах, гадая, что же тебе может нравиться. Отрастить усы, и сбрить их в одну и ту же минуту. Приглаживать волосы, и ерошить их, хмурия брови, или улыбаться, как Майкл Парз...

— Я могла часами смотреть на одну и ту же страницу, думая о тебе. Мне не удалось бы поймать ни одну свою мысль, так невесомо, так сладко плыли они, превращаясь в запахи клейких почек и холодного весеннего вечера, темнеющего неба, зажигающихся окон...

— Я мог сделать большой крюк, чтобы пройти под твоими окнами, даже не надеясь увидеть твой силуэт, лишь желтый абажур лампы. Только неясные смутные тени на занавесках обдавали меня своим теплом и покоем, от которого так тревожно стучало сердце, что хотелось заплакать, и слезы щекотались в груди. А я улыбался, смотрел, задрал голову. В гулком дворе шли люди, и все, как один, поднимали взгляд.

— Я могла, ни с того ни с сего, отбросить книгу и выбежать на улицу. Кровь стучала в висках, в пальцах и в сердце, щеки горели, я поспешно шла по улице, и мелкие капли дождя сгорали на моем лице. Я не знала, куда иду. Заходила к подруге, но ни говорить, ни сидеть не могла, все смотрела в окно. Голова, как стрелка компаса, все время поворачивалась к окну.

— Я звонил тебе вечером, плотно заперев дверь в свою комнату, и слушал твой голос, так тихо, так безнадежно повторявший: але, але... Крал трубку и перезванивал вновь.

— А я вслушивалась в зыбкую, далекую тишину, стараясь различить твоё разбивающееся о трубку дыхание. Мне хотелось спросить: это ты? Но вместо этого получалось лишь глупое "але". То я вдруг пугалась, что это кто-то другой, и мое "але" становилось напряженным, а тишина распадалась на вереницу коротких гудков.

— Ты помнишь, какая была весна?

— Холодная и солнечная, сосульки текли, тротуары высыхали, а в старой иве возле школы было столько нежности...

— Тот "последний звонок"... Наш класс бродил по городу, повсюду наткаясь на таких же, как мы, вкусивших первой свободы выпускников. Мы все тогда были немного возвышеннее и смелее, и я решил взять тебя за руку. Я смотрел в сторону, вообще разговаривал с другой девочкой, но наши пальцы сомкнулись так крепко, что я уже не смог говорить и замолчал, полуобморочно ощупывая твою кожу. Сердце полетело вниз, я осторожно повернул голову и встретился с тобой взглядом.

— Тот "последний звонок"... Мы сбежали ото всех и целовались до рассвета в каком-то дворе. И когда взошло солнце и люди пошли на работу, мы все стояли. У тебя покраснели глаза, губы были алые и такие мягкие, ты все целовал и целовал меня, это было даже мучительно, потому что никто не мог остановиться, и невоз-

можно было расстаться... Мы пошли пить кофе в маленькую темную кофейню, сидели друг напротив друга, смотрели в глаза, улыбались и молчали. А потом еще гуляли, и ты привел меня домой только к обеду.

— А потом было безумное и жаркое лето любви и экзаменов, сначала выпускных, а после вступительных. Мы занимались в сквере. Ты читала вслух, я кормил тебя ягодами и поцелуями. Мы почти не расставались, родители смирились и уже воспринимали нас как одно целое. И однажды ночью, перед одним из вступительных экзаменов, мы потеряли невинность на твоём диване, заваленном книжками и тетрадками. Я даже не помню, не понимаю, как это случилось. Естественным притяжением...

— А потом мы поехали на картошку.

— Да, эта грязная холодная осень, неизменные мешки с картошкой, костры и дискотеки, деревенский самогон...

— За тобой опять гонялись девчонки.

— А я, когда только мог, бежал к тебе, и мы обнимались и целовались на глазах у всех, и девчонки выпадали в осадок, как только видели, как я на тебя смотрю, как я глажу твои колени, как отношу тебя в комнату.

— Мы были двумя нагледцами. Никто не смел даже заглянуть туда, пока ты не уходил.

— Два ненасытных наглеца.

— А потом мы вернулись, и жить друг без друга становилось все трудней. Мы много гуляли.

— Взявшись за руки. Нам было интересно все. Мы заходили в музеи и магазины, разглядывали витрины и прохожих, пили пиво, мокли под дождем, высыхали под солнцем, слушали один на двоих плейер.

— Ты держал меня за руку, и я чувствовала, что мы вдвоем против целого мира, и даже если бы выросла передо мной внезапно волна цунами — я бы не испугалась. С тобой я могла все — и жить и умереть.

— Я бы все тебе отдал, ты знаешь? Свое дыхание, свои сны, свою жизнь. Я невыразимо хотел отдать тебе все.

— Ты мог потратить последние деньги на цветы. Не знаю, где ты вообще их брал, эти деньги, но как только они у тебя появлялись, ты покупал мне букет и клал на порог моей квартиры. Я открывала утром дверь, чтобы идти в институт, и под ногами — толстые, шипастые стебли неизменно белых, как невесты, роз, рассыпанные на грязном половичке. Весь день после этого у меня было хорошее настроение. Господи, как же я любила тебя!

— Ты любила меня любого. Даже когда я злился и невольно обижал тебя, даже когда я оставлял тебя, чтобы провести время с друзьями, ты прощала мне все легко, не задумываясь. А когда я пьяный, после очередной институтской попойки, приплетался к тебе, потому что не мог идти никуда, кроме как к тебе (твоя мама осуждающе качала головой, когда видела меня, держащегося за дверной косяк в коридоре), ты снимала мои ботинки, укладывала на кровать, поила чаем и шептала что-то успокаивающее...

— Ты мог подбить всю компанию неизвестно на что. Здоровые мужики слушались тебя, и вы носились по общежитию, как стая диких обезьян, распугивая первокурсниц. Не знаю, изменял ли ты мне тогда, но почти каждую ночь ты приходил ко мне, а маме это не нравилось, и тогда ты нашел работу в какой-то фирме, налаживал им компьютеры. И снял для нас квартиру.

— Ты оказалась хранительницей, хозяйкой, настоящей женой. Я не думал об этом, когда снимал квартиру, я просто хотел быть с тобой каждую ночь. Но ты гото-

вила мне ужины, которые часто поедались нашими друзьями, пыталась готовить и завтраки, но на это у нас никогда не хватало времени. И часто, поднимаясь к первой паре, на кухне, освещенной электрическим светом, мы пили кофе, глядя друг на друга, а потом ты вдруг тянулась ко мне, и я сажал тебя на колени, трогательную девочку мою, осторожно прижимал к себе, а потом уносил обратно в постель.

— Я могла проснуться среди ночи, или под утро, когда солнце еще только подплывало к восточному горизонту, и смотреть на тебя, смотреть, как ты спишь, на твои беззащитные детские губы, на тень ресниц, на бледное лицо. Просто смотреть, даже не трогать тебя. А когда стрелка часов подбиралась к семи, быстро опустить руку на кнопку будильника и поцеловать тебя, нежно вытягивая из сна.

— Я мог не спать всю ночь, мучая твоё тело своей кожей, руками, губами. Мы врастали друг в друга. Ты стонала, ты плакала, ты помнишь это?!

— Твоя компьютерная фирма постепенно разрасталась, и ты рос вместе с ней, получал новые должности и все более высокие зарплаты. Ты окончил экстерном институт, потому что он стал мешать твоей работе, почти перестал встречаться с нашими друзьями, потому что на это не было времени, мы с тобой уже не занимались так часто любовью... Ты работал, как одержимый. И я видела, что все — и должности, и деньги — было лишь приятным дополнением к тому, что ты делал бы и бесплатно.

— Ты так верила в меня. В те темные минуты, о которых знали только ты и я, ты утешала и вдохновляла... Когда что-то не получалось в первый раз, ты успокаивала: ну что ты, где ты видел, чтобы с первого раза что-то выходило? Если я застревал во второй, ты усмехалась и говорила, что я талантливый соплик, не умеющий довести до конца свою работу, что мужчина твоей мечты должен быть упрямым, как дикий буйвол. (Но не как осел, вздыхал я.) А если я увязал совсем, ты садилась рядом, и я рассказывал тебе все, ты задавала вопросы и как-то выводила меня на мою ошибку.

— Дурачок, ты сам ее понимал, просто тебе нужно было отвлечься.

Ты разработал свою первую программу и был так счастлив и горд, будто спас мир. Мы собрали всех наших друзей и напильсь по этому поводу так же буйно, как раньше. Ты хвастался самозабвенно, все хвалили тебя, все признавались всем в любви. А потом мы остались одни, среди чудовищного развала на столе, и ты не сводил с меня глаз и покаянно прошептал: я хочу тебя, я люблю тебя, давай доживем вместе до старости...

— Ты могла все понять. Мое частое отсутствие дома, мою ночную работу за домашним компьютером, даже мое невнимание к тебе. Я как-то пропустил твой диплом, мы обмыли его, конечно, с теми же старыми приятелями, но мне нужно было уходить: мы тестировали мою новую разработку. Ты сказала, обняв меня на пороге: "Ну конечно, иди. Я буду ждать тебя".

А потом ты стала искать работу, но не нашла, и мы решили, что Бог с ней, будешь заниматься хозяйством и собой, денег хватит.

— Ты стал оставлять меня дома на сутки, потом возвращался, садился на диван и включал телевизор. Мне приходилось садиться рядом и смотреть всякие дурацкие спортивные программы, чтобы быть хоть немного ближе к тебе. Ты ввязывался в какие-то дела, которые приносили все больше денег, но все меньше оставляли мне тебя. Ты мог забыть поздравить меня с днем рождения, а вспомнить через день. Тогда ты становился виноватым и ласковым, как прежде, дарил мне подарки и неизменно — белые розы, вел в ресторан... Но на следующий день опять про меня забывал.

— Ты могла встретить меня, сидя у телевизора — ни поцелуя, ни ужина. Ты ничего не делала. А я ведь так уставал, ты даже представить не можешь, какая это усталость. Я ехал домой и хотел увидеть там жену, родную и нежную. Если бы ты только знала, сколько дерьма приходится разгребать на работе, как напряжен и непробиваем должен быть я, чтобы отстоять свое место под солнцем. Серьезные мужские игры отнимают все силы, высасывают всю кровь. И так хочется радости в глазах и надежного тыла, но натыкаешься на непроницаемое индейское лицо, уставленное в телевизор.

— Ты часто мог прийти домой пьяным. В тебе уже не было ничего общего с тем мальчиком, который смотрел на меня влюбленными глазами, опираясь о дверной косяк. Ты снимал ботинки и проходил в спальню, даже не глядя на меня. Падал на постель и засыпал. Ты храпел, от тебя воняло, и я ложилась на диван, накрывалась с головой одеялом и плакала. Если бы ты мог понять, как мне было одиноко!

Иногда, упрекая меня, ты говорил, что тебе нужен надежный дом, надежная жена, нежная жена, а я чувствовала себя гибридом собаки и мебели. И ты не хотел детей...

— Это ты не хотела детей.

— А в тот вечер, когда я оскорбила тебя, неужели ты не понял, что это было от отчаяния?

— Ты же знаешь, что значит сказать об этом мужчине...

— Да, но ты ушел, оставил ключи и ушел. Так, как будто ждал этого. И пропал на месяц.

— Но ты не остановила меня, не побежала вслед, ведь ты была виновата!

— Знаешь, я подумала, что если ты уходишь с такой готовностью, если оставляешь ключи, один из залогов нашей любви и нашей общей жизни, значит, ты не любишь меня, значит, я стала тебе обузой. Я знала, чего ты ждешь — моей сломленной гордости, чтобы я умоляла тебя остаться. Поэтому я пошла на кухню, налила себе чаю, стала смотреть в пол и глубоко дышать, чтобы не опуститься до истерики.

— А я специально шел медленно, смотрел на наши окна, а потом, когда понял, что ты не вернешь меня, побежал со всех ног, купил водки и опять бежал, не знаю куда, к той, что давно строила мне глазки на работе. Почему ты не остановила меня?

— А зачем ты оставил ключи?

— А почему ты не остановила меня?..

— Я тосковала без тебя тот месяц. Я знала, где ты, я привыкла тебя прощать, но не привыкла без тебя. Я оправдала тебя, ту женщину, тот ключ, я ждала тебя домой.

— А я так волновался за тебя, послал тебе денег. Хотел вернуться наутро, но было стыдно, а еще больше хотелось проучить тебя, заставить страдать. Я остался еще на ночь. Потом еще. Та женщина была хорошей, несчастной, все понимала, и потом я уже не мог бросить ее просто так. Я запутался, хотел домой, хотел к тебе, но и оставить ее не мог, понимаешь?

— Но ты все же пришел. И я пустила тебя, и простила, ты положил в карман ключи, и все стало, как прежде. Почти, как прежде, и даже лучше, потому что ссора стерла пыль с наших отношений. Но я все никак не могла забыть, как ты ушел, и все никак не могла перестать думать о том, где ты был в тот месяц. Я перестала верить тебе, и что-то начало разрушаться...

— А меня dokonало это чувство вины, когда я, приходя домой, прятал глаза. Ведь та женщина никуда не делась. Я не знаю, зачем, я не любил ее, да, впрочем,

и не хотел. Просто у нас с тобой все начало разрушаться, очень быстро, неостановимо...

Я благодарен тебе, что ты не устраивала скандалов. Ты просто сказала, что я тебя достал, и что ты не хочешь меня больше видеть. Никогда. Никогда...

— Я пил, я так много пил, не помню, с кем и как. Но водка не разбавляла горечь, а делала ее концентрированной, едкой, как серная кислота, и я плакал в чужих ваннных комнатах, сидя на унитазе, размазывал мужские слезы по небритым щекам. Звонил и бросал трубку, мечтал вернуть тебя, но знал, что ты не простишь, ведь я сам себя простить не мог.

— А я ждала тебя, каждую секунду застывая в сладкой стеклянной грезе: вот поворачивается ключ в замке, мы бросаемся друг другу навстречу, и вся эта многодневная, непрерывная сердечная боль тает, как дурное наваждение, тают без следа страшные ночи и дурные дни... Если бы ты пришел, я бы никогда, ни словом, ни взмахом ресниц, не напомнила бы тебе о своих страданиях. Мы бы забыли это, покрыли песком, камнями, засеяли травой... Если бы ты только пришел!

— Я дошел до точки отчаяния, а на работе мне дали понять, что терпеть мое пьянство больше не могут. Тогда я начал собирать себя, терпеливо, по кускам и лоскутам, обесиленно прилаживал их на место, мне было все равно, но как-то надо было жить... И я построил себя заново. Получилось не так, как раньше, но все же это был я. Не сумев вытащить занозу, загнал ее еще глубже в сердце, и она, кажется, прижилась там, обросла моими тканями, почти не мешает.

А потом я встретил ее, чудесную маленькую девочку, реанимировавшую мою нежность, и легкокрылые желания начали распускать свои белые перья. Мы много путешествовали, любили друг друга, и вот...

— А мне казалось, что мир опустился под землю и больше никогда не поднимется. Меня раздражало неестественное солнце. Я хотела купить тяжелые шторы и плотно закрывать их, но у меня не было сил. Я ложилась на кровать и пыталась заставить свое сердце остановиться. Вокруг этого занятия и окрепла моя воля, и хоть сердце по-прежнему натужно билось в такт похоронным литаврам, я начала заставлять себя вставать, что-то делать по дому. Формировала строгие привычки: утром — обязательно — чашка кофе и газета. Полить цветы — после завтрака. Вечером — разговоры с подругами, книга перед сном и сразу — сон... Помогли наши институтские друзья. Потом я заставила себя найти работу. Все делала четко и блестяще, и на это уходили все силы.

И наконец я встретила его, того, кого ждала. Умного, доброго и такого надежно, что рядом с ним все время хочется улыбаться. Но только отчего же так горько?

— Горько, моя любовь?

— Посмотри, пошел слепой дождь. Мои непроливишиеся слезы текут по моим щекам... Это просто слово "никогда", прекрасная пустота. Нам никогда уже не пройти под дождем, взявшись за руки, не вернуться домой мокрыми и счастливыми...

— И я никогда не услышу твой стон, и выгнутая спина не замрет в моих руках...

— Пора разжимать пальцы. Мы расходимся и больше никогда не встретимся. Так больно смотреть тебе вслед... Ведь мы могли бы жить и жить вместе, любя друг друга вечно, а теперь будем жить и жить, любя других людей...

А когда не останется ни одного слова кроме "прощай" и "прости", еще будет больно, еще будут лопаться нити, но сердце, обернувшись в целительный бархат печали, успокоится.

И все простится... И все забудется...

Софья СТЕБЛОВСКАЯ

Девочка с объективом

■ Когда Любочке было четыре с половиной года, родители привели ее в Дом детского творчества "Ритм" подмосковного поселка Менделеево, благо находился он в двух шагах от дома. Записались сразу в пять кружков. И во всех пяти девочка без труда умудрялась добиваться хороших результатов: в рисовании, шитье и в других премудростях. Но неожиданно для всех увлеклась фотографией. Однажды, к тому времени ей уже "стукнуло" шесть, она зашла в фотостудию и сделала фотограмму (что-то вроде негатива, на котором остаются контуры ладошек). Мог ли маленький ребенок со всей ясностью осознать, что это станет ее призванием? Как бы там ни было, но Люба с невиданным упорством и энтузиазмом принялась изучать законы фотодела. Ее мама Маргарита Васильевна удивлялась: "Если дочка зайдет в студию, то все... может весь день там находиться, и даже никогда не устанет".

Люба посещала занятия в фотостудии "Смена" несколько раз в неделю, а уроки длились иногда по три часа. А ведь зани-

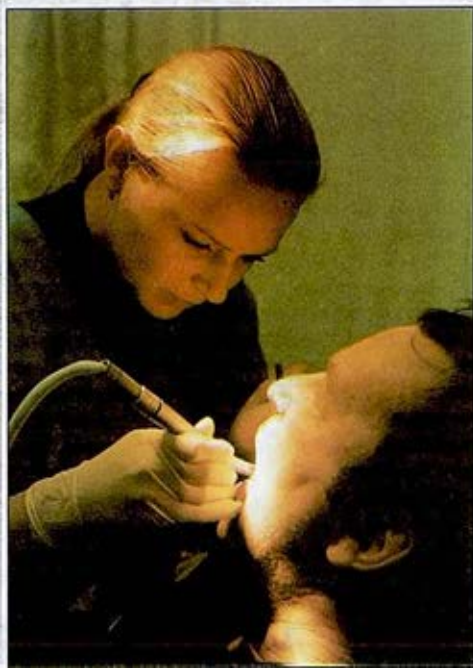

маться фотографией преподаватели рекомендуют детям хотя бы лет с 10 (считается, что в 6 лет ребенку еще довольно трудно сосредоточиться на чем-то больше 20 минут). Любе приходилось заниматься в группе со взрослыми ребятами, у которых порог утомляемости оказался намного слабее Любиного. Сама девочка рассказывает: "Преподаватель делал несколько замечаний и выгонял. Через полчаса никого не оставалось, я — одна..."

Преподаватель Любы и директор менделеевского Дома детского творчества Владимир Николаевич Семенов ведет занятия в фотостудии со дня ее основания. Перед ним прошли сотни ребят — способных, но лени-

вых, или, наоборот, не особенно даровитых, но обладающих маниакальным упорством. Ему есть с чем и с кем сравнивать Любу. "Такой ребенок на преподавательском небосклоне появляется раз в 10 лет. А Люба — уникал. Посудите сами: за 4 года она не пропустила ни одного занятия. Хотя это, конечно, не главное. Есть много детей, которые никогда не пропускают уроков, а добиваются мизерных результатов. Упорства мало. Да и таланта нет. А Люба соединяет и талант, и трудолюбие — редкое и счастливое сочетание".

Первую серьезную фотографию, с которой началась жизнь Любы как профессионала, она сделала в 7 лет. Это фото специали-

сты оценили как очень талантливое наложение цветowych слоев и очертаний предметов. Снимок напечатали в журнале "Фотомагазин", девочка получила приз — фотоаппарат "Зенит". При его вручении родителей долго пытали члены жюри и просили признаться, кто же сотворил чудесную цветовую гамму: мама или папа. Им казалось невероятным, что снимок сделан семилетней девочкой. Тем не менее первое признание работ Любы послужило ей мощным стимулом. "Захотелось снимать еще и еще ... я же знала, что смогу и лучше!"

За два года (с 7 до 9 лет) Люба завоевала первые места абсолютно во всех фотоконкурсах и соревнованиях, которые только проводятся в нашей стране!

"Мы пытались объяснить ей, что существует еще и второе, и третье места, что это тоже хорошо... но пока она не занимала ничего ниже первого... наверное, это плохо. Бо-

ремся со звездной болезнью", — сетуют родители.

Звездная болезнь в понимании родителей Любы — не гордость и не самоупоение от собственных успехов, а застывание на уже раз достигнутом, отказ двигаться дальше с точки, пусть и блестящей. Мама: "Чтобы она не заикливалась на том, что уже достигнуто, я однажды сняла со стенда фотостудии ее фотографии, получившие первые места, и сказала: "Надо двигаться дальше. Ты можешь сделать еще лучше". Главное, чтобы она не остановилась на достигнутом и не почитала, что лучше и красивее сделать не может уже ни она, ни кто-то другой".

Любое явление имеет две стороны, причем неизвестно, какая из них со временем окажется оборотной, на все можно посмотреть с разных точек зрения. С одной — перед нами незаурядно одаренная девочка, вундеркинд (хотя слово это не очень нравится родителям Любы). В 9 лет человек (отбросим со счетов то, что человек пока только ребенок) уже добился всего, о чем мечтают маститые профессионалы, посветившие своему делу всю жизнь, отягощенные нешуточным грузом годов и опыта. С другой — у Любы, в ее годы, есть все. Так ли это хорошо? Папа Юрий Викторович: "Может, и плохо... Плохо то, что она не такая, как ее ровесники. Тем, кто не такой как все, всегда тяжелее. Главное, чтобы ей не стало скучно... ведь она уже почти все умеет в своей области. Все попробовала, все призы завоевала, а что дальше?"

Конечно, дальнейшее может показать только время.

Часто, когда говорят о талантливых детях, да и вообще о незаурядных людях, забывают, какую роль в становлении и развитии сыграло их окружение, родные и близкие. Как бы банально ни звучало, от этого фактора не отмахнуться. Любины успехи — не только ее способности и труд, но еще и труд ее родителей. Маргарита Васильевна и Юрий Викторович Требушковы в буквальном смысле живут победами дочери, они проделали огромную работу над становлением ребенка в избранной ею профессии. Родители, вовремя заметившие что-то в ре-

бенке и сумевшие это подхватить и развить — еще большая редкость, чем по-настоящему талантливый ребенок.

Мама: "Родителям постоянно недосуг, некогда заниматься собственными детьми. Работа, видите ли. Как будто есть что-то дороже своих детей. И если в ребенке что-то есть, но не получает выхода, то, в лучшем случае, все просто сойдет на нет, а в худшем — выльется во что-то страшное. А виноваты в итоге будут родители".

В семье Требушковых — совместное творчество. Дочь находит сюжет, какую-то интересную историю, родители помогают осуществить замысел, прислушиваются... Много вы знаете родителей, которые внимательно и с уважением выслушивают своего ребенка как равного, относятся к его словам не как к детскому лепету, а как к словам взрослого человека.

Мама: "Я иногда удивляюсь, откуда она знает, что собирается фотографировать, и как все будет в уже готовом виде выглядеть на снимке. Знает, как изменится свет и цвет, объем и структура, как будто мыслит кадрами. У нее в голове изображение действительности изначально поделено на кадры. У профессионального фотографа получается не больше 3-4 удачных снимков с пленки, у нее, наоборот, 2-3 плохих".

Работа идет постоянно: трудится Люба не покладая рук, да и родители не отстают. О каждом снимке они все трое могут рассказать целую историю. Например, одна из лучших работ Любы, которую она сама назвала "День уходящий". Долго пыталась поймать нужный цвет, но не получалось так, как хотелось. У нее в голове сложилась определенная картина, которая не соответствовала тому, что было в природе. Когда все трое (она и родители, помогавшие ей) уже сели в машину и поехали, вечерняя природа наконец-то выплеснула именно ту краску, которой не дождалась Люба. Папа моментально повернул обратно, чтобы дать дочке возможность сделать снимок. Всего каких-то несколько мгновений, когда держится сгущенная розово-лиловая атмосфера, и кошка, которая долго упрямылась, наконец-то уселась спокойно попозировать, ... снимок сделан.

Но успех Любы — не только талантливые родители, но и редкий талантливый педагог — Владимир Николаевич Семенов. Именно он первым объяснил девочке, чем прояснитель отличается от закрепителя волшебными детскими словами — “живая” и “мертвая” вода, научил понимать, что бы она хотела видеть на снимке... Только ему одному она разрешает себя фотографировать — высшая мера доверия одного профессионала другому. Владимир Николаевич, возглавляющий одну из лучших в стране детских фотостудий “Смена”, воспитал не одно поколение способных молодых фотографов. К его словам о том, что Любе посчастливилось соединить в себе редкий дар художника с умением много трудиться, можно добавить, что Любе повезло и с родителями, и с педагогом.

18 мая этого года Любе исполнится 10 лет. В свои годы она — востребованный профессионал. Одно из постоянных предложений, которые она с удовольствием принимает — серия фотографий какого-нибудь ребенка, заказанная его родителями. Ниша бытового фотографа, по словам В.Н. Семенова, на сегодняшний день пуста, это значит, что люди согласны и готовы платить деньги, чтобы их и их детей красиво и талантливо фотографировали в домашней обстановке. Это удается Любе. Впрочем, как и все, что она делает в области фотографии.

Единственной проблемой, которая мешает Любе работать, — ее возраст. Получить аккредитацию на важное мероприятие официально можно с 14 лет, а в Союз фотографов принимают аж с 17. А потому, чтобы снимать Международные спортивные юношеские игры, ей и родителям пришлось приложить уйму сил. “Чиновники не хотят верить в то, что 9-летний ребенок может всерьез снимать какие-то мероприятия!”

Но проблема эта недолговечна. Годы летят быстрее, чем кадры в фотопленке, — прописная истина, в которой рано или поздно убеждается каждый.

Главное, чтобы продолжение пленки Любиной жизни было таким же, как и ее начало. С днем рождения, Люба! ■

Васна! Аудитории вузов опустели, улицы Москвы запестрели молодежью, девушки сменили джинсы на короткие юбки, молодые люди — огромные ботинки на легкие кеды. Деревья зазеленели, а любимый сноуборд пылится на антресоли. Что же делать экстремалам? А ясное дело. Именно о нем и пойдет речь.

Скейтборд — динг —
намного больше,
чем просто вид спорта. Это
часть молодежной культуры с
определенной философией, традиция-
ми.

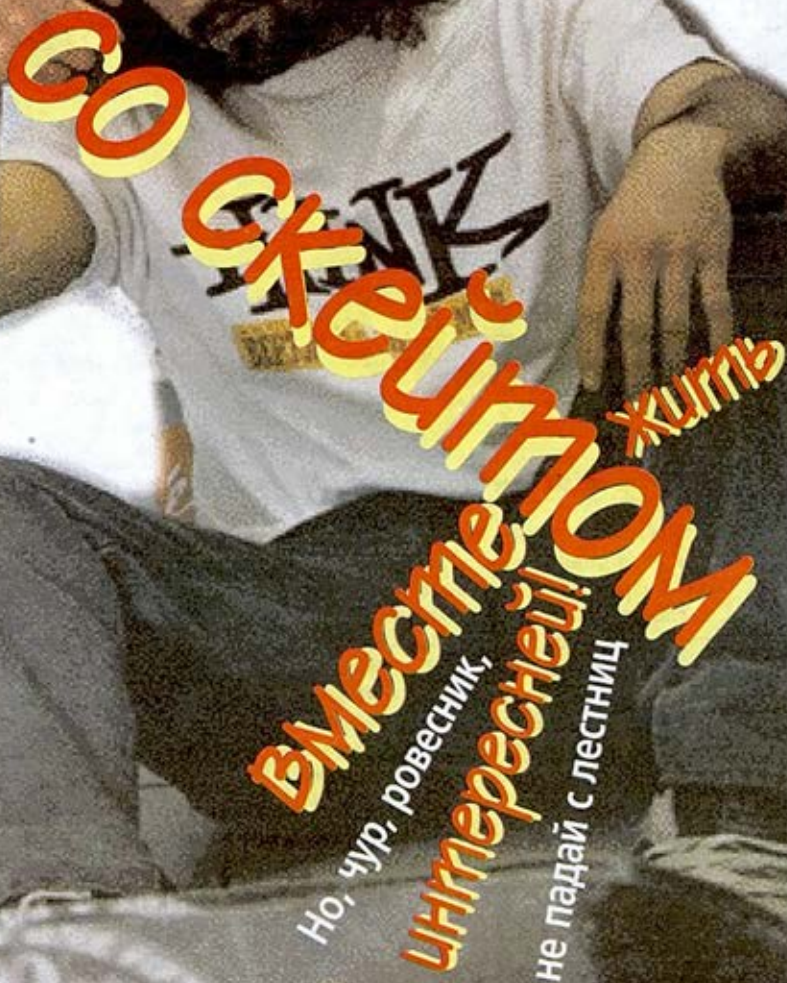
История скейтбординга уходит своими корнями в далекие семидесятые. Где-то в Америке его придумали серфингисты, чтобы было, чем заниматься вдаль от моря. В 1979 году стали выпускать журнал, посвященный этому виду спорта. Он носил название “Trasher” и послужил толчком к развитию целого скейт-движения. Появился даже музыкальный стиль — “скейт-панк”. Выступления музыкантов сопровождалось соревнованиями скейтбордистов. На улицах уже не только Америки, но и других стран мира стало появляться все больше и больше молодых людей с досками. Катались они, как правило, в самых популярных местах. В Париже — в Тракадеро, напротив Эйфелевой башни, в Лондоне — на площади Пикадилли. И их катание превращалось в бесплатное, красочное шоу, от которого получали удовольствие не только зрители, как правило, гуляющие по этим популярным местам туристы, но, в первую очередь, сами скейтеры. Надо видеть, с каким удовольствием они выполняли трюки на глазах изумленной публики. И экскурсоводам приходилось прикладывать немало усилий, чтобы вернуть своих экскурсантов к достопримечательностям Парижа и Лондона.

В середине восьмидесятых Москву посетила команда известнейших американских про-скейтеров, которые показали настоящее

искусство катания на досках. У нас в России в те времена были большие сложности с изготовлением скейтов, и если кому-то и удавалось "вымутить" себе самодельную доску, то она быстро приходила в негодность. К тому же непрофессионально сделанная доска не могла катиться, как по маслу, не позво-

ляла делать сложных трюков... Это, конечно же, во многом тормозило развитие скейтбординга в СССР.

Но шли годы, открылись границы, и из-за "бугра", со всем остальным барахлом, поехали и доски. Оттуда они едут и до сих пор. (Кстати, отличнейший товар!) Появились федерации скейтбординга, стали проводиться соревнования.

СО
ЖИТЬ
ВМЕСТЕ
ИНТЕРЕСНЕЙ!
НО, ЧУР, РОВЕСНИК,
НЕ ПАДАЙ С ЛЕСТНИЦ

Что же представляет собой этот вид спорта?

Для начала главное: по количеству травм скейтборд можно сравнить разве что с боксом. Он требует бесконечного терпения и множества времени, хорошей физической подготовки и неистовой любви к этому занятию.

Для технического катания и трюков используется рампа с идеально гладкой поверхностью и большим радиусом кривизны борта. На родине скейтбординга, в Америке, вместо рамп и скейт-парков сначала использовали днища пустых бассейнов. Школой для трюков стали перила и лестницы. Но спрос рождал предложение, и скейт-индустрия в Америке росла с каждым днем.

Сейчас уже разрабатываются уникальные материалы, большое внимание уделяется ди-

зайну дэки, в основе которого зачастую лежит искусство граффити, открываются новые фирмы и магазины для любителей этого вида спорта.

В нашей стране поклонников скейтбординга становится все больше и больше. С одним из них мы и встретились. Знакомьтесь!

Ашот Шабоян. В 1999 году на соревнованиях по скейтборду занял третье место, а в 2000 году — первое. Так что перед вами один из лучших скейтбордистов Москвы.

— Ашот, сколько лет ты уже катаешься?

— Седьмой год.

— Где предпочитаешь тренироваться?

— Больше всего нравится открывать новые места. Приятно проехать по улицам незнакомого города, но такое бывает нечасто. Так что катаюсь по Москве. Недавно был на

соревнованиях в Праге, и мне показалось, что у нас намного лучше условия для катания, намного больше места, нежели за границей.

— Насколько нам известно, ты некоторое время увлекался сноубордом, но быстро забросил его. Почему?

— Скейтборд и сноуборд — совершенно разные вещи, не поддающиеся никакому сравнению. Лично мне кажется, что у нас в Москве и Подмоскovie нет мест для занятия профессиональным сноубордингом, а для выездов за границу настолько часто, насколько это нужно, чтобы не потерять спортивную форму и навыки, необходимы большие деньги, которых у меня, как у студента, пока нет.

— Какой вид спорта тебя еще привлекает?

— Занимаюсь бодибилдингом, хочу "построить" собственное тело. Вроде, получается. (Демонстрирует мощный торс.) А вообще, люблю растяжки, всякие сложные позы из йоги, мечтаю ей заняться всерьез. Продвигаю в массы идею вегетарианства.

— И что же тебя заставило отказаться от мяса?

— Для начала — просто жалость к животным. А потом захотелось быть чистым душой и телом.

— Ты учишься в институте нефти и газа имени Губкина, а это одно из сложнейших учебных заведений. Как удается совмещать учебу с видом спорта, который требует столь длительных тренировок?

— Скейтбординг — ни с чем не сравнимое удовольствие. Конечно, иногда занятия страдают, но не настолько, чтобы стоял вопрос об отчислении. Вполне удается совмещать и то, и другое.

— А ущерб личной жизни скейтбординг не наносил?

— Нет, никогда. Но не хотелось, чтобы моя девушка была скейтершей. Это явно не женское занятие, хотя девушки и пытаются ни в чем не отставать от парней.

— Ходят слухи, что скейтбординг выходит из моды...

— Думаю, это глупости. С каждым днем появляется все больше и больше скейтеров. Скейтбординг рекламируют множество модных гляцевых журналов, роликов по ТВ и т.д. А потом у каждого вида спорта есть свои пре-

данные люди. Если ты фанат скейтбординга, то, сколько слухов ни распускай, кататься на доске от этого меньше не будешь.

— Что думаешь по поводу последней фишки в экстремальном спорте — миниатюрного фингерборда? Со стороны это увлечение выглядит полнейшим бредом. Куча народа сидит за столом и с помощью пальцев рук и миниатюрной доски, точной копии скейтборда, вытворяет все существующие трюки. Никаких травм, но и никаких острых ощущений.

— Вы не правы. При помощи пальцев и мини-досочки можно делать потрясающие трюки, какие на обычном скейте выполнить невозможно. У фингерборда под декой есть подвески, крепящиеся к ней крошечными винтиками. Сверху дека покрыта самой настоящей шкуркой для лучшего контакта пальцев с доской. Все так завораживает и напоминает ювелирное мастерство. Потом, не каждый по состоянию здоровья может выделять трюки на доске, надо подумать и об этих людях. Кстати, в скором времени в Москве обещают открыть скейт-парк для фингерборда.

— Стиль одежды предпочитаешь традиционно скейтерский (широкие джинсы, спущенные на коленках, объемная футболка) или есть какие-то свои заморочки?

— Предпочитаю кататься без майки, нравится, когда воздух соприкасается с телом, в этот момент происходит какое-то чудо, полное единение с природой.

— Существует огромное разнообразие трюков, с каким из них ты мучился больше всего?

— Back Side 360 Melon — это поворот в воздухе на 360 градусов. Своеобразное сальто-мортале. Вся сложность в том, что необходимо умудриться руками придержать доску и постараться в полете сделать какие-то интересные движения. Лучше — побольше.

— И сколько досок "убил" в процессе тренировки?

— Около ста.

— Мы упомянули о стиле музыки под названием "скейт-панк", под которую любят кататься скейтеры. Ты тоже приверженец этого музыкального направления?

— Совсем не обязательно, чтобы все скейтеры слушали “скейт-панк”, каждый человек — индивидуальность, вкусы и пристрастия соответственно у всех тоже разные. Мне, например, нравятся группы “Travis”, “A-ha”, обожаю джаз и все, что связано с саксофоном. И они совершенно не мешают кататься на доске.

— Говорят, что большинство юношей и девушек, вращающихся в скейторских и сноубордистских тусовках, употребляют алкоголь, табак, травку.

— Я приверженец здорового образа жизни. Пил и курил целых полгода, но в итоге понял, — не мое. Потом, настоящий спорт невозможен в сочетании с подобными компонентами. Если вечером напился, накурился, утром на доску не встанешь. Никотиновым дымам в душной квартире или выпивке в баре предпочитаю купание в проруби. А лучший способ отдыха для меня — сон.

— Планируешь в будущем связать свою жизнь со скейтбордингом?

— Профессионально — не планирую. Но, как душа попросит, сразу же побегу кататься, надеюсь, что такая возможность будет всегда. Хочу построить свой скейт-парк. Вообще я много чего хочу, например, иметь собственный тренажерный зал. Не отказался бы и от пасеки, мечтаю пожить в Индии, стать известной личностью и пропагандировать идею вегетарианства, но, главное, хотел бы заняться серфингом.

— А какая-нибудь особая мечта насчет скейтбординга существует?

— О да! Перепрыгнуть через кабриолет с красивыми обнаженными девушками внутри.

— И напоследок, дай дельный совет подрастающему поколению.

— Не стоит ни в коем случае закливать себя на скейте. В жизни масса интересных вещей, которые надо не упустить. И все же! Тот, кто смел и отважен, не боится боли и обладает терпением, интеллектом и нестандартным мышлением, пусть смело покупает доску. Учитесь ощущать свободу и будьте сами олицетворением этой свободы... ■

Беседовали **Поля ТЕСЛЕР**
и **Катя ШАКЕРОВА.**

Какие знакомые слова, и какой детской наивностью и простотой веет от них! Так же просты и рецепты блюд, приготовленных из этого распространенного овоща — капусты.

■ **Щи из свежей капусты**

На 500 г мяса — полчочана свежей капусты, 2 луковицы, 2 ст. ложки масла, 2 помидора и зелень.

Сварить мясной бульон. (Чтобы он получился прозрачным, варить с 1 луковицей.) В бульон положить предварительно обжаренную луковицу и порезанное кусочками мясо, добавить нашинкованную капусту и варить полчаса. Затем нарезать картофель и помидоры. За 5-10 минут до окончания варки добавить перец, лавровый лист, соль, зелень и масло. (Если нет картофеля, щи можно заправить мукой.)

■ **Щи из квашеной капусты**

На 500 г мяса — полкило квашеной капусты, 1 луковица, 4 картошки, 1 ст. ложка муки, по 2 ст. ложки масла и томата-пюре, зелень, перец, соль по вкусу.

Сварить мясной бульон. На сковородке потушить квашеную капусту, добавив масло. Капусту переложить в бульон, добавить поджаренные с томатом лук, муку и зелень, нарезанную картошку и варить до готовности. За 10 минут до окончания варки положить лавровый лист, соль, перец и 1 ложку масла.

■ **Капуста по-баварски**

1 кг капусты, 1 чайная ложка сахара, 3 ст. ложки растительного масла, 1 луковица, 2 яблока, соль и уксус.

Капусту нашинковать, нарезать лук, добавить 1

стакан воды, сахар, масло, посолить и тушить до полуготовности. Затем добавить 1 чайную ложку уксуса, яблоки, нарезанные кубиками, и продолжить тушение до полной готовности. Посыпать сверху зеленью петрушки.

**"Сто
одежек —
и все
без
застежек"**

как вкусно!

■ Шницель из капусты

Полкочана капусты, 2 яйца, 1 ст. ложка сливочного масла, панировочные сухари.

Листья капусты отварить в соленой воде, охладить и слегка отжать. Затем разделить на куски, придать им форму шницелей, обмакнуть во взбитые яйца, обвалить в сухарях и обжарить в масле на сковородке.

■ Капустные оладьи

Полкочана капусты, 1 яйцо, 1 ложка сахара, 2 чайные ложки масла, 1 ст. ложка сметаны, полстакана молока.

Капусту промыть, нашинковать и тушить в молоке, пока не станет мягкой. Потом пропустить через мясорубку, посолить, смешать с сырым яйцом и сухарями и класть ложкой на смазанную маслом сковороду в форме оладьев. Обжарить с обеих сторон.

■ Ленивые голубцы

500 г мясного фарша, 1 ст. ложка масла. Для соуса: полстакана сметаны, 1 чайная ложка муки, 1 чайная ложка масла.

Мелко нашинкованную капусту растереть пальцами и смешать с фаршем. Сварить рис (не до полной готовности — 8 мин.), тоже смешать с фаршем, промыть предварительно в холодной воде. Все посолить, еще раз перемешать, разделить на котлеты и обжарить с 2-х сторон.

Приготовить соус: смешать сметану с мукой, разогреть, добавить масло и довести до кипения. Залить голубцы готовым соусом и 5 минут потушить под крышкой.

■ Цветная капуста с картофелем

Кочан цветной капусты, полкило картофеля, 2 луковицы, 2 яйца, 3 ст. ложки муки, соль, петрушка.

Обжарить на сковородке мелко нарезанный лук. Отваренный картофель порезать ломтиками, разделить отваренную капусту на соцветия и уложить все это поверх лука. Залить готовую массу яйцами, взбитыми с мукой, посолить и запечь в духовке. Перед подачей украсить сверху зеленью петрушки.

А для гурманов, не жалеющих своего труда и времени, особый рецепт — сюрприз.

■ Фаршированная "капустная головка"

Кочан капусты, полкило сваренного рубленого мяса, треть батона белого хлеба, 2 яйца, 2 луковицы, соль и перец.

Кочан подержать в кипятке в течение 5-10 минут и разобрать по листьям. Мясо, вымоченный хлеб, яйца, мелко нарезанный лук, соль и перец тщательно перемешать. На блюдо положить кусок чистой марли и уложить на нее капустные листья. Поочередно выкладывать фарш и оставшиеся листья, после чего марлю крепко завязать и полчаса варить эту массу в слабокипящей воде. "Капустная головка" после готовности будет прекрасно и необычно смотреться на блюде.

Приятного аппетита!

Ваш Поваренок

■ Анекдотов о прапорщиках придумано немерено. И такие они, и сякие, и жадные, и вороватые, и неумные, и сало, все как один, любят.

У моего друга даже висела исполненная неизвестным умельцем картина: "Прапорщик, продающий шинельное сукно". Изгалялся друг. А зря, я прапорщиков и на войне видел, где они вместо убитых офицеров взводами командовали. Просто это тот случай, когда общественное мнение изменить уже невозможно. Миллионы прошедших армию граждан принесли со службы вместе с дембельским альбомом и парадной формой и миллионы баек о своих старшинах рот, заведующих банями, начальниках складов. Историй этих не счесть.

Например.

— Товарищ прапорщик! А расстегай — это рыба или мясо?

— Расстегай — это команда!

Вот так вот, и все смеются.

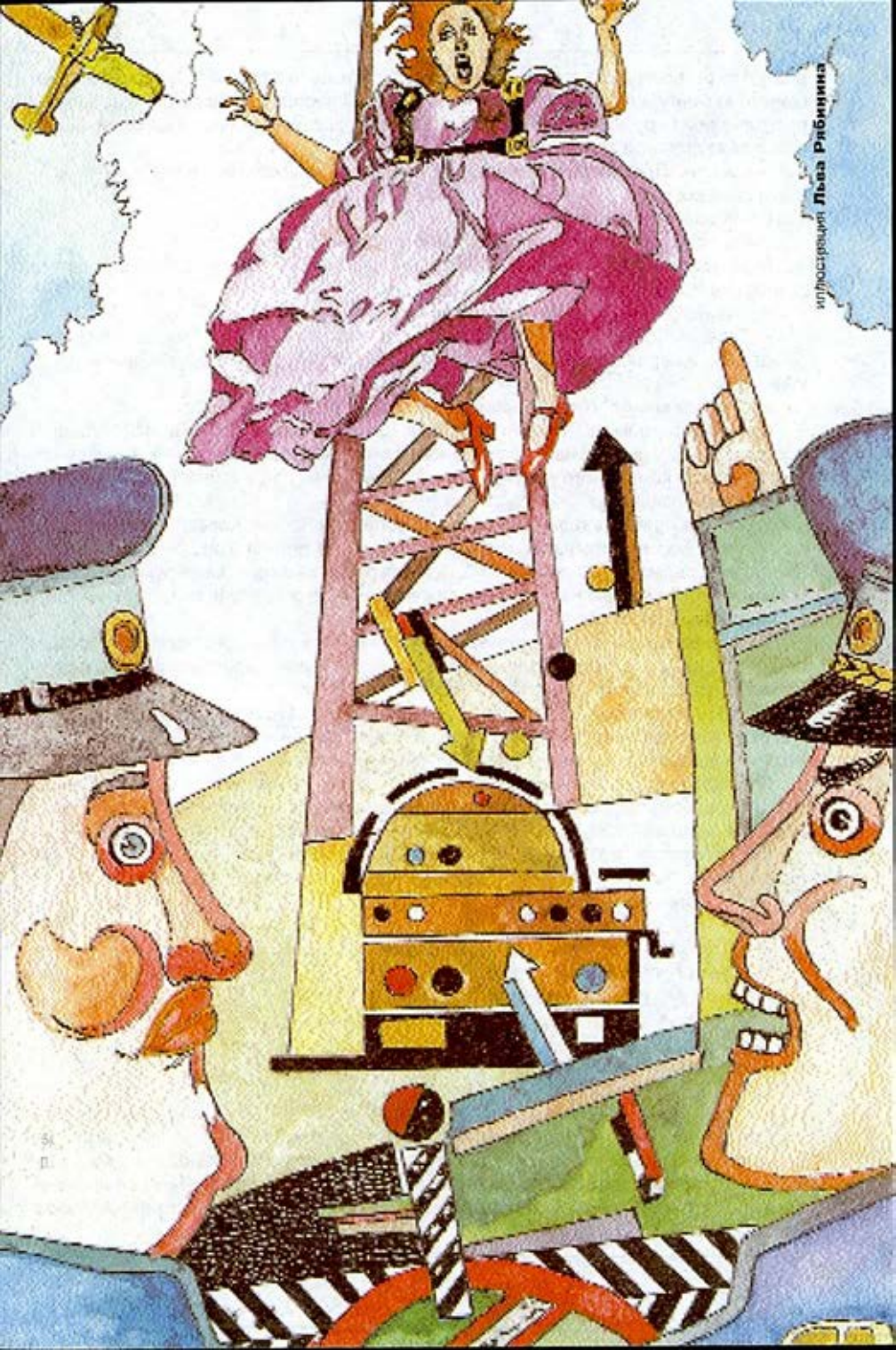
Но прапорщик, при всей внешней неброскости, смекалку и способность к выживанию имеет поразительные. И когда мне про них говорят что-нибудь пренебрежительное и обидное, я сразу наш затерянный в степи гарнизон вспоминаю...

В дальнем, забытом Богом и начальством гарнизоне среди казахской степи чего только не было. Ракетчики, пехота, учебная авиационная часть. И маленький поселок — городок. Одна школа, филиал техникума. Даже тюрьма была, точнее, колония, которую охраняла рота внутренних войск. А кое-чего и действительно не было. Детского сада, к примеру. Офицерские жены и так без работы маялись, чего им детский сад, пусть с детьми дома сидят. Не было и толковой поликлиники, на все про все ПМП — полковой медицинский пункт и здравпункт с терапевтом и стоматологом, квалификации которых хватало на помощь разве что первую и последнюю, а по серьезным медицинским вопросам приходилось ездить за сто километров в областной центр. Был очаг культуры в виде Дома офицеров, пусть и барака, но с деревянными колоннами. Пять кружков: макраме, кройки и шитья, художественного слова и чего-то там на баяне, еще кинозал и танцы по вечерам. Не гарнизон, а дыра, каких много...

Но была и своя гарнизонная жизнь. Официантки, повара из офицерской столовой, кастелянши и горничные из гостиницы летчиков. Молодые офицеры, офицеры постарше, которые немолодые, и их жены, маявшиеся от безделья, пока их мужья то на стрельбище, то на полевом выходе, то в командировке. Как и во всяком гарнизоне, были сплетни, измены и интриги. Были и громкие случаи. А в общем — тишина и спокойствие.

Вот идет на службу по пыльной улице городка прапорщик Берендеев, заведующий кабинетом тренажеров авиационной учебной части. На нем стоптанные сандалии, мягкие холщовые штаны и футболка с выгоревшей задорной и непонятной надписью: "Даешь в закрома Родины целинный миллиард!". В таком виде он совсем не похож на военного, скорее, напоминает не бравого прапорщика, а американского безработного или американского писателя Хемингуэя без бороды. Хотя, с одной сто-

Катапульты

роны, кто бы позволил Берендееву с бородой служить, а с другой, трудно себе представить Хемингуэя в футболке с призывом, чтобы Флорида или Техасщина не забыли про план по сбору зерновых. Наряд Берендеева завершала белая казахская шапка наподобие стеганой войлочной панамы.

— Савелий Прохорович! Савелий Прохорович! — выскочила ему навстречу женщина средних лет.

Прапорщик остановился.

— Савелий Прохорович! Можно с вами сегодня встретиться?

Берендеев немного подумал и достал из кармана объемистую, изрядно потрепанную записную книжку.

— Давай, Света, часа в четыре заходи.

— Савелий Прохорович, — уже вполголоса проговорила она, — в военторг джинсы завезли. Американские. Я вам отложила, посмотрите потом, будете брать, или я командирю отнесу.

Берендеев кивнул, спрятал записную книжку и пошел дальше.

С другой стороны к КПП части бодрой походкой направлялся лейтенант Аркадий Вострецов, помощник командира учебного пункта, недавний выпускник высшего общевоинского командного училища. Он неприлично молод и сейчас без формы смотрится пацан пацаном.

Поначалу, прибыв в гарнизон, да еще и попав в авиацию, Аркадий днями не снимал синюю форму с крылышками на погонах, но на летней жаре быстро сопреп и вне службы перешел на "гражданку". Пестрая рубашка с короткими рукавами, которую он купил по случаю на рынке, выглаженные до острой, как бритва, стрелки брюки, сандалии "Скорострел".

Вострецов дошел до парикмахерской, остановился и подергал дверь. Потоптался, пригладил коротко стриженные волосы, глянул на часы, на закрытую дверь парикмахерской и заторопился на службу.

В девять часов сразу после развода начинается служебный день. Раза два-три в месяц сюда приезжают на пару дней летчики, чтобы потренироваться на тренажерах и пожить в условиях, максимально приближенных к тыловым. Когда не надо ждать тревог, неожиданных вылетов и можно расслабиться, отдохнуть и поухаживать за женской половиной городка. В остальное время в части поддерживается боеготовность. Красят бордюры, проводятся политзанятия, занимаются строевой подготовкой.

В учебном классе за партами сидели прапорщик Берендеев и три солдата — все подчиненные Вострецова. Сам Аркадий расхаживал между партами с раскрытой книжкой и диктовал с листа:

— Поздней ночью
Или утром рано,
В злую стужу или душный зной
Под свою надежную охрану
Принимал Отчизну
Часовой.
(Стихи Е. Артюхова)

Солдаты, торопясь успеть за лейтенантом, строчили в тетрадках. Прапорщик сидел спокойно, только временами делал какие-то пометки в записной книжке.

Было жарко. В распахнутые окна залетали мухи и лениво ползали по стеклам. Солдаты и прапорщик тоскливо следили за ними, смотрели сквозь пыльное стекло на городок.

Городок словно вымер. Пустой плац. Вот через него краем, вдоль забора, по тени протрусил собака. За забором пыльные улицы, дома с раскрытыми, затянутыми марлей, окнами. Еще дальше начиналась степь до самого горизонта.

Берендеев вызывающе широко зевнул.

— Прапорщик Берендеев! — немедленно отозвался лейтенант. — Повторите, о чем я сейчас говорил.

— А что говорить, — давая зевок, поднялся прапорщик. — Правильные стихи. Наши.

Они стояли друг против друга. Берендеев возвышался над лейтенантом, как северная, поросшая мхом скала. Лейтенанту было 22 года, прапорщику 44. Их разделяло 22 года и 2 неодолимых звания — младший лейтенант и старший прапорщик. Берендеев еще мог стать старшим прапорщиком, но младшим лейтенантом уже никогда. Вострецову и вовсе предстояло шагать лишь вверх до недостижимых для Берендеева высот и званий.

— Садитесь, Берендеев, впредь будьте внимательнее.

Он проверил конспекты солдат, прежде чем закончить занятия и дать команду разойтись.

Солдаты шли дальше белить бордюры, прапорщик направлялся в кабинет авиационных тренажеров, а лейтенант Вострецов шел устраивать личную жизнь.

Лейтенанту по возрасту и положению нужна была женщина. Женщин в гарнизоне было немного, а свободных так просто не отыскать. Даже те, что не замужем, или крутили романы с наезжавшими летчиками, или негласно числились за какими-то старшими лейтенантами, капитанами, прапорщиками и майорами.

Помыкавшись с месяц, Вострецов пошел на решительный шаг и всем своим трем далеким училищным подругам отправил письма. Написал, что, хотя и закончил училище общеевойсковое, служит теперь в авиации. Соврал, что уже летал и прыгал с парашютом. Расписал городок и заодно быт в "маленьком, но славном гарнизоне", где климат между летними пылевыми бурями и зимними буранами почти как в Швейцарии. И водовозка приезжает два раза в неделю, так что жить здесь можно.

Во все три послания было вписано предложение разделить жизнь и судьбу и незамедлительно приехать к нему в Казахстан.

Разослав крик своей души, он первое время ходил сам не свой, опасаясь, что на его призыв за рукой и сердцем приедут сразу три невесты. Но оказалось, что боялся зря — не приехала ни одна.

Поэтому Вострецов ухаживал за парикмахершей Леной, женщиной незамужней и незанятой, хоть и на пять лет старше лейтенанта.

Аркадий каждый день стригся и все не решался заявить о своих чувствах. Он приходил в парикмахерскую, занимал кресло и через зеркало смотрел на парикмахершу глупыми влюбленными глазами.

По бокам от зеркала висели фотографии холеных мужчин, демонстрирующих образцы причесок, и здесь же вырезанная из журнала "Рижская мода" страница. С нее стройный блондин в джинсовом костюме, картинно отставив руку, презрительно смотрел на Вострецова.

— Стричься будем?

Лейтенант отвернулся от наглого блондина, пригладил свои жесткие, цвета пакли, волосы и попросил:

— Подровняйте, пожалуйста.

— С одеколоном? — уныло спросила та.

— С одеколоном.

Парикмахерша порхала над ним ножницами, потом брала зеленую бутылочку с оранжевой грушей на пробке, давила на грушу и орошала одеколоном стоявшие торчком волосы лейтенанта.

Лейтенант вздыхал и, вставая, клал на столик деньги и шоколадку.

— Лена! — наконец решился он. — А какие вам, как парикмахеру и человеку, мужчины нравятся?

— Лысые. С ними возни меньше.

Лейтенант снова вздыхал и уходил. Блондин со стенки смеялся вслед. А парикмахерша Лена, брезгливо выкинув расплавившийся до комка шоколад в урну, садилась у окна с затрепанным журналом "Рижская мода" и посматривала в окошко.

Расстроенный лейтенант шел утверждать на подчиненных.

В его подчинении были три безответных солдата и прапорщик Савелий Берендеев. Победа над солдатами досталась так легко, что не радовала. Она была автоматической. Солдатам приказывали копать, и они копали. Приказывали носить, и они носили. Приказывали зарывать отрытую вчера яму, и они безропотно зарывали.

Сейчас они отбивали белую полосу на бордюре. Вострецов придирчиво посмотрел и приказал вернуться назад и перебелить все на два сантиметра выше. Слегка успокоившись, он направился к Берендееву.

Прапорщик лейтенанта раздражал своим спокойствием, уверенностью много повишшего и повидавшего человека, даже непробиваемостью. И лейтенант пошел пробивать подчиненного.

В кабинете тренажеров было тихо и темно. У входа стоял УАК — учебный авиационный комплекс, полная копия кабины самолета со всеми приборами, креслом и ручкой управления. Дальше шли модели авиационных двигателей в разрезе, кусок крыла с задранными закрылками, рядом стойка шасси с толстыми шинами. У стены уложили вверх отполированные рельсы учебной катапульты.

Зайдя в кабинет, лейтенант подслеповато оглянулся. Прапорщика нигде не было видно.

— Берендеев!

— Я! — Тот появился откуда-то сбоку и снизу, щелкнул рубильником и зажег свет. На его щеке четко отпечатался след подушки.

— Занимаетесь, значит, — усмехнулся лейтенант, — готовите материальную часть к учебному процессу. Доложите свои обязанности.

— Содержать в исправности вверенную материальную часть, — Савелий уверенно загибал толстые пальцы, — высоко нести честь воина и прапорщика, в дни тренировок летчиков обеспечивать учебно-тренировочный процесс, быть всегда боеготовым, подтянутым, по-уставному опрятным...

За окном солдаты добеливали бордюр.

— Савелий!

— Я!

— Почему женщины в гарнизоне к тебе тянутся? Ведь ты только прапорщик, не офицер.

Тот лишь пожал плечами, смутился.

— Ну, вы скажете, товарищ лейтенант. Так уж и тянутся. Они ж сами. Верно, настающего мужчину чувят.

Он зря так сказал. До этого просто недовольный Вострецов теперь всерьез разозлился.

— Мужчину, говорите, чувят? Что же этот мужчина в своих обязанностях мне строевую подготовку и выправку ничего не сказал? Так что, Берендеев, через пятнадцать минут встречаемся на плацу.

Солнце палило невыносимо, вдобавок на строевые занятия пришлось натянуть сапоги и теперь париться в этом дурацком полушерстяном обмундировании, которое таскали служивые, невзирая на климат, во всех широтах от Новой Земли до Кушки.

Досталось не только рубившему строевым прапорщику, но и командовавшему им лейтенанту.

— Раз-два, раз-два, выше носок! — И Берендеев тянул выше носок. Вскоре Вострецов понял, что сам устал, и тут, выручая его, подбежал посыльный.

— Товарищ лейтенант! Вас дежурный по части вызывает.

— Прапорщик Берендеев!

— Я!

— Отрабатывайте пока строевые приемы самостоятельно. Следующая тема — отдание воинской чести начальнику. Я скоро вернусь.

Лейтенант быстро взбежал по лестнице в здание штаба.

Дежурный по части сидел на втором этаже и сквозь широкое окно наблюдал, как Берендеев рубит шаг по плацу вдоль белой линии. У края плаца раскинулся огромный карагач. Берендеев четким строевым шагом подошел к нему и "отдал честь".

Майор-дежурный, наблюдавший за ним из окна, засмеялся.

— Ну, я ему сейчас устрою! — вскипел лейтенант.

— Хватит тебе, — остановил его дежурный. — Прекращай занятия!

— Почему? — возмутился Вострецов. — Это мой прапорщик!

— Приказ.

— Чей?

— Жена командира части звонила. Да и обед уже по распорядку.

В столовую пришли одновременно, смыли пыль у умывальника и также рядом встали с подносами на раздачу.

— Мы вами еще займемся, — туманно пригрозил Вострецов, все еще недоумевая, какое дело жене полковника до строевых занятий.

Берендеев поставил себе два компота и послушно двигал поднос за лейтенантом.

— И конспекты я ваши проверю, — не унимался тот, подумывая, чем бы еще досадить прапору.

Они дошли до толстой тетки, разливавшей первое. Та плеснула лейтенанту плошку жижи с разваренной капустой и, не глядя, протянула тарелку. Потом заметила Берендеева. Сначала рукой поправила сероватую наколку на голове, потом покраснела и смущенно улынулась, а черпак в ее руке нырнул на самое дно бака. Основательно там покопалась и выудила из глубин бака громадный кусок мяса.

— На здоровье, кушайте, Савелий Прохорович! — низким грудным голосом произнесла она.

Вострецов недоуменно глянул сначала в тарелку к прапорщику, потом в свою, где одиноко плавала разваренная капуста с медалью жира, и прошипел:

— После обеда на строевые занятия. Мне жена командира не указ. Продолжим. Носок вы, товарищ прапорщик, тянуть так и не научились. Будем отрабатывать!

— У меня освобождение, — подумав, ответил прапорщик и протянул бумажку. Вострецов раза три прочитал ее.

— Так это же стоматолог, Нина Семеновна! — изумился он. — При чем тут зубы и... — он снова перечитал бумажку: — "Нуждается в освобождении от строевых занятий сроком на один месяц".

— Не знаю, — отвернувшись в сторону, пробасил Берендеев. — Она сейчас за начмеда. Ей виднее.

После обеда заставить кого-либо в этом пекле работать мог разве что садист. В гарнизоне объявлялся негласный тихий час.

Вострецов садистом не был, и сам пошел отдыхать в свою комнату в общежитии. Здесь он разделся до трусов, направил на себя лопасти гоняющего раскаленный воздух вентилятора и лег на койку.

Берендеев тоже отправился домой отдохнуть и отлежаться, правда, по дороге его перехватила пышная крашенная блондинка, ведущая кружок макраме в Доме офицеров.

— Савелий Прохорович!

— Что тебе, Ира?

Та молчала, лишь изредка бросая застенчивые взгляды на Берендеева, что было несколько странно для такой уверенной в себе пышки.

— Что, Ира, опять?

— Да, Савелий Прохорович, на море отдыхала.

— Ну что с тобой делать, приходи вечером, после семи.

— Спасибо, Савелий Прохорович.

По пути в общежитие Берендеев заглянул в буфет, и там Катя-буфетчица, слезив в холодильник, угостила его бутылкой пива.

Прапорщик, с удовольствием потягивая пивко, увидел за окном спешащего куда-то лейтенанта, и настроение сразу испортилось.

Лейтенант остановился было у парикмахерской, потоптался и, так и не решившись зайти, пошел куда-то дальше. На лице прапорщика появилась змеиная улыбка. К тому же он вспомнил, что завтра рано утром лейтенант с попутной машиной едет в аэропорт, чтобы использовать оставшиеся от отпуска проездные и слетать на день в Питер. Причем Берендееву надлежало вечером того же дня лейтенанта встретить.

— Чудит, начальничек, — пробормотал он, поднимаясь из-за стола.

— Савелий Прохорович! — Катя царственно выплыла из-за стойки со свертком в руках. — Я вам тут колбаски, сырку завернула, пользуйтесь на здоровье.

Вторая половина дня прошла спокойно. Вострецов, не найдя чистого белья, вместо службы затеял стирку и яростно шуровал в тазике. Берендеев раскатал матрац прямо в кабинете за одним из тренажеров. А солдаты без начальственного глаза, тоже где-то прячась, отдыхали и не подавали признаков жизни.

Жизнь в гарнизоне замерла до вечера и приходящей с ним прохлады. А пришел вечер, и все зашевелилось. Захлопали двери домов, появились на улицах люди. И только Вострецов, собираясь в путь, улегся пораньше спать, поставив будильник на четыре утра. Он выключил свет и думал о своей лейтенантской жизни, о парикмахерше Лене, о прапорщике Берендееве. Представлял завтрашнюю поездку в Питер и связываемые с ней надежды.

Прапорщик тоже думал. Он давно запер кабинет, опечатал дверь, прошел до окраины городка, встал на пригорке и вгляделся вдаль.

В степи садилось солнце. Огромное, красное, оно катилось за высокую траву вдаль, садилось куда-то за городок, за степь, за пустыню. Берендеев стоял и смотрел на закат. Лицо его со стороны казалось медно-красным, забронзовевшим. Широко расставленные ноги уверенно упирались в землю. Руки он держал в карманах, и во всей его позе сквозила основательность и пренебрежение к земной суете.

Его осторожно тронули за локоть. Незнакомая женщина невысокого роста, в левой военной форме с сержантскими погонами, уже минут пять стояла сзади, не решаясь обратиться.

— Савелий Прохорович, простите за беспокойство, мне ваш адрес дали. Я к вам издалека приехала, из другого гарнизона.

— Завтра приходите. — Савелию не хотелось возвращаться от заката к мирским светлым делам.

— Савелий Прохорович, — не отставала та, — я к вам на попутке с караулом добиралась. Машина через три часа за мной придет.

Берендеев посмотрел на запад. Солнце уже село, только его край еще виднелся над горизонтом, ничего уже не освещая.

— Ладно, пошли, — махнул он рукой. — Все равно мне завтра этого сморчка в аэропорту встречать.

Они прошли на территорию части, хлопнула дверь учебного корпуса, зажегся свет в кабинете авиационных тренажеров. Через десять минут оттуда донесся глухой взрыв, будто хлопнули пустой надутый пакет. Погасли окна в кабинете. Сначала из дверей выскользнула женщина-сержант, минут через пять вышел Берендеев и запер дверь на замок.

Городок с вечерней прохладой ожил. Гарнизонная столовая превратилась в кафе. Из ее открытых окон доносились перекрывавшие музыку задорные пьяные крики.

Работал Дом офицеров, где непьющие и чуждые шумных развлечений военные изучали макраме, художественную кройку, шитье и вязание. Там же, судя по звукам, кто-то мучил баян.

По единственной освещенной фонарями улице чинно прогуливались пары.

Берендеев вспомнил про приглашение, завернул в военторг и вскоре вышел оттуда с плотным пакетом под мышкой...

В четыре утра в комнате офицерского общежития зазвонил будильник.

Вострецов споро поднялся, натянул постиранное накануне белье и засобирался в дальний путь.

Вообще-то, отпуск лейтенант уже отгулял. Но от него остались два дня и неиспользованные проездные. Чтобы они не пропали, их надо было использовать. И лейтенант, недолго думая, выписал себе билет в далекий Питер. У него все было четко рассчитано. Засветло добраться до аэропорта. Утром прилет в Питер. Эрмитаж, Невский, Петропавловская крепость, обед в "Астории" и обратный рейс в тот же день вечером, где его в аэропорту должен встретить Берендеев на казенном УАЗике.

И началось все красиво: попутный грузовик, белоснежный лайнер в аэропорту, длинноногие стюардессы и аэрофлотовская резиновая курица на обед.

Аэропорт Пулково встретил северной прохладой и морозящим дождем. Вострецов не стал ждать автобус и уверенным шагом отправился на стоянку такси.

— В город! — небрежно бросил он, развалившись на заднем сиденье "Волги".

Доехали неожиданно быстро, за полчаса, сначала по шоссе к городу, потом по какому-то проспекту, затем по набережной вдоль древнего канала с поросшими мхом каменными стенками.

Вострецов подпрыгивал на продавленном заднем сиденье и думал, что, похоже, жизнь удалась. Еще утром он трясся в попутном грузовике, проезжал мимо верблюдов, потом несколько часов летел в лайнере, теперь вот на "Волге", такой же, как у командира гарнизона, торопится по своим делам.

Все прошло по плану: успел и Эрмитаж посмотреть, и в Петропавловскую крепость попасть, и даже пообедать в "Астории". Еле держась на ногах, Вострецов отметился в военной комендатуре на Садовой и побежал на метро. Денег на такси у него не осталось. Впрочем, за пять минут до конца регистрации на рейс он уже был в Пулково.

Как и договаривались, на месте его ждал УАЗик. Берендеев стоял у ограждения и корчил улыбку, изображая радость от встречи с начальством. Он был в гражданке: в своей дурацкой казахской шапке, в линялой футболке и джинсах.

— Как слетали, товарищ лейтенант? — поинтересовался прапорщик.

— Слетал замечательно, — улыбаясь, ответил Аркадий.

Всю оставшуюся дорогу молчали, лишь уже в темноте, въехав в городок, Вострецов, глянув на часы, дал команду шоферу:

— К парикмахерской!

— Что-то вы сегодня поздно, — заметила Лена, откладывая журнал.

— Дела были. — Аркадий поторопился увести разговор в сторону. — И что вы так себя, Лена, ведете одиноко и заброшенно, будто в гарнизоне и мужчин нет?

— Ах, правду говорите, — доставая подозрительно несвежую простынь, вздохнула парикмахерша. — Нет мужчин, откуда ж им у нас быть? Вот разве летчики к нам выберутся. И чего они так редко приезжают?

— Жены не отпускают, — мстительно произнес Вострецов, на что Лена туго затинула ему простынь на шее.

— Вас снова подровнять? С одеколоном или как?

— Наголо! — просипел сдавленным горлом лейтенант. — Раз уж настоящие мужчины, как вы говорите, лысые.

— Мужчины должны быть как магнит, чтобы потянуло — и все.

— Вот и мой подчиненный Берендеев говорит, что это один инстинкт, — глядя на летающую бритву в руках Лены, заметил лейтенант.

— Так вы с Савелием Прохоровичем служите? — удивилась парикмахерша.

— Какой еще Савелий Прохорович? Прапорщик Берендеев.

— Ах, не скажите! — Лена о чем-то задумалась, отложила бритву, потом снова вздохнула и стала решительно покрывать голову лейтенанта мыльной пеной. — И Савелию Прохоровичу от меня привет обязательно передайте, — сказала она, когда мыло залепило Аркадию лицо, и он уже ничего не мог ответить...

Вострецов ходил по комнате общежития и думал. Думать мешала его собственная бритая наголо голова, отражавшаяся в зеркале. Он сел к столу.

Берендеев... Чего они все, с ума походили? Прапор и прапор!

Аркадий, как начальник, когда-то прочитал его личное дело. Ничего особенного. Служил срочную. Остался на сверхсрочную. Зачли гидромелиоративный техникум, присвоили прапорщика. И все годы прослужил здесь, в одной части и на одной должности. Живет один, хотя женат. Жена на каком-то украинском хуторе вместе с детьми. Их разделяло полторы тысячи километров и год, оставшийся Берендееву до пенсии. Вострецов вспомнил: поговаривали, что Берендеев не разводится, чтобы не потерять санаторно-курортные выплаты на членов семьи к отпуску. И все равно, непонятно... Ладно бы он заведовал каким-то складом или что-нибудь выдавал личному составу. Непонятно, почему именно к нему женщины явно равнодушны.

Утром в часть приехали летчики, и лейтенанту стало не до Берендеева. Летчики приехали из дыры еще большей, с дальнего, у самой границы, аэродрома. Приехали потренироваться, а заодно и отдохнуть, попить водочки, повеселиться.

Городок с их появлением ожил. Забегали горничные в гостинице. Баянист отменил вечерние занятия в кружке и к вечеру перебрался со своим баяном в кафе. Лена в парикмахерской не успевала делать "химию" и прически неожиданно повалившим клиенткам. После обеда и она, повесив на двери табличку "Закрето", убежала куда-то.

Летчики до обеда крутились на тренажерах. Взмыленный Берендеев запустил все свое хозяйство. В кабине самолета мигали лампочки и металась стрелка приборов, имитируя полет и посадку. Взлетало вверх кресло учебной катапульты. Крутились лопасти турбин в разрезанном для наглядности макете двигателя. Даже снятое с самолета шасси зачем-то несколько раз провезли по классу.

Наскоро "прогнав программу", летчики пошли в баню. Вечером же огнями за-сверкало гарнизонное кафе, где принаряженные женщины отплясывали с кавалерами.

Вострецов подергал закрытую дверь парикмахерской, постоял и побрел на звуки музыки. Здесь он через низкое открытое окно увидел, как Лену крутит в вальсе какой-то уса́тый капитан, а та весело, залиристо смеется.

Летчики, поставив на уши городок, гудели два дня. На третий они уехали. Неожиданный праздник закончился, жизнь вошла в прежнее спокойное русло. Солдаты собирали мусор, разбросанные пустые бутылки. Женщины вздыхали, глядя на белые инверсные следы, оставляемые самолетами в небе.

Впрочем, и сегодня был день не самый рядовой, а почище некоторых праздников. День получки, когда военнослужащие учебной авиационной части получали жалованье.

Хотя и денег на всех хватит, и тратить их особо здесь некуда, но в три часа в коридоре уже выстроилась очередь к низкому, забранному решеткой окошку.

Вострецов подошел к кассе. Берендеев стоял последним. Он молча подвинулся, пропуская лейтенанта. Тот принял это как должное.

Деньги выдавала крашеная, высохшая, как вобла, мыпра.

Очередь двигалась медленно.

— Ой! Савелий Прохорович! — Кассирша даже попыталась высунуть в окошко голову. — Что ж вы там стоите? Проходите сюда! — и тут же бросила остальным, уже резко и раздраженно: — Он занимал!

Берендеев сложил в карман новенькие хрустящие купюры, расписался в ведомости и отошел. Вострецов проводил его долгим придирчивым взглядом...

...Да, летчики уехали, жалованье выдали, и можно было без помех заняться подчиненным.

— Садитесь, Берендеев.

Лейтенант достал личное дело прапорщика. Затягивая паузу, перелистал его.

Берендеев сидел прямо, равнодушно глядя перед собой.

Беседа была официальной, и лейтенант обращался на "вы".

— Савелий Прохорович, учитывая вашу выслугу и опыт, командование приняло решение перевести вас на вышестоящую должность, чтобы дать вам возможность получить перед увольнением в запас... — тут Вострецов сделал торжественную паузу, — звание старшего прапорщика. Это должность заведующего баней в соседнем гарнизоне.

Берендеев вздрогнул:

— Я не согласный.

Потом он понес очевидный бред. Про двадцать четыре года и одиннадцать месяцев в авиации. Про призвание к обслуживанию тренажеров и даже про желание дослужить именно с таким замечательным начальником, как лейтенант Вострецов.

Аркадий растерялся.

— Ладно, Берендеев, идите. Будем думать.

Через пару минут в дверь постучали, и на пороге появился снова запыхавшийся прапорщик.

— Разрешите, товарищ лейтенант?

— Заходите, Савелий Прохорович! — подобрел Вострецов.

Тот боком протиснулся в кабинет и положил на стол пакет. Сквозь целлофан просвечивала синяя фирменная джинсовая рубашка.

— Это что? — деловито поинтересовался Вострецов, не отводя взгляда от рубашки.

— Да вот, — подумав, ответил Берендеев, — в военторге дали.

— Что-то в нашем военторге такого раньше не было, — усомнился Вострецов. — Как и джинсов американских.

— Чего уж там, — вздохнул Берендеев, — берите.

— Ладно! — все еще не решаясь прямо на глазах у прапорщика взять подарок, махнул рукой лейтенант. — Ладно, Берендеев. Служите. Пока...

Жизнь все расставила по своим местам.

И снова пошли дни, похожие, как близнецы. Стояло лето — противное время в Казахстане, хуже его была только зима.

Прошел месяц. Вострецов слегка оброс и снова стал каждый день ходить в парикмахерскую: вздыхать и ровняться с одеколоном. Он еще не подозревал, что готовит ему Берендеев.

Удар был нанесен в субботний день. Накануне прапорщик выпросил отгул и на попутном грузовике уехал в областной центр. Под вечер вернулся грузовик, но прапорщика в нем не было. Он появился только утром в субботу, и его появление произвело в маленьком гарнизоне фурор.

Вострецов брился, когда к нему в комнату вбежал сослуживец:

— Там твой Берендеев!..

— Что Берендеев? — не понял Аркадий.

— Из города на машине прикатил!

— Жаль, не на верблюде, — съязвил Вострецов.

— Да нет, он на своей машине приехал.

Вострецов, не добрившись, стер пену, натянул джинсовую рубашку и пошел к штабу смотреть.

У штаба стояла новенькая сверкающая машина, словно из другого мира, "Жигули" ВАЗ 2106, с клыками на хромированном бампере, бежевого цвета с красными кожаными сиденьями и синей прозрачной полосой по верху лобового стекла с надписью "AVTOEXPORT".

...Вот с этого самого дня Вострецов стал следить за прапорщиком.

Вознагражден он был лишь на третий день. После обеда, когда Берендеев у столовой задумчиво ковырял спичкой в зубах, к нему подошла Лена.

Стоящий в стороне лейтенант заметался, потом резво обежал столовую и встал за углом, успев уловить конец разговора.

— ... Эх, Лена, знаешь ведь, летчики эти до добра не доведут, — добродушно баял прапорщик.

— Ой! Савелий Прохорович! Вы прямо как замполит говорите.

— Да мне-то что, приходи сегодня ко мне часов в шесть, только смотри, чтобы шибздика этого не было, а то уже дня три вокруг трется.

Вострецов замер. "Шибздик, это, верно, я", — неожиданно догадался он.

В половине шестого Вострецов набрал номер Берендеева.

— Зайди-ка ко мне! — бросил он прапорщику и повесил трубку.

Затем выскочил из кабинета и промчался к туалету. Он стоял, держа ручку двери, и напряженно вслушивался. Через пару минут мимо по коридору пробухали тяжелые шаги Берендеева.

Аркадий выждал и, выскользнув из туалета, потрусил в кабинет авиационных тренажеров. Сначала он попытался залезть под кабину самолета, затем спрятаться за стойкой шасси и, наконец, успокоился в углу за макетом двигателя. Сквозь лопасти турбин было отлично видно все, что делалось в кабинете.

Берендеев вернулся минут через двадцать. Он что-то недовольно бормотал себе под нос. Затем прапорщик полез в сейф, достал темную пол-литровую бутылку из-под лимонада, чистую белую тряпку и маленький, похожий на стаканчик, колпачок от какого-то прибора.

Со всем этим добром Берендеев подошел к кабине самолета и замер в нерешительности. Сначала оставил в руках бутылку и тряпку, а стаканчик отставил в сторону. Постоял, подумал, отложил тряпку и быстрым резким движением взял стаканчик. Булькнула бутылка. Прапорщик поднял стаканчик и, больше не размышляя, выпил. Постояв секунду, он шумно выдохнул на прибор в кабине и стал яростно тереть его тряпкой. И только после этого закусил, достав из кармана рыжий сухарь.

Вострецов в своей засаде невольно слотнул.

Ровно в шесть в дверь постучали, и зашла Лена. Она, улыбаясь и на ходу снимая кофту, уверенно пошла к Берендееву.

— Подожди, — сказал прапорщик. — Дверь запру.

Вострецов замер в своем углу, сжав кулаки. "Гадина! Гадина!" — беззвучно шептал он.

А Берендеев запер дверь и подошел к Лене, которая уже устраивалась в кресле учебной катапульты. Прапорщик придирчиво все осмотрел, проверил застегнутые ремни и отошел к большой красной кнопке у пульты.

— Ну, с Богом! — сказал он и нажал кнопку.

Раздался взрыв. Кресло катапульты рвануло по направляющим рельсам вверх, замерло под высоким потолком и медленно опустилось назад.

Берендеев расстегнул ремни, помог Лене подняться. Ее слегка шатало. Из кармана она вытащила деньги, передала прапорщику и ушла.

Берендеев достал из стола записную книжку и, сделав какую-то пометку, снова спрятал ее в ящик, заперев его на ключ. Потом выключил свет и покинул тренажерную.

Вострецов сидел в темноте и ничего не понимал. "Может, это спорт? — думал он, — типа, как на парашюте?.. Бред какой-то".

Наконец он встал, зажег свет и сел за стол Берендеева. Подергал ящик стола, затем лезвием перочинного ножа отжал язычок замка и достал записную книжку.

Когда-то кожаная, а теперь донельзя вытертая и засаленная, она была вся исписана аккуратным мелким почерком.

"Июль — Света 200, Оля 200, тёт. из друг. гарниз. 200." Он пролистал дальше, Света была и в другом месяце, а какая-то Женя умудрилась за год заработать и вовсе 1000 то ли очков, то ли непонятно чего еще. А вот и последняя запись: "Лена-парикмах. 200" и рядом сегодняшнее число.

Записи были и за прошлые месяцы и годы.

И тут его осенило. Все эти Светы, Иры, Эльвиры и, даже, "тёт. из друг. гарниз." как-то сами перемножились, и вышло гораздо больше стоимости купленной прапорщиком машины, даже побольше.

Вострецов пошел к двери. Она была заперта.

— Еще лучше, — пробормотал он, снимая трубку телефона. — Коммутатор? Дайте общежитие, комнату Берендеева.

— Савелия Прохоровича? — уточнила невидимая телефонистка.

— Да-да! Этой сволочи! — сорвавшись, закричал лейтенант. — И сами ему скажите, пусть на рабочее место явится, кабинет откроет.

Берендеев появился неожиданно быстро. Слышно было, как он срывает печать, потом ворочает ключом в замке.

— Вызывали, товарищ лейтенант? — спросил он, нисколько не удивившись тому, что начальник каким-то образом оказался в запертом и опечатанном кабинете.

— Вызывал. — Вострецов бросил на стол записную книжку. — Что это такое? Потрудитесь объяснить.

— Это? — Прапорщик думал недолго. — Личная вещь. В запертом столе лежала. Спасибо, что нашли.

И он протянул за ней руку, но Вострецов проворно схватил книжку и спрятал в карман.

— Вы, Берендеев, из себя простачка не стройте! Потрудитесь объяснить, пока я эту книжку не передал куда следует.

— Что тут объяснять? — пожал плечами прапорщик.

— Вот это: "Люся 200, Лариса 200".

— Ну, это женщины...

— Неужели? А что такое 200?

Прапорщик задумался, угрюмо помолчал, наконец выдавил:

— А это... Я им помогал. Они сами хотели. Гинеколога-то у нас все равно нет.

— При чем тут гинеколог? Объясните мне, почему вам женщины по 200 рублей за прыжок отстегивают? Ведь это же казенная техника, вверенная материальная часть, и спирт казенный, что для протирки, вы выпили...

Он бы еще продолжал и говорил долго, но замолчал, наткнувшись на взгляд Берендеева.

— Отдай книжку! — спокойно проговорил прапорщик.

— А то что? И как вы обращаетесь к старшему по званию?

Берендеев неожиданно зевнул, посмотрел на часы.

— Все, — сказал прапорщик. — Девятнадцать часов пять минут.

— Что девятнадцать часов пять минут? — не поняв, переспросил Вострецов.

— Родился я в девятнадцать часов пять минут. Сегодня.

— С днем рождения! — язвительно заметил Вострецов. — Вот завтра на плацу и отметим.

— Ага. Ща, — отрубил Берендеев. — Мне сорок пять лет, я на пенсию ухожу.

— В тюрьму ты уйдешь! — неожиданно визгливо закричал Вострецов. — За незаконную коммерческую деятельность! За осквернение чести прапорщика, военнослужащего и... — он не мог подобрать слова, — ...и женщин! — наконец закончил он.

— Да пошел ты, — с ленцой проговорил Берендеев.

— Мал-чуть! Я... — Закончить Вострецов не успел.

Толстый прокуренный ноготь прапорщика надавил на красную кнопку с надписью "Пуск". Оглушительно сработал пиропатрон. Кресло с лейтенантом рвануло по рельсам вверх. На верхней точке оно, как и положено, остановилось, а не пристегнутый ремнями лейтенант полетел дальше, пока со странным гулким звуком не впечатался головой в потолок. Казалось, вниз он падал медленнее, чем взлетал, но успел догнать кресло, приземлился в нем и медленно сполз на пол.

На вывалившуюся из его кармана книжку прапорщик наступил тяжелым юфтовым сапогом...

Прошла неделя, за которую в гарнизоне перебивало множество комиссий. Люкс в гостинице летчиков занял генерал.

Прибывший с комиссией инженер долго объяснял генералу техническую сторону дела:

— Перегрузка меряется в “ж”, точнее в их количестве. Три “ж” безопасно. Пять “ж”, как на катапульте, — перегрузки вызывают изменения в организме, головокружения, прерывание беременности, тошноту. Девять вообще предельно...

— Что ты мне со своими “ж”?! — сердился генерал. — Ты мне ясно скажи: делал он аборт или нет, а если делал, то как?

— Вот я и говорю: пять “ж” на учебной катапульте...

— Делал или нет?! — ругался генерал.

— Делал, — вздохнул инженер, — но не сам, а посредством вверенного ему имущества — катапульты.

Авторитетная комиссия во главе с начальником политотдела дивизии скрупулезно изучала катапульту: каждый осторожно садился в кресло, а самые храбрые даже подпрыгивали. Потом была еще одна комиссия, и наконец, третья, где полковники были еще толще и важнее.

— Может, замнем? — И начпо показал генералу раздавленную сапогом книжичку. — Или будем докладывать?

— Да ты что? — вскипел генерал. — Мне в Москву докладывать, что у меня в гарнизоне прапорщик абортарий открыл? Да еще лейтенанта уделал? Кстати, где он?

— В больнице. Сотрясение мозга.

— Да не лейтенант этот... недоделанный. Прапор где?

— На гауптвахте, женщины передачи носят.

Генерал тяжело задумался и, наконец, сказал веско, как приговор вынес:

— Уволить мерзавца, и дело с концом!

— И грамоту дембельскую почетную ему не давать, — добавил начпо.

Штабные поколдовали и составили акт, где все было правдой или почти правдой. И что лейтенант Вострецов сам сел в катапульту, а прапорщик Берендеев случайно оперся на пульт и нажал кнопку, запустив агрегат. Короча, глупость, халатность и нарушение техники безопасности. Виноваты оба. Берендеев — в том, что нажал, а Вострецов — поскольку плохо воспитывал вверенный ему личный состав. За что Берендеева уволить в запас, как мерзавца, имеющего право на пенсию.

Такое вот эпохальное событие произошло в нашем гарнизоне с прапорщиком Берендеевым. О нем долго помнили и забыли только тогда, когда на клумбу у штаба решили установить списанную ракету. Ее выменяли у зенитчиков в ракетной части на тридцать литров спирта. Ракетчики так обрадовались, что при списании толком ракету не осмотрели, и у той оказался заправленный пороховым зарядом двигатель.

Наклоненную ракету крепили к железному штырю, от сварки что-то там случилось. Двигатель запустился, и ракета улетела.

Покорив степь, подчиняясь неведомой магической силе, она долетела до соседнего гарнизона, куда как раз приехали какие-то начальники из Москвы.

С этого момента о Берендееве уже не вспоминали и говорили больше о ЧП с ракетой.

Были и побочные эффекты: в гарнизоне резко возросла рождаемость, пришлось даже открыть детский сад.

Вострецов, наконец, вышел из госпиталя и еще долго бухтел, грозясь написать куда-то всю правду, и успокоился, только когда получил на погоны третью звездочку старшего лейтенанта.

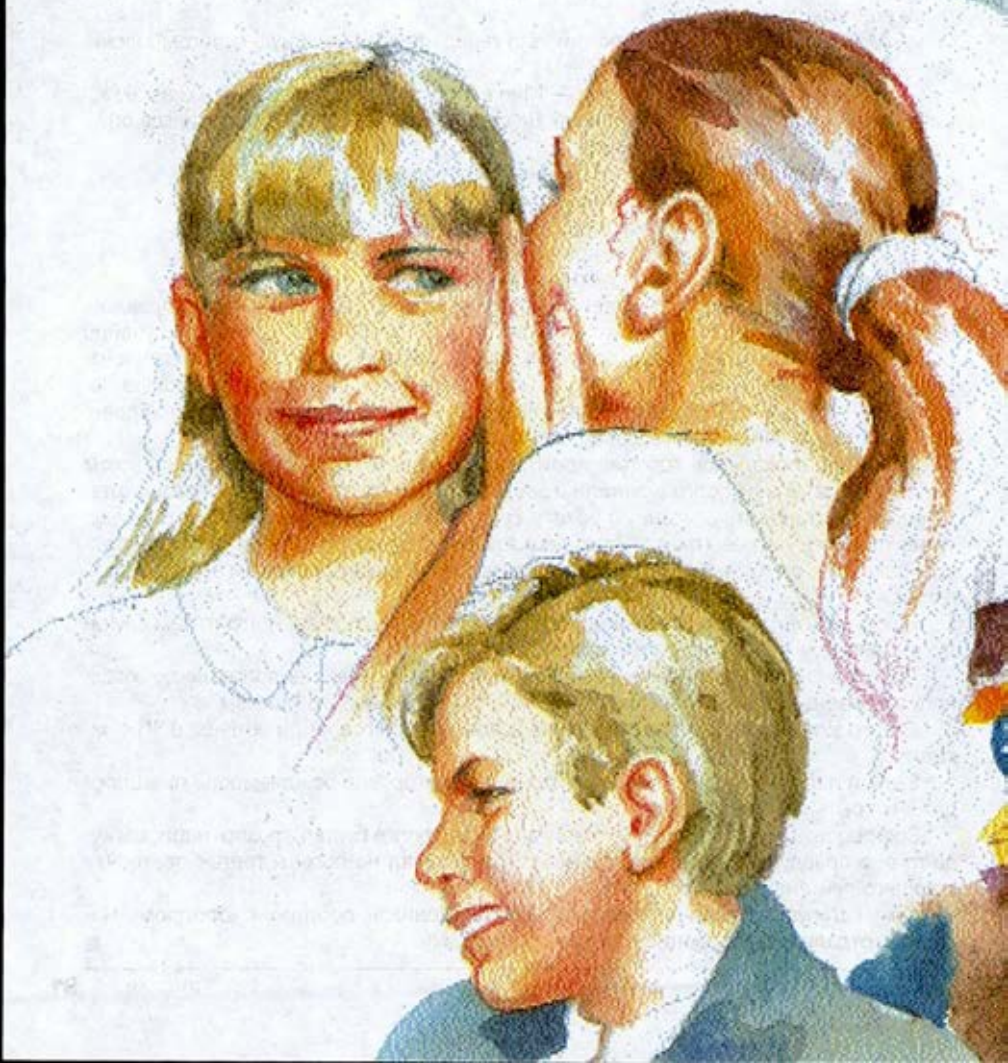
Саму катапульту сняли и перевезли в другой гарнизон, поближе к аэродрому. Наверное, отдали в заведование другому прапорщику...

РОЗЫ

МИССИС

ЧЕРРИНГ

Крэйг РАЙС

ТОН

иллюстрация **Алексея Остроменцкого**

Глава 1

— Не мели чепухи, — сказал Арчи Карстейрс. — Не могла же мама потерять двадцатифунтового индюка.

— Не могла? — насмешливо переспросила его старшая сестра Дина. — Однажды она потеряла рояль.

Арчи скептически сморщил нос.

— В самом деле, потеряла! — вмешалась Эйприл. — Это случилось, когда мы переезжали с Истгейт-авеню. Мама забыла дать новый адрес людям, которые перевозили рояль, а когда они приехали за ним, все остальное уже было вывезено, и никого в доме не осталось. Вот они и возили его по городу в ожидании, что она позвонит в компанию. Но мама потеряла бумажку с названием и адресом, ей пришлось обзванивать все транспортные компании, которые значились в телефонном справочнике, пока, наконец, она не наткнулась на нужную.

— Вообще-то, мама не очень рассеянная, — заметила Дина. — Но уж слишком много у нее дел.

Троица юных Карстейрсов сидела на поручнях крыльца перед домом, подставив голые загорелые ноги лучам послеполуденного солнца. Со второго этажа большого старого дома доносился приглушенный стук пишущей машинки, работающей с рекордной скоростью. Мэриан Карстейрс — она же Кларк Кэмерон, она же Эндрью Торп, она же Дж. Дж. Лэйн — завершила свой очередной детективный роман. Когда закончит его, то позволит себе денек отдохнуть, сходит к парикмахеру и купит подарки для своей троицы. Потом с легкомысленной расточительностью закатит для них обед в дорогом ресторане и купит билеты на лучший спектакль в городе. А на следующий же день после этого засядет с утра писать следующий шедевр.

День был теплый и немного сонный. Перед домом простиралась лесистая долина, плавающая в мягкой дымке. То тут, то там между деревьями поблескивали крыши, но их было немного. Этот дом Мэриан Карстейрс выбрала именно за тишину и уединенность. Единственное здание по соседству, розовая вилла в псевдоитальянском стиле, принадлежавшая Уоллесу Сэнфорду, была отделена пустующим участком, группкой деревьев и высокой живой изгородью.

— Арчи, — внезапно томным голосом заговорила Эйприл, — загляни-ка в жестянку для сахара.

Арчи бурно воспротивился. Если ей надо, пусть сама заглядывает в эту жестянку.

— Арчи, — решительно отрезала Дина, подавляя бунт авторитетом своих четырнадцати лет. — Ноги в руки, и по-быстрому!

Арчи пробурчал что-то невразумительное, но послушался. Для своих десяти лет он был маловат, с непослушной темно-русой шевелюрой и лицом, которое каким-то чудом выражало одновременно невинность и наглость. Дина в расцвете своих четырнадцати лет вполне заслуживала ехидного определения Эйприл "кровь с молоком". Она была высокая, пропорционально сложена, с пушистыми каштановыми волосами, огромными карими глазами и хорошеньким личиком. Эйприл же казалась очень хрупкой. Ее гладкие волосы были светлыми, глаза — тоже огромными, как и у Дины, только серо-голубыми. Все говорило о том, что она вырастет настоящей красавицей, еще больше — что станет весьма ленивой особой.

С индейским воплем Арчи выскочил из дверей дома и одним прыжком снова оказался на перилах.

— Я положил индюка в холодильник! — отрапортовал он. — Как ты догадалась, что надо искать в жестянке для сахара?

— Дедуктивный метод, — ответила Эйприл. — После того, как сегодня утром мама положила привезенные продукты в кладовку, я нашла пакет с сахаром в холодильнике.

— Вот это голова! — восхитилась Дина, а потом вздохнула: — Эх, как бы я хотела, чтобы мамочка опять вышла замуж! Мужчина в доме очень пригодился бы!

— Бедная мама! — поддакнула Эйприл. — У нее вообще нет никакой личной жизни. Одна-одинешенька на целом свете.

— Но ведь у нее есть мы, — возразил Арчи.

— Я не это имела в виду, — надменно произнесла Эйприл, мечтательно глядя на долину. — Вот если бы маме удалось раскрыть загадку настоящего убийства! Это стало бы прекрасной рекламой, и больше ей не надо было бы писать так много книг.

Позже Эйприл не раз говорила, что, должно быть, их подслушало Провидение, ибо именно в этот момент они услышали выстрел.

Два выстрела, один за другим, оба со стороны виллы Сэнфордов. Эйприл схватила сестру за плечо и одними губами прошептала:

— Слышишь?

— Наверное, мистер Сэнфорд стреляет в птиц, — скептически произнесла Дина.

— Мистера Сэнфорда еще нет дома, — заметил Арчи.

По дороге промчался автомобиль, невидимый за стеной зарослей. Арчи соскочил с перил и хотел побежать в сторону пустыющего участка, но Дина, ухватив его за воротник, удержала на месте. Проехала вторая машина. Потом наступила тишина, только пишущая машинка стучала на втором этаже.

— Это убийство! — воскликнула Эйприл. — Зовем маму!

— Вот ты и зови, — сказала Дина. — Это твоя гениальная идея.

Эйприл отрицательно помотала головой.

— Иди ты, Арчи.

— И не подумай, — решительно возразил Арчи.

В конце концов, все трое поднялись по ступенькам. Дина приоткрыла дверь маминной комнаты на несколько дюймов, и в образовавшуюся щель всунулось три головы.

Мама — собственно говоря, в данный момент Дж. Дж. Лэйн — не оторвала глаз от машинки. За стареньким письменным столом, на котором громоздились кучи бумаги, рукописи, заметки, справочники, использованная копирка и пустые сигаретные пачки, ее почти не было видно. Сбросив туфли, она оплела босыми ногами ножки маленького столика, который подпрыгивал под грохочущей машинкой, темные волосы были небрежно стянуты резинкой на макушке, нос украшала размазанная черная полоса от копирки. В воздухе стоял густой сигаретный дым.

— Даже если действительно случилось убийство, ее не оторвать от работы, — прошептала Дина и беззвучно прикрыла дверь. Троица на цыпочках спустилась во двор.

— Ничего страшного, — заявила Эйприл. — Мы проведем предварительное расследование сами. Я читала все мамини книжки и знаю, что надо делать.

— Мы должны вызвать полицию, — неуверенно проговорила Дина.

Эйприл крепко сжала ее руку.

— Только после того, как мы осмотрим место происшествия. Так всегда поступает Дон Дрекслер в романах Дж. Дж. Лэйн. Может, мы обнаружим какие-то важ-

ные вещественные доказательства, которые передадим маме. — Когда они шли через газон, Эйприл добавила: — А ты, Арчи, веди себя прилично и не шуми.

Арчи подпрыгнул и заорал:

— А вот и не буду!

— В таком случае, останешься дома, — отрезала Дина.

Арчи мгновенно успокоился.

На границе участка Сэнфордов они приостановились. За аккуратно подстриженной живой изгородью тянулась оплетенная виноградом пергола, а дальше виднелся широкий, великолепно ухоженный газон, обрамленный полосой ярких маргариток. Пестрая садовая мебель перед домом, по мнению Эйприл, не гармонировала с розовыми стенами виллы.

— Но если здесь не убийство, — заметила Дина, — миссис Сэнфорд закатит нам жуткий скандал. Она уже сгоняла нас со своего газона.

— Мы же слышали выстрелы, — ответила Эйприл. — Ты что, трусишь? — Она шагнула в сторону перголы, но приостановилась. — Проехали две машины. Обе свернули на шоссе с боковой дороги уже после выстрелов. Может, кто-то уже знает об убийстве и преследует машину преступника? — Эйприл краешком глаза взглянула на брата и добавила: — Убийца может сюда вернуться. Если он думает, что мы слишком много знаем, то поубивает всех нас.

Арчи издал тихий писк, а Дина наморщила лоб.

— Не думаю, чтобы убийца так поступил.

— Дина, — сказала Эйприл, — ты все воспринимаешь слишком дословно. Мама всегда так говорит о тебе.

По газону они прошли к въездной дороге. На бетонной поверхности виднелись следы шин. На лужайке и в саду никого не было. Из розовой виллы не доносилось ни звука. Минутку они постояли под остекленной верандой, обдумывая свои дальнейшие действия. Вдруг с шоссе на въездную дорожку вкатил длинный серый автомобиль с откинутым верхом, и юные Карстейрсы дружно нырнули за угол крыльца.

Из кабриолета вышла молодая стройная дама. Ее золотисто-медные волосы крупными локонами спадали на плечи. Одета она была в цветастое платье и широкополую соломенную шляпу.

Эйприл прямо захлебнулась от эмоций.

— Смотрите! — прошептала она. — Это Полли Уокер. Актриса. Шикарная дама!

Молодая женщина решительно подошла к двери и позвонила. Напрасно прождав довольно долгое время, она еще пару раз нажала кнопку звонка, потом толкнула дверь и скрылась за нею.

Дети припали к стеклам веранды. Сквозь них просматривалась большая гостиная, куда и вошла Полли Уокер. На пороге она приостановилась и вскрикнула.

— Я же говорила! — пробормотала Эйприл.

Молодая женщина сделала несколько медленных шагов к центру комнаты и наклонилась, на секунду исчезнув из поля зрения наблюдателей. Потом выпрямилась, подошла к телефону и сняла трубку.

— В полицию звонит, — прошептала Дина.

— Ничего страшного, — тоже шепотом ответила Эйприл. — Полицейские исследуют все обстоятельства, но только мама сделает из них правильные выводы. Именно так работает Билл Смит из книжек Кларка Кэмерона.

— У Супермена другой метод, — отозвался Арчи пронзительным дискантом. — Он...

Закрыв ему рот рукой, Дина злобно прошипела:

— Тсс... Заткнись! В книгах Дж. Дж. Лэйна детектив специально путает следы, чтобы сбить полицию с толку.

— Мама тоже так делает, — заявила Эйприл. — А если не мама, то мы...

Тем временем Полли Уокер положила трубку, еще раз взглянула на пол, вздрогнула и выбежала из гостиной. Через минуту она показалась перед домом, бледная, как полотно, подбежала к машине, сорвала с головы широкополую шляпу и бросила на переднее сиденье, а сама присела у машины и несколько раз провела руками по лицу и волосам. Затем выпрямилась, встряхнула головой, вынула из сумочки пачку сигарет, закурила, сделала пару глубоких затяжек, раздавила окурок и спрятала лицо в ладони.

С губ Дины сорвалось громкое: "Ах!". Она подбежала к женщине, села рядом с ней и обняла за плечи.

Арчи тоже проявил сочувствие, но несколько иначе. Его большие серо-голубые глаза наполнились слезами, губы задрожали, и он прошептал:

— Ну, пожалуйста, не плачьте!

Молодая актриса подняла бледное лицо.

— Он убил ее... Убил... Она мертва. Ах, зачем он это сделал? Не надо было... Но он ее убил.

— Вам лучше бы помолчать. Не хватало еще, чтобы это услышали полицейские. Рот на замок, крошка! — уверенно проговорила Эйприл.

Полли Уокер беспокойно огляделась и нервно захлопала ресницами.

— Собственно говоря, кто вы такие?

— Мы — друзья, — торжественно изрекла Дина.

В уголках губ Полли Уокер появилась тень улыбки.

— Возвращайтесь лучше домой. Здесь случилось что-то ужасное.

— Ну да, — сказал Арчи. — Убийство. Поэтому мы и пришли. Потому что... — Эйприл изо всех сил пнула его, он вскрикнул и замолчал.

— Кого убили? — спросила Дина.

— Флору Сэнфорд, — выдохнула Полли Уокер, прикрыла глаза левой рукой и зарыдала. — Ох, Уолли, Уолли, глупенький! Как ты мог!

— Бога ради! — взорвалась Эйприл. — Вам сейчас придется отвечать на вопросы полицейских, не время восклицать "как ты мог?" и так далее. Во-первых, это скучно, во-вторых, он вовсе этого не делал.

Полли Уокер подняла глаза на Эйприл, внимательно поглядела на нее и сказала:

— О-о-о!

Вдалеке уже выла сирена, все громче и громче. Актриса выпрямилась и откинула прядь со лба.

— И нос надо припудрить, — сурово посоветовала Дина.

Первая полицейская машина въехала на дорожку. Полли Уокер встала и еле слышно прошептала:

— Вам лучше уйти домой. Здесь будут происходить неприятные вещи.

— Не для нас, — ответила Эйприл.

Полицейская машина остановилась возле серого кабриолета, из нее выскочили четверо мужчин в штатском. Двое, глядя в сторону виллы, явно ожидали приказа. Два других обошли машину и приблизились к Полли Уокер. Один из них, худощавый, среднего роста, с буйной, аккуратной причесанной седоватой шевелюрой, загорелым лицом и синими глазами, выглядел начальником. Второй — огромный толстяк, с круглой красной физиономией, жирными черными волосами и скептическим взглядом.

— Где труп? — спросил толстяк.

Полли Уокер вздрогнула и указала на дом. Толстяк кивнул двум поджидающим у дома полицейским и первым двинулся к двери. Седоватый начальник внимательно огляделся и спросил:

— Это ее дети?

— Мы живем в соседнем доме, — с ледяным высокомерием ответила Дина.

Краснолицый толстяк выбежал из дома и доложил:

— Женщина. Действительно мертвая. Застрелена.

— Миссис Сэнфорд пригласила расстрогали меня на чай, — объяснила Полли. — Я подъехала к дому и позвонила в дверь, но никто не отвечал. Я вошла сама и нашла ее. Тогда позвонила в полицию.

— Видимо, прислуга вышла куда-то, господин лейтенант, — сказал толстяк. — Дома никого нет. Возможно, сюда забрался какой-нибудь воришка.

— Может быть, — согласился лейтенант, но без особой уверенности. — Известие судебного эксперта, О'Хара. А потом постарайтесь найти мужа погибшей.

— Слушаюсь, — ответил О'Хара и вернулся в дом.

— А сейчас, мисс Уокер, нам надо поговорить. — Лейтенант внимательно взглянул на нее и предложил сигарету. — Я понимаю, вы пережили сильный шок. Простите, что мне придется побеспокоить вас своими вопросами. Но... — он улыбнулся, и его лицо стало обезоруживающе дружелюбным. — Может быть, лучше мне сначала представиться. Я — лейтенант Смит из отдела по расследованию убийств...

Дина прервала его на полуслове:

— Ох! Как вас зовут?

Лейтенант взглянул на нее с легким неудовольствием.

— Билл.

Не успев он снова повернуться к Полли Уокер, как Дина опять вскрикнула, на этот раз громче.

— В чем дело? — недовольно спросил лейтенант.

— Какое необычное стечение обстоятельств! — взволнованно произнесла Дина.

— То, что моя фамилия Смит? На свете миллионы людей с этой фамилией.

— Да, — согласилась Дина. — Но Билл Смит!

— Хорошо. Возможно, на свете миллион Биллов Смитов. Что же тут необычного?

Дина буквально пританцовывала от волнения.

— Вы — детектив. В маминой книге есть именно такой герой... Впрочем, неважно.

Лейтенант нахмурился:

— Послушай, деточка, я здесь на работе. У меня нет времени на посторонние разговоры. Бегите домой, ребята.

— Простите, — смущенно вымолвила Дина. — Я вовсе не хотела вас беспокоить. Мистер Смит, а вы женаты?

— Нет! — рявкнул лейтенант. — Послушайте, дети, идите, пожалуйста, домой. Сматывайтесь. Марш! Убирайтесь отсюда!

Никто из юных Карстейрсов не двинулся с места.

Снова появился сержант О'Хара.

— Свенсон уже вызвал медэкспертов, — отрапортовал он. — А мистер Сэнфорд недавно ушел из офиса, скоро вернется домой. — Сержант перевел взгляд

со своего начальника на дружную семейку Карстейрсов и сказал: — Не обращай внимания, шеф, я с ними справлюсь. Я своих таких девять воспитал. — Он подошел к ним и грозно прорычал: — Вы чего здесь торчите?

— Попрошу не кричать на нас, — холодно произнесла Эйприл. Выпрямившись во все свои пять футов и один дюйм, она смело взглянула на толстяка. — Мы пришли сюда, потому что услышали выстрелы.

Лейтенант Смит и сержант О'Хара довольно долго смотрели друг на друга. Потом лейтенант очень мягко спросил:

— Ты уверена, что это были именно выстрелы, а не звук выхлопной трубы, например?

Эйприл презрительно фыркнула и не удостоила его ответом.

— Не думаю, — с деланной небрежностью бросил сержант, — что вы сможете определить, в котором часу услышали выстрелы.

— Разумеется, можем, — ответила Эйприл. — Я как раз вошла в дом, чтобы взглянуть на часы, потому что хотела знать, не пора ли ставить на огонь картофель. Вот тогда мы их и услышали. Кого-то убили! Убили! — И, рыдая, Эйприл безвольно опустилась на газон.

Дина подбежала к ней и рухнула на колени.

Полли Уокер прыгнула с автомобильной ступеньки и закричала:

— Нужен врач! Немедленно вызовите врача!

— Что случилось с девушкой? — побледнев, спросил лейтенант.

Дина вздрогнула: не прекращая рыдать, Эйприл сильно ущипнула ее, и повернувшись к Смицу, пояснила:

— Это шок. Моя сестра — очень слабенькая.

— Врача! — взволнованно говорила Полли Уокер. — Бедная малышка...

Дина наклонилась к сестре и услышала всего одно слово, которое та прошептала приказным тоном: "Домой!" Она опять взглянула на лейтенанта:

— Лучше я заберу ее домой. Боюсь, как бы с ней не случился припадок.

Арчи, ощутив серьезность ситуации, оказался на высоте и ввернул:

— Эйприл, когда с ней случаются припадки, швыряет в людей чем попало.

— Может, я отнесу ее? — вызвался Билл Смит.

Дина увидела в глазах сестры отчаянный протест и скороговоркой произнесла:

— Она сможет идти сама.

— Это даже пойдет ей на пользу. — Она помогла сестренке встать и обняла ее за плечи. Эйприл продолжала громко рыдать. — Мы отведем ее домой, — объяснила Дина. — Мама знает, что в таких случаях делать.

— Мамочка! — взывала Эйприл. — Хочу к мамочке!

— Хорошая мысль. — Лейтенант Смит вытер платком лоб. — Отведите ее домой к маме. — Потом, словно внезапно что-то припомнив, добавил: — Я зайду к вам позже, нам надо поговорить.

Когда дети отошли от виллы Сэнфордов на значительное расстояние, Эйприл остановилась и глубоко вдохнула.

— Напомните мне, — сказала она, — чтобы я взяла обратно все плохие слова, которые говорила о нашей преподавательнице актерского мастерства.

— Прежде всего пора объяснить, что все это значит, — сурово изрекла Дина.

Арчи тарасил на сестер удивленные глаза.

— Не читай мне мораль, — ответила Эйприл. — Мы — важные свидетели. Мы можем точно установить время преступления. Но пока не хотим этого делать. Поэтому что, возможно, пожелаем обеспечить кому-то алиби.

— О-о-о! — протянула Дина и поинтересовалась: — А кому?

— Пока не знаем, — объяснила Эйприл. — Именно поэтому надо тянуть волынку.

— Скажите, скажите, ну, скажите же! — заверещал Арчи, нетерпеливо подпрыгивая. — Я не понимаю, о чем вы говорите.

— Поймешь, когда подрастешь, — ответила Эйприл.

С минуту все трое стояли в дверях, глядя друг на друга и размышляя. На втором этаже по-прежнему стрекотала пишущая машинка.

— Мы что-нибудь придумаем, — протянула Эйприл.

В карих глазах Дины появилось задумчивое выражение.

— Сегодня я сама приготовлю обед, — пробормотала она. — Так что маме не надо будет прерывать работу. Я запеку кусок ветчины, сделаю имбирный соус, картофельное пюре и бататы в сахаре, и много салата с сыром, и горячие кукурузные оладьи.

— Оладьи ты готовить не умеешь, — заметил Арчи.

— У нас есть поваренная книга, — ответила Дина. — А читать я умею. И еще сделаю крем из взбитых сливок. Мамочка его обожает. Пойдемте со мной в кухню, там можно будет поговорить. Нам необходимо составить план действий. Дело весьма серьезное.

Глава 2

Мэриан Карстейрс, то есть в данный момент Дж. Дж. Лэйн, обвела взглядом стол и пересчитала свое семейство. Все трое на местах. Она с удовольствием вздохнула.

Стол, накрытый свежей кружевной скатертью и освещенный свечами, украшала ваза с желтыми розами. Ветчина была нежной и ароматной, в меру приправленной пряностями, бататы плавали в густом коричневом сиропе, кукурузные оладьи — горячи и легки, как пух, салат просто великолепен.

После обеда Дина занесла кофе в гостиную, Арчи заботливо подал сигареты, спички и пепельницу, а Эйприл живо прощелбетала:

— Мамочка, если бы одну даму нашли убитой в ее собственной гостиной, и если бы через несколько минут к дому подъехала восходящая кинозвезда и сказала, что ее пригласили на чай, и если бы кто-то слышал два выстрела, но эта дама была убита всего одной пулей, и если бы ее муж исчез, и у него не было никакого алиби, хотя ни этот муж, ни эта кинозвезда ни в чем не виноваты ... — тут у Эйприл перехватило дыхание — ... то кто, по-твоему, убил ее?

— Боже мой! — испуганно сказала Мэриан. — Где ты вычитала подобные бредни?

Арчи захихикал и принялся подпрыгивать на диване.

— Никакие это не бредни! — завопил он во все горло. — И нигде мы этого не вычитали! Мы это видели!

— Арчи! — сурово призвала его к порядку Дина и повернулась к матери. — Это случилось по соседству. Сегодня после обеда.

Мэриан Карстейрс широко распахнула глаза, потом нахмурила лоб.

Чепуха. На этот раз их штучки не пройдут.

— Честное слово, — заверила Эйприл. — В вечерней газете об этом уже напечатано. — И приказала Арчи: — Принеси газету. Она лежит в кухне на столе.

— Почему всегда все должен делать именно я? — огрызнулся Арчи, но выбежал из комнаты.

— Миссис Сэнфорд! — воскликнула Мэриан. — Кто же это сделал?

— В том-то и вопрос! — продолжила Эйприл. — Никто не знает. У полиции есть какая-то совершенно дурацкая теория, но они, как всегда, ошибаются.

Все склонились над газетой, разложенной на кофейном столике. Там были фотографии виллы Сэнфордов, Флоры Сэнфорд и ее исчезнувшего мужа Уоллеса Сэнфорда. Под большим эффектным снимком Полли Уокер красовалась подпись: "КИНОЗВЕЗДА ОБНАРУЖИЛА ТРУП".

— Она не звезда, — заметила Мэриан. — Она просто актриса.

— Теперь уже звезда, — со знанием дела возразила Эйприл, — по крайней мере, в газете.

"Уоллес Сэнфорд вышел из офиса намного раньше обычного и приехал пригородным поездом в район, где жил, в шестнадцать сорок семь. Однако с этой минуты его никто не видел, и полиция начала разыскивать его. Полли Уокер увидела тело и позвонила в полицию в семнадцать часов. Следов ограбления и насилия не обнаружено".

— И именно в соседней вилле! — пробормотала Мэриан.

Троица юных Карстейрсов просияла.

— Вот было бы здорово, — сказала Эйприл Дине, — если бы мама нашла этого убийцу и решила загадку! Вот была бы реклама для ее книжек!

— Нет никакой загадки, — ответила Мэриан, сворачивая газету. — Наверное, полиция легко найдет мистера Сэнфорда. Они достаточно опытни в подобных случаях.

— Но, мама, — возразила Дина, — это сделал не мистер Сэнфорд!

Мэриан озадаченно взглянула на нее:

— А кто же?

— В этом-то и состоит загадка, — заявила Эйприл, вдохнула побольше воздуха и затараторила: — Вот послушай. Полиция всегда подозревает кого-нибудь в убийстве. Как бедного мистера Сэнфорда. Но всегда оказывается, что подозреваемый невиновен. Кто-то должен найти настоящего убийцу. Не полиция. Кто-то вроде Дона Дрексlera из книг Дж. Дж. Лэйна.

В мгновенном прозрении Мэриан Карстейрс поняла все, включая кукурузные оладьи и букет роз на столе.

— Послушайте, — сказала она сурово и весьма решительно. — Совершенно ясно, что это мистер Сэнфорд застрелил свою жену и теперь пытается скрыться. Я не могу ни в чем его обвинить. Его жена была ужасной женщиной. Но это — дело полиции, а не мое. — Она взглянула на часы. — Мне пора опять приниматься за работу.

— Мамочка! — отчаянно воскликнула Дина. — Пожалуйста, подумай об этом. Ты себе не представляешь, какой прекрасный шанс упускаешь!

— Я понимаю, что должна зарабатывать на жизнь для всех нас, — ответила Мэриан Карстейрс. — В следующую пятницу надо сдать рукопись издателю, а я написала всего две трети. У меня нет времени вмешиваться в чужие дела. И даже если бы оно у меня было, я бы не стала впутываться в такие истории.

Огорченная Дина не сдавалась. Если не помогают логические аргументы, остается еще одно оружие: Эйприл начнет рыдать. Это почти всегда срабатывало.

— Мама, подумай о рекламе! Подумай, сколько твоих книг раскупят. И тогда...

В этот момент в дверь позвонили. Арчи помчался открывать. Вошли лейтенант Смит из отдела по расследованию убийств и сержант О'Хара.

— Извините за вторжение. Мы из полиции, — представился Билл Смит.

— Я вас слушаю, — произнесла Мэриан таким тоном, что гости сразу поняли: они пришли очень не вовремя. Хозяйка не предложила им войти и присесть, зато выразительно посмотрела на часы.

Дина вздохнула. Когда у мамы творческое настроение, она становится просто невыносимой! Девочка улыбнулась самой очаровательной из своих улыбок и пропела:

— Присаживайтесь, пожалуйста!

Лейтенант Смит поблагодарил и сел, восхищенно оглядывая комнату.

— Не выпьете ли кофе? — зашебетала Эйприл.

Не успел лейтенант открыть рот, как сержант ответил:

— Спасибо, нет. Мы — на службе.

Билл Смит откашлялся:

— В соседней вилле сегодня произошло убийство. Мы ведем расследование.

— Я узнала обо всем этом из газет пару минут назад, — ответила Мэриан. — Так что, боюсь, ничем не смогу вам помочь. Я была занята срочной работой.

— Ваши дети слышали выстрелы, — произнес О'Хара. — Они являются свидетелями.

— Дети наверняка охотно дадут показания, когда наступит подходящее время, — усмехнулась Мэриан. — На свете нет силы, которая заставила бы их умолкнуть.

— Миссис Карстейрс, — любезно начал лейтенант, — я понимаю, что все это — очень неприятная история, но уверен, что в сложившихся обстоятельствах вы не откажетесь от сотрудничества с нами.

— Не откажусь, — ответила Мэриан. — Даже куплю им новую одежду, чтобы они как можно лучше выглядели, давая показания в суде. А сейчас, считаю, тема исчерпана.

— Послушайте-ка, леди, — вмешался О'Хара. — Ваши детишки — единственные, кто может точно установить время убийства. Нам надо знать, когда прозвучали выстрелы.

— Мы как раз посмотрели на часы, — поспешно сказала Эйприл, бросив на маму умоляющий взгляд, — потому что хотели проверить, не пора ли варить картофель к обеду.

Мэриан Карстейрс вздохнула.

— Ну, ладно. Скажите им, в котором часу это случилось, и покончим, наконец, с этим.

Вдруг из-за спинки кресла выскочил Арчи.

— Было как раз ... — начал он, но завыл от боли и принялся растирать плечо, которое незаметно ущипнула Эйприл.

А она подошла к лейтенанту Смику и подняла на него свои красивые глаза, в которых блестели слезы.

— Я посмотрела на часы, потому что не была уверена, не пора ли ставить картофель вариться. Я должна была поставить кастрюлю на огонь без пятнадцати пять. Была ровно половина пятого, поэтому я опять вернулась на крыльцо.

Билл Смит и сержант О'Хара с легким недоверием взглянули друг на друга.

— Ты же никогда не готовишь обед, — вырвалось у Арчи. — Это всегда делает Дина.

— Я пошла взглянуть на часы, чтобы узнать, не пора ли Дине ставить кастрюлю с картофелем на огонь.

Дина послала Арчи такой убийственный взгляд, что он мгновенно заткнулся.

Билл Смит обезоруживающе улыбнулся Эйприл.

— Хорошенько подумай об этом, дорогая моя. Убийство — ужасное преступление. Человек, который лишил жизни другого человека, должен понести наказание. Ты же понимаешь, правда?

Эйприл кивнула, доверчиво глядя ему в глаза.

— Это очень серьезное дело, — продолжал он, чувствуя себя все более уверенно. — Возможно, твое свидетельство о точном времени преступления поможет нам найти человека, который совершил этот ужасный поступок. Теперь ты понимаешь, насколько важна для нас точная информация о том, когда это произошло. Уверен, что понимаешь. Ведь ты — хорошая, умная, сообразительная девочка. Скажи как можно точнее, когда...

— Точно в половине пятого, — ответила Эйприл. — Я как раз взглянула на часы, чтобы проверить, не пора ли... Впрочем, я вам уже об этом говорила. Если вы не верите мне, спросите у Дины. Потому что я тогда вернулась на крыльцо и сказала, что у нее еще целых пятнадцать минут до того момента, когда надо будет ставить кастрюлю с картофелем на огонь.

Билл Смит перевел внимательный взгляд на Дину.

— Верно, — заявила Дина. — Я хорошо помню. Эйприл пошла посмотреть на часы, не пора ли уже...

Арчи презрительно фыркнул.

— Ты же никогда не ставишь картошку на огонь без пятнадцати пять. Ты начинаешь ее варить в пять.

— Сегодня я поставила раньше, потому что мы собирались печь картофель. Печеная картошка готовится дольше, чем вареная.

— Так ведь сегодня на обед было пюре, а не печеная картошка! — торжествующе возопил Арчи. — Ты что, Дина, с ума сошла?

Дина вздохнула.

— Это потому, что мы услышали выстрелы и побежали посмотреть, что случилось, а когда вернулись, у нас уже было мало времени, и мне пришлось сварить картофель.

— Послушайте, господин лейтенант, — заговорил сержант О'Хара. — Дайте-ка, я с ними разберусь. Как-никак, своих девять вырастил. — Он приблизился к Эйприл и потряс согнутым пальцем перед ее носом. — Ну-ка, признавайся, а не то пожалеешь! Который был час, когда ты услышала выстрелы?

— П-п-по-л-лов-вина п-п-пят-т-ого! — Эйприл разрыдалась, подбежала к матери и спрятала лицо в ее коленях. — Мамочка! Я его боюсь!

— Прекратите запугивать моих детей! — сердито потребовала Мэриан.

— Эйприл из-за вас плачет! — крикнул Арчи и пнул сержанта по ноге.

— Думаю, вам должно быть стыдно, — неодобрительно произнесла Дина. — А еще отец девяти детей!

Лицо сержанта О'Хара приобрело цвет сырой свеклы. Он ничего не ответил.

— Вам лучше подождать меня в машине, — сурово обратился к нему лейтенант Смит.

Сержант О'Хара размашисто зашагал в сторону двери. Его широкая физиономия из красной стала пурпурной. На мгновение он приостановился и обвиняющим жестом указал в сторону Мэриан Карстейрс.

— Вы — ее мать. Всыпьте-ка ей как следует! — Затем хлопнул дверью и вышел во двор.

— Очень жаль, что сержант ее так расстроил, — пытался извиниться Билл. — Сразу видно, что она — впечатлительный ребенок.

— Не такой уж и впечатлительный, — ответила Мэриан, поглаживая голову Эйприл. — Просто на ее месте любой человек разволновался бы. Раз мои дети говорят, что услышали эти выстрелы в половине пятого, значит, была именно половина пятого, и хватит об этом. Неужели вы смеете предполагать, что мои дети могут обманывать полицию?

— Ладно, пусть будет половина пятого, — холодно произнес лейтенант. — Спасибо за ценную информацию, и прошу прощения за беспокойство.

— Рада, что могли вам помочь, — не менее холодно ответила Мэриан. — Надеюсь, не возникнет потребности продолжать дискуссию на эту тему. Спокойной ночи.

Глава 3

В будни завтраки в доме Карстейрсов проходили по двум разным сценариям. Иногда, спускаясь в кухню, дети заставали там маму, у которой работа шла полным ходом. Обычно на ней был яркий узорчатый стеганный халатик, а вокруг головы обернут шарф. Иногда она была в рабочих брюках. Но чаще случалось так, что троице юных Карстейрсов приходилось самим готовить себе завтрак и перед самым уходом в школу заносить поднос с кофе и чистой пепельницей заспанной, зевающей Мэриан.

Они всегда заранее знали, по какому сценарию будут развиваться события на следующее утро. Если вечером последний из засыпающих юных Карстейрсов слышал громкий и быстрый стук пишущей машинки, это означало, что назавтра немедленно после звонка будильника Дина должна мчаться вниз и готовить овсянку.

В тот вечер Эйприл и Дина легли спать позже обычного, потому что им надо было многое обсудить. Машинка продолжала стрекотать. Так что, похоже, им предстояло утро второго типа.

Утро началось неудачно. Все проснулись в отвратительном настроении. Увлеченная дискуссией об убийстве миссис Сэнфорд, Дина забыла включить будильник и спала на пятнадцать минут дольше. Арчи, который, правда, проснулся рано, был занят склеиванием картонного танка и решительно отказался принимать какое-либо участие в приготовлении завтрака. Эйприл провела перед зеркалом полчаса, по очереди перепробовав четыре разных прически. Когда, наконец, троица юных Карстейрсов встретилась в кухне, до момента появления школьного автобуса оставалось всего полчаса, и ситуация была крайне напряженной.

— Арчи, — скомандовала Дина, — ты сделаешь гренки.

— Черта с два, — отрезал Арчи. — Отцепись. — Но все-таки сунул гренки в тостер.

— Эйприл, — попросила Дина, — принеси молоко.

— Ну, вот еще, — отрезала Эйприл. Но молоко принесла.

— И ведите себя тихо, — потребовала Дина, — а то маму разбудите. И вот еще что. Сегодня нам нельзя прогуливать уроки. Вы же помните, что было в прошлый раз.

Эйприл угрюмо произнесла:

— Но к тому времени, как мы вернемся из школы, полиция уже соберет все улики...

Разговор неожиданно прервался.

На пороге стояла Мэриан Карстейрс, румяная и сонная. На ней был цветастый халатик, голова повязана пестрым шарфом. Троица юных Карстейрсов смотрела на мать, она глядела на них.

— Мамочка, — серьезно заявила Дина, — если ты посмеешь сказать что-нибудь вроде “мои пенчики дружно живут в гнездышке”, мы все сбежим из дома.

Арчи захихикал. Мэриан зевнула и улыбнулась:

— Я проспала. Что там у вас на завтрак?

— Мы тоже проспали, — ответила Дина.

— Ничего страшного, — сказала Мэриан. — Я могу за четыре минуты приготовить омлет. Не найдется ли у нас утренней газеты?

Через пять минут все сидели за столом и поглощали яичницу, а Мэриан развернула газету.

— Полиция уже нашла мистера Сэнфорда? — деланно небрежным тоном поинтересовалась Дина.

Мэриан отрицательно покачала головой.

— Все еще ищут.

Дина бросила взгляд через ее плечо на первую страницу газеты, где статья об убийстве занимала две колонки.

— Знаешь, мама, ну не смешно ли? В миссис Сэнфорд попала только одна пуля. И полиция не нашла второй.

— Какой второй пули? — спросила Мэриан.

— Мы же слышали два выстрела, — напомнила Эйприл.

Мэриан подняла взгляд от чашки с кофе.

— Вы уверены?

Троица юных Карстейрсов дружно кивнула.

— Действительно, странно, — задумчиво протянула мама.

Дети быстренько использовали свое преимущество.

— Знаешь, мама, — выпалила Дина, — готова поспорить, что ты быстрее раскроешь эту загадку, чем полиция. Все они — жуткие тупицы.

— Возможно, я бы смогла, — задумчиво протянула Мэриан. — Действительно, почти каждый... — Она прервалась и нахмурилась. — У меня и без этого полно работы, а вы, если не хотите опоздать на школьный автобус, должны бежать.

Троица Карстейрсов взглянула на часы и галопом выбежала из кухни, Эйприл, которая выходила последней, еще раз взглянула на часы и молниеносно подсчитала в уме, что если станет срезать углы и будет бежать всю дорогу, сэкономит минуту. Она прижалась к маме и жалобно зарыдала.

— Боже, — спросила удивленная Мэриан, — что с тобой такое, детка?

— Я просто вдруг подумала, — прорыдала Эйприл, — о том, как будет ужасно, когда все мы вырастем и повыходим замуж, и уедем, а ты останешься совсем-совсем одна! — Она наградила маму быстрым поцелуем, резко повернулась и, словно заяц, помчалась вниз с холма. Не лишним было заронить в мамину голову несколько идей, на случай, если во время их отсутствия в дом заглянет лейтенант полиции Билл Смит.

Мэриан собрала со стола тарелки, уложила их в раковину и оставила под струей горячей воды. Убрала молоко и масло в холодильник. Дом казался таким пустым, таким тихим. Она почувствовала себя невероятно одинокой и вдруг поняла, как ей все надоело. Эйприл права. Какой ужасной станет ее жизнь, когда все они вырастут, заведут собственные семьи и разъедутся!

В комнате на втором этаже в пишущей машинке страница 245 прервалась на таких словах: “Кларк Кемерон внимательно рассмотрел неподвижно лежащую на полу фигуру, выпрямился и медленно произнес:

— Это вовсе не сердечный приступ, этот человек убит — как и все остальные”.

Мэриан точно знала продолжение текста: "С губ бледной девушки сорвался крик ужаса". Она знала также, что пора ей переодеться в рабочие брюки и засесть за пишущую машинку, чтобы в рекордном темпе отстучать следующие десять страниц "Седьмого отравителя".

Вместо этого она вышла в сад и начала нервно прохаживаться по усыпанной гравием дорожке. Конечно, пройдет еще немало лет, пока она останется одна. Лет десять, как минимум. Но эти десять лет пролетят так быстро. Не верится, что прошло уже десять лет с тех пор, как Джерри...

Мэриан села на лавку и предалась воспоминаниям.

Они встретились над трупом гангстера, прошитого очередью из автомата у углу одной из улиц Чикаго. Это было ее первое более-менее серьезное журналистское задание, и было ей всего девятнадцать лет, хотя она пламенно поклялась, что ей уже двадцать пять, когда нанималась на работу. Она тряслась от страха. Джерри Карстейрс, стройный парень с непослушной русской шевелюрой и улыбочивым веснушчатым лицом, сказал:

— Привет, детка! Ну что, вылетело из головы все, чему вас учили в журналистской школе? — А уже через десять минут спросил: — Может, встретимся завтра вечером?

Это свидание не состоялось. В тот вечер вспыхнул пожар в огромных складах. Целый год они не виделись и встретились только на лодке, которую уносили бурные воды Миссисипи во время наводнения. Он попросил ее руки немедленно, еще в лодке.

Они поженились в Нью-Йорке, в мэрии, в тот день, когда мэр города, Уокер, приветствовал покорителя океана Чарльза Линдберга. Джерри проводил ее до дверей их гостиницы и умчался в толпе фоторепортеров. Назавтра он заявился — усталый, небритый — и скомандовал:

— Детка, быстро пакуй чемоданы. Через два часа мы улетаем в Панаму.

Дина родилась в жарком пыльном мексиканском городке, где не было ни одного врача и где никто ни слова не понимал по-английски. Джерри в это время был в "центре революции", о которой писал репортажи. Эйприл появилась на свет в Мадриде в тот день, когда сбежал король Альфонсо. Она родилась в мадридском такси, на котором Мэриан лихорадочно разъезжала по городу, пытаясь найти Джерри. На следующий день, когда Мэриан уже пришла в себя, Джерри уехал в Лиссабон, оставив записку следующего содержания: "Назови ее Мартой в честь моей бабушки". Мэриан чертыхнулась, облила подушку слезами и назвала дочку Эйприл — назло Джерри и его любимой бабушке.

Три недели спустя она с двумя детьми ринулась в погоню за Джерри в Лиссабон, Париж, Берлин и, наконец, в Вену, каждый раз узнавая, что он предыдущим поездом уехал дальше. И только в Вене на вокзале Джерри встретил ее, стигаясь под тяжестью скупленных в окрестных магазинах цветов — всех, какие только смог найти.

Когда на борту китайского фрегата, входящего в Шанхайский залив во время бомбардировки японским флотом, родился Арчи, семья Карстейрсов, наконец, решила, что пора где-нибудь осесть.

Для Джерри нашлась работа в нью-йоркской газете. Они арендовали небольшой домик на Лонг-Айленде, наняли служанку по имени Вальда и в рассрочку купили мебель. Первый месяц Мэриан чувствовала себя, как в раю, на второй — считала такой образ жизни весьма приятным, а потом заскучала. Недели-другую она слонялась по дому, напевая "Время уходит сквозь пальцы", а затем засела писать детективный роман.

Когда роман был написан, она дала его почитать мужу. Он смог прочесть рукопись только в вашингтонском отеле и прислал телеграмму: "Браво, девочка!"

Она хотела показать ему письмо от литературного агента, которому выслала рукопись, но Джерри уехал во Флориду. Вернувшись оттуда, он ухитрился подхватить жуткую простуду и, не успев прочесть письма, поехал в Ньюарк. Через два дня Джерри попал в больницу с воспалением легких. Он прожил еще пять дней и в один из них пришел в сознание настолько, что смог выслушать содержание письма издателя, который предлагал напечатать книгу, хвалил автора и советовал продолжать литературную деятельность. Джерри очень обрадовался. Мэриан навсегда запомнила его слова: "Прекрасное начало, детка!" Потом он забылся в горячке.

...Возвращаясь с похорон, она нашла в почтовом ящике договор с издательством и чек.

Когда Мэриан пыталась припомнить первые годы своего вдовства, они представлялись ей, как темное размазанное пятно. У нее не было ни цента. Джерри всегда успевал растратить свои гонорары за неделю до того, как получал их. Гонорар за первую книгу покрыл задолженность за маленький домик на Лонг-Айленде и переезд семьи Карстейрсов в маленькую квартиру на Манхэттене. Вальда не хотела уходить от детей. Редакция, в которой работал Джерри, предложила Мэриан работу, и она согласилась. Следующий детективный роман писался вечерами и ночами, а когда у Вальды был выходной, Мэриан сидела за машинкой, повернув одно ухо в сторону детской, откуда в любую минуту мог донестись плач кого-то из трех маленьких Карстейрсов.

Следующие годы прошли почти без событий. В памяти осталось совсем немного. Вальда вышла замуж и, сожалея о своем дезертирстве, покинула семью Карстейрсов. Мэриан потеряла работу. Дина переболела корью. Они несколько раз переезжали с места на место, пока, наконец, не нашли этот домик. Десять лет безвылазного сидения за пишущей машинкой.

Но троица юных Карстейрсов стоила того. Им было так хорошо всем вместе! Правда, дети быстро взрослеют. Скоро они вырастут и покинут ее, начнут жить собственной жизнью. А она станет одинокой женщиной среднего возраста и будет продолжать сочинять детективные романы в каком-нибудь уютном гостиничном номере.

Мэриан встала и направилась по дорожке в глубь сада.

Может быть, следующая строчка не будет звучать: "С губ бледной девушки сорвался звук ужаса". Ох, нет. Пусть лучше будет так: "Офицер полиции побледнел и вскрикнул..." Она задумчиво шла дальше, вслух сочиняя: "Офицер полиции побледнел и вскрикнул: "Я не понимаю..." "Разумеется, вы не понимаете, — холодно ответил Кларк Кемерон. — Полицейские никогда и ничего не понимают". Нет, не годится. Слишком длинная реплика. Она пробормотала себе под нос: "Все полицейские — придурки". Это ей понравилось, и она повторила громче: "Все полицейские — придурки..."

— Простите? — из-за куста вышел лейтенант Смит. — Вы что-то сказали о полиции?

— Я сказала... — Мэриан раздраженно взглянула на него. — Что вы делаете в моем саду?

— Это уже не ваш сад, — мягко пояснил он. — Вы перешли границу соседнего владения, которое временно находится под надзором полиции. Здесь произошло убийство, если вы помните.

Поплотнее запахивая розовый стеганый халатик, Мэриан тихо проговорила:

— Прошу прощения, — повернулась и пошла по дорожке.

— Погодите, — воскликнул Билл Смит. — Погодите, миссис Карстейрс...

Она обогнула живую изгородь и не удостоила его даже взглядом.

Вдруг что-то зашелестело в зарослях у дорожки. Мэриан в ужасе застыла. Здесь произошло убийство, и убийца все еще не пойман. Если с ней случится что-то плохое, кто позаботится о троице юных Карстейрсов? Она попыталась закричать, но крик застрял у нее в горле.

— Миссис Карстейрс! — донесся до ее ушей хриплый шепот.

Мэриан повернула голову. Из-за листьев выглядывало измученное, перепуганное, небритое лицо. Когда-то красивое, мужественное, вызывающее симпатию, теперь поцарапанное, окровавленное и грязное.

— Ради всего святого, — снова раздался хриплый шепот, — не вызывайте полицию. Миссис Карстейрс, неужели вы верите, что я убил свою жену!

Это был Уолли Сэнфорд. Его разыскивала полиция трех штатов. Убийца. Достаточно ей закричать, прибегут полицейские и схватят его. Назавтра в газетах появятся огромные заголовки: "АВТОР ДЕТЕКТИВНЫХ РОМАНОВ ПОЙМАЛА УБИЙЦУ". Прекрасная реклама для ее книг. Но все же...

— Поверьте мне, — еле слышно шептал Уолли Сэнфорд. — Поверьте!

На посыпанной гравием дорожке послышались тяжелые шаги.

— Бегом через кусты! — прошептала Мэриан. — Бегом! Я их задержу.

Уолли Сэнфорд исчез. А Мэриан громко и пронзительно вскрикнула.

Лейтенант Смит в два прыжка оказался рядом с ней, схватил ее за плечо и спросил:

— Что вас так напугало?

— Мышь, — выдохнула Мэриан. — Здесь, на дорожке!

— Ох, — с облегчением произнес он. — Я подумал, что... Послушайте, миссис Карстейрс. Не могли бы вы... Нам надо поговорить. Если вы согласитесь... не могли бы мы вместе пообедать... или поужинать... или сходить в кино... или еще куда-нибудь?

— Даже не подумаю. И отпустите мое плечо, будьте любезны.

— Прошу прощения. — Лейтенант резко развернулся и пошел по дорожке.

Мэриан вбежала в дом и одним прыжком поднялась в свою комнату. Впервые за десять лет она боялась расплакаться.

Уолли Сэнфорд. Загнанный, словно дикий зверь. Возможно, убийца. Она должна была отдать его в руки полиции. Нет, не могла — слишком умоляющим был его взгляд.

Свидание. Лейтенант приглашал ее на свидание. Впервые за столько лет! Глупости все это! Пора возвращаться к работе. Мэриан решительно села за машинку и отстучала начало нового абзаца:

"Все полицейские — придурки..."

Глава 4

— Марш отсюда, детвора, всем разойтись! — потребовал сержант О'Хара. — Я кому сказал, разойтись!

— Какая настойчивость, — хладнокровно обратилась к Дине Эйприл. — Видимо, этот человек никогда не слышал о законе, запрещающем вторжение на территорию частного владения.

Арчи громко захихикал.

Сержант О'Хара побагровел, на пару футов отступил с газона Карстейрсов на газон Сэнфордов и повторил уже громче:

— Марш отсюда, говорю. Разойтись!

— Почему? — спокойно поинтересовалась Дина. — Мы живем здесь.
— Вы живете в доме, — ответил сержант. — Вон там! А теперь расходитесь.
— Мы живем и в саду, — отозвалась Эйприл.
— Мы живем везде! — заверещал Арчи, подсакивая. — Везде мы живем.
Дина поддержала его:

— И это — наш сад.

— Я сказал, — начал было сержант и задохнулся. — Я сказал — отойдите от изгороди!

— Ладно, — ответила Дина. — Раз уж вы так себя ведете.

Тройка юных Карстейрсов отступила от садовой калитки, даже не обернувшись на сержанта.

— У нас с ним будет масса неприятностей, — угрюмо заявила Дина.

— Это тебе так кажется, — ответила по-прежнему безмятежная Эйприл. — Это у него будет масса неприятностей с нами. — Она шла через газон свободным шагом, пока не убедилась, что сержант О'Хара их уже не видит. Тогда Эйприл приостановилась. — Пойдемте, ребяташки, есть еще калитка с огорода.

Калитку с огорода охранял со скужающим видом молодой полицейский. Он отрицательно помотал головой и буркнул:

— Нет-нет. Сюда нельзя.

Дина с минуту рассматривала его, затем произнесла:

— Мы обещали миссис Сэнфорд прополоть ее репу.

— Здорово придумано, — на этот раз дружелюбно признал полицейский. — Миссис Сэнфорд уже не волнуется за свою репу. Миссис Сэнфорд убили. Понятно?

— Понятно, — ответила Эйприл, поднимая бровь. — Представьте себе! — Она казалась немного обиженной. — Убили! Ничего лучше не могли придумать. — Эйприл приподняла вторую бровь, чтобы подать сестре и брату условный сигнал. — Ну что, пошли отсюда?

Молодой полицейский долго смотрел им вслед с озадаченным выражением на румяной физиономии.

— Они расставили охранников везде, — растерянно проговорила Дина. — Даже возле калитки у мусорных ящиков.

— И все-таки мы должны как-то туда попасть и хорошенько поискать, — сказала Эйприл.

Арчи огляделся вокруг и наглядно убедился в том, что Дина права.

— А почему вы не пробуете пройти через главные ворота? Растяпы, растяпы, растяпы! — возопил он.

Эйприл и Дина обменялись взглядами.

— Можно попытаться, — неуверенно проговорила Эйприл.

Она направилась в сторону аллеи, ведущей к вилле Сэнфордов. Здесь никого не было видно.

— Это может быть ловушкой, — драматически прошептала Эйприл.

— Давай лучше проберемся ползком, через кусты. И постарайся не шуметь!

Приближаясь к кустам, они увидели знакомый длинный серый кабриолет, стоящий перед домом, а перед ним две знакомые фигуры. Дети быстро нырнули в кусты. Они продвигались ползком, пока, наконец, на расстоянии шести футов от автомобиля не застыли в зарослях.

Полли Уокер стояла рядом с машиной. На ней было белое льняное платье с яркой вышивкой вокруг выреза. Красная широкополая шляпа подобрана в тон вышивке. Она выглядела очень юной и перепуганной.

Билл Смит опирался одной ногой на подножку, а локтем — на край открытого окна машины. Он старался выглядеть поостроже, но казался симпатичным и озабоченным.

— Уверю вас, — говорила Полли Уокер, — что я понятия не имею, где он может быть. Я не имела от него известий с тех пор, как... — она умолкла.

— С каких пор? — спокойно спросил лейтенант Смит.

— С позавчерашнего дня. — Красивые губы Полли Уокер приоткрылись и опять упрямо сжались. Актриса вздохнула. — Зачем вы меня вызвали сюда? Зачем все эти глупые вопросы?

— Потому что, — ответил Билл Смит, — вы вчера сказали, будто никогда не видели Уолли Сэнфорда, а были знакомы только с миссис Сэнфорд, которая пригласила вас выпить чаю. — Он снял ногу с подножки и выпрямился. — Но вы только что признались, что позавчера видели Уолли Сэнфорда... Когда вы впервые встретились с ним?

— Я... — Полли Уокер упрямо стиснула губы. — Не думаю, что это каким-то образом вас касается.

Вид у лейтенанта был совершенно несчастным.

— На самом деле, мисс Уокер, вы никогда в жизни не встречались с миссис Сэнфорд. Что же касается ее мужа, Уоллеса Сэнфорда, то он был представлен вам на коктейле 16 января этого года. С того дня вас часто видели в его обществе. И миссис Сэнфорд, услышав об этом...

— Ох, нет! — воскликнула Полли Уокер. — Все было совсем не так. — Она закусила нижнюю губу и вздернула плечи. — Я не буду даже оправдываться перед вашими абсурдными обвинениями. Это неподходящее место для допроса третьей степени. Если у вас есть еще какие-то вопросы, обратитесь к моим адвокатам. — Она открыла дверцу автомобиля.

— Подождите, пожалуйста... — воскликнул Билл Смит, хватаясь за дверцу.

— Я что, нахожусь под арестом? — холодно спросила Полли Уокер. — Если не нахожусь, то извините меня. У меня запланирована еще парочка убийств на сегодняшнее утро, и я боюсь отстать от графика.

Она рванула машину с места с такой скоростью, что с веток посыпались листья. Лейтенант Смит долго смотрел ей вслед, затем повернулся и медленно пошел в сторону виллы Сэнфордов.

— Эту реплику она придумала сама, — с восторгом прошептала Эйприл. — Ну и растяпа же он!

— Не выражайся подобным образом о своем будущем отчине, — укоризненно произнесла Дина. — А сейчас бегом! Мы еще успеем поймать ее, если на светофоре будет красный свет. Вперед!

Они продрались сквозь кусты, помчались вдоль дороги и увидели впереди серый кабриолет, который притормозил, чтобы пропустить грузовик. Потом он остановился перед светофором. Девочки сбежали с холма.

— Нам ни за что не догнать, — выдохнула Эйприл. — Свет...

Блеснул зеленый свет, но кабриолет не сдвинулся с места. Он стоял, одним колесом безрассудно зацепившись за бровку тротуара.

— Надеюсь, с ней ничего не случилось, — обеспокоенно проговорила Эйприл. — Полли Уокер — практически единственный свидетель по этому делу. Нам надо кое о чем расспросить ее...

— О чем расспросить? — поинтересовалась Дина. — Она — кинозвезда. У нее есть адвокаты. Если она не захотела ответить на вопросы полицейских, разве она скажет нам... Ох, Эйприл!

Полли неподвижно сидела в машине, плечи ее тряслись от рыданий.

Дина подбежала к кабриолету и сочувственно обняла Полли Уокер. Та выглядела, как перепуганная и несчастная маленькая девочка.

— Ох, — всхлипывала Полли. — Ох, Клив, Клив! Я не хотела... Уолли! Он этого не делал! Это совсем не было нужно. Он не знал. Я его ненавижу. Но он этого не делал. Ох, что за глупцы!

— Ну, тихо, тихо, — беспомощно пыталась утешить ее Дина.

Полли выпрямилась, вытаскала носовой платок и громко высморкалась.

— А я так ему верила! — прерывистым голосом выдохнула она.

Эйприл вскочила на подножку автомобиля.

— Скажите нам, кто такой Клив?

— Это мой... Он был моим... — Она взглянула на них глазами, полными слез. — Ах, это вы, мои маленькие друзья!

— Мы заслужили, чтобы вы называли нас своими друзьями, — торжественно заявила Дина.

— Вы всегда появляетесь в самые тяжелые минуты, — пробормотала Полли Уокер.

— И задаем самые трудные вопросы, — холодно произнесла Эйприл. — Вам лучше припудрить носик, куколка. — Полли Уокер механически потянулась к пудренице, а Эйприл продолжила: — Расскажите всё! Был ли мистер Сэнфорд вашим приятелем?

В первый момент Полли Уокер ничего не могла понять. Потом, уронив пудреницу на колени, рассмеялась.

— Господи! Да нет же, Господи! Конечно, нет. Что это вам...

— Тогда почему, — безжалостно настаивала Эйприл, — он убил свою жену?

— Потому, — ответила Полли, — что это письмо... — Она умолкла и внимательно посмотрела на них. — О чем вы говорите, дети?

— Мы знаем, что мистер Сэнфорд не убивал своей жены. Он вышел из поезда в шестнадцать сорок семь. Мы слышали выстрелы в шестнадцать тридцать.

Полли Уокер от удивления разинула рот.

— Точно, — поддержала сестру Дина. — Эйприл как раз пошла на кухню, чтобы взглянуть на часы, потому что...

— Только не заводите опять эту бесконечную песню о картошке, — прервала ее Эйприл. И снова обратилась к Полли Уокер: — Видите, у вас нет причин беспокоиться. Так что выше нос, подружка!

— Но это невозможно, — беспомощно возразила Полли. — Ведь без пятнадцати пять я была... Я...

— Мисс Уокер, — с достоинством прервала ее Дина, — не станете же вы называть нас лжесвидетелями из-за каких-то дурацких пятнадцати минут?

— Даже не подумая. Лучше, детишки, возвращайтесь домой и не вмешивайтесь не в свои дела.

Кабриолет вырвался на дорогу. Эйприл и Дина молча следили, как он исчезает вдаль.

— Крепкие нервы у девушки, — произнесла, наконец, Дина. — Детишками нас называет, а самой не больше двадцати.

— Кем бы ни был этот Клив, — мечтательно шепнула Эйприл, — надеюсь, он достоин ее.

Они медленно поднимались по холму. Вдруг Дина резко остановилась.

— Эйприл! — воскликнула она. — Куда запропастился Арчи?

Эйприл взглянула на сестру и судорожно сглотнула ком в горле.

— Он сидел здесь, — произнесла она растерянным голосом, — на этом заборчике.

Они побежали к вилле Сэнфордов, но Арчи нигде не было.

— Должно быть, пошел домой, — неуверенно предположила Эйприл.

Дина побледнела.

— Эйприл, — прошептала она, — надеюсь, с ним не случилось ничего плохого...

— Думаю, ничего с ним не случилось, — ответила Эйприл. Она заметила человека в штатском, который охранял въезд в ворота виллы Сэнфордов, и подошла к нему с милой улыбкой. — Вы здесь не видели маленького мальчика? Такого растрепанного, с дырками на локтях и развязанными шнурками...

Полицейский расплылся в улыбке.

— Ах, этот. Точно. Он пошел вверх, к кондитерской Люка. С сержантом О'Хара. А что случилось? Может, мама его разыскивает?

— Нет, — ответила Дина. — Это мы его ищем. — И пробормотала под нос какое-то короткое слово.

К счастью, человек в штатском не расслышал его. А было это слово "Иуда!"

Глава 5

Когда О'Хара увидел одинокого Арчи, сидящего на заборчике у ворот, то решил применить к нему свой психологический метод. Что ни говори, припомнил он, своих таких девять воспитал. Стоило попытаться расколоть этого мальчика.

— Здорово, приятель, — дружелюбно начал он. — Где же твои сестренки?

— А мне начхать, где они, — угрюмо отрезал Арчи, не поднимая головы.

Сержант прикинулся изумленным.

— Эй! Разве можно выражаться подобным образом о таких хороших девочках?

— Хорошие девочки! — пробормотал Арчи. — Симулянтки! Знаете что? Я их игнорирую!

— Что ты говоришь! Вот и хорошо. А то я как раз собирался пойти в кондитерскую Люка попить солодового сиропа и подумал, что ты захочешь пойти со мной.

Арчи раздирали противоречия. С одной стороны, сержант О'Хара — враг. Но с другой — Арчи и так собирался сходить к Люку выпить солодового сиропа. Солодовый сироп у Люка стоит двадцать пять центов без взбитых сливок и шоколада. А шоколадный сироп со взбитыми сливками... Он встал и засунул руки в карманы.

— Идет. Пошли.

...Сержант уселся на высокий табурет перед стойкой и обратился к Люку:

— Двойной шоколадный сироп со взбитыми сливками для моего друга, а мне — чашку кофе.

— Класс! — вырвалось у Арчи.

— Слушай, парень, — начал сержант, — ведь мы же с тобой друзья, правда?

— Ага, — ответил Арчи, хватая зубами соломинку.

— А у друзей никогда не бывает между собой никаких секретов.

Арчи отрицательно помотал головой, не выпуская соломинки из зубов.

— И поэтому, — уверенно продолжал сержант, — друзья всегда говорят друг другу правду. Ты со мной согласен?

Арчи втянул в себя остатки сиропа, вытащил соломинку и сказал:

— Угу.

— Так, может, ты мне кое-что расскажешь? — предложил сержант О'Хара. — Про... А, может, не откажешься выпить еще порцию сиропа?

Арчи заглянул на дно пустого стакана. В его душе происходила отчаянная борьба. Но ведь сержант О'Хара — его приятель. И двойной шоколадный сироп со взбитыми сливками...

— Так который час был на самом деле, когда вы услышали выстрелы? — острожно осведомился сержант.

Арчи, чтобы выиграть время, невинно спросил:

— А что?

Сержант взглянул на Арчи и попробовал зайти с другой стороны:

— Откровенно говоря, я не верю, что вы знаете, который был час, когда раздались выстрелы.

— Вы так думаете? — с вызовом бросил Арчи. — А вот и знаем.

— Нет, твоя сестренка не знает, потому что она назвала мне неправильное время. Готов поспорить, что и ты не знаешь, — продолжал сержант.

— Спорим, я знаю! — оскорбленно воскликнул Арчи. — Я знаю точно!

— Да-а-а? — недоверчиво протянул сержант. — Ну, так скажи.

— Было ровно... — Арчи замолчал.

Он увидел в окне Дину и Эйприл, стоявших на тротуаре и отчаянно жестикулировавших. Девчонки! Как он ненавидит девчонок! Вдруг Эйприл сделала жест, означавший семейную солидарность, а Дина подкрепила его сигналом, который он тысячу раз видел за обеденным столом и который означал: "Ни слова!"

Соломинка неприятно заскрежетала по дну пустого стакана. Арчи слез с высокого табурета и заявил:

— Была точь-в-точь половина пятого. Потому что Эйприл как раз пошла взглянуть на часы, не пора ли Дине ставить кастрюлю с картошкой на огонь. Пока! Мне пора домой.

— Половина пятого? — мрачно пробормотал себе под нос сержант. И снова обратился к Арчи: — Эй, парень, погоди! Как насчет еще одного стаканчика?

— Спасибо, нет, — ответил Арчи. — Больше в меня не влезет.

Дина и Эйприл поджидали его в боковой улочке за кондитерской. Дина ухватила Арчи за плечо, а Эйприл зашипела, как змея:

— Что он хотел от тебя узнать?

— Ой-ей-ей, — запищала Арчи, выдираясь из любящих рук сестренки. — Он просто хотел знать, в котором часу мы услышали выстрелы. И я ему сказал...

— Арчи! — выкрикнула Эйприл.

— Я сказал, что была ровно половина пятого. Потому что ты как раз пошла взглянуть, не пора ли варить картошку. Вот и все.

Дина и Эйприл переглянулись.

— Ах, Арчи! — воскликнула Эйприл. — Нет на свете парня круче тебя! — И стиснула его в объятиях.

Дина обняла его с другой стороны и поцеловала в щеку. Арчи пищал и вырывался.

— Прекратите это! — отбивался он. — Я — взрослый мужчина. У меня есть даже приятель-полицейский.

Эйприл бросила убийственный взгляд в сторону кондитерской. Ее глаза от бешенства сузились.

— Приятель-шпион, ты хотел сказать? — И попросила Дину: — Идите с Арчи домой. Я тут с ним сама разберусь как следует.

— Надеюсь, — ответила Дина. — Только ты должна вовремя вернуться домой, чтобы приготовить овощи к обеду.

Эйприл подождала, пока Дина и Арчи не скрылись из виду, потом пригладила волосы, поправила воротничок блузки и небрежной походкой вошла в кондитерскую, где сержант О'Хара с несчастным видом рассматривал пустую чашку из-под кофе. Она вскарабкалась на табурет рядом с сержантом и жалобным голосом обратилась к Люку:

— Я бы охотно выпила солодового сиропа, но у меня только десять центов, поэтому дайте, пожалуйста, стакан кока-колы.

— Кока-кола закончилась, — сказал Люк.

— Ничего не поделаешь, — вздохнула Эйприл. — В таком случае дайте, пожалуйста, лимонад.

— Пойду взгляну в кладовой, есть ли у нас еще лимонад, — ответил Люк. — Может, найдется бутылочка.

Эйприл пару секунд сидела спокойно. Потом как бы случайно повернула голову, и ее лицо засияло улыбкой.

— О, сержант О'Хара! Что за приятный сюрприз — встретить вас здесь!

Сержант О'Хара взглянул на нее и подавил могучее желание всыпать ей как следует пониже спины. Он лишь широко улыбнулся и произнес:

— Вот как! Рад вас видеть, юная леди!

Тут из кладовой вернулся Люк и объявил:

— Прошу прощения, но лимонад тоже закончился.

— Ладно, — кротко произнесла несчастная Эйприл. — Тогда налейте мне стакан воды, пожалуйста.

— Минуточку, — вмешался сержант О'Хара. — Могу я угостить вас солодовым сиропом, юная леди?

— Ах, капитан О'Хара! Как мило с вашей стороны!

— Прошу подать юной леди двойной шоколадный сироп, — прямо-таки проворковал полицейский. — Со взбитыми сливками. Двойными взбитыми сливками. — Он повернулся к Эйприл и добродушно уточнил: — Я не капитан. Я только сержант.

— Ах, — вздохнула Эйприл, — а выглядите, как настоящий капитан. Готова поспорить, вы разгадали множество таинственных преступлений.

— Ну... — скромно признался сержант, — кое-чего в этой жизни я добился...

— Я хотела бы с вами посоветоваться.

— Спрашивайте смело, — обрадовался О'Хара. — Всегда готов помочь, чем могу.

— Видите ли... Я... — робко пробормотала Эйприл. — Я кое-что знаю об этом убийстве. Только не смею никому рассказать.

— Почему же?

— Потому что... — Эйприл шмыгнула носом и начала лихорадочно искать носовой платок. — Мама... Я всегда делаю то, что говорит мама, и еще ни разу в жизни ее не ослушалась. Вы, думаю, тоже считаете, что все должны слушаться своих мам?

— Разумеется, — горячо поддакнул сержант.

— Ну вот! — продолжала она. — Именно поэтому мне так нужен ваш совет. Дело вот в чем. Как вы думаете, если некая особа владеет полезной полицией информации об убийстве, должна ли она предоставить эту информацию полиции, несмотря на то, что мама особы строго запретила ей вмешиваться в эту историю?

— Пожалуй, это весьма трудная проблема, — медленно процедил сквозь зубы сержант О'Хара. — Тебе не хочется быть непослушной дочерью. Но, с другой стороны, ты не хочешь, чтобы убийца оставался не пойманным.

Эйприл слегка вздрогнула.

— Ах, нет! Но, видите ли, никто не знает, что я была там и подслушала разговор. Я не должна была туда ходить. У меня будет куча неприятностей, если кто-нибудь узнает, что я там была. Все из-за Хендерсона... Хендерсон — черепаха нашего Арчи — убежал, и я его искала. Честное слово, я совсем не хотела подслушивать! Я услышала все нечаянно. Потому что она страшно испугалась, а он говорил ужасно громко.

— Так, — осторожно проговорил сержант О'Хара, с трудом сдерживая волнение. — Кто испугался?

— Миссис Сэнфорд. Потому что он ей угрожал... — Эйприл умолкла на какое-то время, а затем продолжила: — Лучше я допью свой сироп и пойду домой. Мне пора готовить овощи на обед.

— У тебя еще куча времени, — пытался успокоить ее сержант. — Давай-ка я угощу тебя еще стаканчиком сиропа.

— Ах, спасибо! — воскликнула благодарная Эйприл. Она знала, что может позволить себе только один стакан сиропа. Но тут был особый случай. Она в два глотка выпила сироп, и тут же перед ней появился второй стакан. Двойная порция, с двойным кремом. Эйприл отпила чуть-чуть и с отвращением взглянула на почти нетронутую порцию.

— Я бы не помнила все так хорошо, — продолжала она свою историю, — если бы он не грозился убить ее. Конечно, я не думала, что он на самом деле это сделает. Ах, нет! Я не должна об этом говорить, потому что мама не велела нам впутываться в эту историю.

— Ну, — сказал сержант О'Хара, — я тебе плохого не посоветую. Я — твой друг. Можешь доверять мне, то есть по секрету сказать, что знаешь. Понимаешь, я никому не скажу, что узнал об этом от тебя. — Он заботливо поинтересовался: — Тебе что, не нравится сироп?

— Ах, нет, — возразила Эйприл. Она с трудом заставила себя сделать еще глоток. Ее утешала мысль, что страдает она за общее дело.

— Продолжай, — добродушно попросил сержант. — Я буду нем, как могила.

— Дело было так. Хендерсон... Ну, черепаха... перегрыз веревку и сбежал. Мы его искали. В саду Сэнфордов есть беседка, которая сильно заросла виноградом. Я подумала, что Хендерсон может быть там, и пошла искать. Когда я услышала в беседке голоса, то спряталась, потому что знала: миссис Сэнфорд будет ужасно злиться, если застанет меня в своем дворе. Честное слово, я не подслушивала.

— А как зовут человека, с которым беседовала миссис Сэнфорд? Ты не знаешь? — осторожно спросил сержант.

— Конечно, знаю, — ответила Эйприл. Она лихорадочно подыскивала в памяти какую-нибудь подходящую фамилию. — Это было так. Они говорили о каких-то письмах. Он сказал, что у него нет десяти тысяч долларов. А она, то есть миссис Сэнфорд рассмеялась и сказала, что советует ему поискать получше. А он тогда... — Эйприл нахмурила брови, словно стараясь что-то припомнить, — Ах, да... Он сказал, что скорее убьет ее, чем заплатит десять тысяч долларов за пачку писем, которые написал, когда был не совсем в своем уме. — Эйприл выдержала драматическую паузу, взглянула на сержанта и прошептала: — Я испугалась. Я все еще боюсь. Боюсь, что это будет сниться мне по ночам.

— Нет-нет-нет, малышка, — пробормотал сержант О'Хара. — Не надо ничего бояться.

— Он говорил, что убьет ее. А она все смеялась и требовала, чтобы он принес десять тысяч долларов наличными к четырем часам дня. Он тогда тоже засмеялся

и сказал, что придет к четырем, но не с десятью тысячами долларов, а с пистолетом. — Эйприл отодвинула стакан и тихим, дрожащим голосом добавила: — Я страшно испугалась.

— Ну-ну, — сердечно пророкотал сержант О'Хара, — Расскажешь мне, а потом забудешь обо всем. Ты видела этого мужчину в беседке? Сможешь описать его?

Эйприл отрицательно помотала головой и придвинула к себе стакан.
— Я его не видела, только слышала голос. Даже не знала бы его имени, если бы она не назвала его.

— Вот как, — воодушевился сержант. — Так тебе известно его имя?

— Она сказала... Я повторю слово в слово, капитан О'Хара... — Эйприл сделала паузу. Ей надо было срочно придумать какое-нибудь имя для этого типа. Ага, новая мамина рукопись. Она успела прочесть ее почти всю, кроме двадцати последних страниц. Там было какое-то имя и парочка абзацев диалога с этим персонажем. Эйприл лучезарно улыбнулась и, с улыбкой глядя на сержанта, который уже явно начинал нервничать, произнесла: — Она сказала: "Руперт, ты побоишься даже дотронуться до пистолета, не то что прицелиться и выстрелить".

— Руперт, — повторил сержант и записал. — А что он ответил?

— Он ... — Эйприл надеялась, что хорошо запомнила, как было сформулировано в маминой рукописи. — Он ответил: "Ты думаешь, я труслив, как мышь, но я тебе докажу, что могу быть смелым, как настоящий мужчина!" А потом... — Эйприл лихорадочно подбирала к имени фамилию, — она сказала: "Тише. Кто-то идет". С минуту оба молчали, и снова раздался ее голос: "Ах, Уолли! Познакомься с мистером ван Деусеном".

— Ван Деусен, — пробормотал сержант и записал фамилию рядом с именем в блокноте. — Руперт ван Деусен. — Он ласково улыбнулся Эйприл. — Продолжайте, юная леди.

— Это уже все, — невинно проговорила Эйприл. — Мистер Сэнфорд произнес: "Не хотите ли зайти в дом, выпить чего-нибудь?", и они ушли, а больше я ничего не слышала. А потом Арчи нашел Хендерсона. В прачечной, в корзине для белья.

— Хендерсона? — припоминая, кто это, нахмурился сержант.

— Черепуха, — напоявила Эйприл. — У Арчи есть черепуха. Я вам говорила. Он перегрыз веревку и уполз. Мы его разыскивали, и как раз тогда я все это услышала.

— Ах, да! — припомнил сержант, захлопнул блокнот и сунул его в карман. — Хендерсон. Хорошо, что он, наконец, нашелся. Ну что, как насчет еще одной двойной порции сиропа, юная леди?

Эйприл, скрыв дрожь отвращения, вежливо ответила:

— Нет, капитан, благодарю вас. Мне пора идти домой и заняться овощами к обеду. Но вы должны пообещать мне, что никому ничего не расскажете! Потому что если мама узнает...

— Обещаю, — заверил ее сержант.

— Ах, благодарю вас, капитан! — воскликнула Эйприл и величественно удалилась.

После ее ухода О'Хара вытащил блокнот и еще раз взглянул на свои записи. Какая хорошая, воспитанная, умная девочка! Он своих таких девять вырастил и разбирался в детях. Она называла его капитаном О'Хара. Ну что ж... Может, когда-нибудь... Сержант захлопнул блокнот, сунул его в карман и вышел.

После его ухода мужчина в сером костюме, дремавший за соседним столиком, вскочил, совершенно трезвый, и попросил:

— Дай мне немного мелочи, Люк.

Он быстро бросил монетку в отверстие телефона-автомата и набрал номер.

— Это Фрэнк Фримен. Соедините меня с отделом городских новостей. Алло, Джо? Послушай... — Через пять минут он все еще диктовал свое сообщение по телефону, а от целой горсти монет осталась всего пара. — Я сказал "надежный свидетель", ты понял? Хорошо. И еще ван Деусен. Руперт ван Деусен. Господи, ты что, не слушаешь? Р — как разбой, у — как убийство, п — как преступление... Записал? Руперт ван... Послушай, Д — как дурак, е — как есть... Кончай чертыхаться, а то не скажу больше ни слова. Руперт ван Деусен. Точно. Пиши дальше: "Надежный свидетель, имени которого мы не можем назвать, заявил, что..."

Глава 6

— Господи, где ты пропадала так долго? — возмущенно спросила Дина. Но, оторвав взгляд от картофелины, которую чистила, испугалась: — Что с тобой случилось?

Лицо Эйприл было совершенно зеленым.

— Потом расскажу, — пробормотала она и стремительно выбежала из кухни.

Через пять минут сестра вернулась, еще бледная, но уже не зеленая.

— Одну порцию сиропа я еще могу выпить, — объяснила она. — Сливки ненавижу, а от шоколада меня тошнит. А уж три порции — это выше моих сил.

Картофелина выпала из рук Дины.

— Боже мой, зачем же ты заказала целых три порции?

— Потому что это самое дорогое, что есть у Люка, — гордо ответила Эйприл. — Ты же не думаешь, что я могла позволить О'Хара отделаться лимонадом за десять центов?

Дина фыркнула. Она обожала сливки и шоколад.

— Ладно уж, великомученица. Почисть морковку. А в следующий раз...

— Следующего раза не будет, по крайней мере, не с этим сержантом, — заявила Эйприл, со вздохом взяла щетку и начала чистить морковку. — Я... — она замолчала.

— Что я? — поинтересовался Арчи, оторвавшись от промывания листьев салата.

— Я — это я, — спокойно произнесла Эйприл. — А ты — это ты, мы — это мы, они — это они, наше — это наше, а двадцать четыре часа — это сутки, а триста шестьдесят пять дней — это год. Поддай-ка мне вон ту щетку для овощей, братишка-глупышка

— Ах ты, язва! — возмутился Арчи. — Получи свою щетку, сестрица-тупица!

— Спокойно, дети! — потребовала Дина. — Мама наверху работает. — Она поставила кастрюлю с картошкой в духовку. — А сейчас послушайте-ка. Прошло уже двадцать четыре часа, даже больше, а мы не продвинулись ни на шаг...

Внезапно со стороны соседней виллы донесся пронзительный крик. Эйприл и Дина взглянули друг на друга и побледнели. Арчи рванулся к выходу, но Эйприл перехватила его.

— Если это второе убийство, — прошептала она почти беззвучно, — мы можем застукать убийцу на горячем...

— Стой! — крикнула Дина. — Мама...

Со второго этажа доносился громкий стук машинки.

— Ей мы скажем потом, — решила Эйприл.

— Бежим! — выкрикнул Арчи.

И они нырнули в кусты.

Нет, это не было второе убийство. Поверх живой изгороди они увидели соседку, миссис Карлтон Черрингтон III, в фиолетовом шифоновом платье и фиолетовой широкополой шляпе. Соседка пыталась высвободиться из объятий молодого полицейского, все ее лицо пылало — от двойного подбородка до выщипанных бровей. Наконец ей удалось вырваться, она принялась поправлять на голове шляпу, одновременно пытаясь принять достойный вид.

— Я понятия не имела, что зашла на чужую территорию, я просто возвращалась из гостей и хотела сократить путь.

— Вы просто пытались забраться в эту виллу, — выпалил молодой полицейский.

Миссис Карлтон Черрингтон III, наконец, удалось справиться со шляпой и отдышаться.

— Молодой человек, — доверительно произнесла она, — я вам признаюсь. Я действительно пыталась протиснуться в кухонное окно.

На полицейского признание не произвело особого впечатления.

— Еще бы, — подтвердил он. — Ведь именно я вытаскивал вас оттуда.

— У всех нас есть какие-нибудь слабости, — задушевно продолжала она свою исповедь. — Не стану более скрывать. Видите ли, я коллекционирую разные памятные мелочи... бахрому от ковра, например... пуговицы от постельного белья... Но, уверяю вас...

— Кража со взломом, — бесстрастно констатировал полицейский.

— Но я никогда не беру ничего ценного, — уверяла дама. — Просто сувениры. Молодой человек, я — жена генерала. Моя фамилия — Карлтон Черрингтон III.

Суматоха, возникшая в этот момент перед виллой, заставила молодого полицейского отложить ответ, который уже был на губах и наверняка не отличался вежливостью. Он рванул на помощь коллегам. Миссис Карлтон Черрингтон III секунду смотрела ему вслед, а потом проворно понеслась к воротам.

— Кто бы мог подумать, что эта толстуха умеет так бегать! — вырвалось у изумленной Эйприл.

— Она мне нравится, — сказала Дина. — Помнишь, как она пекла для нас овсяное печенье? Может, она и с приветом, но все равно хорошая. Похоже, ее что-то тревожит...

— Тс-с-с... — прошипел Арчи, показывая пальцем на группу перед домом.

Троица юных Карстейрсов пробралась через заросли поближе к месту событий.

Перед главным входом в виллу Сэнфордов бушевал горячий спор. Со стороны полиции в нем принимали участие лейтенант Смит, молодой полицейский и агент в штатском. Их противником был добродушный на вид пожилой человек, примерно шестидесяти лет от роду, с испуганным бледным лицом и седыми волосами, одетый в темно-синий костюм. В руке он держал папку.

— Но я решительно требую, — настаивал он. — Я должен требовать. Меня зовут Холбрук, Генри Холбрук.

— Почему вы пытались проникнуть в дом? — спросил Билл Смит.

— Я же говорю вам, — нервничал пожилой господин. — Меня зовут Холбрук. Я — адвокат миссис Сэнфорд и мистера Сэнфорда. Как ее юридический советник, я должен был...

— Попытаться взломать дверь? — прервал его Билл Смит. — Это не объясняет ваших противозаконных действий!

— Но я... — адвокат запнулся.

— Мистер Холбрук, как юрист, вы должны знать, что в этот дом нельзя входить без позволения полиции.

Генри Холбрук побледнел еще больше и забормотал:

— Долг перед клиенткой... то есть бывшей клиенткой...

— Уверяю вас, — уже мягче произнес Билл Смит, — что имущество вашей покойной клиентки находится в полной безопасности.

— Обычно п-принято, — запинаясь мистер Холбрук, — в случае внезапной смерти клиента...

— В таких обстоятельствах я могу вам это позволить, — вежливо проговорил Билл Смит. — Вы можете осмотреть дом, разумеется, в присутствии полицейского...

— Я... — путался в словах мистер Холбрук. — Не думаю, что это так уж необходимо. Я вам доверяю целиком и полностью. Простите, что побеспокоил... — Сказав это, Генри Холбрук поспешно повернулся и пошел к дороге, где стояла его машина.

Дина схватила Эйприл за руку и прошипела, показывая пальцем:

— Смори! Пьер. Пьер Дегранж. Человек, который говорил, что он — художник.

По другой стороне аллеи передвигался низенький крепкий человек с седой бородой, ежеминутно приостанавливаясь и оглядываясь по сторонам. На нем были вельветовые брюки, клетчатая рубашка и берет. В зубах он держал незажженную трубку. Вдруг он нырнул в кусты и исчез.

Во всей этой сцене, разыгравшейся перед глазами детей, было что-то страшное. Розовая вилла, в стенах которой всего день назад случилось убийство... Толпа полицейских вокруг... И три человека, не знавшие друг друга, но пытавшиеся пробраться в дом...

— Эйприл, — сказала Дина, — нам пора возвращаться, иначе мы не успеем приготовить овощи.

— В самом деле, — поспешно согласилась Эйприл, — морковь варится так долго!

Они быстро помчались по аллее к своему саду.

Никто не произнес ни слова, пока кастрюлька с морковью не забулькала на огне, а салат, промытый и приправленный, не оказался в холодильнике. Арчи, правда, не без попыток сопротивления, принялся накрывать на стол.

— Знаешь, — задумчиво протянула Дина, — я думала о миссис Сэнфорд. И почему все эти люди хотят забраться в ее дом? Наверное, они что-то ищут. Потому что миссис Черрингтон никаких сувениров не коллекционирует. А этот адвокат, мистер Холбрук, не пробовал бы взломать дверь, если бы действительно имел право проникнуть туда с разрешения полиции. И мистер Дегранж... Что он там делал?

— Может, хотел написать картину, — предположила Эйприл.

Дина фыркнула:

— Он не рисует ни домов, ни деревьев. Так говорила мама. Он рисует только воду.

Арчи, который в этот момент вошел в кухню за маслом, очень удивился:

— Рисует воду? Кто рисует воду?

— Мистер Дегранж, — сказала Эйприл. — Мама познакомилась с ним, и он представился ей, как художник. А когда она спросила, что именно он рисует, ответил — воду.

— Странный бзик! — заявил Арчи, взял масло и выбежал в столовую.

— Я пытаюсь объяснить, — сказала Дина, — что есть какие-то причины, по которым все хотят попасть в этот дом. — Она замолчала и нахмурилась. — Что-то в этом доме спрятано, и поэтому все они пытаются туда проникнуть, чтобы эту вещь найти. Знаешь, Эйприл, я думаю, что миссис Сэнфорд была шантажисткой.

— Это меня совсем не удивило бы, — небрежно бросила Эйприл.
— Как? — спросила слегка удивленная Дина. — Так ты тоже подозревала ее в этом? Слушай, нам надо устроить вечеринку.
— В такое время ты думаешь о вечеринках! — возмутилась Эйприл.
— Завтра вечером. В пятницу. Ты выпросишь у мамы разрешение. Пригласи "банду".

Эйприл вздрогнула. "Банда" состояла из двенадцати мальчишек в возрасте от девяти до двенадцати лет, личностей исключительно шумных, немых и с испорченной репутацией.

— Дина, ты что, с ума сошла?
— Будем играть в поиски клада, — продолжала Дина. — Прекрасная мысль. Играть будем и в соседнем саду. При случае, нам, может, удастся не только обыскать территорию, но и забраться в дом.

— Понятно, — обрадовалась Эйприл. — А "банда"...
— Насколько я знаю "банду", она задаст полиции столько работы, что некому будет следить за нами. Сразу после обеда составим список гостей.

— Ну, девочки, — донесся с порога теплый голос Мэриан Карстейрс, — обед как вижу, уже почти готов. Я не знала, что уже так поздно.

На ней все еще были рабочие брюки, волосы растрепаны, а на щеке чернела полоса от копирки.

Дина вилкой попробовала, готов ли картофель.

— Все уже готово, — доложила она. — А как там индюшка?

— Индюшка? — Лицо Мэриан сначала побледнело, потом покраснело. — Индюшка спокойно лежит в холодильнике. Я должна была поставить ее в духовку в два часа, но задумалась о чем-то другом. Теперь уже, наверное, поздно.

Все посмотрели на часы. Пятнадцать минут шестого.

— Ничего страшного, — спокойно сказала Дина. — В кладовой есть три банки сардин, а мы все обожаем сардины. — И она добавила масло в картофель.

— В таком случае индюшку приготовим завтра, — вздохнула Мэриан. Выглядела она жалкой и растерянной, ее взгляд умолял о прощении. — Это все потому, что я была занята. Вообще-то, я люблю готовить.

— Мамочка, ты готовишь лучше всех на свете! — воскликнул Арчи.

— Мама, — торжественно заявила Эйприл, — ты должна опять выйти замуж. И тогда будешь готовить, сколько душе угодно.

— Замуж! — зарумянилась Мэриан. — Да кто захочет взять меня замуж? — У входной двери зазвенел звонок. — Открой, Дина. Я сейчас спущусь.

Мэриан спустилась через пять минут. В голубом халате, подкрашенная, волосы уложены в красивую прическу, и в последний момент она даже успела воткнуть в нее розу.

— Кто это звонил? — спросила она, глядя в сторону гостиной.

— Разносчик газет, — объяснила Дина. — Я ему заплатила. Ты должна мне двадцать два цента.

— А-а-а... — протянула Мэриан. И тут же небрежно произнесла: — Может, есть что-то новое об убийстве миссис Сэнфорд?

— Ох ты, Господи! — вырвалось у Дины. — Смотри, Эйприл!

Все вчетвером склонились над газетой.

Слова и фразы, напечатанные на первой странице, поплыли перед глазами Эйприл: "Эксклюзивный материал... Руперт ван Деусен... Надежный свидетель, пожелавший остаться неизвестным..." Ей показалось, что сейчас ее вывернет наизнанку. Нет, это просто припомнились три стакана сиропа.

— Просто не могу поверить. Странная вещь... Руперт ван Деусен. Это имя звучит как-то странно знакомо. Откуда я его знаю? — удивилась Мэриан.

— Готов поспорить, полиция его легко найдет, — уверенно заметил Арчи. — С таким именем!

— Эйприл, — медленно произнесла Дина, — мы правы. Она в самом деле была шантажисткой.

— Простите, но, похоже, морковь уже начала пригорать, — только и сумела выдавить из себя Эйприл.

Глава 7

— Ребята принесут какой-нибудь еды, — сказала Дина, — а мы купим кока-колу. — И она принялась перелистывать телефонную книжку.

— На какие деньги? — поинтересовалась Эйприл. — Не знаю, как ты, а у меня осталось всего двадцать центов, из которых пятнадцать я должна Китти.

Дина помрачнела.

— А я уже забрала у мамы свои карманные деньги за будущую неделю.

— Собственно говоря, это мама должна платить за кока-колу, — заметила Эйприл. — В конце концов, мы все это устраиваем для нее.

— Для себя тоже, — ответила Дина. — Для пользы всей семьи. Может, Люк согласится дать нам в кредит? Сколько бутылок надо?

— Я очень сомневаюсь насчет кредита, — призналась Эйприл. — А надо нам...ну...двадцать человек, не считая нас... скажем, примерно тридцать бутылок. То есть полтора доллара без залога за бутылки. И помни, что придет "банда".

— Боже мой! — простонала Дина. — Не знаю, что и делать. Не хочется опять канючить у мамы деньги. И так она была настолько добра, что разрешила нам устроить вечеринку. Целых полтора доллара! А тут еще эта "банда"! Их заявится как минимум десять, и каждый выпьет не меньше двух бутылок кока-колы. Надо бы оставить какой-нибудь запас. Примерно двадцать пять бутылок. То есть еще доллар двадцать пять центов. В сумме это будет два доллара семьдесят пять центов. Столько в кредит Люк нам не даст. Кроме того, я уже должна ему двадцать пять центов.

Эйприл вздохнула и с минуту размышляла.

— Ничего не поделаешь, придется занимать деньги у Арчи. У него есть деньги. Наш Арчи — настоящий скряга.

В эту минуту в холл влетел Арчи.

— Эй! — воскликнул он. — Что такое скряга?

— Скряга — это богатый человек, — ответила Дина. — И не мешай нам, пожалуйста.

Эйприл торопливо пояснила.

— Скряга — это богатый человек, к тому же умный, ловкий, симпатичный, быстрый и способный победить всех. Как Супермен.

— Ух, ты! — восхитился Арчи. — И я — скряга?

— Еще какой! — усмехнулась Эйприл.

— Садись, Арчи, нам надо с тобой поговорить.

Спустя пять минут, после нелегких переговоров, высокие договаривающиеся стороны пришли к компромиссу. Были установлены условия краткосрочного кредита в сумме двух долларов семидесяти пяти центов. Арчи выторговал себе право на деньги, которые останутся после сдачи бутылок, причем не только бутылок с вечеринки, но еще на протяжении семи дней.

Дина пересчитала деньги, всыпала их в свой кошелек и сказала:

— Готово. Давайте теперь обсудим, кого приглашать.

— Я собираюсь позвать Джо и Венди, Лью и Джима, и еще Банни.

— Банни? — скривилась Дина. — Эту печальную ошибку природы? Я приглашу Эдди. Он придет с Мэг. И Вилли.

— Вилли — растяпа, — изрекла Эйприл.

— Он — растяпа? Ты шутишь! — возмутилась Дина. — За Вилли просто надо следить, чтобы он чересчур не разошелся. К тому же у них с Джоэллой роман, а Джоэлле мы должны пригласить.

— Почему? Она ведь ужасно глупая.

— Послушай, — произнесла Дина. — Ребята наверняка захотят потанцевать. А у Джоэллы — самые лучшие пластинки. Эдди и Мэг. Вилли и Джоэлла.

— Не забудь о себе, — напонила Эйприл.

— Да, конечно, — продолжала Дина. — Эдди и Мэг, Вилли и Джоэлла, и... Пит и Дина. — Она критически взглянула на сестру. — Я заметила, что ты всегда приглашаешь тех мальчиков, которым нравишься ты, и только тех глупых девочек, которые не нравятся никому.

— Я не настолько наивна, — холодно заметила Эйприл, — чтобы играть с кем-то в кошки-мышки. Хочу быть вне конкуренции.

— А я, — отрезала Дина, — верю только в честное соревнование. — И потянулась к телефону.

— Только, пожалуйста, не начинай со звонка Питу, — ехидно ввернула Эйприл, — а то, пока будешь с ним беседовать, все остальные уснут.

На телефонные переговоры ушло часа два, а то и больше. Участники будущей вечеринки перезванивались между собой, и между ними разгорались жаркие дискуссии. Наконец все было организовано. Дина звенула и призналась:

— Не знаю, как вы, а я бы охотно съела кусок торта.

— Я тоже, — поддержала сестру Эйприл. — А где Арчи?

Арчи лежал на животе посреди гостиной, погрузившись в последний выпуск комиксов. Он отрицательно помотал головой, сказав:

— Я уже съел кусок торта.

В кухне было тепло и приятно пахло. Дина вытасила торт, который накануне испекла мама. Эйприл убедилась, что кот Дженкинс и черепаха Хендерсон накормлены и спокойно дремлют в своих уютных лежбищах. Дина принялась нарезать торт на солидные порции, но вдруг подняла голову и принохалась.

— Что-то печется, — она огляделась вокруг. — Эйприл, может, ты забыла выключить духовку?

— Нет, не я, — решительно отрезала Эйприл.

— Во всяком случае, кто-то это сделал, — заметила Дина. — И не я.

На этом спор прервался, потому что в кухню вошла Мэриан.

— Кажется, ее пора перевернуть, — весело проговорила она. — Не думаю, лентяйки, что кто-то из вас удосужился посмотреть, как там индюшка.

— Какая индюшка? — удивилась Эйприл.

Мэриан открыла духовку, вытасила жаровню и сняла крышку.

— Собиралась сказать вам, но забыла. Я решила испечь ее сегодня, потому что утром могла бы не успеть. Я вовсе не рассеянная. Просто слишком много всего у меня на голове. С вами включительно. — Она отложила вилку. — Пока я не забыла, давайте поговорим о завтрашней вечеринке... Вы говорили, что ребята принесут еду. А вам надо купить кока-колу, сладости, орешки и всякое такое... — Мэриан порылась в карманах своих рабочих брюк и выудила оттуда пачку записок, че-

тыре булавки, смятую пустую пачку из-под сигарет, коробку спичек, счет из бакалейного магазина, горсть разных пуговиц, письмо от учительницы математики из класса Эйприл, пачку скрепок и, наконец, три измятых долларовых банкноты. — Возьмите. Этого хватит? Берите. — И всунула деньги в карман свитера Дины. — Угостите от меня компанию. — Воткнула вилку в индюшку, заявила: — Готово! — И выключила духовку.

Индюшка действительно была готова. Мама поглядывала на нее с гордостью, Эйприл — с жадностью. Дина положила кусок торта обратно на тарелку:

— Что-то у меня пропал аппетит, — пробормотала она.

— Наверное, напрасно я зажарила ее сегодня. В холодном виде она уже не будет такой вкусной, — вздохнула Мэриан.

Из гостиной прибежал Арчи.

— Эй! Чем тут так пахнет?

Кот Дженкинс проснулся, открыл один глаз и слабеньким, грустным голоском промяукал.

— Стыдись, обманщик, — ответила ему Мэриан. — Ты же не хочешь есть.

— Зато мы хотим, — объявила Дина.

— Ладно, — медленно и задумчиво произнесла мама, — разве что по одному сэндвичу...

В кухне закипела работа. Дина резала хлеб, Эйприл намазывала масло, мама взялась за нож для разделки птицы. Арчи принес из холодильника молоко. Дженкинс попросил (и получил) кусочек поджаристой индюшачьей шкурки.

Вдруг Дина замерла и прошептала:

— Тихо!

Все впились взглядами в дверь.

На пороге возник Билл Смит.

Троица юных Карстейрсов онемела в первый момент от неожиданности, потом — от отчаяния. Они смотрели на Билла Смита, симпатичного, подтянутого, безукоризненного, сверкающего элегантною. Они смотрели на Мэриан, одетую в старые вельветовые брюки с пятнами, прожженными сигаретами, на ее испачканные копиркой пальцы, неумытое лицо без косметики, на безнадежно развалившуюся прическу.

— Простите, что постучал в кухонную дверь, — сказал Билл Смит, — но я увидел свет в этом окне. Я пришел узнать, не было ли у вас каких-либо незваных гостей?

— Незваных гостей? — с ледяным высокомерием процедила сквозь зубы Мэриан. — Нет, вы — первый.

Эйприл, взглянув на обескураженное лицо Дины, шепнула:

— Не огорчайся, сестренка. Мы же не хотим на самом деле, чтобы мама вышла замуж за полицейского.

Билл Смит окаменел.

— Извините за беспокойство, — пробормотал он. — Миссис Харрис с противоположного конца улицы заявила, что кто-то украл еду из ее кладовой. А миссис Черрингтон сообщила, что кто-то ночевал в ее курятнике. Должно быть, по соседству шатается какой-то бродяга.

Мэриан Карстейрс вдруг запаниковала.

— Я думала, что вы занимаетесь расследованием убийств, — пробормотала она.

— Да, — ответил Билл Смит. — Вот потому-то я должен интересоваться этими сообщениями.

— Я, собственно... — начала Мэриан и осеклась. Должна ли она передать властям всю информацию, которая ей известна? Она вспомнила бледное, небритое, перепуганное лицо человека, которого встретила этим утром, и хриплый шепот: "Ради всего святого, не вызывайте полицию". Нет, она не могла этого сделать, потому что, честно говоря, не верила, что Уолли Сэнфорд убил свою жену.

— Вы хотели что-то сказать? — напомнил Билл Смит.

— Я хотела сказать, что, к сожалению, ничем не могу вам помочь. Мы не видели никаких бродяг. Если бы кто-то прятался по соседству, он наверняка наведался бы к нам, потому что холодильник стоит на заднем крыльце, и там нет никакого замка. Не кажется ли вам, господин лейтенант, что дамы типа миссис Харрис и миссис Черрингтон — чересчур нервные особы, и в связи с убийством по соседству их воображение слишком разыгралось?

— Вы, несомненно, правы, — расплылся в улыбке лейтенант Смит. — Большое вам спасибо. — И принялся: — Здесь пахнет чем-то вкусным!

Дина мгновенно оценила ситуацию:

— Вы, должно быть, голодны. Готова держать пари, что вы сегодня не пообедали.

— Да нет, я перекусил каким-то бутербродом.

— Бутербродом! — презрительно фыркнула Эйприл. — Бутерброд — это вовсе не обед!

К общему удивлению и к радости девочек, Билл Смит залился румянцем.

— В самом деле, я должен уйти.

— Глупости! — заявила Дина.

— Вы умрете от голода, — подхватила Эйприл.

— У нас есть вкуснющая индейка, — присоединился Арчи.

У лейтенанта не осталось никаких шансов — перед ним была сыгранная команда. Не успел он опомниться, как уже сидел за столом. Мэриан, сама не зная, почему и когда, отрезала еще один сочный ломоть индюшатины, Эйприл и Дина молниеносно подали нож, вилку, тарелку, чашку и соусник. Арчи включил кофеварку. Эйприл намазала хлеб маслом. Дина отхватила ножом солидную порцию торта. Билл Смит просиял от восторга.

— С кленовым сиропом! — воскликнул он. — Такой же, как делала моя мама! Я сто лет такого не ел!

Дина усадила маму на стул, Эйприл налила ей кофе. Билл Смит впился зубами в сэндвич.

Троица юных Карстейрсов решила тактично удалиться. Арчи, правда, не преминул, задержавшись на пороге, выкрикнуть:

— Обязательно попробуйте мамочкин торт. Она — лучший повар на всем свете!

Он отправился к себе, а Дина закрыла за собой дверь комнаты, которую делила с Эйприл, и задумчиво проговорила:

— Наверное, мы должны отдать Арчи занятые у него деньги.

— Может быть, — ответила Эйприл. — Я не уверена. — И широко зевнула. — Арчи ничего не знает о том, что мама дала нам три доллара на кока-колу и все остальное.

— Это было бы несправедливо, — сурово заявила Дина.

— Может быть, — согласилась Эйприл. — Но в воскресенье — День Матери! Мы подарим ей что-нибудь хорошее.

— Больше не станем покупать для нее шоколадки, потому что это плохо влияет на кожу. Цветы тоже покупать не надо, мы можем попросить красивый букет у

миссис Черрингтон — из ее сада. Когда мы ей скажем, что это — на День Матери, она не пожалеет самых красивых роз.

— Ты слышишь? — шепнула Дина, схватив сестру за руку.

За окном раздался тихий шорох. Эйприл погасила свет и подошла к окну. Куст гортензий шевелился, как живой. Вдруг из-за него выскочила какая-то темная тень и побежала к старой беседке.

— Это тот бродяга! — прошептала Дина.

— Убийца! — воскликнула Эйприл.

— Ты откуда знаешь? — спросила Дина.

— Убийцы всегда возвращаются на место преступления. Я об этом читала в книгах.

— Глупости! — сказала Дина. — Смотри, Эйприл!

— Он пробирается на заднее крыльцо, — констатировала Эйприл и крепко стиснула руку сестры.

— Давай закричим, — предложила Дина. — Позовем Билла Смита и маму.

Они сбегали по ступенькам на первый этаж. Но здесь Дина задержалась и прошипела в ухо Эйприл:

— Слышишь?

Из кухни доносился приглушенный разговор и дружелюбный смех. Билл Смит говорил:

— Ну, хорошо, пусть будет еще кусочек торта, только, пожалуйста, совсем маленький!

Голос мамы ответил:

— И чашку кофе — он как раз настоялся!

Эйприл и Дина переглянулись, Дина повернулась и на цыпочках направилась через гостиную, увлекая за собой сестру. Они выскользнули во двор и бесшумно закрыли за собой дверь.

— Эйприл, тебе страшно? — прошептала Дина.

— Нет, — ответила Эйприл, громко сглатывая слюну.

— Мне тоже не страшно, — подхватила Дина, надеясь, что сестра не слышит клацания ее зубов. — Мы сами все сделаем.

Глава 8

— Арчи нам этого никогда не простит, — прошептала Эйприл. — Надо было разбудить его и взять с собой.

— Ему завтра рано вставать в школу, — строго ответила Дина. — Кроме того, у него ни за что не получилось бы выйти из дома так, чтобы никто не услышал.

Они постояли, прислушиваясь. Было совершенно тихо. На газоне темнели неподвижные кусты. Девочки бесшумно крались вдоль стены дома.

— Если это убийца, — шепнула Эйприл, — что будем делать?

— Ты его удержишь, а я побегу к маме. Она позвонит в полицию, и вся слава достанется ей.

Вокруг по-прежнему было тихо. Они немного постояли, прижавшись к стене и крепко держась за руки, и вдруг услышали какой-то звук. Это заскрипели петли двери на заднем крыльце. Медленно, тихонечко, словно кто-то украдкой открыл дверь, а потом притворил ее за собой. Чья-то тень бесшумно, как привидение, промелькнула на крыльце. Только бутылка молока блеснула в свете луны, а ведь привидения не разгуливают с бутылками под мышкой. Тень быстро промчалась по краю газона, и снова наступила тишина.

Девочки осторожно двинулись вперед.

— В случае чего, — успокоительно пробормотала Дина, — мы всегда можем позвать на помощь.

— Я не боюсь, — солгала Эйприл.

Несколько последних футов, отделявших их от куста гортензии, они буквально проползли. Эйприл схватила руку Дины и прошептала:

— Это он!

Мужчина, спрятавшись за кустом гортензии, жадно пил молоко из бутылки, словно его перед этим долго морили голодом. Эйприл и Дина подползли еще ближе. Он поднял на них глаза, наполненные ужасом.

— Не бойтесь, — успокоила его Дина, — мы вас никому не выдадим.

Прижав к груди бутылку, он отшатнулся от девочек.

— Нехорошо с вашей стороны, мистер Сэнфорд! Молоко по четырнадцать центов за кварту! Все-таки надо вызвать полицию! — укоризненно проговорила Эйприл.

Уолли Сэнфорд какое-то время смотрел на них, потом перестал судорожно прижимать бутылку и даже неуверенно улыбнулся.

— Допейте молоко, — прошептала Дина. — Вам надо поддерживать свои силы. Это вас подкрепит.

Девочки инстинктивно чувствовали, что он находится на грани истерики. И так же инстинктивно знали, что делать в подобной ситуации.

— Ну что, отдадим его в руки полиции? — спросила Дина у Эйприл.

— Не отдадим, — ответила Эйприл. — Мы к нему хорошо относимся. Он — славный парень.

— У него лицо порядочного человека, — продолжала Дина. — Посмотри на него. Не бывает убийц с такими лицами. Он не способен и муху обидеть. — Взглянув исподлобья на ошеломленного мистера Сэнфорда, она потребовала: — Да допейте же, наконец, это молоко!

— Мы в состоянии его прокормить, — задумчиво говорила Эйприл. — Но где мы его спрячем?

Уолли Сэнфорд дрожащей рукой поставил на землю опустошенную бутылку.

— Я не убивал свою жену, — сказал он.

— Конечно, не убивали, — подтвердила Дина. — Мы это знаем. И как раз пытаемся доказать, что это сделали не вы.

Он удивленно посмотрел на них.

— Сегодня утром я раздобыл газету. Какие-то дети, наверное, вы, сказали полиции, что слышали выстрелы в половине пятого. Но это неправда. Я сошел с поезда в четыре сорок семь и тоже слышал эти выстрелы.

— Лучше вам не говорить этого полиции, — прошептала Дина, — иначе они зададут вам много неприятных вопросов.

— Но почему вы стараетесь убедить полицию в том, что убийство произошло в половине пятого? — спросил Уолтер Сэнфорд.

— Потому что, — ответила Эйприл, — мы не верим, что вы убили миссис Сэнфорд. Не такой вы человек.

Он тяжело вздохнул и спрятал лицо в ладонях.

— Бог свидетель, как мне хотелось это сделать.

Дина и Эйприл некоторое время тактично помолчали. Затем Эйприл поинтересовалась:

— Послушайте, приятель, что же вы так упрямо остаетесь здесь? Не лучше ли было бы побыстрее смыться из этих мест?

— Я не могу отсюда уйти. Мне надо попасть в дом. — Он стиснул кулак и впил-ся зубами в собственный палец. — Это ее дом. Не мой. Она его купила.

Казалось, он забыл, что разговаривает всего лишь с двумя маленькими девочками, которые живут по соседству. Дина и Эйприл почувствовали это. Эйприл ударкой толкнула Дину и спросила:

— Теперь вы, наверное, женитесь на Полли Уокер?

— Женюсь? На Полли? — удивился Уолли. — С чего бы это? Сейчас я вам все объясню. Дело вот в чем. Она с первой минуты знакомства понравилась мне, — шептал мистер Сэнфорд. — Я говорил ей комплименты. Несколько раз приглашал на ленч. Наверное, мне не следовало так поступать, но я дал ей понять, что у меня есть связи среди важных людей в мире кино. Никаких связей, разумеется, у меня нет. Если бы мне не встретилась Флора, я до сих пор оставался бы скромным посредником в торговле недвижимостью. Благодаря Флоре я начал делать карьеру, стал менеджером. Сейчас, наверное, мне придется управлять именем Флоры. Если меня не повесят как ее убийцу. Да нет, в этом штате людей не вешают... Они не могут приговорить меня! Я невиновен! Я не убивал ее! Да, хотел, а кто бы на моем месте не захотел? Но я этого не делал! Только мне никогда не удастся доказать. И Полли. Она не должна впутываться в эту ужасную историю. Она тоже не убивала Флору. Я уверен.

— Не надо так волноваться, дорогой мистер Сэнфорд, — произнесла Дина.

— Вы должны, — лихорадочно продолжал он, — должны поверить мне. Я узнал, что Полли Уокер собирается нанести визит моей жене, и испугался. Видите ли, все было так. Я ушел с работы раньше и приехал сюда поездом. В четыре сорок семь. Пошел напрямик через незастроенные участки. Хотел отговорить Флору. Я был уже рядом с домом, когда услышал выстрелы. Два выстрела. Потом из ворот выехала машина. За ней — другая. Я вбежал в дом. Она лежала на полу... Убитая! Мне совсем ее не жалко. Она была злая женщина, вы не в силах даже представить себе, какая она была злая.

Эйприл и Дина снова ухватили друг друга за руки.

— Я убежал, — шепотом продолжал свою исповедь Уолли Сэнфорд. — Я понимал, что буду первым человеком, которого заподозрит полиция. И сейчас они действительно ищут меня. Я скрываюсь, но совершенно выбился из сил. Ох, я ужасно устал. Мне приходится воровать молоко, еду и газеты. Может быть, лучше было бы сдать их добровольно. Но они... Как же я смогу им доказать...

— Успокойтесь, пожалуйста, — ласково попросила Дина. — Все было бы в порядке, если бы вам удалось спокойно поспать хотя бы одну ночь.

— Вам необходимо хорошенько выспаться, — подхватила Эйприл, — в каком-нибудь надежном месте. А потом уехать отсюда подальше. На свете есть много жизненного пространства. На свете, знаете ли, есть поезда и автобусы. Можно попробовать путешествовать автостопом. — Она взглянула на побледневшее лицо мистера Сэнфорда и поспешно добавила: — Если я сказала что-то не так, можете врезать мне в челюсть.

— В самом деле, — поддержала сестру Дина, — вам надо сматываться отсюда как можно дальше. Так было бы безопасней для вас.

— Безопасней, — вздохнул он. — Так было бы безопасней. Но, знаете ли, я не могу отсюда убежать. Я должен остаться здесь. Мне необходимо попасть в дом. Флора спрятала где-то документы, которые компрометируют меня. Если я не найду их, то найдет полиция.

— Скажите нам, где они, а уж мы их раздобудем, — пообещала Эйприл.

Уолли Сэнфорд в отчаянии взглянул на нее.

— Если бы я только знал, куда Флора их спрятала. Неужели вы думаете, что я бы на ней женился, если бы мог найти и уничтожить их?

— Так значит, вы женились на ней все не из-за безумной любви? — спросила Эйприл.

— Прекрати, ехидина! — толкнула ее локтем Дина.

— И потом еще Полли... — продолжал несчастный. — Я хотел ей помочь, а вместо того впутал в эту историю. Если я сбегу, они арестуют ее за убийство Флоры. А ведь я точно знаю, что она ее не убивала. — Он тяжело вздохнул и прошептал: — Боже, как хочется спать!

Девочки молча смотрели на него.

— Он буквально валится с ног, — сочувственно прошептала Дина. — Но здесь ему негде спать. Не на мокрой же траве.

— Может, все-таки позвать маму? — предложила Эйприл. — Пусть мама найдет его. Ведь именно она ищет полиция. Это послужит для нее неплохой рекламой.

— Ты что, с ума сошла? — спросила Дина.

Эйприл взглянула на бледное, полусонное лицо Уолли Сэнфорда.

— Самую малость. Ну ладно, так где же нам его спрятать?

Проблема была весьма серьезной. Никого не удалось бы спрятать в доме так, чтобы мама этого не заметила — тем более мужчину на грани нервного срыва, к тому же обвиняемого в убийстве. В подвале его спрятать нельзя, потому что завтра должна прийти Магнолия, прачка. В гараже Арчи держал аквариум с головастиками, и потому запах там стоял — не продохнуть.

— Нам некуда его девать, — заключила Дина. — Придется ему остаться здесь. Только бы он не простудился!

В кустах послышался шорох. Эйприл и Дина оцепенели. Уолли Сэнфорд очнулся и поднял бледное лицо.

— А как насчет моего шалаша? — раздался пронзительный голосок. — Там есть раскладушка и подземный ход, где когда-то спрятался весь пятый класс, и даже учитель гимнастики не мог их найти...

— Арчи! — воскликнула Дина. — Ты что, во сне разговариваешь?

— Да не сплю я давно! — ответил Арчи. Его маленькая фигурка в пижаме высунулась из зарослей. — Я давно не сплю и все слышал, что вы тут говорили. В шалаше хорошая крыша, и раскладушка, и подземный ход, который мы выкопали вместе с Леопардом, и там можно прекрасно спрятаться, если кому надо.

— Можно принести туда пару одеял, — задумчиво пробормотала Дина. — Какая-нибудь еда найдется в холодильнике. И утром, перед школой, надо будет занести ему горячего кофе. — Она грозно взглянула на Арчи: — А ты как посмел вылезти из кровати, ты, букашка несчастная?

— Ну, знаешь ли! — возмутился Арчи. — Думаешь, я могу позволить, чтобы мои сестры разгуливали по ночам без мужской защиты?

Им пришлось как следует повозиться, потому что чулан, где хранилась запасная постель, оказался закрытым на ключ, и Арчи пришлось забраться в окно, чтобы вытащить несколько одеял, а остатки вчерашнего обеда хранились в глубине холодильника, и надо было вытащить их, ничем не звякнув и ничего не разбив. В конце концов дружная троица справилась со всеми проблемами. Через пятнадцать минут Уолли Сэнфорд уже проглотил с волчьим аппетитом остатки ветчины, ему показали подземный ход, и он уснул на раскладушке, закутанный в одеяла.

Оставалась еще проблема, как пробраться обратно в дом так, чтобы их никто не увидел и не услышал.

Арчи справился с этим весьма просто: он вскарабкался по водосточной трубе, по виноградной лозе перебрался на крышу крыльца и бесшумно забрался в окно своей комнаты. Эйприл хотела было последовать его примеру, но Дина в последнюю секунду схватила ее за плечо.

— В твоём возрасте! — осуждающе прошипела она. — И в новых шелковых брюках.

Эйприл сдалась под натиском этих аргументов. Вместе с Диной они тихонько проскользнули в дом через парадную дверь.

На ступеньках девочки приостановились. В маминой комнате было тихо. Но в кухне все еще горел свет и был слышен разговор. И смех.

— Вы, как всегда, совершенно правы, — говорил Билл Смит. — Видите ли...

И тут Эйприл внезапно чихнула. Если бы она просто чихнула! Это был не чих, а небольшое стихийное бедствие. Чихнув, она потеряла равновесие, пошатнулась и ухватилась за шторы. Штора свалилась на пол и перевернула большую медную вазу, которая украшала лестничную площадку. Ваза с ужасным грохотом, подпрыгивая на каждой ступеньке, покатилась вниз.

— Дети! — крикнула из кухни мама. — Дети!

Дина мгновенно оценила ситуацию. В два прыжка она оказалась наверху и через перила сбросила Эйприл купальный халат и тапочки. Эйприл молниеносно избавилась от туфель и носков, сунула ноги в тапочки, закуталась в халат и взлохматила причёску.

— Де-ти! — продолжала звать мама.

Эйприл, розовая и сонная, вошла в кухню. Мама и Билл Смит сидели друг против друга за кухонным столом. Между ними — обглоданный скелет индюшки и жалкие остатки торта.

— Детка моя! — сорвалась с места мама. — Что случилось?

— Мне приснился страшный сон! — всхлипнула Эйприл.

Мама опять села, и Эйприл взобралась к ней на колени, изо всех сил стараясь выглядеть шестилетней малюткой.

— Бедняжка! — растрогался Билл Смит. Он обогнул стул, на котором сидела Мэриан, и попытался утешить "несчастную малютку" остатками торта. Ей удалось насыпать немного крошек в карман — для Дины. — Какой нервный ребенок! — сочувственно заметил Билл. Эйприл тихонечко захныкала. — Ну все, все, — успокаивал ее лейтенант.

— Эйприл вовсе и не такая уж нервная, — возразила мама. — И она давно уже не ребенок. — Тут Мэриан заметила под купальным халатом дочери блузку и брюки. — А что хуже всего...

Звонок в дверь раздался в самый подходящий момент. Ссадив Эйприл со своих колен, мама пошла открывать дверь. Лейтенант Смит не отходил от нее ни на шаг. Эйприл воспользовалась моментом, вбежала на лестничную площадку и остановилась там, прислушиваясь к разговору.

— Простите, что беспокою вас, — произнес приятный мужской голос. — Но мне необходимо поговорить с офицером полиции, который ведет следствие по делу об убийстве вашей соседки. Я узнал, что могу застать его здесь.

— Да, конечно, — ответила мама. — Входите, пожалуйста.

— Слушаю вас, — отозвался Билл Смит. — С кем имею честь?

Эйприл осторожно выглянула из-за лестничных перил. Она увидела красивого молодого человека, стройного и загорелого, с веселыми голубыми глазами и кудрявой каштановой шевелюрой.

— Я только что узнал из газет, — сказал молодой человек, — что вы меня ищете.

— Да? — спросил Билл Смит.

— Меня зовут Руперт ван Деусен. Я хочу сказать вам, что миссис Флора Сэнфорд, покойная миссис Флора Сэнфорд, шантажировала меня кое-какими дурацкими письмами, которые я когда-то неосторожно написал. Не стану отрицать, ваш "конфиденциальный источник" точно повторил наш разговор. Но в тот момент, когда произошло убийство, я находился минимум за двадцать миль отсюда, у парикмахера, и с полдюжины свидетелей могут подтвердить это.

Билл Смит какое-то время изумленно смотрел на гостя.

— Не будете ли вы так любезны пройти со мной в полицейский участок, чтобы проверить ваше алиби?

— С удовольствием, — ответил молодой человек. — Я готов сделать все, что нужно для выяснения обстоятельств этого дела.

— Простите, но, к сожалению, я вынужден покинуть вас, — обратился Билл Смит к хозяйке дома. — И спасибо за прекрасный ужин, миссис Карстейрс.

— А вам спасибо за интересную беседу, — ответила Мэриан.

Мужчины ушли. Эйприл взлетела по ступенькам, вбежала в свою комнату и быстро захлопнула за собой дверь.

— Боже мой, — подняла на нее глаза Дина, занятая дневником, — ты выглядишь так, словно увидела привидение!

— А я и увидела! — ответила, дрожа, Эйприл. — Я увидела человека, которого на самом деле не существует!

Глава 9

— Не для того я вступил в полицию, чтобы заниматься раздачей полезных советов, — тоном оскорбленной невинности изрек сержант О'Хара. — И я не собираюсь вести в газете рубрику "Полезные советы тетушки Дороти". Но мы с тобой — старые приятели, и я должен по-дружески указать тебе на серьезные ошибки. Не надо было отпускать Руперта ван Деусена.

Лейтенант Смит тяжело вздохнул, присел на нижнюю ступеньку перед виллой Сэнфордов и закурил сигарету.

— В тот момент, когда миссис Сэнфорд была убита, он сидел в парикмахерской в центре Лос-Анджелеса. Больше десятка свидетелей, включая парикмахера, подтверждают этот факт. Ты что, хочешь убедить меня, что он исчез из парикмахерского кресла, перепрыгнул расстояние в семнадцать миль, застрелил Флору Сэнфорд и вернулся обратно так, что никто не заметил его отсутствия?

— И все эти свидетели уверенно опознали парня, которого видели один раз в жизни, причем с намыленной физиономией? — холодно осведомился О'Хара.

— Он вовсе не брился, — пояснил Билл Смит. — Его стригли.

— Ладно, пусть так, — согласился О'Хара. — Алиби у него железное. Но я нюхом чую что-то подозрительное во всей этой истории. Он угрожал миссис Сэнфорд. Эта расторопная малышка все точно запомнила и рассказала мне. Он даже не отрицает, а ты выпускаешь его на волю только потому, что у него есть алиби! Если бы его на самом деле ничего не связывало с убийством, зачем он к нам пришел?

— Может быть, он просто порядочный гражданин, который хочет помочь полиции, — устало предположил Билл Смит.

Сержант О'Хара отреагировал на этот аргумент одним-единственным словом. Непечатным.

— Ладно, допустим, ты прав, — ответил Билл Смит, — и он убил миссис Энфорд. Но мы имеем дело с идеальным убийством, поскольку убийца доказал свое несомненное алиби. Нам придется написать рапорт в таком духе и забыть обо всем этом. — Помолчав, он огорченно добавил: — Во всяком случае, какой-то рапорт мы должны написать.

Сержант О'Хара искоса взглянул на него и заметил:

— Что-то плохо выглядишь, надо бы тебе отоспаться.

В ответ Билл Смит только вздохнул.

Внезапно со стороны дома Карстейрсов раздался душераздирающий детский вопль. И еще несколько, с каждым разом все более пронзительные.

— Да что же это такое? — воскликнул Билл и, одним прыжком слетев со ступенек, побежал в сторону соседнего сада.

Крики становились все громче и пронзительней. Возмущенный девичий голос воскликнул: "Эдди! Как ты смеешь?" Потом на полную мощность включили пластинку Гарри Джеймса. И начался ад кромешный.

Билл Смит, затормозив посреди газона, прошептал:

— О'Хара! Сигнал тревоги! Свистите же!

— Спокойно, — ответил О'Хара, не отпуская локтя своего начальника. — Это всего лишь детишки резвятся. Я своих таких девять вырастил и разбираюсь в этом.

Когда к Биллу Смиту вернулось дыхание, он смог только произнести: — "О-о!". И тут из зарослей со скоростью торпеды вылетела невысокая фигурка и, врезавшись головой в живот лейтенанта, вместе с ним рухнула на газон.

— Простите, мистер, — вежливо произнес мальчик, одетый в синие полотняные брюки и рваный свитер, с невероятно выпуканной физиономией, которая, к тому же, была раскрашена красным мелом. — Я — один из членов "банды". До свидания! — И скрылся в кустах.

Лейтенант поднялся с земли и отряхнул одежду. Он взглянул на окно, за которым Мэриан Карстейрс с бешеной скоростью колотила по клавишам пишущей машинки, и подумал: "Как она выдерживает такой шум? Непонятно!"

Тем временем Дина и Эйприл пребывали в совершенной растерянности. Вечеринка получилась — то, что надо. Кока-кола охлаждалась в холодильнике. Гости принесли кучу всякой вкусной еды: хот-доги, картофельные чипсы, кукурузные палочки, пирожные. На кухонном столе они обнаружили сюрприз: громадный шоколадный торт, рядом с которым была записка: "На случай, если вашей банде не хватит еды — мама". Джоэлла принесла пластинки. И даже Эдди и Мэг все еще удавалось удержаться от ссоры. И "банда" пока что не доставляла никаких хлопот...

Однако...

Поиски сокровищ начались весьма успешно. Веди нашла первую записку в уголке под солнечными часами. Пит обнаружил еще одну в запечатанной бутылке, которая плавала в бассейне с золотыми рыбками. Все активно искали следующие записки. Скоро игроки переместятся на территорию Энфордов, как и было запланировано.

Но...

— Как же нам ухитриться оторваться от остальных ребят, — прошептала Эйприл на ухо Дине, — чтобы поискать то, что нам нужно?

— Понятия не имею, — сердито ответила Дина. — Пит ходит за мной по пятам.

— Это — твоя проблема, — заметила Эйприл.

— Может, лучше рассказать ему, в чем дело, — предложила Дина, — и воспользоваться его помощью?

— Рассказать все этому придурку? — возмутилась Эйприл. — Ты что, сестренка? У тебя минутная слабость, или тебе отшибло мозги навсегда?

— Боже, — защищалась от ее нападков Дина, — но что-то же мы должны предпринять. Только бы...

— Эй, Дина, где ты? — раздался поблизости голос Пита.

— Да здесь я, — обреченно отозвалась Дина.

Из кустов гортензии вынырнул Пит. Он шикарно смотрелся в полотняных брюках и клетчатой рубашке.

— Послушай, Эйприл, — сказал он. — Джо повсюду тебя ищет.

— Ничего страшного, пусть поищет, — равнодушно бросила Эйприл.

На Дину внезапно снизошло вдохновение.

— Пит, не будешь ли ты любезен оказать мне услугу?

— Все, что только пожелаешь, — с обожанием ответил Пит.

— Я забыла о бумажных салфетках. Не мог бы ты съездить на велосипеде в магазинчик Люка и купить пачку по десять центов?

— Уже лечу, — отрапортовал Пит.

— Я дам тебе десять центов, — сказала Дина и начала ощупывать карманы. — Эйприл, не найдется ли у тебя мелочи?

Эйприл отрицательно помотала головой и позвала:

— Арчи! — Арчи, перепрыгивая через две ступеньки, немедленно возник перед ней. — Арчи, ты можешь дать десять центов?

— Угу, — ответил младший брат. — А на что?

— Неважно, давай поскорей, — сурово произнесла Эйприл, подмигнув ему, словно заговорщица.

Арчи вручил десять центов Эйприл, Эйприл передала монетку Дине, а Дина — Питу. Пит побежал к своему велосипеду.

— Итого, вы должны мне два доллара восемьдесят центов, — подытожил Арчи.

— Мы все вернем, не беспокойся, — заверила его Дина. — А теперь — пора браться за работу.

Они дошли по газону до границы сада Сэнфордов. В этот момент послышался радостный вопль Джоэллы, которая нашла очередную записку, спрятанную в бутылке из-под молока среди водяных лилий в бассейне Сэнфордов. Со стороны ворот уже бежал с криком полицейский в форме. С триумфальным визгом с дерева спрыгнул Эдди: ему удалось обнаружить еще одну записку в птичьем гнезде. Второй полицейский выскочил из дома и неся со стороны кухонных ступенек. В тот же момент Банни стрелой метнулся прямо к огороду Сэнфордов.

— Все идет, как по маслу, — констатировала Дина. — Мы захватили всю территорию. Но, — она указала на лейтенанта Смита и сержанта О'Хара, стоявших на крыльце виллы Сэнфордов, — что будем делать с этими двумя?

— И надо же было им заявиться сюда именно сегодня! — огорченно пробормотала Эйприл и повернулась к Арчи: — Послушай, братишка. Ты со своей "бандой" должен отвлечь их внимание от дома.

— Слышишь топот? Я уже бегу отвлекать их внимание! — с убийственной иронией отозвался несносный Арчи. — Почему всегда именно я? Как что важное сделать — так сразу я и "банда"! Сами-то почему их не отвлекете? И как нам это сделать?

— Ну, пошевелите извилинами, придумайте что-нибудь, — посоветовала Дина. — Дом, что ли, подожгите...

— Ух, ты! — обрадовался Арчи и, стремглав летя вниз по ступенькам, крикнул: — Эй, Рыжий, Адмирал! Ко мне, ребята!

— Эти ребятишки все сделают, как надо, — уверенно сказала Эйприл. — Я знаю “банду”! — Она двинулась сквозь заросли на территорию Сэнфордов, Дина — за ней.

У двух полицейских под командованием доблестного сержанта О’Хара было полно работы. Не успели они выгнать Венди из розария, как Джоэлла выскочила из-за солнечных часов, а Вилли — из-за ствола авокадо. Троица полицейских металась по газону. Но Билл Смит по-прежнему стоял у входа в виллу.

— А ты уверена, что записок с указанием, где искать клад, хватит надолго? — шепотом спросила Дина.

Эйприл кивнула.

— Я разместила их по всей территории. Давай-ка и мы присоединимся к поискам клада.

Они крались сквозь заросли, а шум, который создавали азартные кладоискатели, возрастал с каждой секундой.

Со стороны улицы донесся пронзительный вой сирены. Затем второй. Третья сирена завывала где-то вдали.

— Еще одно убийство! — воскликнула Эйприл.

— Нет, это не полицейские сирены, — сказала Дина. — Это скорее... Ох, Эйприл! Ты видишь?

За ближайшим углом что-то блеснуло и бухнуло облако дыма. А через минуту среди деревьев показалось яркое пламя.

— Боже мой! — воскликнула Эйприл. — Арчи воспринял твой совет всерьез!

Глава 10

Дина хотела было побежать с холма на улицу, но Эйприл ухватила ее за плечо.

— Поймай! Надо воспользоваться случаем!

Участок Сэнфордов опустел, кроме них двоих не было видно ни одной живой души. Все, вплоть до двух полицейских в мундирах, сержанта О’Хара и лейтенанта Билла Смита, помчались на пожар.

— А кухонная дверь осталась незапертой, — заметила Эйприл.

— Арчи! — сокрушалась Дина. — Арчи! Если все это выйдет наружу...

— А вот уж об этом должны позаботиться именно мы — чтобы никто ни о чем не узнал, — решительно изрекла Эйприл. — Пойдем!

По краю газона они обежали дом и оказались перед кухонным крыльцом. Дверь была широко распахнута. В кухне под яркой лампой на столе лежал свежий номер “Криминальных загадок” и солидных размеров сэндвич с ветчиной, который, видимо, приготовил себе полицейский.

Вся остальная часть виллы тонула в темноте. На цыпочках девочки прокрались в столовую, а оттуда — в обитую ситцем гостиную. Пол в этой комнате был застлан бумагой, а место, где лежала жертва убийства, очерчено мелом.

Эйприл задрожала.

— Это случилось именно здесь, — тревожно пробормотала она.

— Не бойся, — поддержала ее храбрая старшая сестра.

— Я? Боюсь? Да мне такое и в голову не пришло! — На счастье, ее зубы прекратили выбивать дробь.

Они потихоньку поднялись на второй этаж и начали осматривать дом. Везде виднелись следы полицейского обыска. Письменный стол покойной Флоры Сэнфорд, ее туалетный столик, маленький сейф в стене — все зияло пустотой.

— Если здесь и было что-то, полиция нашла все, — сказала Дина.

— Во всяком случае, и мы можем попытаться что-нибудь найти, — ответила Эйприл, заглядывая под ковер.

— Миссис Сэнфорд, должно быть, употребляла кучу косметики, — заметила Дина, проверяя содержимое туалетного столика. — Посмотри, сколько здесь баночек и бутылочек!

— Мы сюда пришли не для того, чтобы изучать косметику, — пожурила ее Эйприл и сняла со стены какую-то картину.

За окном завывала еще одна сирена. Отблеск пожара освещал стены гардеробной комнаты Флоры Сэнфорд. Дина озабоченно выглянула в окно.

— Похоже, пожар разгорелся не на шутку.

— Если тебе так хочется, можешь идти туда, — холодно произнесла Эйприл, которая ощупывала матрац. И вдруг, пораженная внезапной мыслью, она воскликнула: — Дина! Там пожар, а мама...

Они подбежали к окну и выглянули. Сквозь сад им было видно освещенное окно и маму за пишущей машинкой. Девочки с облегчением переглянулись.

— Ну да, помнишь, как когда-то даже землетрясение не смогло оторвать ее от работы? — спросила Дина. — В доме разбилась пара окон, дверь заело так, что ее невозможно было открыть, а один из соседних домов рухнул. Грохот стоял жуткий.

— Помню. Мы тогда страшно испугались, — задумчиво ответила Эйприл. — Побежали вверх, чтобы убедиться, что с мамой ничего плохого не случилось, а она вышла нам навстречу и сказала: "Дети! Прекратите же, наконец, хлопотать дверью!"

Дина рассмеялась, но тут же спохватилась:

— Эйприл! Если у Арчи из-за всего этого будут какие-то неприятности...

— Ничего с ним не случится, — успокоила ее Эйприл. — За работу!

Ни в гардеробной, ни в комнате Флоры Сэнфорд, ни в гостиной они ничего не нашли.

Через десять минут Эйприл воскликнула:

— Ох, и растяпы же мы! Послушай, если она и спрятала здесь какие-нибудь компрометирующие материалы, то не в своей комнате. Она, скорее, выбрала бы его комнату и наверняка именно так и сделала, это была та еще штука.

Они вошли в комнату Уолли Сэнфорда. Их поразил резкий контраст между гостиной, обитой розовыми обоями, и комнатой Флоры Сэнфорд, с серо-голубыми шелковыми ширмами и огромными зеркалами. Спальня мистера Сэнфорда была небольшая, с обыкновенной дешевой мебелью и простыми полотняными шторами.

— Не думала я, что мы увидим здесь такую скромную обстановку, — хмыкнула Дина.

— Глупая ты, — ответила Эйприл. — Это она ему так комнату обставила. Деньги-то принадлежали ей, а не ему.

Они продолжали поиски. И тут Дину осенила идея:

— Раз уж мы здесь... Мистеру Сэнфорду нужна чистая рубашка и чистые носки. Я вынесу их под свитером и потом отнесу к нему в шалаш.

— Тогда захвати еще и бритву, — посоветовала Эйприл. — А мыло найдется у нас дома.

Через пять минут Эйприл обнаружила за рамой зеркала толстый конверт. Заглянув в него, она протяжно свистнула. Дина посветила ей фонариком, старатель-

но заслоняя его от окна. В конверте была записная книжка, куча газетных вырезок и какие-то письма. Эйприл последно перелистала бумаги, и ей на глаза попались знакомые фамилии: Черрингтон, Уокер, Холбрук, Сэнфорд.

— Дина, я думаю, это именно то, что мы искали!

61 Дина тоже бегло просмотрела содержимое конверта.

— О Боже! — вдруг воскликнула она. — Эйприл! В этой вырезке — наша фамилия! — Она пригладелась внимательнее: — Да, Мэриан Карстейрс.

— Нет, только не это! — простонала Эйприл. Дина протянула ей бумаги. Эйприл взглянула на них и подняла к сестре побледневшее лицо: — Мы возьмем это домой и внимательно прочтем. — Собрала все документы и вложила обратно в конверт.

— Во всяком случае, мама не могла этого сделать! Потому что когда мы услышали выстрелы, она печатала на машинке... — Тут Дина остановилась и взглянула на сестру.

Обеим одновременно пришла в голову одна и та же мысль. Они вспомнили одну из маминых книг, подписанную именем Кларка Кэмерона. Убийца обеспечил себе железное алиби. Экономка и с полдюжины других людей слышали стук его пишущей машинки в тот момент, когда произошло убийство. А потом оказалось, что он записал стук пишущей машинки на пластинки и включил автоматический патефон, на котором можно было проиграть десять пластинок подряд.

— Глупости! — воскликнула Эйприл. — У нас нет магнитофона, а наш патефон после каждой пластинки надо заново накручивать.

— Ну да, а когда мы побежали вверх после выстрелов, — подхватила Дина, — мама сидела за письменным столом и печатала.

62 — И кроме того, — решительно заявила Эйприл, — мама никогда в жизни не могла сделать ничего такого, за что бы ее можно было бы шантажировать. — Она пригладелась к толстому конверту. — Как нам его отсюда вынести? Мы же можем на кого-нибудь наткнуться.

— Спрячь на себе, — посоветовала Дина.

— Под этим прозрачным платьем? Я что, похожа на волшебницу?

— Ладно, давай сюда, — согласилась Дина, взяла конверт и спрятала под свитер. — Многовато всего набралось — рубашка, носки и бритва Уолли Сэнфорда...

Эйприл окинула ее критическим взглядом:

— При желании можно было бы запихнуть еще и матрас.

— Ох, прекрати, пожалуйста! — возмутилась Дина. — И пойдем уже отсюда. У меня на душе неспокойно. Боже, надо поскорей узнать, как там дела у Арчи. И что там делают наши гости... — Она погасила фонарик. — Пойдем, Эйприл.

Они бесшумно спустились в холл. За окнами все еще полыхало зарево.

— Такой замечательный пожар, — огорченно пробормотала Эйприл, — а мы пропустили самое интересное...

— Тс-с-с! — прошипела Дина.

Снизу донеслись какие-то звуки. Кто-то двигался там, осторожно, украдкой. Тихо скрипнула входная дверь. Внезапно до них долетел приглушенный звук, и со звоном посыпалось разбитое стекло. Дина и Эйприл вернулись в глубь холла, к окну, и выглянули из него.

По лужайке от дома убежал мужчина. Посредине газона он задержался, оглянулся и побежал дальше. Луна осветила его лицо. Это был человек, которого на самом деле не существовало: Руперт ван Деусен.

— Кто это? — прошептала Дина.

— Несомненно, какая-то подозрительная личность, — тоже шепотом ответила Эйприл. На этот раз ее челюсти ходили ходуном.

С минуту они постояли, прислушиваясь. Внизу что-то опять зашелестело. Как будто кто-то на ощупь искал что-то в темноте. Время от времени вспыхивал свет ручного фонарика.

— Может, нам лучше спрятаться? — еле слышно выдохнула Дина.

Эйприл отрицательно помотала головой.

— Тут негде спрятаться. В крайнем случае, можно выбраться на крышу и спуститься по водосточной трубе. Надеюсь, здесь найдется какая-нибудь водосточная труба.

Что-то тихо зашелестело у самого подножия лестницы. Девочки замерли, наклонившись над барьером. Темная фигура приостановилась, повернула голову и на какой-то момент застыла. В странном отблеске лунного света и зарева пожара они увидели смуглое худое лицо, затененное полями низко надвинутой шляпы. Выражение лица незнакомца было испуганным, в руке он крепко сжимал пистолет.

Дина оттащила сестру от барьера. Рядом с ними было окно, выходящее на крышу пристройки.

И тут они услышали выстрел и еще какой-то странный звук. А потом наступила тишина.

Девочки вернулись к перилам. Внизу у самых ступенек виднелась какая-то тень. Они наклонились и разглядели на полу пистолет и шляпу, которая откатилась за диван. Где-то на первом этаже в глубине дома кто-то тихонечко притворил за собой дверь.

— Надо отсюда убираться, — хриплым голосом прошептала Дина. — Если нет водосточной трубы, спрыгнем.

Они обнаружили кое-что получше, чем труба — решетку, по которой вился виноград, ловко спустились на землю и быстро обежали дом.

Подойдя к крыльцу виллы Сэнфордов со стороны кухни, девочки замедлили шаг. На первый взгляд все казалось привычным и безопасным. За окном было видно маму, которая по-прежнему печатала. Лунный свет заливал газон Сэнфордов. Отблеск пожара стал бледнее.

— Погоди! — выдохнула Эйприл, схватив Дину за локоть.

— Ради Бога, бежим отсюда поскорее, — прошипела Дина.

— Нет. Послушай: произошло второе убийство. Мы это слышали, мы это почти видели! Помнишь, что говорил тот тип из маминой книги: "Невозможно утаить убийство, не совершая второго". Дина, убийца сейчас находится в доме.

— Можно попробовать заглянуть в дом через окна веранды, — согласилась Дина. — Но только осторожно... Черт бы побрал этот дурацкий конверт, он врезается как раз в то место, где у меня кожа обгорела. И надо же тебе было именно сегодня вырядиться в прозрачное платье!

— Тише, — попыталась утихомирить сестру Эйприл.

Они крадучись подошли к окнам и заглянули в гостиную. На ковре не было ни блестящего пистолета, ни шляпы. Не было абсолютно ничего!

— Дина, — прошептала Эйприл, — ты права. Надо уносить отсюда ноги. И поскорее: Может, это все нам приснилось?

— Глупости, — резко оборвала ее Дина. — Наверное, этот человек просто не был убит, вот и все. Пока мы спускались с крыши и обходили вокруг виллы, он поднялся и ушел.

Как бы в подтверждение этой версии послышался звук мотора автомобиля, который выезжал из аллеи за домом Сэнфордов.

— Вот видишь! А сейчас надо быстренько отнести добычу домой, спрятать ее и присоединиться к компании.

Они побежали напрямик через пустынную лужайку к беседке. Поблизости не было ни души, но издалека еще слышались взволнованные разговоры людей, сбежавшихся на пожар. Со второго этажа их виллы доносился бешеный стук пишущей машинки.

— Пока гости не разойдутся, надо спрятать конверт на дно бельевой корзины, — начала Дина, — а потом...

— Ч-ш-ш-ш, — прервала ее Эйприл.

По ступенькам на холм взбирались лейтенант Смит и сержант О'Хара. При виде девочек они остановились.

Эйприл вспомнила, что лучшая оборона — это нападение, и возмущенно налетела на них:

— Куда это вы идете через наш сад?

— Мы хотели сократить путь, — задыхаясь, ответил сержант. Он не привык бегать по ступенькам.

— Что там за пожар? Где загорелось? Как это случилось? — вмешалась в разговор Дина.

— Ситуация под контролем, — ответил О'Хара, вытирая взмокший лоб. — Пустой дом на Мэпл Драйв. Его кто-то поджег.

— О Боже! — вырвалось у Эйприл.

— Что вы делаете с виновником, если удастся его поймать? — спросила Дина.

— Двадцать лет в тюрьме ему обеспечено. Алькатрац — самое подходящее место для таких типчиков. Не беспокойтесь, мы его обязательно поймаем! — ответил О'Хара.

— Ох! — вздохнула Дина. — Ох! — повторила она и стремглав бросилась наутек.

Не успели девочки пробежать и несколько шагов, как наткнулись на маленькую, задыхающуюся фигурку.

— Эй! — выкрикнул Арчи. — Я как раз за вами. Вы пропустили все самое интересное. Если поторопитесь, то еще успеете увидеть что-нибудь. Быстрее, быстрее!

— Ох, Арчи! — всхлинула Дина. — Как ты мог!

Арчи глянул на нее, испугался — почти расплакался:

— А что я такого... Я ничего...

— Тебя никто не видел?

— Конечно, видел, — растерянно ответил Арчи. — Все меня видели.

Эйприл решительно отстранила Дину.

— Скажи, Арчи, где ты был в тот момент, когда начался пожар?

— А где я должен был быть? — обиженно ответил Арчи. — Вы сами сказали, что надо сделать что-нибудь такое, чтобы отвлечь копов от виллы. Мы с "бандой" устроили в кустах ловушку. Потом Адмирал должен был поднять шум, чтобы полицейские туда прибежали. Они бы точно свалились в ту яму. Но тут как раз приехали пожарники, и вся "банда" помчалась на пожар. Хотя Билл Смит все равно попал в ловушку. А я, когда увидел, что сержант О'Хара пошел в сторону горящего дома, подумал, что и мне можно посмотреть на пожар. Ведь не каждый же день горят дома на нашей улице!

— Ах, какое счастье! — облегченно вздохнула Дина.

— Чего я не делал? — допытывался Арчи.

— Не поджигал дом, — объяснила Дина.

— Арчи изумленно посмотрел на сестер.

— Эй, вы что плетете? Я? Ведь это было бы злодейское нарушение закона.

Эйприл в порыве чувств расцеловала его, Дина стиснула в крепких объятиях, а потом вся троица дружно сбежала с холма. Пожарники поливали из шлангов дом,

перед которым последние пять лет красовалась табличка "СДАЕТСЯ". Другие заливали водой ближние заросли и дома. В тот момент, когда на сцене появилась тройца юных Карстейрсов, раздался пронзительный свисток, и пожарники отскочили от горящего дома. Через секунду крыша с грохотом рухнула, а сноп искр выстрелил под самые облака. Пожарные отступали, волоча за собой шланги.

— Вот видите? Я же говорил! — выкрикивал Арчи.

— Ладно, ладно, говорил, — пыталась успокоить его Эйприл.

— Вот это да! — Ворвавшись в толпу зевак, Арчи начал созывать "банду": — Эй, Рыжий! Эй, Леопард! Эй, Адмирал!

— "Банда" — в полном составе, — угрюмо прокомментировала Дина. — А мы пропустили самое интересное. Смотри, все уже догорело. Куда же подевались наши гости?

От толпы отделились участники вечеринки и приблизились к Дине и Эйприл, забросав их вопросами. "Вы весь пожар успели рассмотреть?" "Вы где затерялись?" "А вы видели, как здорово проваливалась крыша?" "Боже, какой это был замечательный пожар!"

— Мы рады, что он вам понравился, — вежливо отвечала Дина. — Мы всегда стараемся как можно лучше развлечь наших гостей. В следующий раз постараемся устроить взрыв.

Красная машина командира пожарных стояла у тротуара. Командир разговаривал с одним из подчиненных, и девочки, проходя мимо, услышали несколько слов.

— Никаких сомнений на этот счет, — говорил офицер. — Все было облито керосином. Кроме того, я думаю, они применили для поджога какой-то часовой механизм. Дело ясное.

Эйприл придерживала Дину за рукав.

— Послушай, а ведь "банда" Арчи не поджигала этот дом.

— Боже, конечно же, не поджигала. Арчи умеет врать, но не так убедительно.

— А пожар отвлек внимание полицейских от дома Сэнфордов, — продолжала Эйприл.

— Силы небесные! — воскликнула Дина. — Представь себе, мои глаза открылись уже через десять дней после рождения. И что с того?

— А то... — Эйприл вдохнула побольше воздуха, — что кто-то запланировал на сегодня какую-то акцию в доме Сэнфордов. Кто-то другой, не мы. Мы видели часть этой акции. Возможно, план не удалось выполнить. Но пожар устроил именно этот кто-то.

— Не Арчи, — сказала Дина.

— Разумеется, — поддакнула Эйприл, — но кто?

Послышались голоса:

— Дина, Эйприл!

— А чтоб их! — рассердилась Дина. — Мы сегодня сделали все, что могли. Еда готова, и пластинки Джозеллы прекрасные. Пойдем! Это все-таки наша вечеринка.

Глава 11

Утром Дину разбудил аромат жареного бекона. Эйприл проснулась одновременно со старшей сестрой. Сидя в кроватях, они смотрели друг на друга заспанными глазами. Дина взглянула на часы. Половина одиннадцатого.

— Ох, Эйприл! — воскликнула Дина. — Мама работала всю ночь! Мы должны были встать пораньше и приготовить для нее кофе!

Они вскочили с кроватей, быстро умылись, накинули купальные халаты и сбегали по ступенькам. К ним присоединился Арчи, тоже в халате, умытый, но взъерошенный.

— Эй! — Он одним прыжком преодолел три последних ступеньки. — Чем так вкусно пахнет?

В кухне мама бодро насвистывала песню о старом паровозе. Бекон аппетитно румянился на гриле, блинчики поджаривались на сковороде, кофеварка уютно пыхтела, на маленьком огне подогревался кувшинчик с уже приготовленным заранее какао. Стол был накрыт, Хендерсон, привязанный перед домом, радостно обрызгал головки одуванчиков, а кот Дженкинс вкусно облизывался над опустошенной мисочкой.

— Ох, мама! — воскликнула Дина. — Мы собирались...

— Привет, — сказала мама. — Я как раз хотела вас будить. — Она была одета в рабочие брюки и свитер, и вид у нее был весьма утомленный.

— Как это тебе удалось встать так рано? — спросила Эйприл.

— Я сегодня вообще не ложилась спать, — ответила мама, перекладывая блинчики на подогретую тарелку. И решительно добавила: — Я наконец дописала книгу.

— Ах, мамочка, вот это здорово! — закричала Дина.

— Прекрасно! — подхватила Эйприл.

— Перестаньте меня тискать, — мама притворялась рассерженной, — а то какао разольете. И принесите газету, масло, кленовый сироп и пепельницу. Живо! Через минуту завтрак был на столе.

Проглотив три блинчика, Эйприл критически взглянула на мать:

— Надеюсь, ты, наконец, пойдешь в парикмахерскую. Честно говоря, твоя прическа выглядит так, словно ты побывала в эпицентре циклона.

— Я записалась к парикмахеру на понедельник, — ответила мама.

— И надо непременно сделать маникюр, — решительно добавила Дина.

— Обязательно, — согласилась мама. — И, может быть, даже массаж лица.

— Мама будет выглядеть, как кинозвезда! — заявил Арчи, бросив шкурку от бекона Дженкинсу, и потянулся за пятым блинчиком.

Наконец, как всегда в конце завтрака, мама выпила чашку кофе, закурила сигарету и взяла газету. Не успев развернуть ее, протяжно зевнула, бросила: "До чего спать хочется!" — и пошла наверх. Троица юных Карстейрсов дружно сопровождала ее. Мама указала на толстый пакет из коричневой бумаги, который лежал на столике рядом с кофеваркой.

— Когда придет посыльный из издательства, отдайте ему. Спокойной ночи! — На середине лестницы она приостановилась. — Жаль, что вчерашняя вечеринка вам не удалась.

— То есть как это? — дружно поразились девочки.

— Ну — весь вечер было так тихо, что я подумала, будто вам не слишком весело.

— Вечеринка удалась, — ответила Дина.

— Вот и хорошо, — сказала мама и пошла к себе в спальню. — До свидания!

Троица юных Карстейрсов переглянулась.

— Или мама оглохла, — торжественно произнесла Дина, — или вчера вечером она была совершенно поглощена своей книгой. — Она вздохнула и помотала головой. — Ну что ж, за дело! Нам надо занести еду мистеру Сэнфорду, вымыть посуду и сходить в центр за подарком ко Дню Матери.

— Сначала, — ответила Эйприл, — я хочу посмотреть, что пишут в газетах о нашем пожаре. — Она развернула газету на столе, заглянула в нее и вскрикнула: — Дина! Смотри!

О пожаре не было на первой странице ни слова, зато было что-то гораздо более интересное.

— Это он! — сказала Дина.

В вилле Сэнфордов тем вечером было темно, а мужчина с пистолетом стоял внизу, так что они видели его только сверху. И все же, несомненно, они узнали смуглое лицо под полями шляпы.

— Покажите и мне! — потребовал Арчи. Присмотревшись к фото в газете, он воскликнул: — Я его знаю! Позавчера он крутился вокруг дома.

— Вокруг дома? — удивилась Дина. — А что ему было надо?

— Спрашивал, как пройти к дому мистера Черрингтона, — ответил Арчи. — Я показал ему дорогу, а он дал мне пятьдесят центов.

— Ох, Арчи! Почему же ты нам ничего не сказал?

— Откуда мне было знать, что его убьют? — защищался Арчи.

Дина начала вслух читать текст под фотографией.

“Продырявленное пулями тело некоего Фрэнка Рейли, рецидивиста и шантажиста, было обнаружено сегодня на рассвете в бассейне нежилой виллы в...”

— Дина, речь наверняка идет о бассейне на участке Харрисов. Это всего три участка отсюда. Харрисы держали там уток, — заметила Эйприл.

— Пойдем посмотрим! — воскликнул Арчи. — Немедленно!

— Ты слишком расшумелся, — рассеянно проронила Дина и презрительно фыркнула: — Продырявленное пулями! Вот вранье! Ведь в него выстрелили всего один раз!

— Хватит возмущаться, читай дальше! — сказала Эйприл и показала на газету.

“... сначала считали, что Рейли, хорошо известного полиции и популярного в преступном мире, убила шайка его конкурентов, заманив на автомобильную прогулку. Но судебный эксперт, доктор Уильям Тэклбери, исследовав тело, заявил, что все раны, кроме одной — смертельной — были нанесены уже через несколько часов после смерти жертвы, видимо, для того, чтобы инсценировать мафиозную расправу...”

— Точно! — воскликнула Эйприл. — Так оно и было. Его убили в доме Сэнфордов, а потом тело унесли и бросили в бассейн.

“...Убийство было обнаружено, когда миссис Вильямсон, разбуженная выстрелами, позвонила в полицию и пожаловалась, что соседи стреляют в ее кота...”

“...Рейли был осужден за грабеж. Несколько лет назад он был арестован по подозрению в похищении Бетти Лемо, но его освободили из-под стражи из-за недостатка доказательств вины...”

— Постой-ка, — прервала сестру Эйприл. — Об этом похищении я недавно читала в “Криминальных загадках”. Месяца два назад. Там была и фотография этого парня. Вот почему его лицо показалось мне знакомым. Бетти Лемо. Это была знаменитая певица... Или актриса оперетты. Ее похитили возле театра после спектакля. А потом пришло письмо, написанное ее рукой, в котором говорилось, что если ее друзья заплатят огромный выкуп, она вернется в театр точно в полдень в пятницу. Выкуп заплатили — пятнадцать тысяч долларов. А Бетти Лемо нашли в пятницу ровно в полдень перед театром, но в гробу. К крышке гроба была прикреплена записка, что похитители очень сожалеют о том, что им пришлось убить ее,

но у них не было другого выхода: она могла их выдать. И полиция до сих пор не нашла похитителей. В статье дальше было написано о расследовании, но мама забрала у меня эту газету, и я не успела дочитать до конца.

— Мама забрала у тебя газету? — удивилась Дина. — Почему?

— Не знаю, — ответила Эйприл. — Она сказала, что это неподходящее чтение для меня.

— Странно. Обычно она разрешает нам читать все, что мы хотим.

— Ой-ой! — перебил девочек Арчи. — У бедного мистера Сэнфорда от голода, наверное, уже дыра в желудке образовалась.

Дина и Эйприл переглянулись.

— Действительно, надо его накормить. Эйприл, принеси, пожалуйста, бритву и вещи для мистера Сэнфорда, а я пока поджарю для него еще блинчиков, — сказала Дина.

Она нашла кусок мыла и чистое полотенце. Эйприл принесла рубашку, носки и бритву, а Арчи — ведро воды.

Дина обернула полотенце вокруг шеи брата, положила мыло в один карман, бритву — в другой, а носки — в третий. Аккуратно сложенную рубашку засунула ему под мышку, в другой руке он держал ведро.

— Тащи все это к мистеру Сэнфорду в шалаш, — скомандовала она.

— Ну вот! — притворно возмутился Арчи. — Всегда и все должен делать я! — Однако ухватил ведро покрепче и выбежал из дома.

Дина поджарила бекон и приготовила высокую стопку блинчиков. Эйприл разогрела кофе и налила его в термос. Их переход через газон и сад с подносом, полным еды, не остался бы незамеченным, поэтому они разместили тарелку с блинчиками, бекон, большую порцию масла и кувшинчик с кленовым сиропом в старом картонном ящике. Нож, вилка, чашка и салфетка были в шалаше.

— Возьми еще пачку сигарет с маминого стола, — распорядилась Дина.

— О'кей, — ответила Эйприл, — но рано или поздно мама заметит, что у нее пропадают сигареты. Ты же не хочешь, чтобы она подумала, будто мы стали жертвами вредной привычки?

— Делай, что тебе сказано, и не рассуждай, — гневно фыркнула Дина.

— Слушаюсь и повинуюсь, — кротко ответила Эйприл и принесла сигареты.

— Еще и газету, — напомнила Дина.

— А если мама захочет ее прочесть?

— Мы купим другую в центре, — ответила Дина. — А теперь идем.

— Слушаюсь! — браво отрапортовала Эйприл.

Когда они добрались до шалаша, Уолли Сэнфорд уже побрился, помылся и приварялся в чистую рубашку и носки. Он сидел на краю раскладной кровати и завязывал шнурки на туфлях. При виде сестер Уолли слабо улыбнулся. Его лицо все еще было очень бледным, но он уже не походил на того перепуганного, физически и морально сломленного беглеца, который прятался в кустах и подкреплял свои силы ворованным молоком.

— Как насчет завтрака, дружище? — спросила Дина, осторожно опустив ящик на землю, и начала вынимать его содержимое.

— Комплексный завтрак, сэр, есть даже кофе, — подхватила Эйприл и поставила перед ним термос. — Обслуживание в нашем отеле — высший класс! А еще официантка не забыла прихватить утреннюю газету и сигареты.

— Если вы на самом деле так голодны, как выглядите, — деликатно проговорила Дина, — то, может быть, нам лучше отвернуться, чтобы не смущать вас, пока вы все не съедите?

— Я так голоден, что даже целая толпа зевак меня не остановит, — ответил Уолли Сэнфорд, намазывая блинчик маслом.

Когда он дожевывал последний блинчик, Эйприл взяла термос и спросила:

— Вам налить кофе?

— Налейте мне кофе, засыпьте меня розами, — ответил Уолли Сэнфорд и истерически расхохотался.

— Если вы немедленно не успокоитесь, мы охотно засыплем вас, и притом во все не розами, — резко бросила Дина.

Уолли Сэнфорд спрятал лицо в ладонях.

— Лучше мне сдать полиции. Они повсюду меня ищут. Я сдамся сам. Больше так не могу.

— Что, собственно, вам не нравится? — спросила Эйприл. — Еда или обслуживание?

— Ожидание. То, что мне приходится прятаться, словно преступнику. Предположим, они посадят меня в тюрьму. Но ведь не смогут долго там меня держать, потому что я невиновен. Они в этом убедятся, найдут настоящего убийцу Флоры, а потом освободят меня.

— И тогда вы потребуете с них компенсацию за арест, — продолжала Эйприл. — Неплохая идея. — Немного подумав, она обратилась к Дине: — Знаешь, это действительно неплохая мысль. Может, лучше ему сдать добровольно?

— Что? — удивилась Дина. — Сейчас, когда мы столько хлопотали, чтобы спрятать его?

— Тогда почему бы ему не отрастить бороду и не уехать в Южную Америку? — предложил Арчи.

— Тихо, — сказала Эйприл, — ты мешаешь мне думать. Предположим, мистер Сэнфорд сам явится в полицию. Они думают, что он убил миссис Сэнфорд. А когда он попадет в их руки, они успокоятся, а мы сможем без помех искать настоящего убийцу.

— А что, если нам не удастся найти настоящего убийцу? Что тогда будет с мистером Сэнфордом? — спросила Дина.

— Ну что ж, придется рискнуть, — ответила Эйприл. — В конце концов, у него есть алиби. Когда мы услышали выстрелы, он сидел в поезде.

— Это правда, — согласилась Дина. — Но риск все-таки большой.

— Я должен это сделать, — тихо проговорил Уолли Сэнфорд. — Должен!

— Ну... я не знаю... — начала Дина, запнулась и вдруг затараторила: — Нет! Подождите хотя бы до завтра. Может быть, даже до сегодняшнего вечера. Вы обещаете?

Уолли Сэнфорд недоуменно взглянул на нее:

— Почему?

— Не спрашивайте, почему. Просто поверьте нам. Мы знаем, что делаем. Тихо сидите здесь, пока мы опять не придем.

— Но... — он нахмурился. — Вы ведь всего лишь дети. Чем вы сможете помочь?

— Мы можем исключить мотив убийства с вашей стороны, — уверенно заявила Дина. — Тогда, даже если вы явитесь в полицию, они не смогут найти подтверждения своим подозрениям. Никаких мотивов. Вы понимаете? У вас будет алиби и не будет никакого мотива. Им придется вас освободить.

— Но как вы это сделаете? — спросил Уолли Сэнфорд.

— Неважно, как, — доверительно сообщила Дина. — Важно, что у нас есть идея.

В конце концов он пообещал дожидаться их в своем убежище.

Вернувшись домой, Дина приготовила из остатков индюшки сэндвичи и наполнила термос кофе, Эйприл же нашла целую охапку журналов. Все это Арчи отнес в шалаш, пока девочки мыли посуду после завтрака.

— Ну, как там? — озабоченно поинтересовалась Дина, когда Арчи вернулся.

Арчи успокоил ее.

— Курит сигарету и читает газету.

— С ним будет все в порядке, я надеюсь! Но вдруг окажется, что именно он убийца! Боже!

— Нас обвинят в том, что мы были его сообщниками, — воскликнула Дина.

— Это не он, — заявил Арчи. — Вы ведь приказали ему сидеть в шалаше и не высовывать носа, пока продолжается наша вечеринка. И там поблизости постоянно караулил кто-нибудь из "банды", на тот случай, если вдруг забредет кто-нибудь из копов. Он не мог вчера вечером выбраться из шалаша. "Банда" его караулила.

— А ты уверен, что Уолли Сэнфорд не мог выскользнуть на минуту? — спросила Дина.

— Когда два лучших парня из "банды" караулили? — искренне возмутился Арчи. — Ты что, совсем с ума сошла?

— Действительно, самую малость, но сошла, — признала Эйприл. — Не обращай на нее внимания, Арчи. А сейчас надо решить, что мы сделаем сначала: пойдем в центр покупать подарок на День Матери, вымоем посуду, приготовим белье в стирку или прочтем бумаги, которые нашли вчера вечером?

— Нет, надо заняться кое-чем другим, — отрицательно покачала головой Дина. — Потому что сейчас туда легко попасть. — Она обернулась к Арчи, который гладил Дженкинса. — На заднем крыльце дома Сэнфордов сидит полицейский. Ты можешь отвлечь его так, чтобы он не заметил, как мы взбираемся по решетке для винограда?

— А других полицейских там нет? — спросил Арчи.

— Насколько я знаю, нет.

— И вы хотите попасть в дом?

— В общем, да.

— А тарелки вытирать вы и сегодня меня заставите?

— Не заставим, — поспешно пообещала Эйприл.

— Хорошо, — согласился Арчи. — Можете войти через кухонную дверь, потому что полицейский оттуда уйдет. — На пороге он задержался: — Но помните — сегодня посуду я не вытираю! — И с этими словами исчез за углом.

— Надеюсь, все будет хорошо, — прошептала Эйприл.

Девочки выбежали из дома и, прячась за живой изгородью, подкрались как можно ближе к заднему крыльцу виллы Сэнфордов.

Вдруг раздался пронзительный вопль. Полицейский сорвался с крыльца, отшвырнув газету, спрыгнул со ступенек и понесся через газон за убегающей маленькой фигуркой. Ему удалось схватить беглеца за рукав. Состоялся короткий разговор. Потом полицейский побежал через сад Сэнфордов и газон в сторону зарослей, которые окружали участок.

Эйприл и Дина быстро пробежали краем огорода и поднялись на кухонное крыльцо. Там было пусто, только на полу рядом с перевернутой пепельницей валялся номер "Криминальных загадок". Девочки вошли в дом, проскользнули в гостиную, откуда ступеньки вели на второй этаж.

При дневном свете комната казалась уютной, солнечной, почти приветливой. Дорогой английский ситец, красивая мебель, акварель в стильной раме над диваном, а над камином — картина, написанная маслом, скорее всего фамильный

портрет. Здесь не было ничего, что указывало бы на происшедшее в этой комнате убийство, а, может, и два.

Дина приостановилась и схватила Эйприл за руку:

— Что-то здесь не так...

— Точно, — подтвердила Эйприл. — Что-то не так! Именно на этом месте упал тот человек. Мы сами видели... Или нам показалось.

— Или приснилось, — перебила ее Дина. — Никакого признака того, что именно здесь кто-то... — У нее перехватило дыхание. — Послушай, может, его убили в каком-то другом месте и только потом бросили в бассейн? Может, он вообще не имеет ничего общего с первым делом?

— Вот разве что этот коврик, — задумчиво произнесла Эйприл. — Его вчера здесь не было — он лежал перед голубым диваном.

— И правда, — согласилась Дина. — Кто-то передвинул коврик. Почему?

— А почему мы иногда передвигаем коврики? Если что-то разольем, или что-бы прикрыть пятно на полу. Сейчас я знаю, что именно здесь вчера произошло убийство. Если бы ты заглянула под коврик...

— Нет, не надо, — поспешно возразила Дина, слегка позеленев лицом. — Мы нашли то, что искали. А сейчас пойдем отсюда.

— Минутку, — попросила Эйприл. — Взгляни-ка на портрет дядюшки Герберта, или как там его звали, который висит над камином.

Дина запротестовала, но все же взглянула. Дядюшка Герберт — строгий бородастый господин, судя по прическе, политик, был одет во фрак, но что-то странное сквозило в его лице.

— Забавно, — заметила Дина. — У него один глаз голубой, а другой — желтый. Не кажется ли тебе, что художник... Эйприл! Портрет! Он мне подмигивает!

— Вот именно, — угрюмо подтвердила Эйприл. — И мне он подмигнул два раза. Я думаю, все дело в том, под каким углом на него смотришь.

Голос Дины дрожал, когда она спросила:

— Эйприл, что это?

— Выстрелов было два, — пояснила Эйприл. — А труп — всего один. — Она взглянула на лицо дядюшки Герберта: сейчас он выглядел почти симпатично. — И нашли всего одну пулю... А сейчас мы, — закончила она, — нашли вторую пулю!

Глава 12

— Смотри, Дина, — взволнованно сказала Эйприл, — тот, кто попал дядюшке в глаз, должен был стоять именно на этом месте. Точно здесь! Он целился во что-то или в кого-то другого. И, похоже, он никогда раньше не держал пистолета в руках.

— Подожди минутку, — прервала ее Дина. Она взглянула на овальный контур, обведенный мелом на полу, и зажмурилась. — Я думаю, — она открыла глаза, — в одной маминой книжке... может, ты помнишь... детектив находит убийцу благодаря знанию геометрии или чего-то похожего. Он вычисляет линию выстрела...

— Жаль, что ты схватила во втором классе двойку по арифметике, — усмехнулась Эйприл. — Но с помощью арифмометра ты, может быть, и вычислила бы, кто убил миссис Сэнфорд.

— Отцепись, Эйприл, — отрезала Дина, — и послушай: было два выстрела. Миссис Сэнфорд стояла на этом месте. Направление, в котором она упала, свидетельствует о том, что стреляли отсюда, — она указала в сторону голубого диванчика в дальнем конце комнаты. — А потом выстрелили из гостиной.

— Почему ты так думаешь?

— Сама не знаю. Просто пытаюсь угадать. Может быть, убийца первый раз промахнулся и выстрелил во второй раз?

— Эти выстрелы прозвучали один за другим, — напомнила Эйприл. — А от голубого дивана до столовой довольно далеко. Так же далеко, как от столовой до дивана. Разве что убийца был на лыжах...

— Их было двое. Точно, двое, — с нажимом произнесла Дина.

— Мы слышали два выстрела, — продолжила Эйприл. — Слышали шум двух машин, отъезжавших отсюда. То есть убийц должно быть двое. Вот только один из них промазал. — Она прищурилась и обвела взглядом гостиную. — Вопрос в том, кто именно.

Дина выглядела ошеломленной.

— Я ничего не понимаю.

— Ха! У тебя и в первом классе была двойка по арифметике. Слушай внимательно. Два выстрела. Две пули. Одной пулей убита миссис Сэнфорд, вторая угодила в глаз дяюшки Герберта. Должно быть, они были из двух разных пистолетов, разве что стрелял Супермен, который одним прыжком преодолел расстояние между голубым диваном и столовой, или наоборот. Итак, все сходится. Понимаешь? Все, что нам надо — это две пули, два пистолета, знать углы двух выстрелов и найти отпечатки пальцев двух человек.

— И ничего из этого у нас нет, — угрюмо подытожила Дина. — А если бы что-нибудь было, мы все равно не знаем, кому какой пистолет принадлежал, где стояли эти люди и кто оставил отпечатки пальцев. Так что пора возвращаться домой и заняться мытьем посуды.

— Ты слишком быстро отчаялась. — Эйприл внимательно посмотрела в левый глаз дяюшки Герберта. — Может, если я встану на стул...

В этот момент на дорожке у дома послышались шаги. Девочки переглянулись и молниеносно осмотрели комнату в поисках убежища.

— Ступеньки! — прошептала Эйприл.

Они одним прыжком взлетели на площадку лестницы и остановились, прислушиваясь.

— На крайний случай, — шепотом успокоила сестру Дина, — у нас остаются окно и решетка.

В дом вбежал полицейский, следом за ним — Арчи. Полицейский схватил телефон, набрал номер участка и сказал:

— Говорит Мак-Кафферти.

— Не забудьте сказать про поломанные ветки, — бормотал Арчи, оглядываясь на всякий случай: нет ли сестер в гостиной. — И скажите еще...

— Говорит Мак-Кафферти, — отчаянно зывал молодой полицейский. — Скорее соедините меня...

— ...об этих кровавых следах, — продолжал Арчи, — и о ноже, воткнутом в ствол дерева...

— Минутку. — Полицейский заслонил трубку рукой и спросил у мальчика: — Какой еще нож?

— Воткнутый в ствол дерева, — повторил Арчи. — На том месте, где, наверное, и упал тот тип. — Арчи казался в этот момент таким маленьким, испуганным и бледным. — Вы что, не понимаете?

— Нет, — ответил полицейский. — Но... — В этот момент его соединили с полицейским участком. Задыхающимся голосом он сообщил, что, видимо, напал на след нового убийства. Подозрительное место находится неподалеку от виллы Сэнфордов и от того бассейна, где было обнаружено тело Фрэнка Рейли.

Мак-Кафферти положил трубку. Эйприл отступила вглубь. Арчи, широко распахнув невинные глаза, спросил:

— Почему же вы ничего не сказали им про тот труп?

— Что? — захлебнулся полицейский. — Какой труп?

— Там, — махнул рукой Арчи. — В кустах. Рядом с тем местом, которое я вам показывал. Весь продырявленный пулями.

Мак-Кафферти уставился на Арчи, опять схватил телефон и вызвал полицейскую машину. Потом выскочил из дома и помчался в указанном Арчи направлении.

— Дина, подай мне какой-нибудь нож, — скомандовала Эйприл, подтягивая стул поближе к портрету дядюшки Герберта. — Нельзя терять ни минуты.

Дина помчалась в кухню, дрожащими руками перерыла ящик со столовыми приборами и вернулась с огромным ножом — первым, который попался ей на глаза. Эйприл уже стояла на стуле и пыталась выковырять глаз портрету дядюшки Герберта.

Взглянув на ужасное орудие, принесенное сестрой, она ехидно заинтересовалась:

— А лома там не было?

— Я... — оправдывалась запыхавшаяся Дина, — схватила первый попавшийся нож. Господи, да скорее же!

— Не торопи меня. Такие сложные операции иногда длятся часами. — Эйприл извлекла пулю, положила ее в карман блузки и на всякий случай, чтобы не потерять, запихала в этот кармашек еще и скомканную бумажную салфетку. Затем, критическим взором оглядев портрет, задумчиво протянула: — Все-таки с одним глазом он выглядит ужасно глупо. И, кроме того, хорошо бы дать полиции тему для размышлений. — На столе стояла ваза с увядшими ветками герани. Эйприл выбрала один цветок, старательно украсила им пустую левую глазницу дядюшки Герберта и обернулась к сестре: — Сотри-ка хорошенько с ножа отпечатки пальцев. Вот теперь полицейские немного помучаются, по крайней мере, отработают свое жалованье.

— Боже, что ты вытворяешь? Ну, да ладно... — Дина тщательно вымыла и протерла нож, пока Эйприл побежала наверх за какой-нибудь губной помадой.

— Ни к чему не прикасайся! — сурово напомнила Эйприл, вернувшись. — Возьми посудное полотенце. Вот так, хорошо. — На лезвии ножа она написала большими алыми буквами: "ОСТОРОЖНО!" Потом, бережно взяв нож через полотенце, положила его на полку над камином — так, чтобы острие указывало на цветок герани на портрете. — А теперь сматываемся отсюда, да побыстрей!

Они вышли через кухню и задний двор. Из кустов, расположенных перед виллой, доносились звуки тяжелых шагов и жалобное завывание sireны патрульной машины.

Оказавшись на собственной территории, Эйприл сунула палец в рот и довольно успешно воспроизвела вой койота. На призыв сестры почти мгновенно явился Арчи.

— Арчи, — попросила Эйприл, — позови ребят из "банды".

— О'кей, будет сделано! — ответил Арчи, сунул два пальца в рот и пронзительно засвистел, то длинными, то короткими сигналами. Не прошло и минуты, как с разных сторон донеслись ответные сигналы. — Ребята сейчас прибегут, — браво отрапортовал Арчи.

Полицейская sireна завывала все ближе. Но "банда" оказалась быстрее патрульной машины. Эйприл молниеносно окинула мальчишек взглядом: грязные по-

лотняные брюки, рваные свитера, взлохмаченные волосы. Все выглядели более-менее одинаково и все были похожи на Арчи. Она объяснила им задание.

Ребята были сообразительные, долго объяснять им, что делать, не пришлось. Вместе с троицей юных Карстейрсов они оказались на задворках дома как раз в тот момент, когда звук сирены затих и патрульная машина притормозила перед домом.

Дина всыпала в миску мыльные хлопья, Эйприл забрала со стола стопку посуды и схватила какую-то тряпку, Арчи с друзьями уже вовсю играли в камешки на заднем дворе.

Не прошло и трех минут, как на дорожке возле дома послышались тяжелые шаги и рассерженные голоса.

— ...говорю вам, — дрожащим от бешенства голосом уверял Билл Смит, — что это — то самое место, где я вчера попал в идиотскую ловушку, которую устроили...

— Но ведь там полно поломанных веток! — пытался защищаться несчастный Мак-Кафферти.

— Вот именно! — ответил Билл Смит. — Это я их поломал! Я же туда свалился!

В голосе молодого полицейского слышалось отчаяние.

— Но это было так похоже... и тот мальчик сказал...

В разговор вмешался сочный баритон сержанта О'Хара:

— Послушай, Мак-Кафферти, вот если бы ты воспитал своих таких девять...

В это время Билл Смит уже молотил кулаками в кухонную дверь. Навстречу ему вышли обе сестренки, Дина — с мыльной пеной на руках, а Эйприл — с тарелкой в одной руке и тряпкой в другой.

— Ах, это вы! — защебетала Эйприл. — Доброе утро! Мы как раз вспоминали вас! Не желаете ли войти и выпить чашечку кофе?

— Нет, благодарю вас, — ответил Билл Смит. Он прямо-таки кипел от злости. — Послушайте! Я хочу, чтобы вы сейчас же ответили мне...

— Ш-ш-ш! — деликатно зашипел на него сержант О'Хара. — Разрешите, я сам с ними разберусь. Все же, что ни говори, я сам таких... — Он мужественно прокашлялся и двинулся в атаку: — Доброе утро, юные леди!

— Ах, капитан О'Хара! — Эйприл прямо-таки излучала невыразимое счастье. — Как это мило с вашей стороны — зайти к нам! Как поживаете?

— Всего лишь сержант, — скромно уточнил О'Хара. — У меня все прекрасно. А как поживаете вы?

— О, великолепно, — ответила Эйприл. — Вы сегодня прекрасно выглядите.

— Вы тоже отлично выглядите, — не остался в долгу сержант.

— Слушай, — злобно прошипел Билл Смит, — я сыт по горло вашими опереточными диалогами...

Сержант О'Хара отодвинул рассвирепевшего начальника локтем и продолжил светскую беседу.

— Юная леди, я должен задать вам очень важный вопрос и знаю, что вы расскажете мне чистую правду, потому что это не принесет никому абсолютно никакого вреда, а нам, наоборот, очень даже поможет.

Эйприл доверчиво вглядывалась в него широко распахнутыми глазами.

— Скажите же мне, юная леди, — сладчайшим голосом пророкотал сержант О'Хара, — где находился ваш младший братишка на протяжении последнего часа?

— Арчи? — переспросила удивленная Эйприл. При этом чуть не выронила из рук полотенце. Потом невинно и чистосердечно ответила: — Арчи помогал нам. — И принялась полировать тарелку до блеска.

Отодвинув в сторону сержанта, Билл Смит решительно двинулся вперед.

— Помогал вам? В чем?

Тут в разговор вступила Дина, размашисто жестикулируя мокрыми руками и посудной щеткой, с которой так и разлеталась во все стороны густая мыльная пена.

— Я знаю, что мы не должны загружать его домашней работой, все-таки он — мальчик, не мужское это дело — помогать на кухне, но столько всего надо было переделать после вечеринки, мы прямо не знали, за что хвататься — и посуду перемыть, и мусорное ведро вынести, и сжечь ненужную бумагу из корзины, и выставить на площадку возле дороги контейнер с отходами, и посыпать порошком кухонное крыльцо...

Билл Смит посмотрел на нее, потом на озабоченного Мак-Кафферти и ледяным тоном произнес:

— Должно быть, тебе просто приснился кошмар.

Мак-Кафферти отчаянно замотал головой.

— Говорю же вам, как все было на самом деле. Я караулил виллу, как мне и было приказано, а тут примчался этот парень, страшно взволнованный, с криком, что в кустах кого-то убили. И что я, по-вашему, должен был делать?

— Начать расследование, разумеется, — отозвалась Эйприл.

Билл Смит уничтожающе взглянул на нее и попросил:

— Будь так добра, не вмешивайся в эти дела! Где сейчас находится твой брат?

— Он был здесь минуту назад. — Дина выглядела несколько растерянной.

— Наверное, он пошел в подвал, чтобы очистить печь от золы. Или пошел за картошкой. Или... — продолжила Эйприл.

Арчи, который находился во дворе, подал "банде" сигнал и нырнул в подвал.

— Ладно, неважно, — сказал Билл Смит. — Вы уверены, что он все время помогал вам?

— С самого завтрака, каждую минуту, — искренне подтвердила Дина.

Билл Смит тяжело вздохнул, обратился к озабоченному Мак-Кафферти:

— Может, кто-то из этих мальчишек... — и вышел во двор.

О'Хара и Мак-Кафферти направились за ним. Дина и Эйприл следили за развитием событий с заднего крыльца. Мак-Кафферти какое-то время присматривался к ребятам, а потом несчастным голосом констатировал:

— Все похоже друг на друга. Может, это был он? — и указал на Рыжего.

Билл Смит смерил Рыжего суровым взглядом.

— Это был ты?

— Это был шовшем не я, — ответил тот. Недавно в доблестном бою он лишился зуба и поэтому сильно шепелявил. — И потом, штекло было уже трешнутое еще до того, как я брошил камень.

— Похоже, это действительно не он, — сказал Мак-Кафферти и стал бдительно приглядываться к Адмиралу.

— Где ты был на протяжении последнего часа? — обратился к мальчику Билл Смит.

Адмирал побледнел, как смерть, и отказался давать показания. В конце концов, О'Хара отвел его в сторонку на заднее крыльцо и, приперев к стенке, выудил необходимые сведения. У Адмирала не было сестер, и у мамы не было служанки, кто-то должен же мыть тарелки после завтрака, только вот если бы об этом позор узнала "банда"...

Сержант О'Хара торжественно поклялся, что "банда" никогда и ни о чем не узнает.

Леопард, как оказалось, делал покупки для бабушки. Разбойник косил газон миссис Черрингтон. Червяк играл гаммы на пианино. Санни поливал сад. Вся "бан-

да" имела стопроцентное, солидное, безупречное алиби. Наконец самый младший завершил ход расследования словами:

— А вы в самом деле полицейские? Могу я попросить у вас автографы?

— Все похожи друг на друга, — растерянно повторял Мак-Кафферти.

— Ладно, хватит, — устало произнес Билл Смит. — Идем отсюда. У нас много работы.

В этот момент на ступеньках, ведущих в подвал, показался Арчи, который, сопя, тащил огромную корзину, до половины наполненную древесной золой. Пепел густой тучей поднимался над корзиной и покрывал его лицо и волосы.

— Привет! — весело вскрикнул Арчи.

Сержант О'Хара сгреб мальчика за воротник и приволок к Мак-Кафферти, грозно вопрошая:

— Этот?

Мак-Кафферти внимательно пригляделся к вымазанной пеплом физиономии, взлохмаченной прическе и обрывкам свитера, который Арчи раздобыл в сундуке со старьем в подвале.

— Нет, — сказал он после длительных раздумий. — Совершенно не похож на того.

— Ну что ж, пойдем, — спокойно отреагировал О'Хара. — Хватит тратить время на глупости. Не следует обращать внимание на детские выходки. Поверь мне, уж я-то в этом разбираюсь, все-таки своих девять вырастил. — И вместе с несчастным Мак-Кафферти сержант удалился в сторону виллы Сэнфордов.

— Интересно, каким вырос старшенький из этих девяти... — задумчиво пробормотала Эйприл. — Займемся лучше изучением частной жизни мисис Сэнфорд, пока опять не начался весь этот кошмар.

Дина выполоскала щетку, повесила на крючок над раковиной и усмехнулась:

— А он точно начнется, когда полицейские взглянут на левый глаз дядюшки Герберта!

Глава 13

Они закрылись в своей комнате и высыпали содержимое толстого коричневого конверта на кровать Дины — письма, бумаги, документы, вырезки из газет. Эйприл выбрала первую попавшуюся вырезку.

— Дина! Смотри! Этот снимок...

На фотографии было лицо симпатичного мужчины средних лет в военной форме. Над снимком — заголовок:

ОСУЖДЕН ВОЕННЫМ ТРИБУНАЛОМ

И подпись под фотографией: полковник Чарльз Чандлер.

— Не понимаю, — пробормотала Дина. — Кто такой полковник Чарльз Чандлер?

— Взгляни на фото внимательней, — посоветовала Эйприл, — и представь его с седыми волосами и маленькой бородкой.

Дина последовала ее совету.

— Боже мой, — воскликнула она, — да это же мистер Черрингтон!

— Карлтон Черрингтон III! — торжественно подтвердила Эйприл.

— Непонятно, что он такого сделал?

Эйприл быстро пробежала глазами вырезку.

— Он украл много денег. Пятнадцать тысяч долларов. Дело было пять лет тому назад, судя по дате. Сначала он пытался инсценировать ограбление полковой кассы взломщиками, затем подозрение пало на него, вот только денег так и не нашли. Военный суд исключил его из армии. — Она перевернула вырезку, чтобы прочесть вторую, скрепленную с ней. — Он был арестован и посажен в тюрьму. На четыре года. Здесь много о нем написано, как он учился в военной академии Вестпойнт и как героически проявил себя на фронте во время мировой войны, и что его отец тоже был офицером, и так далее.

— Четыре года! — воскликнула Дина. — Но они живут здесь почти три года!

— Ты не можешь подождать минуточку? — спросила Эйприл, читая последнюю вырезку, очень короткую. — Его выпустили под честное слово.

— Ага, — сказала Дина. — Тогда они приехали сюда и сменили фамилию. Красивую выбрали!

— Миссис Карлтон Черрингтон III! — продекламировала нараспев Эйприл. — Это выбрала явно она. Но, видишь, она его не бросила. Интересно, что он сделал с этими деньгами?

— Наверное, потратил.

— На что? — спросила Эйприл. — Прошу тебя, пошевели, пожалуйста, мозгами. Они поселились здесь сразу после того, как его освободили из тюрьмы, и никак не могли за это время потратить такую сумму. Готова поспорить, что за год они тратят не больше двух тысяч долларов. Домик сняли маленький и скромный, она никогда не покупает новую одежду, не нанимает уборщицу — даже раз в неделю. Единственное их развлечение, — выращивать сортовые розы.

— Может быть, — робко предположила Дина, — он был вынужден платить карточные долги?

— Он! — воскликнула Эйприл. — Мистер Черрингтон? То есть полковник Чандлер? Разве он похож на заядлого картежника?

— Ну, не похож, — согласилась Дина. — Нет, понятия не имею, что он мог сделать с деньгами. Боже мой! Мистер Черрингтон! Этот милый пожилой человек!

— Не такой уж он и пожилой, — заметила Эйприл. — Посмотри на фотографию. Пять лет назад ему еще пятидесяти не было. — Она прищурилась. — Есть только одно объяснение: миссис Сэнфорд шантажировала его.

— Это похоже на правду, — подтвердила Дина и взглянула на кучу, рассыпанную по кровати. — За работу, Эйприл, мы же не можем целый день потратить на чтение бумаг.

Большинство заметок, писем и вырезок было обозначено сверху фамилиями, написанными голубыми чернилами мелким, угловатым почерком. Эйприл выбрала пачку, обозначенную фамилией Дегранж, и схватилась за нее.

Маленькая коллекция, посвященная Пьеру Дегранжу, состояла из нескольких писем, подписанных просто "Джо", которые начинались с обращения "Дорогая Флора!". В них было много личных воспоминаний: "Как это мило, что ты опять мне написала", "Как тебе понравилась Калифорния?", "Помнишь ли ты тот прекрасный коньяк у Равеля?", "По-прежнему ли ты довольна своим замужеством?" и "Помнишь ли ты тот прекрасный вечер на Конни-Айленд?". Эти письма были написаны на фирменной бумаге одной из нью-йоркских газет.

Но фразы, связанные с Пьером Дегранжем, можно было легко найти. Они были аккуратно подчеркнуты синими чернилами.

"... твой таинственный художник, о котором ты спрашиваешь, по описанию похож на Арманда фон Хене, который несколько лет назад был нелегально пе-

ревеzen через границу. С тех пор его безуспешно разыскивает полиция. Если это он, то нет ничего странного в том, что он выдает себя за француза. Его мать — француженка, и он родился в Париже. Мы накопили много информации о нем, относящейся к периоду перед его исчезновением. Пожалуйста, дай мне знать, если что-то о нем раскопаешь, из всего этого может получиться сенсационный репортаж”.

В следующем письме: “...если этот Дегранж — действительно Арманд фон Хене, то скрывается он не от ФБР. Вражеские агенты разыскивают его с момента исчезновения, у них есть приказ о его ликвидации. Если это — тот человек, я не удивляюсь, что он отпустил бороду”.

И еще: “...да, фон Хене — весьма богатый человек. Известно, что, уезжая из Европы, он вывез драгоценности, которые достались ему в наследство от матери...”

И: “...нет, у меня нет фотографии фон Хене. Но у него есть одна особая примета, по которой ты можешь его узнать. На левой руке длинный диагональный шрам — от локтя до запястья. Послушай, если окажется, что этот парень действительно Арманд фон Хене — немедленно сообщи мне. Если бы мы обнаружили его первыми, это был бы огромный успех для газеты...”

И, наконец: “Жаль, что твой Пьер Дегранж оказался вовсе не Армандом фон Хене. Такая сенсация пропала! Если у него на руке нет шрама, то ясно, что подозревали мы совершенно постороннего человека”.

Эйприл отложила письма и обратилась к сестре:

— Дина, но ведь Пьер Дегранж пытался попасть в дом Сэнфордов на следующий день после того, как она была убита. Ты его когда-нибудь видела с закатанными рукавами?

— Нет, — ответила Дина, — но...

— Хорошо. Допустим, Пьер Дегранж — действительно Арманд фон Хене, который скрывается, и он действительно опасается, что вражеские агенты хотят его убить. Флора Сэнфорд разгадала его тайну. И она знала, что у него есть деньги.

— А когда деньги закончились, — подхватила Дина, — она пригрозила, что выдст его. Тогда он ее убил.

— Боже, Дина! — вздохнула Эйприл. — Он знал, что у нее есть какие-то письменные доказательства его вины, иначе бы не пытался пробраться в дом после убийства. Если он убийца, он готов был на все, чтобы найти и уничтожить эти документы. Даже поджечь дом.

— Пожалуй, ты права, — задумчиво согласилась Дина. — Но все же не могу представить себе, чтобы Пьер Дегранж мог убить кого-то. Этот милый, спокойный человек!

— У него есть шрам на руке, — напомнила ей Эйприл.

— Это ты так думаешь, — сказала Дина.

— Верь мне, — продолжала убеждать сестру Эйприл. — Я все проверю.

— Каким образом? — спросила Дина.

— Пока не знаю, — ответила Эйприл. — Но что-нибудь придумаю.

Дина положила документы, посвященные Дегранжу, на кровать:

— Значит, я была права: миссис Сэнфорд промышляла шантажом. Странно все-таки, она столько лет жила рядом с нами...

— Широкий был размах у миссис Сэнфорд, — усмехнулась Эйприл, перелистывая остальные документы. — О! Здесь есть кое-что интересное!

Это было написанное синими чернилами на фирменной бумаге дорогого нью-йоркского отеля письмо:

Дорогая Флора!

Ты была совершенно права в своих подозрениях по поводу этого угрюмого адвоката Холбрука. Она действительно его дочь, но, насколько я поняла, он скорее умрет, нежели признается в этом. Он, конечно, свихнулся на своей фамильной чести, потому что я на его месте гордилась бы ею. Когда она танцует свой танец, одетая в три павлиньих пера и жемчужное ожерелье, богатые зрители вскакивают с мест и аплодируют ей. А сколько она зарабатывает! Если бы ее годовой доход выложить доллар за долларом, то получилась бы линия длиной в атлантический флот. Конечно, люди бывают смешны, Фло, и, наверно, этот почтенный отец огорчается, что она уже три раза была замужем, но я всегда говорила, что люди лучше всего учатся на собственных ошибках, или, быть может, его раздражает так называемое общественное мнение, которое осуждает ее. А я считаю, что любая реклама хороша, даже негативная, это тоже привлекает зрителей и повышает доходы. Надеюсь, Фло, что эта информация будет способствовать тому, чтобы Холбрук бесплатно поработал на тебя, защищая твои интересы. Спасибо огромное, Фло, за присланные десять долларов, они мне оченьгодились. Надеюсь, у тебя все в порядке,

ВИВЬЕН.

— Мистер Холбрук! — воскликнула Дина. — Кто бы мог подумать! Значит, у него есть дочь, которая танцует, одетая в три павлиньих пера и жемчужное ожерелье! У этого уважаемого господина! Ведь это он однажды отругал Арчи за то, что тот свистнул в воскресенье, когда мистер Холбрук выезжал из ворот Сэнфордов.

— Да, странная штука — жизнь, — философски заметила Эйприл и взялась за следующее письмо.

Дорогая Фло!

Я сделала все так, как ты меня просила, и все сработало. Я обратилась к ней, сославшись на старое знакомство: когда-то мы выступали в одном шоу в Мэриленде, хотя тогда она была простой хористкой, а я — солисткой. Я попала к ней и сказала то, что велела ты: будто ее бедный старый отец сильно заболел и неизвестно, выздоровеет ли, и что он хотел бы получить какое-нибудь известие от своей дочери, и что у нас с ним есть общая знакомая, которая передаст ему письмо от нее. Она мне сразу поверила и даже всплакнула, написала письмо, которое я тебе присылаю вместе с конвертом, адресованным ему, как ты и велела. И спасибо, Фло, за сто долларов, которые очень мне нужны, потому что мне надо лечить зубы. Особенно теперь, когда ты пообещала мне помочь с этой ролью в Голливуде. Береги себя и как можно скорее дай знать, получи ли я эту роль.

ВИВЬЕН.

К этому письму был приколот конверт, адресованный мистеру Холбруку. Внутри — записка, написанная размашистыми буквами:

Милый папочка!

Я только что узнала о твоей болезни. Прошу тебя, выздоравливай поскорее! Прости меня за все неприятности, которые я тебе доставила. Честное слово, ты еще будешь когда-нибудь гордиться мной. Я никогда не сделала ничего такого, чего бы ты мог стыдиться, и никогда не сделаю. Поскорее выздоравливай, потому что

когда-нибудь я стану настоящей звездой в настоящем театре, а ты приедешь на премьеру и будешь мне аплодировать. Я так тебя люблю!

Б.

Следующее письмо:

Дорогая Фло!

Действительно жаль, что она не подписала письмо полным именем и фамилией, но откуда мне было знать, что это тебе нужно? И уж если она подписалась инициалом, как я могла настаивать на полной подписи? Не сердись на меня, Фло, я делаю все возможное, чтобы помочь тебе. Я вручила ей письмо, якобы написанное отцом, с просьбой о фотографии и автографе, она очень растрогалась и заплакала. Пока она рыдала, я сама выбрала подходящую фотографию и воткнула ей в руки перо. Она подписала снимок своей настоящей фамилией. Присылаю тебе это фото. И, Фло, если бы ты могла выручить меня небольшой суммой, я была бы тебе бесконечно благодарна, потому что в последнее время у меня было много непредвиденных расходов.

Всегда твоя
ВИВЬЕН.

Эйприл перевернула страницу, взглянула на приколотую к ней фотографию, изумленно присвистнула и воскликнула:

— Вот это крошка!

На снимке была подпись: "Гарриет Холбрук".

— Если бы мистер Холбрук когда-нибудь увидел это, — Дина даже задохнулась, — он бы скончался на месте.

— Я думаю, он это видел, — сказала Эйприл. Под напором впечатлений последних минут она выглядела весьма взбудораженной. — Он должен был убедиться, что эти документы есть у миссис Сэнфорд. Вот почему он пытался пробраться в дом после ее смерти. Он изо всех сил пытался скрыть, что его дочь танцует, принаряженная только в несколько павлиньих перьев и горсть стеклянных бусинок.

— Есть еще другие письма, — заметила Дина, откладывая в сторону фотографию.

Было несколько писем, содержащих просьбы прислать денег.

Судя по их содержанию, подруга Флоры так и не дождалась ни на одно из них ответа.

Коллекция завершалась маленькой вырезкой из газеты: заметкой о самоубийстве Вивьен Дейн, бывшей звезды оперетты, в крошечной мебелированной комнате.

Дина швырнула пачку писем на кровать.

— Эта женщина! Она заставляла Вивьен выполнять за себя грязную работу, заплатила ей всего... — Дина перелистала письма, — сто десять долларов и пообещала роль в Голливуде, причем наверняка при этом бессовестно врала. А потом, когда благодаря этой несчастной узнала все, что ей было нужно, просто не отвечала на ее письма!

— Возьми себя в руки, — пыталась успокоить сестру Эйприл. — Ты разбудишь маму.

— Нет, не могу! — ответила Дина. — Как только подумаю об этой Вивьен, о мистере Холбруке, и мистере Дегранже, и...

— Успокойся, — сказала Эйприл. — У нас еще осталось много непрочитанных документов. Ух, ты! Смотри, Дина! — И показала сестре фотографию, сделанную,

видимо, неожиданно для запечатленных на ней людей. К снимку было приколото несколько газетных вырезок.

На фотографии была видна улочка на задворках театра, перед служебным выходом. Уолли Сэнфорд в смокинге, рядом с ним — девушка с длинными темными волосами и прелестным юным лицом. Она была в светлом вечернем платье, с меховой накидкой на плечах. Они выглядели бы красивой нарядной парой, которая торопится на вечеринку или в театр, если бы не испуганное выражение лиц.

Дина прочла вырезку.

БЫЛ ЛИ ТАИНСТВЕННЫЙ МИСТЕР СЭНДЕРСОН СООБЩНИКОМ ПОХИТИТЕЛЕЙ БЕТТИ ЛЕМО?

Статья Мэриан Уорд

Два дня тому назад красавица Бетти Лемо сошла со сцены театра, где ее игру сопровождали громкие аплодисменты. После того, как занавес закрылся, она выходила еще раз, чтобы поклониться восторженным зрителям. Затем она направилась в гардеробную, чтобы переодеться и предстать во всей красе перед молодым человеком, который ожидал ее у служебного входа.

Ее горничная утверждает, что Бетти наряжалась и подкрашивалась в тот вечер особенно тщательно и была в прекрасном расположении духа. Выходя из театра, она весело напевала, а молодой человек радостно приветствовал ее.

Они шли узкой улочкой. Вдруг какая-то машина затормозила рядом с ними. На глазах у толпы зрителей, выходящих из театра, вооруженный мужчина вынул Бетти Лемо сесть в машину. Ее спутник исчез в толпе.

Сегодня я разговаривала с горничной, которая в тот роковой вечер помогала Бетти Лемо надеть любимое платье, и со швейцаром, который у дверей театра попрощался с ней, как знать, быть может, и навсегда. Оба называют фамилию "Сэндерсон".

"Мистер Сэндерсон" неоднократно звонил Бетти Лемо, присылал ей много подарков. Несомненно, это тот самый "мистер Сэндерсон", который был рядом с ней в тот трагический вечер у служебного входа театра...

Содержание второй вырезки было следующим:

ПОЛИЦИЯ РАЗЫСКИВАЕТ УИЛЬЯМА СЭНДЕРСОНА, ПОДОЗРЕВАЕМОГО В СОУЧАСТИИ В УБИЙСТВЕ БЕТТИ ЛЕМО

Статья Мэриан Уорд

Полиция пяти штатов разыскивает Уильяма Сэндерсона, молодого агента по торговле недвижимостью, который подозревается в соучастии похищения и убийства Бетти Лемо.

На протяжении нескольких недель перед похищением Сэндерсон постоянно сопровождал мисс Лемо в самых дорогих ночных клубах и присылал ей дорогие подарки. Работодатель Сэндерсона, мистер Дж. Л. Баркер, заявил, что его недельная заработная плата не превышала сорока долларов, но в кассе фирмы не обнаружили никаких злоупотреблений. Инспектор Джозеф Донован, который ведет следствие по этому делу, предполагает, что деньги на развлечения и подарки мисс Лемо мистер Сэндерсон получал от гангстеров, планирующих похищение.

Сэндерсон исчез сразу после похищения актрисы, и до сих пор полиция не нашла на его след...

— Уильям Сэндерсон... — задумчиво повторила Эйприл. — Уоллес Сэнфорд. Он не очень-то напрягал свое воображение, когда выдумывал новое имя.

— А ты чего от него ожидала? — поинтересовалась Дина. — Чтобы он назвал-ся скромненько, но со вкусом — Адольфусом Макгилликэдди или как-нибудь еще в таком духе? Видимо, его одежда и вещи были обозначены инициалами, поэтому пришлось сохранить те же самые инициалы. А кроме того, я не ожидала, что ты окажешься такой раззявой. Взгляни на эту фамилию. Ты что, ничего не видишь?

— А что я должна увидеть? — растерянно спросила Эйприл.

— Кто написал эти статьи? Мэриан Уорд, тулица несчастная!

— О Боже! — воскликнула Эйприл. — Мама! Это же ее репортерский псевдоним!

— И здесь есть еще другие материалы, связанные с ней, — сказала Дина, роясь в бумагах.

— Давай сюда! — Эйприл схватила письмо, подписанное незаменимым Джо, с пометкой сверху: "Карстейрс".

Дорогая Фло!

Да, ты права. Мэриан Уорд, которая писала репортажи о деле похищения Бетти Лемо, и та Мэриан Карстейрс, с которой ты встретишься в Калифорнии, — это один и тот же человек. Она пользовалась фамилией Уорд (ее девичья фамилия), когда стала работать репортером после смерти мужа. Он (Карстейрс) был хорошим парнем. Я его знал. Мэриан позже уволила из редакции "Экспресса" за статьи, которые она опубликовала через два месяца после убийства Бетти Лемо, обвинив полицию в полной бездеятельности, поскольку не нашли преступников или хотя бы подозреваемых в этом преступлении. Шеф полиции так разозлился, что редактору пришлось ее уволить. Тогда она начала писать детективные романы под разными псевдонимами. Несколько книг я прочел, очень даже неплохие. Странно, что она больше ничего не написала на тему похищения Бетти Лемо.

Когда ты собираешься опять приехать в наш город?

Твой Джо.

— Этот парень — неглупый человек, — одобрительно произнесла Эйприл, откладывая письмо Джо в сторону. — Плохо только, что он помог Флоре Сэнфорд в ее грязных делишках.

— Убийство Флоры Сэнфорд как-то связано с делом Бетти Лемо. Миссис Сэнфорд хранила все вырезки об этом деле. Она вышла замуж за Уоллеса Сэнфорда, то есть за Уильяма Сэндерсона. Фрэнк Рейли, которого подозревали в похищении, был убит в ее доме прошлой ночью. И она была очень озабочена тем, что наша мама оказалась той журналисткой, которая когда-то писала об этом деле, — задумчиво проговорила Дина.

— Какой же из всего этого вывод? — поинтересовалась Эйприл.

— А вывод такой. Если мама ... то есть мы ... найдем убийцу миссис Сэнфорд, то, может быть, разгадаем загадку смерти Бетти Лемо — и это будет неслыханная сенсация! Ты только подумай, какая реклама для маминых книг!

— Мисс Карстейрс, — почтительно произнесла Эйприл, — вы — гениальная де-вушка!

— Благодарю за добрые слова, мисс Карстейрс, — скромно опустила ресницы Дина. — Но давай читать дальше. Может, мы найдем в бумагах какие-то разгадки. Следующее письмо было без подписи:

Фрэнк выходит на свободу в следующий вторник, так что будь осторожна. Он может обратиться к отцу Бетти Лемо. Наверное, лучше тебе куда-нибудь уехать. Желаю удачи.

— Это доказывает, что она была замешана в похищении, — констатировала Дина.

— Мы знали это и безо всяких доказательств, — фыркнула Эйприл. — Она использовала Фрэнка как исполнителя, может, еще кого-то. Но, видимо, ему не так-то много денег досталось, иначе зачем было год спустя вламываться в банк и попадать в тюрьму.

Перебирая бумаги дальше, девочки наткнулись на вырванную из какого-то иллюстрированного журнала фотографию и жизнеописание восходящей молодой звезды Полли Уокер и на пару ее писем.

В биографии рассказывалось о том, как осиротевшая в детстве девочка воспитывалась в эксклюзивных школах и летних лагерях, а в возрасте восемнадцати лет храбро начала завоевывать зрителей Бродвея с маленькой роли и вскоре стала звездой.

Первое письмо было написано на бланке солидной трастовой компании:

Моя дорогая миссис Сэнфорд!

Я действительно был опекуном Полли Уокер, пока она не достигла совершеннолетия, то есть до прошлого года. Я весьма благодарен вам за то, что вы решились написать мне об этих слухах в адрес моей подопечной, и верю, что вы сможете развеять их, как истинный друг бедной Полли...

— Но ведь она вовсе не была другом Полли Уокер! — воскликнула Дина. — Наоборот, она...

— Тише, — остановила ее Эйприл. — Читаем дальше.

...К сожалению, частично эти слухи основаны на правде, хотя не во всех подробностях. Отец Полли не был осужден за убийство ее матери. Мать Полли умерла от пневмонии, когда ей не было еще и года, и тогда ее отец доверил мне опекать ее, не желая, чтобы она росла с клеймом дочери печально известного Бена Шварца. Может быть, вы помните этого короля шулеров и контрабандистов, который сейчас отбывает пожизненное заключение в тюрьме Ливенворф. Перед судом он успел передать мне все свое имущество для того, чтобы обеспечить нормальную жизнь и образование Полли.

Я очень надеюсь, что вы сделаете все возможное, чтобы пресечь распространение этих слухов и сохранить печальную истину в секрете. Это могло бы не только стать фатальным для ее карьеры, но и больно ранить ее, напомнив тяжелые годы детства...

Под этим письмом были еще две записки на тонкой светло-серой бумаге.

Уважаемая миссис Сэнфорд!

Я с удовольствием приду к вам в два часа дня в понедельник.

Полли Уокер.

И вторая:

Уважаемая миссис Сэнфорд!

Я достала необходимую сумму и принесу ее в среду.

Полли Уокер.

Дина и Эйприл переглянулись.

— В среду убили миссис Сэнфорд, — сказала Дина. — Полли впервые посетила ее за два дня до того. Миссис Сэнфорд показала ей письмо от опекуна и, видимо, предложила выкупить этот компрометирующий документ. А потом, в среду...

— Но когда Полли Уокер пришла сюда, — напонила ей Эйприл, — миссис Сэнфорд уже была убита.

Дина вздохнула и начала запихивать документы в большой конверт.

— Все ужасно запутано. Особенно меня удивляет одна вещь. Помнишь того человека, о котором писали в газетах?

— Фрэнка Рейли? — переспросила Эйприл.

Дина отрицательно помотала головой.

— Нет, другого. Того, которого, судя по признанию достоверного свидетеля, миссис Сэнфорд шантажировала, но у него было железное алиби. Руперта ван Дусена. Почему в документах миссис Сэнфорд нет ничего, связанного с ним?

— Послушай, Дина, — начала Эйприл, вдохнув поглубже, — Я должна тебе кое-что рассказать...

Но ей не удалось ничего сказать, потому что в этот момент внизу раздался энергичный стук в дверь. Дина вскочила, запихнула конверт в мешок для белья и выскочила на лестницу.

На пороге стояли лейтенант Смит и сержант О'Хара, оба запыхавшиеся и озабоченные, а сержант — даже очень бледный.

— Где ваша мама?

— Она спит, — ответила Дина. — Мама работала всю ночь и легла спать после завтрака.

— Ах, так! — сказал ошеломленный Билл Смит.

— Послушайте, юные леди, — вмешался О'Хара, — вы все утро были дома?

Обе девочки дружно кивнули, Арчи присоединился к ним.

— Может, вы заметили... — начал Билл Смит. — У нас есть основания предполагать, что кто-то посторонний сегодня крутился по соседству. Кто-то забрался в дом Сэнфордов. Вы видели или слышали что-нибудь подозрительное?

Дина и Эйприл взглянули сначала друг на друга, затем на полицейского.

— Ни единой живой души, — заверила Эйприл. — Кроме вас мы никого не видели.

Билл Смит стер пот со лба:

— Ну, спасибо. Мы просто хотели проверить...

Глава 14

— Эй, а какой подарок вы купили ко Дню Матери? — завопил Арчи, едва сестры вернулись из города. — Эй, вы что купили? Эй...

— У него явно заело пластинку, — констатировала Эйприл.

— Эй, — повторил неукротимый Арчи, — вы какой подарок купили ко Дню Матери?

— Арчи, — взмолилась Дина, — не шуми так. — Мне никто не звонил?

— Не-а, — ответил Арчи. — Эй, а что вы купили...

— Послушай, — настаивала Дина, — мне Пит не звонил?

— Пит? Не-а... — сказал Арчи. — Эй, вы что купили?

— А другие звонки были? — спросила Эйприл. — Никто не приходил? Полицейские не появлялись? Ничего нового не случилось?

— Никаких звонков, — бодро докладывал Арчи. — Никаких фараонов. Никаких пожаров по соседству. Вообще ничего не происходило. Эй, что вы купили для мамы?

— Сейчас узнаешь, братишка, — сдалась Эйприл. — Мы купили ей книгу.

— Книгу?! — изумился Арчи. — Книгу! Зачем? Она сама пишет книги!

— Она еще и читает их.

— Это особенная книга, — объяснила Дина. — Мы весь город обошли, пока нашли ее.

— Покажите, — домогался Арчи.

Дина вынула из сумки нарядно упакованный сверток:

— Разворачивать нельзя. Продавщица в магазине специально завернула ее для нас. Еще мы купили очень красивую открытку, на которой напишем поздравление.

— Вот язвы! — возмутился Арчи. — Я тут должен сидеть дома на телефоне, а вы гуляете по центру и покупаете какие-то там книжки! Ладно-ладно. У меня для мамы приготовлен такой подарок, что у вас глаза на лоб вылезут! И я никому его до завтра не покажу, даже вам.

— Вот и прекрасно, — похвалила его Эйприл. — И что же это такое?

— Вот и не скажу!

— Наверное, букет, — предположила Дина.

— А вот и нет!

— Наверное, что-нибудь, что ты сам смастерил, — сказала Эйприл. — Скворечник или подставка для настольного календаря.

— А вот и нет! — Арчи сиял.

— Говори-говори, — провоцировала Эйприл. — Ничего у тебя нет!

— Ах, нет? — возмутился Арчи. — Вот пойдем, сама увидишь... — Но вовремя спохватился. — Нет, не стану ничего показывать. Вам не удастся меня одурачить, и ничего я раньше времени не покажу.

— Ничего страшного, — произнесла Дина. — Что бы это ни было, маме наверняка понравится.

— Совершенно верно, — подтвердила Эйприл и поцеловала брата в нос.

— Эй, отцепитесь, прекратите меня лизать, — прикидывался обиженным Арчи.

Дина припрятала нарядный сверток под диванную подушку и произнесла:

— Послушай, Эйприл, есть одно важное задание, и ты должна его выполнить. Надо пойти к миссис Черрингтон и попросить у нее розы для мамино букета.

— И заодно небрежно поинтересоваться, не мистер ли Черрингтон убил Флору Сэнфорд за то, что она знала про украденные из полковой кассы пятнадцать тысяч долларов, — хмыкнула Эйприл.

— Ну, знаешь, — возмутилась Дина. — Не следует быть настолько бестактной.

— Вообще-то, у меня плохо с тактом, — ответила Эйприл, — но на этот раз я сделаю все, что смогу. А если мистер Черрингтон побледнеет и растеряется, а миссис Черрингтон посмотрит на меня холодно и свысока, что я должна делать — свистом вызывать полицию?

— Эйприл, да ты, похоже, боишься?

— И вовсе я не боюсь, — отрезала Эйприл, но сильно покраснела. — Разве я боялась, когда пошла к миссис Черрингтон и попросила ее испечь торт для благотворительной вечеринки, организованной родительским комитетом?

— Ты тогда еще не знала, что мистер Черрингтон застрелит Флору Сэнфорд, — сказала Дина. — Может, лучше я туда пойду?

— Нет, — поспешно возразила Эйприл. — Я вернусь с розами и вещественными доказательствами. Можно взять с собой пулю, которую мы нашли в глазу дяди Герберта, и сравнить, подходит ли она к пистолету мистера Черрингтона, если у него вообще найдется пистолет. Это может быть ключевой уликой. Если мы узнаем, из какого оружия эта пуля и у кого есть такое оружие...

— А вот поспорим, что все это разознаю я, — радостно завопил Арчи. — Поспорим!

— Спорь на что хочешь — ничего ты не узнаешь, — отрезала Эйприл.

— Дай мне пулю, — настаивал Арчи. — Вот увидишь!

— Как ты это сделаешь? — спросила Дина.

— Обыкновенно. Спрошу полицейского. Они все знают про пули.

— И это наш родной брат! — горько воскликнула Дина. — Такой хитрец!

— погоди, Дина, — прервала ее Эйприл. — В этом что-то есть. — Она серьезно взглянула на брата. — Ты думаешь, он ничего не заподозрит?

— А ты думаешь, я сразу доложу ему, что эту пулю ты нашла в доме миссис Сэнфорд? — ехидно поинтересовался Арчи.

— Как знать... — протянула Эйприл. — Может быть, ему это и удастся... Риск есть, но все же...

— Никакого риска! — вскричал Арчи. — Железная гарантия!

Дина и Эйприл переглянулись над его головой.

— В конце концов, — сказала Дина, — это он будет рисковать, а не мы. Для безопасности лучше пулю немного испачкать.

— С этим я и сам справлюсь, — заявил Арчи. — Можете на меня рассчитывать. Я хорошо знаю, как это сделать. — Он вырвал пулю из руки Эйприл. — Не бойся, я ее не потеряю!

На ходу схватив горсть крекеров из жестянки, он выскочил за дверь, но через секунду вернулся.

— Знаете что? Я возьму с собой Разбойника и Рыжего! Спокойно, все под контролем!

— Надеюсь, у них все получится. Потому что если они влипнут... — вздохнула Дина.

— Не влипнут, — уверенно воскликнула Эйприл. — Ну, и мне пора браться за дело, если мы хотим, чтобы у нас был букет ко Дню Матери. — Судя по ее лицу, предстоящий визит к миссис Черрингтон не очень-то ее радовал. Она задержалась в дверях. — А ты что будешь делать?

— Вам с Арчи досталась самая легкая работа. А я должна домыть посуду, постирать полотенца, обед приготовить. — Дина внимательно взглянула на сестру: — Ты боишься, Эйприл?

— Обижает, — холодно ответила Эйприл, решительным шагом вышла из кухни и пересекла газон.

Через широкую лужайку Сэнфордов ей было видно, как сержант О'Хара, сидя на садовой скамейке, увлеченно разговаривает с тремя маленькими мальчиками, которые жадно ловят каждое его слово. Арчи, Разбойник и Рыжий. Сержант, видимо, получал от разговора огромное удовольствие. Эйприл улыбнулась. Добрый старый Арчи!

Узкой, заросшей травой дорожкой, которая скрывалась за живой изгородью и вела от заднего крыльца Сэнфордов вверх, она приблизилась к маленькому коттеджу, где жили Черрингтоны.

В маленьком оштукатуренном домике было всего две комнаты, кухня и ванная. Его украшал сад, небольшой прямоугольник тщательно ухоженной зеленой

лужайки и обилие великолепных роз. Эйприл видела этот сад уже раз сто, но всегда в первый момент у нее перехватывало дыхание. Там были темные, почти пурпурные, розы, огромные желтые, белоснежные, ярко-красные и нежно-розовые. Одну стенку дома оплетали крупные алые розы, арку калитки обвивали плети светло-розовых бутонов.

Миссис Черрингтон стояла среди своих цветов, одетая в комбинезон, ее лицо было закрыто широкими полями соломенной шляпы, а в руке она держала секатор.

Эйприл невольно подумала, что миссис Черрингтон чересчур толстая, чтобы носить комбинезон. В этом наряде она выглядела немного смешно. Но когда она подняла голову и приветливо поздоровалась, Эйприл вдруг осознала, что миссис Черрингтон — вовсе не смешная.

Она никогда раньше не замечала глубоких морщин на лбу и вокруг губ, не замечала, что глаза миссис Черрингтон остаются грустными даже тогда, когда она улыбается. Эйприл стало как-то не по себе.

— Добрый день, Эйприл, — приветливо обратилась к девочке миссис Черрингтон. — Я как раз испекла пряники. Хочешь попробовать?

— Вот здорово! — воскликнула Эйприл. — Но, собственно говоря, я пришла сюда, чтобы попросить вас оказать нам большую услугу. Завтра — День Матери. Мы купили для мамы подарок, но у нас нет никаких цветов, и...

— Конечно же, вы должны подарить маме цветы, — сказала миссис Черрингтон. — И вы подарите. Все, что вам нужно, можете взять в моем саду. Ваша мама — счастливая женщина!

— Это мы счастливы, что у нас такая мама, — ответила Эйприл. — Мы думали, может, несколько роз...

— Несколько! — воскликнула миссис Черрингтон. — Мы нарвем большой букет. Мы сорвем самые красивые цветы. Хочешь выбрать сама?

— Лучше выбирайте вы, — предложила Эйприл, — чтобы уж не совсем ободраť сад.

Миссис Черрингтон задумчиво окинула взглядом сад.

— Знаешь, что? Розы красивой всего, если их сорвать ранним утром, когда они еще в росе. Завтра утром я приготовлю букет, а ты приходи за ним Арчи.

— Вы такая добрая! — воскликнула Эйприл.

— Просто я вас всех очень люблю, — ответила миссис Черрингтон и склонилась к цветам. — А пряники — в кухне, на подносе.

— Я... — начала было Эйприл и задумалась. Дело было не только в пряниках или розах. Дело было в том, что она любила мистера и миссис Карлтон Черрингтон. Но ведь документы, которые хранились в толстом конверте миссис Сэнфорд, не являлись достаточно веской причиной для того, чтобы совершить убийство. Когда-то, несколько лет назад, они, быть может, послужили бы убедительным доказательством вины, а сейчас не могли стать даже причиной шантажа. Этот человек уже пережил бесчестие, исключение из армии и отбыл тюремный срок. Если бы миссис Сэнфорд предала эту историю огласке, они бы просто переехали в другой город, в другой маленький дешевый домик, опять сменили фамилию и засадили розами другой сад. Эйприл почувствовала такое огромное облегчение, что чуть не расплакалась, а вслух сказала: — Ох, чудесно, я с удовольствием съем пряник, — и направилась в сторону кухни.

— Не один пряник, — крикнула ей вслед миссис Черрингтон, — возьми побольше. Они вкусные, пока не остыли. Открой боковую дверь. Там на полке найдешь бумажный пакет. Возьми немного пряников для Дины и Арчи. Если на подносе мало, возьми еще в глиняной миске, которая стоит в кладовке.

— Спасибо, — поблагодарила Эйприл. — Вы такая добрая! — Она вошла в боковую дверь. Дина и Арчи обожают пряники с изюмом. Надо обязательно завтра принести миссис Черрингтон большой пучок свежей редиски со своего огорода, воскресные газеты и миску замороженного крема, который Дина приготовит в честь Дня Матери.

Эйприл нашла бумажный пакет и пошла на кухню.

Странно, она уже столько раз была в домике семьи Черрингтон, но никогда не замечала эту фотографию в конце холла. А ведь она всегда стояла здесь... Красивое лицо в ореоле темных пушистых волос. Что-то ужасно знакомое в чертах... Где она могла раньше видеть это лицо? Ах да, конечно! Миссис Черрингтон, только на много-много лет моложе. Эйприл подошла ближе и внимательно пригляделась к снимку. Лоб без единой морщинки, никаких теней под ясными, даже дерзкими глазами. Уголки губ слегка приподняты в несмелой улыбке. Лицо счастливой, полной надежды женщины. В углу фотографии виднелась надпись: "С любовью — Роза". Так вот как ее зовут. Ничего удивительного, что они так любят розы.

Она вошла в кухню. На столе красовалась гора пряников. Такие пышные, и столько изюма!

Уговаривая себя не поступать по-свински, Эйприл отсчитала девять пряников — три для Дины, три для Арчи и три для себя. Поборола искушение взять еще один и съесть по дороге. Это было бы нечестно.

Нет, человек, который печет такие пряники, не может быть убийцей!

Эйприл старательно уложила пряники в бумажный пакет и вышла через кухонную дверь, но внезапно приостановилась: на скамейке сидел мистер Черрингтон с пистолетом в руке.

— Ох! — прошептала Эйприл.

Он взглянул на нее и улыбнулся.

— Добрый день, Эйприл!

— Добрый день! Я только что ограбила вашу кухню. Но я похитила всего лишь девять пряников. Так что не стоит в меня целиться из пистолета.

— Я в тебя вовсе не целюсь, к тому же пистолет не заряжен, — засмеялся мистер Черрингтон. — Трудно назвать эту игрушку смертоносным оружием. Калибр двадцать два. Игрушка для прекрасной дамы, безделушка. — Он поднял пистолет вверх, и солнечные лучи заблестели на перламутровой рукоятке. — Красиво, правда?

— Не в моем вкусе, — призналась Эйприл. — Я боюсь огнестрельного оружия. Хотя можно носить, как брелок, на браслете.

— Это все, на что он пригоден, — признал мистер Черрингтон и положил пистолет на столик.

Эйприл подошла ближе, села рядом с ним на лавку и, как зачарованная, впиалась взглядом в пистолет. Он был такой маленький, изящный и совершенно не похож на смертоносное оружие.

— Можно, я его потрогаю? — спросила она.

— Пожалуйста! — ответил мистер Черрингтон. — Я же говорил тебе, что он не заряжен.

Эйприл взяла в руки пистолет, и по спине у нее побежали мурашки. Затем прицелилась в верхушку сосны, которая росла на другой стороне улицы.

— Если так будешь целиться, то попадешь в дерево за три квартала отсюда! Давай, покажу, как надо целиться... — усмехнулся мистер Черрингтон.

— Нет, — поспешно отказалась Эйприл и осторожно положила пистолет обратно на стол. — Он действительно красивый!

— Но совсем не грозный. Если бы ты в самом деле захотела кого-то застрелить... — Мистер Черрингтон замолчал, а потом вдруг сказал: — Луиза очень любит эту безделушку, попросила ее почистить.

— Вы так много знаете об оружии. Наверное, вы служили в армии? — Эйприл старалась говорить небрежно, но у нее было такое ощущение, будто желудок превратился в маленькую сосульку.

— Любые сведения об оружии можно вычитать в любой энциклопедии, — заметил мистер Черрингтон.

— Я хочу спросить, скажите, пожалуйста... Как вы думаете — кто убил миссис Сэнфорд?

— Миссис Сэнфорд? — повторил мистер Черрингтон и встал со скамейки. — Ах, да... Да, миссис Сэнфорд... Прости, но я не знаю. Я ведь — не детектив.

— Попробуйте отгадать, — предложила Эйприл.

— Ну, наверное, кто-то, кто знал, что она этого заслуживает.

Эйприл подавила вскрик и застыла.

Мистер Черрингтон подал ей пакет с пряниками, который она забыла на столе, улыбнулся и церемонно поклонился ей, словно великосветской даме.

— Приходи к нам поскорей, еще до того, как вы съедите все эти пряники. — Он взял со стола пистолет и прошел — нет, промаршировал мимо нее в дом, с высоко поднятой головой и широко расправленными плечами.

Эйприл смотрела ему вслед, пока за ним не захлопнулась дверь. Потом выбежала из садика, перелезла через забор, соскользнула с покрытого травой холма, пробежала по аллее и остановилась, чтобы передохнуть, уже возле собственного дома.

В кухне Дина как раз ставила на полку последнюю вытертую тарелку. Эйприл бросила пакет с пряниками на стол.

— Она сделает для нас букет. Арчи должен зайти за ним завтра утром, — и шлепнулась с размаху на стул.

— О, Господи! О цветах на завтра ты договорилась, пряников для нас принесла. Так чего же ты реवेशь? — взглянула на сестру Дина.

— Самое ужасное, — не переставая рыдать, пробубнила Эйприл, — что я и сама этого не знаю!

Глава 15

Уже полчаса сержант О'Хара сидел на лавке в саду и чувствовал себя не очень хорошо. Билл Смит, не менее, чем он, остолбеневший при виде цветка герани, который внезапно вырос на портрете в доме Сэнфордов, все же разгромил теорию сержанта о том, что убийство было делом рук маньяка. Высмеял, несмотря на кровавую надпись на лезвии ножа. Когда же оказалось, что надпись сделана губной помадой, и О'Хара предположил, что маньяк, скорее всего, был маньячкой, лейтенант издевательски расхохотался и приказал сержанту караулить перед домом, чтобы туда не забралась другая маньячки, пока он сходит в дактилоскопическую лабораторию проверить отпечатки пальцев. Вот почему сержант О'Хара сидел сейчас на лавке такой подавленный и несчастный.

— Подходите поближе, — позвал он мальчиков, которые показались на краю газона.

— А вы действительно полицейский? — спросил у сержанта Разбойник. — Почему тогда у вас нет пистолета?

— У меня есть пистолет. — Сержант вытащил пистолет из кобуры, которая скрывалась под мышкой, и положил его себе на колени.

— Смотрите, парни! — восхитился Разбойник. — А можно его потрогать?
— Пожалуйста, — великодушно разрешил сержант.
— Знаете, что? — сказал Арчи. — Я читал в одной книжке о таком полицейском, который мог посмотреть на пулю и рассказать, из какого она пистолета. Это правда?

— Правда, — ответил сержант. — В этом нет ничего особенного.

Арчи триумфально взглянул на приятелей:

— Ну вот, я же вам говорил!

— Да ну, не верю я, — протянул Рыжий.

— Покажи ему пулю, — подзуживал Арчи.

Рыжий запустил руку в карман, где долго выискивал необходимую вещь под кучей разного хлама, пока, наконец, не вытащил пулю. К ней прилип кусок жевательной резинки и налипли крошки от печенья, вид у нее был грязноватый.

— Надо бы ее слегка почистить, — заботливо пробормотал Рыжий, вытащил из другого кармана почти чистый носовой платок и принялся за работу.

— Поплюй на нее, — посоветовал Разбойник.

— Песочком посыпь, — сказал Арчи, — это единственный способ отодрать жвачку.

К тому моменту, когда пуля попала в руки сержанта О'Хара, она была относительно чистой.

— Спорим, он не сможет сказать, из какого она оружия, — скептически заметил Разбойник.

— Спорим, что сможет, — возразил Арчи. — Он — очень умный детектив. — И ободряюще взглянул на сержанта О'Хара. — Можете вы сказать, из какого оружия была выпущена эта пуля?

Сержант явно воодушевился, взглянул на пулю, взял ее двумя пальцами.

— Эта пуля была выпущена из пистолета тридцать второго калибра.

— Вот видите? — ликовал Арчи. — А я вам что говорил?

— Спорим, он просто угадывает, — сказал Разбойник.

— Спорим, ничего он не угадывает, — настаивал Арчи. — Он знает.

— Как? — домогался Рыжий. — Откуда он знает?

Сержант О'Хара снисходительно взглянул на него.

— Если бы у вас была мерка, вы бы убедились. А так придется просто верить мне на слово. Тридцать второй калибр — это значит, что диаметр пули — тридцать две сотых дюйма. Я за свою жизнь уже столько пуль перевидал, что определяю калибр безо всяких измерений. Это пуля тридцать второго калибра. Кстати, а где вы ее взяли?

Арчи подтолкнул Рыжего, и Рыжий поспешно заговорил:

— В тире за клубом валяются целые кучи этого добра. Верните мне пулю, пожалуйста. Она у меня всего одна.

Сержант О'Хара вернул пулю. И тут инициативу перехватил Арчи.

— А скажите, из какого пистолета была та пуля, которой убили хозяйку этого дома? — Он кивнул головой в сторону виллы Сэнфордсов и выжидательно взглянул на сержанта О'Хара.

— Ее? — переспросил сержант. — Это был выстрел из военного пистолета сорок пятого калибра. Солидный пистолет.

— Ух, ты, — восхитился Арчи. — Это такой же пистолет, как ваш? — Когда сержант кивнул в ответ, мальчик попросил: — Можно нам еще разок на него взглянуть?

— Пожалуйста, — добродушно согласился сержант, вытащил пистолет из кобуры и положил его на ладонь.

— Вот это настоящий пистолет! — благоговейно произнес Арчи. — Вот это, скажу я вам, настоящий пистолет. Ведь из такого настоящего пистолета нельзя стрелять дурацкой маленькой пулькой, как у Рыжего?

— Конечно, нет, — ответил сержант О'Хара и спрятал пистолет в кобуру. — Я вижу, что ты еще не все понял из того, что я рассказывал о калибрах оружия и пулях. Дело в том...

Откуда-то снизу, с дороги, послышался длинный пронзительный свист.

— Это Скелет свистит, — оправдываясь, сказал Разбойник. — Мне пора идти. Мама меня ищет. До свидания, господин сержант. — И исчез в кустах.

— Ой, — воскликнул Рыжий. — Если мама Разбойника его ищет, это значит, уже пора ужинать. Мне тоже надо возвращаться домой. До свидания! — Он помахал рукой и побежал вниз по тропинке.

— Извините, — сказал Арчи, — меня зовет Дина. Пора накрывать на стол.

— Ну, раз так, иди. Очень хорошо, что ты помогаешь сестрам. А если тебе когда-нибудь понадобится узнать что-нибудь об оружии...

— То я знаю, кого спрашивать, — подхватил Арчи. — Вы — настоящий друг! Я тоже, когда вырасту, буду полицейским. Пока, напарник! — и скрылся в кустах.

Дина мыла морковь, Эйприл делала пудинг по-шотландски. Когда Арчи появился на пороге, они прервали работу и уставились на него.

— Ну, как? — взволнованно спросила Дина.

Арчи вынул пулю из кармана и положил на стол.

— Кажется, мы ее немного запачкали.

— Арчи! — допытывалась Эйприл. — Говори скорее...

— Да говорю уже. — Арчи пытался изобразить безразличие и небрежность. —

Это пуля тридцать второго калибра, то есть выстрелили ее из пистолета тридцать второго калибра. А пистолет, из которого убили миссис Сэнфорд, был армейский, сорок пятого калибра. Если вы интересуетесь, — тут он вдохнул поглубже, — наукой, которая называется баллистикой...

— Мы интересуемся только фактом, не из одного ли и того же пистолета вылетели эта пуля и пуля, которая убила миссис Сэнфорд, — холодно изрекла Эйприл.

— И мы практически знаем это без тебя, — высокомерно добавила Дина.

— Как это? — возмутился Арчи. — Я столько намучился, чтобы вытянуть из сержанта О'Хара сведения о пулях и пистолетах, целую лекцию выслушал, и вообще, а вы тут заявляете, что вас это не интересует.

— Эйприл пошутила. Это нас очень интересует, мы просто не могли дожидаться твоего возвращения.

Эйприл поддержала сестру.

— Дина хотела пошутить. Ты на самом деле осмелился спросить сержанта О'Хара?

— Он мне много чего рассказал, — ответил Арчи. — Так вот, эта пуля... Научно выражаясь, доказано, что или у убийцы было два пистолета, причем разных калибров, либо было два убийцы, каждый со своим собственным пистолетом.

— Ах, Арчи, ты — гений! — вскрикнула Эйприл и поцеловала его в нос.

— Не облизывай меня! — возмутился Арчи.

— Точно. — Эйприл принялась раскладывать пудинг на тарелки. — Должно было быть два человека. Мы и раньше об этом догадывались. Итак, оба стреляли, но то ли оба во Флору Сэнфорд, то ли один в другого? — Она поставила тарелки на кухонный стол и принялась вылизывать кастрюльку. Внезапно отодвинув кастрюльку в сторону, решительно заявила: — В этой истории должен быть еще третий пистолет!

Арчи, воспользовавшись случаем, быстро схватил кастрюльку и ложку.

— Первый пистолет — тот, из которого убили миссис Сэнфорд, сорок пятого калибра. Второй пистолет — из которого выстрелили в картину. Тридцать второй калибр. И пистолет мистера Черрингтона. Как он сказал, калибр двадцать два, женская безделушка. — Тут Эйприл заметила хитрый маневр Арчи. — Отдай сюда немедленно кастрюлю! Раз я готовила пудинг, значит, мне положено ее вылизывать... — Она заглянула в посудину: — Да, Арчи Карстейрс, после тебя здесь уже нечего делать!

— Ничего страшного, — примирительно ответил Арчи, обливаясь с ложки последние капли шотландского пудинга. — Зато тебе теперь не надо мыть кастрюлю.

Дина поставила морковь на огонь и, повернувшись к ребятам, сказала:

— Я вот никак не могу понять — из какого пистолета был застрелен Фрэнк Райли?

Эйприл забыла о пудинге.

— Я тоже об этом думала. Потому что если из того самого...

— Положитесь на меня, — гордо воскликнул Арчи. — Спорю на миллион долларов, что завтра я это разужаю.

— Спорю на миллион, что ты ничего не узнаешь, — ответила Эйприл.

Арчи с сомнением взглянул на сестру.

— А на самом деле, на сколько ты готова поспорить?

— На двадцать пять центов, — не задумываясь, выпалила Эйприл.

— Ага-а-а, — протянул Арчи. — Даже если я выиграю, то все равно мне придется одалживать тебе деньги, чтобы ты могла мне заплатить, ведь у тебя нет ни цента. Нет, на деньги я с тобой больше не буду спорить.

— А на что? — со вздохом спросила Эйприл.

— Если... Если завтра я узнаю, из какого пистолета застрелили мистера Фрэнка Райли, то я не буду выносить мусор целую неделю!

— Четыре дня, — попыталась торговаться Эйприл.

— Ну, нет уж! Неделю — и ни днем меньше.

— Ладно, договорились.

— Если вы уже закончили ваши игры, дорогие дети, — сурово произнесла Дина, — то послушайте меня. Мы уже знаем, с помощью каких компрометирующих документов миссис Сэнфорд удерживала при себе бедного мистера Сэнфорда. Мы знаем, почему он убежал после убийства и почему пытался попасть в дом. В наших руках находится то, что он хотел найти.

— Может, — предложила Эйприл, — лучше пойдем к нему и расскажем, что все эти бумаги у нас, и мы будем держать их в безопасном месте, пока не найдут настоящего убийцу. А потом вернем документы тем, кого она шантажировала, или просто сожжем их.

Дина свысока взглянула на сестру.

— А, может, лучше спросим у него, что он знает о похищении Бетти Лемо?

— Вот это голова! — восхитилась Эйприл.

— А если он не захочет ничего рассказывать? — спросил Арчи.

— Мы сделаем так, что он все расскажет. Все-таки у нас есть материалы, которыми его шантажировали.

— А если он нам соврет? — настаивал Арчи.

— Арчи, от тебя слишком много шума. Помолчи, если хочешь, чтобы мы взяли тебя с собой, — одернула брата Дина.

Они осторожно прокрались к шалашу.

— О, Боже! — воскликнула Дина, останавливаясь на пороге.

Шалаш был пуст. Старательно сложенные одеяла лежали на постели. Посуда аккуратно расставлена на столе, рядом с ровной стопкой журналов. Сверху лежала развернутая утренняя газета, но с первой страницы была вырезана фотография Фрэнка Рейли и записка о его смерти. А Уолли Сэнфорд бесследно исчез.

Глава 16

Арчи принялся ломиться в комнату сестер чуть ли не на рассвете.

— Эй, просыпайтесь, — взволнованно шептал он. — Эй, просыпайтесь. Сегодня — День Матери.

Дина села на постели, зевнула и протерла глаза.

— Если он сдался полиции, то об этом будет написано в газетах. Если же не сдался...

Эйприл тоже зевнула.

— У меня есть версия. Я долго думала об этом, перед тем, как заснуть. Допустим, у Бетти Лемо был приятель...

— Он и в самом деле был, — прервала ее Дина. — И звали его Уолли Сэнфорд. То есть тогда он называл себя Уильямом Сэндерсоном. — И Дина потянулась за халатом.

— Я имела в виду вовсе не его, — уточнила Эйприл. — Я думала о парне, который был влюблен в нее до безумия. Как Пит в тебя.

— Хи-хи-хи! — пропищал Арчи. — А почему же тогда Пит вчера не пришел?

— Потому что он должен был повести свою бабушку в кино, — с ледяной изысканностью светской дамы пояснила Дина. — Продолжай, Эйприл.

— Ну, — продолжала мечтательно Эйприл, — он безумно любил ее. Наверное, хотел на ней жениться. А потом ее похитили и убили. Полиция так и не нашла преступников. А этот парень посвятил всю свою жизнь тому, чтобы разыскать их и отомстить за ее смерть.

— Все это ты вычитала в одной из маминих книг, — заметила Дина. — Кларк Кэмерон двадцать пять лет разыскивал убийц своего друга и...

— А я и не отрицаю, что взяла эту версию из маминих книг, — прервала сестру Эйприл. — Но в этом случае все сходится. Этот молодой человек, в конце концов, напал на след миссис Сэнфорд, кроме того, имел доказательства, что она была замешана в похищении. Поэтому он убил ее. Потом на горизонте появился Фрэнк Рейли. Этот парень убивает и его. И, возможно, он знает о том, что Уильям Сэндерсон — это Уоллес Сэнфорд. Так что...

Дина внимательно посмотрела на сестру:

— Все же я надеюсь, что он сдался полиции. Там он был бы в безопасности. Арчи, сбегай-ка за газетой.

— Вечно все должен делать я! — простонал Арчи. — Я есть хочу!

— Бегом! — скомандовала Дина. — А я приготовлю на завтрак твои любимые вафли.

— Ур-ра-а! — завопил Арчи и умчался за газетой.

— Пойди узнай, спустится ли мама к завтраку, или она хочет, чтобы мы принесли ей завтрак наверх, — продолжала отдавать распоряжения Дина. — А я пока сделаю тесто для вафель.

Спустя пять минут девочки уже хозяйничали на кухне. Мама пообещала прийти на завтрак в голубом халатике. Дина взбивала яйца, Эйприл включила вафельницу, когда вбежал запыхавшийся Арчи с воскресной газетой в руках.

— Чур, я первый читаю комиксы! — заявил он.

— После завтрака, — решительно сказала Дина. — Ты еще должен сходить за букетом, помнишь?

— Вечно все должен делать я, — привычно огрызнулся Арчи. — Ох, и язвы же вы! — Но все же побежал по дорожке, которая вела к дому Черрингтонов.

Дина развернула газету. Уолли Сэнфорд не сдался полиции. В газете было написано, что его по-прежнему разыскивают.

— Надеюсь, он все же в безопасности, — сказала она. — Надеюсь, ему ничто не угрожает... — Ее голос задрожал.

— Надеюсь, что он не лежит сейчас на дне какого-нибудь заброшенного бассейна, — чуть слышно прошептала Эйприл испуганным голосом. — Дина, если с ним что-нибудь случится, в этом будем виноваты мы!

— Не могли же мы связать его, чтобы он не убежал.

— Но если бы мы сказали полиции, где он, он сидел бы в тюрьме, где убийца не смог бы достать его.

— Послушай, Эйприл, мы пока не знаем, что с ним случилось. Может, он прячется где-нибудь. Не надо беспокоиться раньше времени. Нам еще надо приготовить праздничный завтрак.

Эйприл угрюмо кивнула, встала и начала накрывать на стол.

— Я все думаю — кто же этот парень? — неожиданно произнесла Дина.

Эйприл вздрогнула:

— Какой парень?

— Тот, который любил Бетти Лемо. Знаешь, во всей этой истории остался только один человек, чья роль мне совершенно непонятна. Руперт ван Деусен.

Эйприл молчала. Ее мучили точно такие же мысли.

— Мы должны хоть что-нибудь разузнать о нем, — продолжала Дина, тщательно размешивая муку, — прежде чем продолжать расследование.

— Мы не знаем, где он живет. Мы ничего о нем не знаем, — заметила Эйприл и мысленно добавила: "Мы даже не знаем его настоящего имени!"

— Мы найдем его, — изрекла Дина голосом, преисполненным уверенности.

— Дина, — решила, наконец, Эйприл. — Я должна тебе кое-что рассказать...

— Минуточку, — прервала ее Дина, — телефон звонит. Последи за сковородкой...

Эйприл сняла с огня сковороду и пошла за сестрой к телефону.

Послышался звон монет, которые кто-то бросал в автомат, а затем приглушенный знакомый голос:

— Это мисс Карстейрс?

— У телефона мисс Дина Карстейрс, — ответила удивленная Дина. — Кто...

— Это... это — ваш друг, — ответил голос. — Я беспокоюсь, что вы, должно быть, взволнованы моим исчезновением. Поэтому просто хочу сказать вам, что у меня все в порядке.

— Ох! — воскликнула Дина. — Это мистер... — Она вовремя спохватилась. — Где вы? Почему вы это сделали?

— Я нахожусь в безопасном месте. Никто меня не найдет. Я ушел, потому что... Мне кажется, я понял, что случилось. Не беспокойтесь обо мне.

— Подождите! — отчаянно заговорила Дина. — Подождите! Мы хотим вас кое о чем предупредить. Мы, кажется, тоже знаем, в чем дело. Это была месть. Наверное, он будет искать и вас. Потому что вы были в это замешаны. Вы понимаете, что и кого я имею в виду. Он... тот молодой человек, который любил ту девушку...

— О чем вы, черт побери, говорите?

— Послушайте, — пыталась объяснить Дина. — Мы нашли те бумаги, которые миссис... которые она прятала. Ну, вы знаете... Мы их перепрятали в безопасное место. Но мы их прочли и все знаем. Видели фотографию, на которой вы идете с... вы знаете, с кем... мы читали газетные вырезки.

— Пожалуйста, — взмолился он. — Пожалуйста! Я знаю, о чем вы подумали. Все было совсем не так. Ребята, я не хочу, чтобы вы так обо мне думали. Поверьте мне. Я абсолютно ни в чем не виноват и до последнего момента не подозревал, как подло меня использовали. Умоляю, поверьте мне!

— Мы верим вам, — быстро ответила Дина. — Мы действительно верим. Но тот человек... вы знаете, о ком я говорю... тот, который сделал все это с вашей женой и тем другим человеком... он не знает, что вы ни в чем не виноваты. Может быть, он не захочет вам поверить. Может, он не даст вам возможности сказать хотя бы одно слово в свое оправдание. Он вас просто... пожалуйста, будьте осторожны! Он так долго ждал, чтобы отомстить!

В трубке опять какое-то время не было ни звука. Затем прозвучал вопрос:

— О ком вы говорите?

— О том молодом человеке, который был влюблен в ту девушку.

— О, Боже! — Голос в трубке задрожал, словно от сдерживаемого истерического смеха. — Был только один молодой человек, который любил Бетти, — это я. — И трубку положили.

— Теперь мы, по крайней мере, знаем, что он — в безопасности, — облегченно вздохнула Эйприл. — На какое-то время... Что он сказал?

Дина повторила ей слова мистера Сэнфорда. Девочки ошеломленно смотрели друг на друга.

— Вот теперь я совершенно ничего не понимаю, — сказала Эйприл.

— Я — тоже, — призналась Дина. — Но по-прежнему считаю, что мы должны разобраться с Рупертом ван Деусеном. А что ты собиралась сказать мне перед тем, как позвонил телефон?

— Ничего особенного, — сконфуженно пробормотала Эйприл. — Ничего важного. Эй, мама вот-вот появится, а у нас еще полно работы.

— Знаешь что, давай сегодня накроем стол на веранде. Все-таки праздник. — предложила Дина. — А когда Арчи вернется с букетом...

В кухне и на веранде закипела работа. В самый ее разгар появился Арчи, который тащил один ящик гигантских размеров и другой — поменьше.

Эйприл открыла большой ящик и в восторге воскликнула:

— Дина! Посмотри! Сорт "Талисман"! Да это же лучшие ее розы! Целая охапка! Боже!

— Вот здорово, — обрадовалась Дина и принесла самую большую вазу, какую только смогла найти.

Тем временем Эйприл раскрыла второй ящик и опять вскрикнула. Она вытащила букетик, предназначенный для бутоньерки, и долго смотрела на него. Миниатюрные бутоны роз сорта "Дороти Перкинс", украшенные нежной, словно кружевной, зеленью папоротника и связанные бледно-голубой лентой.

— О, Господи, опять у тебя глаза на мокром месте! — фыркнула Дина. — Прекрати реветь!

— Никто здесь не ревет, — ответила Эйприл, жалобно шмыгая носом. — Маме это очень понравится. Дина, она не способна на убийство!

— Кто? Мама? — изумилась Дина.

— Да нет же! Миссис Черрингтон.

Когда Мэриан Карстейрс спустилась к завтраку, на столе уже красовался огромный букет. Электрическая вафельница была разогрета, а в кувшинчике подходило тесто. Из-под крышки разливался аппетитный запах жареного бекона, а кофеварка многообещающе и уютно булькала. Миниатюрный букетик из бутонов роз лежал на маминой тарелке. И нигде не было ни малейшего следа троицы юных Карстейрсов.

Мэриан Карстейрс быстро выбежала на залитую солнцем веранду и огляделась вокруг. Потом начала преувеличенно громким голосом разговаривать сама с собой о том, какие прекрасные — самые прекрасные на свете — у нее дети, какие красивые цветы, как замечательно пахнет завтрак и как она счастлива.

Они выскочили из-за шторы с громкими криками, облепили ее со всех сторон, и какое-то время маме грозила смерть от удушья. Потом Эйприл приколола к ее халатику розетку, Арчи еще раз наградил мокрым поцелуем в нос, а Дина принялась печь вафли.

Когда была израсходована последняя капля теста, а последняя крошка последней вафли была съедена, когда Арчи вылизал остатки сиропа из кувшинчика, Дина шепнула Эйприл:

— Иди ты!

Эйприл отрицательно помотала головой:

— Нет, лучше ты.

Тогда Дина приняла решение:

— Хорошо, идем вместе.

Они побежали в гостиную, подняли одну из диванных подушек и вытащили нарядно украшенный пакет, вернулись на веранду и торжественно водрузили его на стол перед мамой.

— Это мне? — удивилась Мэриан.

— Тебе-тебе, — подтвердила Эйприл. — Разве что ты сможешь найти в этом доме еще одну маму.

— Какая красивая открытка! — восхищалась мама. — Кто ее нарисовал?

— Цветы нарисовала Эйприл, — объяснила Дина, — а поздравление написала я. Ну же, распаковывай поскорее!

Они радостно смотрели, как мама медленно, даже чересчур медленно разворачивает бумагу. Сияя счастьем, вся троица впилась глазами в ее лицо, когда она сняла последний слой упаковочной бумаги.

КАК СПРАВЛЯТЬСЯ С ПОДРАСТАЮЩИМИ ДЕТЬМИ

Очерк психологии ребенка для родителей
Доктор философии Эльза Смиттон Парсонс

А на титульном листе было написано: "Милой мамочке от любящих детей — Дины, Эйприл и Арчи".

Мэриан Карстейрс громко вздохнула:

— Ах, какая прекрасная книга! Спасибо вам!

— Мы с Эйприл будем читать тебе вслух — по очереди, в день по главе. Мы подсчитали, что таким образом прочтем эту книгу за двадцать два дня, включая воскресенье.

— Прекрасная идея, — восхитилась Мэриан. Задумчиво посмотрела на название книги, потом — на дочерей. — Послушайте, это, случайно, не деликатная форма критики моих методов воспитания? — подозрительно спросила она.

— Да нет же, — сказала Дина. — Что ты, мама! Нам очень нравятся твои методы. Но мы подумали, что лучше на всякий случай...

— Ну что, тебе понравилась эта книжка? — допытывалась Дина.

— Она мне безумно нравится! — ответила Мэриан. — И от вас я просто без ума.

— И мы тоже от тебя без ума, — выпалила Эйприл.

— Я вас безумно люблю! — ответила мама, обнимая их обеих.

— Мы еще безумнее любим тебя! Мы тебя любим, как ненормальные! — воскликнула Дина. — А куда запропастился наш Арчи? — вдруг спросила она.

Со стороны ступенек, ведущих в подвал, послышались медленные, осторожные шаги. Потом на пороге возник Арчи, взлохмаченный, раскрасневшийся и с улыбкой до ушей. Он тащил перед собой огромный ящик. Внес его на веранду, поставил к ногам мамы и сказал:

— Вот!

Ящик был любовно приукрашен и щедро замотан в упаковочную бумагу, к тому же перевязан яркой лентой. На большом куске толстого картона крупно было выведено разноцветными мелками: "Маме. С любовью. Твой сын. Арчи." На глазах у изумленной публики ящик вдруг начал подпрыгивать. Эйприл тихо запищала и отпрыгнула в сторону.

Из ящика в ответ раздался слабый писк: "Мяу!"

— Ах, Арчи! — воскликнула мама.

— В общем, это... Котята кошки мамы Адмирала как раз подросли, и пора было их раздавать, так я выбрал двух самых красивых. Они уже приучены к порядку, и всякое такое... Ты же любишь котят.

— Я их обожаю!

— Они еще маленькие, поэтому едят совсем немного, — нахваливал Арчи котят.

В ответ ему из ящика опять послышалось: "Мяу!"

— Ох, Арчи! — восхищенно попросила Эйприл, — скорее открой ящик, я так хочу их увидеть!

— Сейчас, — пообещал Арчи. — Это же мамин подарок. Пусть его открывает мама.

Мама развязала ленточку и аккуратно сняла упаковочную бумагу. Ящик вздрагивал все сильнее. Наконец сняли крышку. Внутри стояла мисочка с молоком, блюдце с кошачьей едой, маленькая коробочка с песком. Среди всего этого бродили два котенка с озадаченными мордочками, один — черный, как смоль, а второй — белоснежный.

— Ах! — сказала мама. — Какие милые!

— Скорей возьми их на руки, — посоветовал Арчи. — Если взять их на руки, они еще и мурлыкать начинают.

Мама вытащила котят из ящика и посадила себе на колени. Они действительно замурлыкали, причем очень громко. Эйприл и Дина осторожно погладили их. Котята заурчали еще громче.

— Их зовут Черныш и Шустрик, — объявил Арчи.

Эйприл, которая в это время почесывала шейку Чернышу, обеспокоенно взглянула на брата:

— Вот только понравится ли все это Дженкинсу?

— Дженкинс уже с ними познакомился, — ответил Арчи. — Смотри!

Он выбежал во двор, поискал Дженкинса, обнаружил его, блаженно растянувшегося на скамейке, и притащил на веранду. Котята при виде страшного зверя застыли на коленях у Мэриан.

Дженкинс потянулся, зевнул и соорудил скучную морду. Потом сделал в сторону котят пару шагов и толкнул своим носом сначала Шустрика, потом Черныша.

— Вот видите? — обрадовался Арчи. — Они ему нравятся.

Дженкинс сел, облилиз левую переднюю лапу, потом уселся поудобнее, высоко посмотрел на котят, которые пару раз подпрыгнули, кувыркнулись и начали играть его хвостом. Он терпел это минуту или две, потом опять зевнул, продемонстрировав грозный ряд белых зубов, встал и медленно удалился.

— Самое главное, — опять напомнил Арчи, — что они маленькие и им нужно совсем немного еды. — И еще добавил торжественно: — Я надеюсь, ты их полюбишь.

— Я их уже люблю, — ответила мама. — Я их просто обожаю.

— А я безумно обожаю тебя, — просиял Арчи.

— А я обожаю тебя еще безумнее! — воскликнула мама.

— А я тебя обожаю еще безумнее, чем самый сумасшедший безумец! — выпалил Арчи.

Их безумный диалог продолжался в таком же тоне еще минут пять. Потом мама догадалась снять целлофан с сигаретной пачки, смяла его в шарик, привязала его на длинную нитку и этим нехитрым приспособлением заманила котят в гостиную. Троица юных Карстейрсов в восторге наблюдала за резвящимися котятками, которым очень понравилась новая игрушка. Щеки Мэриан разругались, глаза блеснули.

— Арчи! — выдохнула Эйприл. — Это была гениальная идея! — И обняла брата.

— Эй, прекрати! — защищался Арчи. — Я — мужчина, и когда вырасту — стану полицейским.

— Будь кем угодно, я тебя обожаю!

— Я тоже тебя обожаю, — ответил Арчи.

— Не вздумайте повторять этот номер на "бис", — прервала их Дина, — мои нервы этого не вынесут! Марш убирать посуду!

Посуда была убрана в мгновение ока. Остатки еды они спрятали в холодильник, со стола смели крошки, тарелки просто составили стопкой в раковине мойки. На потом. Все-таки праздник есть праздник.

Через пятнадцать минут вся дружная компания собралась в гостиной. В центре, на диване — мама, с темными волосами, которые красиво рассыпались по ее плечам, с нежным румянцем на щеках, так гармонировавшим с бутонами роз в бутоньерке. Эйприл и Арчи с двух сторон прижались к ней, любуясь котятками, во сне продолжавшими мурлыкать на ее коленях. Дина, сидя напротив на маленьком диванчике, громко и выразительно начала читать подаренную книгу.

Такая картина предстала перед глазами лейтенанта Смита, когда, перед тем, как позвонить в дверь, он взглянул через застекленную парадную дверь. Ему не хотелось нарушать эту идиллию, но он все равно позвонил.

Дина отложила в сторону книгу и побежала открывать дверь.

— Как хорошо, что вы пришли! Вы уже завтракали? Может быть, испечь парочку вафель?

— Спасибо, я только что позавтракал, — ответил Билл Смит. Втянув носом аппетитные запахи, которые все еще носились в воздухе, он пожалел, что соврал.

— Но чашечку кофе вы выпьете с нами? — гостеприимно предложила Мэриан.

— Ну... — пробормотал в ответ Билл. — Даже не знаю... — Он уже сидел в удобном кресле.

Дина и Эйприл подали кофе, сливки и сахар за рекордно короткое время.

— Я видел, вы что-то читали, — сказал Билл Смит, размешивая сахар в кофе. — Извините, что прервал вас...

— Дина читала вслух книгу, которую мы подарили маме на День Матери, — пояснил Арчи. — Мы решили читать по главе в день. Вот, смотрите. Дина и Эйприл выбрали эту книгу потому, что... — Тут ему пришлось умолкнуть, так как Эйприл слегка пнула его по ноге.

Билл Смит рассмотрел книгу, прочел название и дарственную надпись.

— Очень полезный подарок, — сказал он наконец.

— Я тоже так думаю, — вызывающе ответила Мэриан.

— А вот мой подарок, — сказал Арчи, показывая на Черныша и Шустрика. — Наклонитесь поближе, и вы услышите, как они мурлычут!

Билл Смит послушно наклонился и подтвердил, что они действительно мурлычут.

— Может, вы все-таки съедите хотя бы одну вафлю? — уговаривала Мэриан.

— Ладно, — сдался Билл. — Как жаль, что я позавтракал в отеле. Я обожаю домашние вафли и ненавижу ресторанные завтраки.

— Вы должны иметь жену и семью, — торжественно заявила Дина. — Причем жену, которая хорошо готовит.

Билл Смит слегка покраснел и откашлялся.

— Миссис Карстейрс, мне надо с вами кое о чем поговорить. Я знаю, что вы очень заняты, но...

Дина демонстративно взглянула на часы и преувеличенно испуганно воскликнула:

— Ах, уже поздно! Дети, скорее на кухню, нам еще надо столько посуды перемыть!

— Мы же собирались сделать это потом, — вырывался Арчи.

— Ничего подобного, — отрезала Дина. — Пойдем!

— Но ты же сама говорила... — запротестовал Арчи.

Дина послала ему убийственный взгляд.

— Пойдем! — и почти силой заволокла его на кухню.

Затем они на цыпочках вернулись через холл и затаились возле лестницы. Отсюда им было слышно каждое слово.

Смех мамы звучал мягко, музыкально и сердечно, так же, как и ее голос, когда она сказала:

— Это очень мило с вашей стороны, мистер Смит. Но я думаю, вы мне льстите, говоря эти комплименты.

Дина и Эйприл подмигнули друг другу.

— Поверьте каждому моему слову, — ответил Билл Смит.

— Ах, мистер Смит...

— Мне бы хотелось, чтобы вы называли меня по имени и на "ты". "Мистер Смит" звучит слишком официально! А в вас нет ни капельки официальности.

В ответ снова прозвенел смех Мэриан:

— Хорошо, Билл! Если я могу тебе чем-то помочь...

Его голос внезапно опять стал серьезным.

— Я говорю с вами откровенно, миссис Карстейрс, ситуация настолько запуталась...

— Можешь называть меня по имени, Билл. "Миссис Карстейрс" звучит слишком официально.

Оба дружно рассмеялись.

Троица юных Карстейрсов за углом, просияв, скрестила пальцы, чтобы не сглазить, и продолжала прислушиваться.

Глава 17

— Расскажи мне, — попросил Билл Смит, — что ты знаешь о похищении и убийстве Бетти Лемо?

Троица юных Карстейрсов в своем убежище под лестницей вздрогнула и превратилась в слух.

— Почему ты спрашиваешь об этом? — удивилась Мэриан.

— Потому что... — Смит запнулся. — Потому что я застрял в этом расследовании на мертвой точке. Окончательно застрял. Мэриан, если ты можешь помочь мне...

После долгого молчания ее голос очень тихо ответил:

— Я сделаю все, что смогу.

Дина и Эйприл взглянули друг на друга.

— Мы могли бы сейчас передать маме все найденные улики и удалиться со сцены, — прошептала Эйприл.

— Ты это о чем? — свистящим шепотом поинтересовался Арчи.

— Ш-ш-ш! — зашипела Дина. — Мы тебе потом скажем.

— Я уже думал, что все это дело — у меня на ладони, и все ясно, как день, — говорил Билл Смит. — Ревнивая жена, муж-донжуан, амбициозная актрисочка. И тут убивают человека по имени Фрэнк Рейли. Совсем рядом. Можно было подумать, что это — случайное стечение обстоятельств, но пуля, которая его убила, из того же пистолета, из которого застрелили миссис Сэнфорд. Кроме того, — продолжал Билл Смит, — Фрэнк Рейли оставил отпечатки пальцев на разных предметах в доме Сэнфордов. Он был замешан в деле Бетти Лемо, хотя и не смогли это доказать. Этим делом занималась одна умная журналистка, Мэриан Уорд, и я телеграфировал в Нью-Йорк, чтобы убедиться, что она известна и под именем Мэриан Карстейрс.

— Да, — сказала Мэриан, — я писала репортажи об этом деле. И однажды познакомилась с Бетти Лемо на каком-то приеме, незадолго до этой трагедии. Она была прелестна. Такая молодая, красивая, с какой-то особенно благородной внешностью. И при этом прекрасный бархатный голос. Я видела одно из ее выступлений. Бетти Лемо — это, разумеется, псевдоним, но никто не знал ее настоящего имени, даже после ее смерти оно осталось нераскрытым. У нее наверняка была семья, хорошая семья, которая выступления на сцене театра "Звездный свет" считала позором. Я думаю, это была небогатая семья. Потому что она радовалась, как ребенок, своим заработкам. Меха, духи, платья от самых дорогих портных — она ужасно радовалась тому, что вдруг стала звездой. А когда... все это случилось, на ее банковском счете не было ни цента.

— Кто же заплатил выкуп? — тихо спросил Билл Смит.

— Никто не знает. Театральный менеджер — мистер Эйбель — передал их похитителям, но это не были ни его деньги, ни деньги театра.

— А как с ним связаться?

— Разве что если займешься спиритизмом, — ответила Мэриан. — Потому что он умер, года два назад. Нет, никто его не убивал. Обыкновенный перитонит. Я тоже подозревала, что это убийство, но оказалось, что он просто слишком долго откладывал операцию. Я написала такие великолепные статьи, что это стоило мне работы. Мне очень нравилась Бетти Лемо. Я плакала, когда узнала, что гангстеры

прислали ее тело в гробу. Полиция арестовала Фрэнка Рейли. Его допрашивали, но из-за отсутствия доказательств отпустили. Потом все начали потихоньку забывать об этом деле. Я не забыла. Я самостоятельно разыскала второго подозреваемого. Весьма подозрительно вел себя так называемый ухажер Бетти — тот, кто выманил ее из театра в тот трагический вечер. Полиция вроде бы искала его, но без особого энтузиазма. Этого человека не нашли, не было ни его фотографии, ни хотя бы словесного описания.

Под лестницей Дина и Эйприл многозначительно переглянулись. Такая фотография существовала — она покоилась сейчас на дне корзины с грязным бельем.

— Полиция, — продолжала Мэриан, все больше волнуясь, — с ее вечной тупостью, так и не смогла найти похитителей-убийц. И я потеряла терпение и написала статью, в которой обвиняла полицию, причем совершенно справедливо, в равнодушии и бездеятельности. У вас есть еще какие-то вопросы, мистер Смит?

— Еще несколько, — ответил он. — А зовут меня Билл. Ты помнишь? Вопрос первый... Конечно, я мог бы выяснить это по телефону, позвонив в Нью-Йорк, но ты сможешь мне сэкономить массу сил и времени, если ответишь. Что случилось с телом Бетти Лемо?

— Я не знаю. После того, как патологоанатом осмотрел тело, его отправили в похоронную фирму, которая обычно обслуживала похороны актеров. Я пошла туда, потому что хотела написать репортаж с похорон Бетти Лемо. Но тело исчезло. Его украли. Похитили из похоронного бюро в Бруклине, куда оно было доставлено работниками фирмы. Примерно в два часа ночи подъехала машина, ночного сторожа связали и забрали тело Бетти Лемо и гроб. Полиция постаралась, чтобы дело спустили, так сказать, на тормозах. Я могла написать сенсационную статью, но меня к тому времени уже вышвырнули из редакции, обвинив в некомпетентности, а все нью-йоркские газеты опасались малейшего упоминания имени Бетти Лемо. У тебя есть ко мне еще какие-то вопросы?

— Много, — ответил Билл Смит. — В том числе и такой: кто убил миссис Сэнфорд и почему? У тебя есть какие-нибудь предположения на этот счет?

Мэриан немного помолчала перед тем, как ответить отрицательно.

— Фрэнка Райли убили в ее доме, — продолжал Билл Смит, — из того же pistolета, из которого была застрелена она. А вот то, что началось дальше — мне совершенно непонятно. И этот странный цветок, воткнутый в глаз портрета, и этот нож с надписью: "ОСТОРОЖНО!", и странное исчезновение мистера Сэнфорда, и еще многое другое. Но я должен найти убийцу миссис Сэнфорд. Пожалуйста, Мэриан, помоги мне!

— Если бы я знала или могла узнать, кто убил миссис Сэнфорд, — раздался холодный голос Мэриан, — я сохранила бы эту информацию при себе. Потому что, кто бы ее ни убил, он имел для этого веские причины. И я надеюсь, что полиция никогда не найдет этого человека.

Билл Смит резким движением опустил пустую чашку на стол и встал.

— Вечная ошибка всех женщин! Вы всегда поддаетесь эмоциям, не умеете мыслить объективно. Ты предпочитаешь видеть, как убийца миссис Сэнфорд разгуливает на свободе, только потому, что тебе не нравилась миссис Сэнфорд.

— Я совершенно не знала миссис Сэнфорд, — голос Мэриан стал совершенно ледяным. — Как же я могла ее недолюбливать? Но я просто знаю, что она была плохим человеком и заслужила смерть.

— Закон, как формальный, так и моральный, осуждает убийц.

— Ах, оставьте меня в покое с вашими законами! — воскликнула Мэриан, взяла котят на руки и тоже встала.

— Прошу извинить меня за беспокойство, миссис Карстейрс, — официально проговорил лейтенант Смит.

— Уверю вас, мистер Смит, вы совершенно не побеспокоили меня, — ответила Мэриан. — Наоборот, каждый раз с удовлетворением убеждаюсь в тупости полицейских властей.

О Он открыл дверь, но задержался на пороге.

— Кстати, вчера вечером я прочел одну из ваших книг. Если не ошибаюсь от-носительно названия — “Убийство в перчатках”.

— Я рада, что вам понравилась моя книга.

— Она мне ни капельки не понравилась. Сентиментальная дамская слезливая чепуха, полная смысловых провалов и неточностей, совершенная чепуха. — Он со злостью захлопнул за собой дверь.

Эйприл подтолкнула локтем сначала Дину, потом Арчи. Вся тройка осторожно взбежала на цыпочках по ступенькам в комнату девочек и потихоньку закрыла за собой дверь. Через минуту по этим ступенькам поднялась Мэриан. Ее щеки пылали, глаза лихорадочно блстели. Она решительным шагом вошла в свою комнату и с грохотом захлопнула дверь. Наступила тишина.

— Ох, Эйприл! — воскликнула Дина. — Боюсь, она сейчас расплчется. И это — в День Матери!

— Да ну, не станет она плакать! — возразил Арчи. — Не маленькая все-таки! — Но в его голосе звучала та же тревога.

— Тише! — ответила Эйприл. — Слушайте! И это вы называете плачем?

Они услышали характерный звук, который издает лист бумаги, когда его вкладывают в пишущую машинку, и щелчок валика. Потом раздался пулеметный стук клавишей. Первый лист бумаги был содран энергичным движением, его сменил новый. Стук возобновился, скорость все возрастала.

Дина с тихим восклицанием, пробежав через холл, приоткрыла дверь в мамину комнату. Мэриан сидела за столом, все еще в голубом халатике, с рассыпанными по плечам волосами и сверкающими глазами, и печатала на машинке. Котята сидели на столе, вытянув шеи, и с интересом, хотя и обеспокоенно, наблюдали за ней.

— Мама! — позвала Дина.

Стук машинки умолк. Сверкающие глаза взглянули на Дину.

— Я вне себя от злости, — сказала Мэриан Карстейрс. — Вот почему решила начать новую книгу!

Дина тактично прикрыла за собой дверь.

— Ничего не поделаешь, — вздохнула она. — Мы же не хотели на самом деле, чтобы нашим отчимом стал полицейский.

— Ты слишком легко сдаешься, — сердито возразила Эйприл. — Нет причины огорчаться. Поторопитесь! Может, он еще не успел далеко уйти.

На крыльце они приостановились, чтобы немного отдышаться и увидели Билла Смита, который в меланхолической задумчивости опирался на забор сада Сэнфордов.

Эйприл подбежала к нему.

— Ах, какое счастье, что я успела догнать вас! Послушайте, мама просила уз-нать, сможете ли вы прийти к нам на обед во вторник вечером. Она очень просит, и мы тоже.

— Что? — удивился Билл Смит. — Обед? Во вторник вечером? Но...

Бешеные пулеметные очереди пишущей машинки доносились до того места, где стоял Билл Смит в окружении детей.

— Мама не могла сама пригласить вас, потому что она очень занята, — объяснила Эйприл. — Даже здесь слышно, как она работает.

Билл Смит посмотрел в сторону окна, за которым трудилась Мэриан.

— Она так много работает, — прошептал он. — Слишком много. Ей нужен кто-то, кто бы о ней позаботился.

— У мамы есть мы, — оскорбленно заметила Дина.

— Разумеется... Но я имел в виду совершенно другое, — ответил Билл Смит, по-прежнему не отрывая взгляда от окна.

— Так вы сможете прийти во вторник? Скажем, в половине седьмого? — уточнила Эйприл.

— Ах, да, — очнулся Билл Смит. — С огромным удовольствием. Вторник, в половине седьмого. Скажите маме, что я чрезвычайно благодарен и приду с огромным удовольствием... Скажите ей... — запинался он, — скажите, что я буду во вторник, в половине седьмого. Спасибо... — он снова запнулся. — Вторник. Спасибо. До свидания, дети! — Он повернулся и пошел прочь, чуть не споткнувшись о куст роз.

Глава 18

Арчи ходил на кухню, принес оттуда мешочек яблок, и троица юных Карстейрсов уселась на ступеньках парадного крыльца, чтобы обсудить ситуацию.

— По мере того, как мы накапливаем информацию, дело становится все более запутанным, — огорченно констатировала Дина. — Возьмем, например, ту историю, которую мама рассказала лейтенанту Смити...

Эйприл вонзила зубы в яблоко и энергично закивала:

— Кому понадобилось похищать тело Бетти Лемо? Зачем?

— Мофет быть, это было фефественное докафательство? — с полным ртом высказал свою версию Арчи, прожевал наконец яблоко и ловко выплюнул яблочные семечки.

— Так ведь полиция проводила вскрытие, делала экспертизу и все такое, — заметила Эйприл. — И только после обследования тело разрешили похоронить.

— Мне вся эта история представляется так, — задумчиво произнесла Дина. — Тело похитил тот, кто ее любил. Человек, который убил миссис Сэнфорд и Фрэнка Райли, а теперь разыскивает мистера Сэнфорда.

— Он ее любил, — подхватила Эйприл, — но не мог сказать правду, пока не отомстил. Поэтому... где-то в безлюдном месте произошли тайные похороны — под покровом ночной темноты, и только луна, которая бледно светила над мрачными деревьями, была их свидетелем.... И с тех пор в каждое полнолуние...

— Эйприл! — жалобно пропищал Арчи. — Не надо!

— Как тебе не стыдно пугать младшего брата! — сурово оборвала сестру Дина. — И прекрати цитировать мамину первую книгу! Она сама говорит, что это — слабое произведение.

Эйприл возмущенно фыркнула.

— Раз ты такая умная, то сама придумай что-нибудь более убедительное. Мистер Сэнфорд сам сказал, что он был единственным человеком, который любил Бетти Лемо.

— Я это знаю, — ответила Дина. — Вот именно поэтому ничего не понимаю. — Она помолчала. — А, может быть, был кто-то, о ком Уолли Сэнфорд не знал?

— Если он любил ее, — возразила Эйприл, — то должен был знать.

Никто ничего ей не ответил. Троица некоторое время сидела молча и размышляла. Вдруг Арчи швырнул огрызок яблока в кусты и вскочил.

— Кто-то идет по ступенькам, — объявил он.

Дина инстинктивно поправила волосы, на случай, если это Пит. Эйприл так же инстинктивно поправила бант — на всякий случай.

Это был маленький мистер Холбрук. Взбираясь по ступенькам, он сопел и даже пару раз приостанавливался, чтобы перевести дух. На нем был строгий серый костюм, а темно-синий галстук старательно завязан. Бледное лицо выглядело усталым и озабоченным, но, несмотря на это, волосы — тщательно приглажены. В руке он держал черную кожаную папку, с которой, казалось, никогда не расставался. Эйприл подумала, что он, должно быть, не расстается с этой папкой и ночью.

Мистер Холбрук, пыхтя, вскарабкался на последнюю ступеньку.

— Доброе утро, дети. Дома ли ваша мама?

— Дома, — ответила Дина. — Но, к сожалению, она очень занята.

Мистер Холбрук вытащил из кармана чистый белый носовой платок.

— Да, я знаю, что ваша мама пишет книги. Я читал одну, изданную под псевдонимом Дж.Дж.Лэйн. Она мне очень понравилась. Но в этой книге есть кое-какие юридические неточности, которые хотелось бы обсудить с ней. Неужели нельзя попросить ее на минутку оторваться от работы?

— Мне ужасно жаль, но действительно нельзя, — ответила Дина. Но, посмотрев на него, добавила: — Ужасная жара, не так ли? Может быть, вы зайдете к нам и выпьете кока-колы или чаю со льдом?

— Спасибо, — поблагодарил ее мистер Холбрук. — Спасибо, я охотно выпил бы чего-нибудь. Сегодня действительно ужасно жарко. А ступеньки очень уж крутые.

Дети провели его в гостиную. Он расселся в самом удобном кресле, и вид у него при этом был такой, словно он намеревается разуться. Драгоценную папку мистер Холбрук положил себе на колени.

— Если можно, стакан воды, — попросил он.

— Ну, вот еще, — ответила Дина. — Я принесу вам лимонад. В такой жаркий день лимонад утоляет жажду намного лучше, чем вода. — И она убежала на кухню.

Вернулась Дина с лимонадом в самом большом стакане, который ей удалось разыскать.

— Я не стала класть туда лед, — сказала она, — просто налила очень холодную воду. Из-за льда вы могли бы простудить горло.

— Спасибо, — поблагодарил он. — Очень мило с вашей стороны. — Гость отпил глоток лимонада, прикрыл глаза и снова поинтересовался: — Вы абсолютно уверены, что ваша мама действительно так занята, что мы не можем ее побеспокоить?

— К сожалению, мы действительно не можем отвлекать ее от работы, — ответила Эйприл. — Но, быть может, мы могли бы помочь чем-то еще?

— Я думал... Я хотел... Это для меня действительно очень важно... — запинаясь, произнес мистер Холбрук. Он выглядел немного испуганным и очень несчастным. — Знаете, раз вы живете по соседству... Я заметил, что этот лейтенант полиции, этот Билл Смит, пару раз заходил к вам. Я подумал, что, быть может, он упоминал в разговоре с вашей мамой...

— Ах да, лейтенант иногда заходит к нам, — серьезно проговорила Эйприл. — Потому что мы, знаете ли, важные свидетели. Мы слышали выстрелы.

— Вы — что? Ах да, конечно! Но я... имел в виду не совсем это... Может быть, в разговоре с миссис Карстейрс Смит упоминал что-нибудь о расследовании...

— В последнее время мама была очень занята, — ответила Эйприл, — но лейтенант нам полностью доверяет. Мы знаем о расследовании все.

Адвокат откашлялся.

— Ответьте мне, дитя мое...

Эйприл слегка вздрогнула.

— Да, я вас слушаю...

— Не знаете ли вы случайно, не нашла ли полиция во время обыска каких-то личных бумаг миссис Сэнфорд?

— А почему вы об этом спрашиваете?

— Потому что... — Он запнулся. — Я был поверенным в делах миссис Сэнфорд. Ее личные бумаги должны попасть в мои руки. К сожалению, полиция имеет на этот счет другое мнение. Похоже, миссис Сэнфорд спрятала эти бумаги.

— Ах! — воскликнула Эйприл, взглянула на него и невинно спросила: — А вы где искали?

Он кивнул в ответ.

— Везде, где только смог. Где, как я думал, смогу что-то найти. — Тут он спохватился и поспешно добавил: — Как юрист, понимаете ли... у меня есть определенные обязательства перед памятью моей покойной клиентки... — Он допил остатки лимонада, оставил стакан, вытащил аккуратно сложенный платок и вытер лицо.

— А как вам удалось попасть на виллу? — поинтересовался Арчи.

— Так уж случилось в пятницу вечером, — ответил мистер Холбрук, — что поблизости начался пожар, и это отвлекло полицию. Я случайно как раз оказался поблизости... — Он прервался и закончил официальным тоном: — Я вовсе не имел намерений нарушать закон. Я считал своей обязанностью вмешаться в расследование, как адвокат покойной. Полиция отказала мне в сотрудничестве...

— И вам не удалось ничего найти? — спросила Дина.

— Ничего, — ответил он. — Абсолютно ничего.

— Даже никакой жертвы убийства, лежащей на полу? — уточнила Эйприл. Мистер Холбрук спрятал платок в карман и вытаращил на нее глаза.

— Дитя мое, это — не тема для шуток!

— У моей младшей сестренки странноватое чувство юмора, — поспешно объяснила Дина, стараясь казаться взрослее. — Если это вас успокоит, могу сказать, что полиция не нашла никаких личных бумаг миссис Сэнфорд.

— Тогда... — адвокат взглянул на нее. — Вы уверены в этом?

— Абсолютно уверена, — подтвердила Дина.

Мистер Холбрук облегченно вздохнул.

— В таком случае эти бумаги все еще находятся в доме. И полиция в любой момент может обнаружить их. — Его лицо снова стало огорченным.

— Если они все еще остаются в доме, — заметила Дина.

— Что вы имеете в виду? — удивленно взглянул на нее мистер Холбрук.

— Миссис Сэнфорд могла иметь среди своих бумаг документы, способные скомпрометировать некоторых людей. Надеюсь, вы меня понимаете. И вот эта особа, — мы не знаем, мужчина это или женщина, — тайком прокралась в дом Сэнфордов, нашла эти бумаги и уничтожила их. Если так в самом деле было, этот человек должен был все вынести из виллы, потому что полиция охраняла дом и он не мог рассмотреть эти бумаги на месте. Он был вынужден сжечь все бумаги, потому что, если бы уничтожил только те, что были связаны с ним, подозрение упало бы на него. Вы понимаете?

— Вы очень умны, дитя мое. — Мистер Холбрук встал, сделал пару шагов в сторону двери, вытащил платок, вытер им лоб, снова аккуратно сложил его и спрятал в карман. — Большое спасибо за лимонад. Он великолепно освежает.

— Не за что, — вежливо ответила Дина.

Они проводили гостя на крыльцо. Здесь он приостановился, по прежнему сжимая папку в руке, и взглянул в сторону виллы Сэнфордов.

— Если бы я только мог быть уверен, — вздохнул он.

— Попробуйте еще раз обыскать дом, — посоветовала Эйприл.

— А полиция? Они совсем не хотят пойти мне навстречу. Дом — под постоянной охраной. Ничего не поделаешь...

— На северной стене дома есть решетка, по которой вьется виноград, — сказала Эйприл. — По ней легко взобраться на навес над крыльцом и открыть окно в холл.

— В самом деле? — удивился мистер Холбрук и тут же нахмурился: — Надеюсь, дитя мое, ты не советуешь мне тайком вскарабкаться по этой решетке и забраться в дом покойной миссис Сэнфорд? Это было бы грубым нарушением закона!

— Разумеется! — признала Эйприл. — Это было бы противозаконно!

— Вот именно, — кивнул головой адвокат Холбрук. — Еще раз благодарю за лимонад. До свидания!

Проводив адвоката, Эйприл торжественно произнесла:

— Раз мы продолжаем оставаться одной командой, я предлагаю заскочить к Люку и проверить, даст ли он нам в кредит по стакану солодового сиропа. После завтрака прошел всего лишь час, а мне кажется, что это было так давно!

— Ура! — радостно завопил Арчи и кубарем скатился по ступенькам.

...Спустя примерно час дружная троица слегка отяжелевшей походкой возвращалась домой. Доверие Люка измерялось двумя порциями сиропа на каждого, пакетом земляных орешков и тремя огромными леденцами. В магазинчике напротив заведения Люка им дали в кредит кисть винограда, пакет слив, три персика и пачку жевательной резинки.

Внезапно из-за холмов послышался свист. Арчи остановился, прислушался и протяжно просвистел в ответ.

— Это "банда", — объяснил он сестрам. — Я скоро вернусь. — И скрылся за холмами.

Подходя к своему дому, девочки увидели у въезда во двор Руперта ван Деусена, сидящего в машине.

Эйприл оцепенела. Если они вместе подойдут к машине, и молодой человек, который выдает себя за Руперта ван Деусена, начнет с ними разговаривать, — она влипла! Ох, какая жалость, что она раньше не рассказала Дине обо всей этой истории! Но сожалеть было уже поздно.

— Дина, — произнесла она. — Знаешь ли... Я вот думаю... Может быть...

— Перестань заикаться, — потребовала Дина, — и скажи, наконец, что ты там надумала. В чем дело?

— В мистере Дегранже, — ответила Эйприл. — Я почему-то его вспомнила. Мы же видели, как он пошел к океану с мольбертом. Очень подозрительный тип. Я думаю, тебе надо пойти за ним и завязать разговор.

— Мне? — удивилась Дина. — Почему?

— Ну, ты же знаешь, какую информацию о нем раздобыла миссис Сэнфорд. У него были веские причины убить ее. И если она поделилась своей информацией с Райли, у мистера Дегранжа был достаточно серьезный мотив, чтобы убить и его.

— Понятно, — согласилась Дина. — Но почему именно я должна его расспрашивать?

— Потому что он к тебе очень хорошо относится, — продолжала убеждать старшую сестру Эйприл.

— Ну, ладно, — с сомнением в голосе согласилась Дина. — Но о чем я должна с ним разговаривать?

— Боже мой, — сказала Эйприл, — да ни о чем особенном! Просто умело подведи разговор к загадке убийства миссис Сэнфорд и постарайся, чтобы он разговорился, а ты будешь только слушать и слово в слово запоминать, что он говорит.

— Но... почему ты не хочешь пойти со мной, Эйприл? Я понятия не имею, как заводить эти самые непринужденные беседы...

— Мне незачем идти с тобой, — настаивала Эйприл. — Это расследование — работа для одного человека. В конце концов, теперь — твоя очередь. Я расспрашивала миссис и мистера Черрингтон, Арчи исследовал происхождение пули. Пора и тебе заняться делом. Ты что, боишься?

— Не говори глупостей, — сурово отрезала Дина, повернулась и пошла вниз по улице в сторону побережья.

Эйприл подождала, пока сестра не отошла на достаточное расстояние, и только тогда двинулась вперед медленным и демонстративным небрежным шагом.

Человек, который сидел в машине, мог быть убийцей миссис Сэнфорд и Фрэнка Райли. И как знать, не планировал ли он следующие убийства, чтобы скрыть следы? Может, у него под рукой револьвер, и достаточно лишь одного движения, чтобы выхватить его, когда Эйприл окажется достаточно близко.

Еще можно повернуть обратно и убежать. Еще можно позвать Дину. Еще можно просто закричать, позвать на помощь.

Но в таком случае она никогда и ничего не узнает об этом человеке!

Она поднималась по холму, стараясь не смотреть на машину и пытаясь небрежно насвистывать.

При виде ее Руперт вышел из машины.

— Привет! Я приехал сюда специально, чтобы увидеться с тобой. По некоторым вполне понятным причинам я не стал звонить в дверь вашего дома, поэтому припарковался здесь и ждал, пока ты появишься.

— Очень мило с вашей стороны, — ответила Эйприл в напрасной надежде на то, что ее голос звучит уверенно. — Так это вы — Руперт ван Деусен?

— Точно, — подтвердил он и широко улыбнулся. — А ты — конфиденциальный свидетель, то есть надежный источник? Надеюсь, мы станем друзьями!

Глава 19

Пьер Дегранж отложил кисть и серьезно взглянул на свою юную собеседницу:

— Тебя что-то беспокоит, не так ли?

— Нет, — возразила Дина. — Ничто меня не беспокоит. Только скажите, пожалуйста, почему вы всегда рисуете один лишь океан?

Он задумчиво смотрел на полотно.

— А почему ты рисуешь дома, людей, лошадей?

— Ну, потому, — ответила Дина, — что мне нравятся дома, люди и лошади.

— Вот то-то и оно. А мне нравится океан.

— Мистер Дегранж... — не выдержала Дина.

Он положил кисть, обернулся к ней, и голос его прозвучал почти резко:

— Да, дитя мое? Что тебе нужно?

— Это вы убили миссис Сэнфорд за то, что она узнала, что ваше настоящее имя — не Пьер Дегранж, а Арманд фон Хене?

Дина сразу поняла, что натворила. Но это были единственные слова, которые пришли ей на ум.

Онемевший Пьер Дегранж уставился на нее, а потом принялся медленно и методично собирать свои краски и кисти и складывать мольберт.

— Пожалуйста, — тихонько прошептала Дина слабым голоском, — пожалуйста, не делайте этого. Никто, кроме нас, об этом не знает, а мы абсолютно никому ничего не скажем, потому что нам все равно, как вас зовут — Арманд фон Хене или иначе. Мама сказала, что миссис Сэнфорд была очень плохой женщиной, так что даже если вы убили ее, могу дать честное слово, что мы вас не выдадим.

Коробка с красками выпала из рук художника. Он скорчился от смеха.
— О, Боже! — рыдал он. — О, Господи!

Вдруг Дина тоже начала смеяться, сначала несмело, потом все громче.
— Что за дурацкая история! — воскликнула она, когда ей удалось отдышаться.
— Но... О, Боже!

Они взглянули друг на друга и снова залились смехом.
Наконец он успокоился, вытер глаза большим пестрым платком, шумно высморкался и вытащил из кармана трубку.

— Так значит, я похож на убийцу.
— Нет, совершенно не похожи, — возразила Дина.
— Дина, дитя мое, — сказал он, — дело есть очень сложный...
— Да перестаньте вы мучиться с притворным акцентом, — посоветовала Дина. — Я заметила, что вы можете говорить безо всякого акцента. Будьте совершенно спокойны, я вас не выдам.

— Надеюсь, — ответил он. — Потому что ситуация сложилась серьезная. Скажи мне, почему ты подумала, будто...

— Ну, если вы на самом деле Арманд фон Хене, — пояснила Дина, — а миссис Сэнфорд хранила эти письма... Она вас шантажировала, пока не вытянула из вас все деньги, вырученные от продажи драгоценностей...

— Дина, — прервал он ее, — где вы нашли эти письма, и где они теперь находятся?

— Я... Я не могу сказать. Это не только моя тайна. Мы с Эйприл и Арчи поклялись никому и ничего не говорить.

— Тебе лучше поделиться этим секретом со мной, — настаивал он, — если хочешь услышать об Арманде фон Хене.

— Но я не могу, — отчаянно защищалась она. — Вдруг вы проговоритесь перед полицейскими, или перед нашей мамой, или перед кем-нибудь еще. — Она задумчиво взглянула на него. Он вызывал у нее доверие. — Хорошо, я расскажу вам. Все началось с того, что мы хотели, чтобы наша мама раскрыла загадку убийства миссис Сэнфорд. Это стало бы прекрасной рекламой, и тогда бы ей не пришлось так много работать. Поэтому мы пробрались в дом миссис Сэнфорд и нашли письма. Вот и все, — закончила она, решив умолчать о некоторых подробностях этой истории.

— Вы обыскали весь дом и нашли бумаги? — недоверчиво переспросил он.
— Ну да, — кивнула Дина. — Это было довольно легко.
— Несомненно. А где сейчас эти бумаги?
— Они... Они больше никогда не увидят дневного света!

Он внимательно взглянул в ее лицо, понял, что она говорит правду, и облегченно воскликнул:

— Слава Богу!
— А сейчас, — сказала Дина, — объясните мне, пожалуйста, историю Арманды фон Хене.

— Хорошо, — ответил он. — На самом деле я не Пьер Дегранж, и тем более не Арманд фон Хене. Зовут меня обыкновенно — Питер Десмонд, я родился в Кливленде, штат Огайо. Мой отец работал в консульстве, и поэтому возил меня за собой по всему свету. Я ходил в школу в Англии, Франции, Швейцарии, Италии, даже в Персии. Но Арманд фон Хене существовал на самом деле. Тот самый, о котором упоминалось в письмах. Он, как и я, жил в Париже и давно умер. Было решено, что я должен взять его фамилию и въехать в эту страну под видом беглеца, который спасается от гестапо. Арманд фон Хене, приехав в Соединенные Штаты, наверняка бы взял другую фамилию, так я и сделал. Я решил назваться Пьером Дегранжем, чтобы не менять инициалы на портсигаре — последнем подарке моей матери.

Дина вдруг припомнила, как ведут себя в подобных случаях детективы из маминых книг.

— Кстати, не будете ли вы так любезны, — сурово потребовала она, — подробно рассказать мне, где вы находились в среду после обеда, когда была убита миссис Сэнфорд?

Он с улыбкой смотрел на нее.

— Я находился в это время здесь, на пляже, на глазах сотен людей. День выдался такой теплый и приятный, что я разложил одеяло и хорошенько вздремнул на песочке. — Он встал и принялся снова устанавливать свой мольберт. — Освещение все еще неплохое, пожалуй, можно порисовать.

Дина облегченно вздохнула.

— Как я рада, что это не вы убили ее, — призналась она. — Но мне все же хотелось бы узнать, кто это сделал.

— Оставь лучше решение этой проблемы полиции, — посоветовал он, открывая коробку с красками. — У них есть опыт ведения подобных дел. А ты, в твоем возрасте, должна думать о других вещах.

Дина ничего не ответила на это замечание, просто проговорила:

— До свидания! Мне пора возвращаться домой — надо готовить обед. Спасибо вам!

— Всегда готов оказать услугу, — проронил он, приглядываясь к картине. — И помни: никому — ни одного словечка!

Глава 20

— Теперь мы можем говорить совершенно откровенно, — сказал симпатичный, загорелый молодой человек, — потому что мы — друзья!

— Чистой воды оптический обман, — высокомерно отрезала Эйприл. — Я еще никогда в жизни не чувствовала себя настроенной менее дружелюбно.

Он печально покачал головой.

— Н-да... А ведь между нами так много общего! Не ожидал я от вас такого, мисс Надежный Свидетель!

Эйприл смерила его холодным взглядом.

— Разрешите узнать, каким образом вам удалось узнать, что надежный свидетель — это я?

— Ага, все же любопытство сильнее осторожности! — обрадовался он. — Если хочешь знать, случилось так, что я встретил репортера, написавшего эту статью, и спросил его: "Кто же этот надежный свидетель?" А он описал тебя.

— Очень приятно было с вами познакомиться, но сейчас, прошу прощения, я спешу... — Эйприл надеялась, что ее слова звучали достаточно достойно, чтобы вызвать у него неловкость.

— Ну, уж нет, я не отпущу тебя, пока не ответишь на вопрос, который меня мучает, — заявил он.

— Слушаю вас.

— Где ты нашла это прекрасное имя — Руперт ван Деусен?

— А почему вы воспользовались этим именем? — вопросом на вопрос ответила Эйприл.

— По некоторым серьезным причинам я хотел узнать, что на самом деле случилось в вилле Сэнфордов. И эти причины по-прежнему остаются для меня важными, и я все еще хочу узнать правду. Послушай, у меня железное алиби. Я не мог убить миссис Сэнфорд. Я — не полицейский и не репортер, а всего лишь автор трехсортных сценариев, и притом нахожусь в отпуске.

Эйприл критически взглянула на него и поинтересовалась:

— И какие же фильмы сняты по вашим сценариям?

— Последний — “Мумия в маске”. Ты его видела?

— Видела, — ответила Эйприл. — Чепуха ужасная. Ну, так что же вы хотели узнать, мистер... ван Деусен?

Его загорелое лицо приобрело необыкновенно серьезное выражение.

— Послушай-ка, детка. Ты, твоя сестра и брат были почти свидетелями убийства. Вы слышали выстрелы, установили время убийства.

— Дина как раз пошла на кухню посмотреть, не пора ли ставить кастрюлю с картошкой на огонь... — завела Эйприл знакомую песню.

Молодой человек застонал:

— Я слышал это уже сто раз, эта ваша картошка уже в горле у меня стоит. Я обо всем читал в газете. Вы тогда видели Полли... ту девушку, которая обнаружила труп. Ведь так?

— Ах, вы имеете в виду Полли Уокер! — воскликнула Эйприл. — Да, мы ее видели. Мы были там, когда она обнаружила тело убитой.

— Вы были там?

— Ну, — уточнила она, — мы были поблизости. И видели все через окно.

— Расскажи, как она себя вела? Какотреагировала? Ты виделась с ней потом? Видела ли ты ее на вилле Сэнфордов раньше? Не приезжала ли она туда, когда... миссис Сэнфорд не было дома?

Эйприл широко распахнула глаза. Молодой человек казался испуганным, даже отчаявшимся. Эйприл облокотилась на машину и с улыбкой проговорила:

— Можете снять этот парик. Я узнала вас, вы — Клив!

— Да, — машинально подтвердил он, — Клив Кэллаган. Как ты угадала мое имя?

— На этой самой улице Полли Уокер, сидя в своем сером автомобиле, плакала, как ребенок, и говорила: “Клив! Клив!”

Он схватил ее за руку.

— Ты уверена? Это очень важно!

— Конечно, уверена, — сердито ответила Эйприл. — Среди детей миссис Карстейрс нет ни одного глухого.

— Если бы я мог в это поверить... — пробормотал он. — Если бы я мог... Но... этот Уоллес Сэнфорд...

— Прекратите бормотать себе под нос, — сердито прервала его Эйприл. — Так, значит, вы любите Полли Уокер?

— Люблю ли я... — он запнулся и взглянул на Эйприл.

— Если да, — то вам надо действовать энергичнее. Потому что она вас тоже любит.

— Но ты знаешь не все, — возразил он, — ведь этот Уоллес Сэнфорд...

— Да забудьте же вы хоть на минуту о существовании Уоллеса Сэнфорда! — гневно фыркнула Эйприл. — И послушайте меня. Теперь я понимаю, почему вы воспылали этой историей о Руперте ван Деусене.

— Нет, этого ты не можешь понять, — произнес он. — Откуда тебе знать?

— Женская интуиция, — пояснила Эйприл, надеясь поразить его. — А если бы Полли Уокер убила миссис Сэнфорд, что бы вы тогда сделали?

— Конечно же, защищал бы ее, — грустно проговорил он.

Эйприл кивнула.

— Вот именно. Вы искали бы любую возможность как-то вмешаться в расследование, делали бы все возможное, чтобы помешать полиции узнать, что это сделала она. Вы разнюхивали бы новую информацию, расспрашивали людей, пытались бы пробраться на виллу, чтобы убедиться, что там нет никаких компрометирующих Полли улик. И более того, вы делали бы все это так, чтобы она ни о чем даже не могла догадаться. И с тех пор, как вы подумали, что это она застрелила миссис Сэнфорд... Есть ли у Полли Уокер пистолет?

Он молча кивнул.

— Какой? Это очень важно!

— Двадцать второго калибра.

Эйприл облегченно вздохнула:

— А миссис Сэнфорд была убита из пистолета сорок пятого калибра.

Он не сводил с нее глаз:

— Ты уверена?

— Абсолютно уверена, — отрезала Эйприл. — Мы знаем это от полицейских. А вам надо поговорить с ней.

— Я пробовал, но она не хочет меня видеть. Она не отвечает, когда я звоню. Я посылал ей письма и даже телеграммы — они возвращаются нераспечатанными.

— А ведь вы не похожи на рохлю, — укорила его Эйприл. — Сейчас послушайте меня. — Она открыла дверцу автомобиля, села в машину и следующие пятнадцать минут консультировала его, как себя вести.

В конце разговора он спросил с улыбкой:

— Скажи-ка, неужели все дети твоей мамы такие гениальные?

— Более-менее, — небрежно бросила Эйприл. — Раз уж речь зашла о детях моей мамы, хочу заметить, что как раз приближается Дина. Пойду ей навстречу, если вы не против. А вам лучше побыстрее смыться отсюда. Потому что я умею хранить чужие тайны, а вот Дина — нет.

Он открыл перед ней дверцу, а когда она вышла из машины, резко рванул с места, весело помахал рукой и исчез за поворотом. Эйприл медленными шагами задумчиво шла навстречу Дине. Ее лицо сияло, когда она, поравнявшись с сестрой, воскликнула: "Любовь — как это все-таки прекрасно!"

Дина вытаращила глаза:

— Что ты говоришь? В кого ты влюбилась?

— Ни в кого, — ответила Эйприл. — Но он — влюблен, и еще как сильно! Руперт ван Деусен!

— Господи, ты что, с ума сошла? — взорвалась Дина. — Мы же сегодня утром во всем разобрались. Ведь Бетти Лемо убита.

— Он, наверное, ни разу в жизни не слышал о Бетти Лемо, — мечтательно произнесла Эйприл. — Он влюблен в Полли Уокер. Его настоящее имя — Клив Кэллаган. Он — сценарист и любит Полли Уокер. Я готова поспорить на что угодно — ему удастся добиться ее любви.

— Клив? — озадаченно повторила Дина. — Ах, да... Но при чем здесь Руперт ван Деусен?

Эйприл глубоко вздохнула.

— Случилось так, что некто, желая ввести полицию в заблуждение, придумал историю о Руперте ван Деусене. На самом деле никакого Руперта ван Деусена не существует. Этот некто, видимо, нашел такую странную фамилию в какой-то книжке или еще где-нибудь... Ну, а парень, влюбленный в Полли Уокер, выдал себя за Руперта ван Деусена, чтобы проникнуть сюда и провести собственное расследование. Тоже мне, детектив-любитель! Потому что он боялся, что она могла убить миссис Сэнфорд, и хотел защитить ее. Но сейчас он знает, что она этого не делала, и все в порядке, так что они, наверное, скоро поженятся. — Эйприл решила, что этой информации вполне достаточно для старшей сестры.

— Вот здорово! — восхитилась Дина.

— Пойдем купим несколько бутылок кока-колы, — предложила Эйприл. — А по дороге ты мне расскажешь, как прошел разговор с мистером Дегранжем.

— Дело было так... — начала Дина.

Дина любила все описывать в мельчайших деталях, так что они прошли два квартала до магазина, купили кока-колу и уже почти были у дома, когда она дошла до выходов, к которым пришла, расставшись на берегу с Пьером Дегранжем, то есть Армандом фон Хене, то есть Питером Десмондом.

Эйприл от возмущения даже подпрыгнула.

— Дина! Да это же полный бред! Как ты могла купиться на такую дешевую историю?

— Сейчас это действительно звучит как бред, — покорно признала Дина. — Но когда он говорил об этом, все казалось очень правдоподобным.

— Надо рассказать маме. Пусть сообщит в полицию. Она поможет поймать шпиона и таким образом прославится.

— Это было бы неплохо, — согласилась Эйприл. — Но знаешь, что? Мы расскажем ей только историю мистера Дегранжа. Обо всем остальном — ни слова.

Они некоторое время прислушивались. Пишущая машинка на втором этаже быстро стрекотала, ни на секунду не прерываясь.

— Я сделаю чай со льдом, — предложила Дина, — и занесем ей.

Через несколько минут они поднялись по ступенькам с живописно оформленным подносом, на котором красовались чашка с чаем и пирожные. Эйприл постучала в дверь и открыла ее, Дина вошла с подносом. Мама перестала стучать по клавишам и взглянула на дочек.

— Как это мило с вашей стороны! — весело сказала она. На ней по-прежнему был халат, взлохмаченные волосы торчали во все стороны. — Мне как раз захотелось перекусить.

— Не забудь, — строго напомнила Дина, — что вчера ты закончила книгу, а завтра должна пойти к парикмахеру и на маникюр.

— И к косметологу тоже, — подхватила Эйприл.

— Я помню об этом, — кротко ответила мама. — Я просто хотела записать парочку идей для новой книги, пока они не вылетели из головы. — Она отхлебнула чаю со льдом и восхитилась: — Как вкусно! — Взяла пирожное и, не переставая жевать, взглянула на последнюю исписанную страницу, лежащую на столе, потом на страницу в пишущей машинке и допечтала несколько слов.

— Послушай, мама, — начала Дина. — Этот мистер Дегранж, художник, вовсе никакой не художник, а шпион. И его имя вообще не Дегранж, на самом деле его зовут Арманд фон Хене, а притворяется он Питером Десмондом, но это наверня-

ка неправда. — Девочка глубоко вдохнула и воскликнула: — Так что пора звонить в полицию и сообщать, что он — шпион!

— Разумеется, — покорно согласилась мама. — Сейчас, дорогая. — Она густо запечатала на странице два слова, которые ей не понравились, и на их место вставила три других.

— Он сказал мне, что он — тайный агент, но я ему больше не верю, — продолжала Дина, — потому что по всему побережью расставлены посты, а в среду было слишком холодно и сыро, чтобы купаться.

— Совершенно верно, — отозвалась мама, — купаться можно только при солнечной, теплой погоде. — Она вытащила страничку из пишущей машинки и добавила: — И вообще лучше было бы, если бы вы купались в бассейне при клубе.

— Мама! — продолжала звать Дина. — Надо немедленно что-то делать! Звони в ФБР!

Мама вставила в машинку новую страницу и выстукала на ней номер 11.

— Я внимательно слушаю тебя, моя дорогая! — задушевно произнесла она, порылась в рукописи и принялась читать вынутую из стопки третью страницу.

— Может быть, он именно в эту минуту топит корабль! — волновалась Дина.

Мама улыбнулась дочери и попросила:

— Мы поговорим об этом позже. Хорошо, девочки?

Эйприл безнадежно вздохнула.

— Ладно уж. Извини за беспокойство, мама.

— Ничего страшного, — отозвалась Мэриан. — Спасибо за чай. Если не ошибаюсь, вы спрашивали разрешения пойти на пляж и посмотреть, как мистер Дегранж рисует океан? Прекрасная идея!

— Нет, мы не пойдем, мы уже передумали, — ответила Эйприл.

В холле первой заговорила Дина.

— Она не слышала ни единого слова из всего того, что мы ей сказали.

— У нее прилив вдохновения, — пояснила Эйприл. — Ей лучше не мешать. Ничего не поделаешь, надо все сделать самим. Давай позвоним лейтенанту Смуту.

Когда они дозвонились до Билла, тот встревожился:

— Все ли в порядке? Надеюсь, ничего не случилось? Может, ваша мама...

— Пока ничего не случилось, — ответила Эйприл. — Но мы опасаемся, что может случиться. Поэтому и звоним вам. Послушайте...

Она начала рассказывать историю о мистере Дегранже, то есть Арманде фон Хене, то есть Питере Десмонде, разумеется, старательно избегая скользких моментов. Примерно на половине рассказа Билл Смит прервал ее:

— Подожди-ка минутку, я должен все записать.

Она начала рассказывать все сначала. Как они с Диной узнали, что Пьер Дегранж на самом деле Арманд фон Хене. Подробно изложила историю, которую рассказал он, а в конце Эйприл добавила, что они с Диной обо всем этом думают.

— Ты — гений! — восхитился Билл Смит. — Скажи-ка мне вот еще что. Откуда вы узнали, что настоящее имя Пьера Дегранжа — Арманд фон Хене?

Это был самый скользкий вопрос во всем деле! Эйприл ответила решительно, но осторожно.

— От миссис Сэнфорд. — Таким образом ей удалось, не солгав, сказать почти полную правду.

— А как она узнала об этом?

— Не знаю, — ответила Эйприл. — А она уже никогда и никому ни о чем не расскажет.

— Здорово ты все это проделала, — похвалила сестру Дина, когда Эйприл положила трубку.

— Пустяки, — небрежно заметила Эйприл. — Давай-ка сделаем парочку сэндвичей, что-то есть захотелось.

— Мне тоже, — согласилась Дина. — Съедем по сэндвичу, а потом займемся цыплятами на обед.

В этот момент в кухню ворвался Арчи. Он задышался, был весь красный и перепачканный.

— Эй, знаете, что?

— Мы много чего знаем, — ответила Эйприл, — но не знаем, что именно ты имеешь в виду.

— Дина получила подарок.

— Какой подарок? — изумилась Дина.

— Подарок. Стоит на кухонном крыльце, завернутый в коричневую бумагу. Эй, знаете, что?

Дина выбежала на кухонное крыльцо и вернулась с большим свертком.

— Знаете, что? — повторил Арчи.

— Заткнись! — шикнула на него Дина, распаковывая сверток. — Ах, Эйприл!

В свертке была картина, та самая, которую писал мистер Дегранж во время разговора с Диной, не законченная и пронзительно пахнущая скипидаром. Но в углу стояла подпись, по крайней мере, инициалы — П.Д. На небольшом листке бумаги, приколотом сзади, было написано: "Моей очаровательной маленькой подруге Дине Карстейрс".

Дина поставила картину на стул и принялась ее рассматривать.

— Ради Бога, Эйприл, что это значит?

— Он принес ее, — говорил вздохнув Арчи. — Тот тип, который рисует воду. Отдал мне прямо в руки и сказал, что это для тебя, поэтому я поставил сверток на крыльцо. А он сел в машину и уехал в сторону центра. А я подумал, что если вы с Эйприл сумели обыскать дом, то и мы с Адмиралом можем это сделать, даже если придется выбить стекло в одном из окон на задней стене, чтобы туда забраться.

— Вы обыскали дом мистера Дегранжа? — поразилась Эйприл.

— Вот именно, — ответил Арчи.

Эйприл отложила сэндвич:

— И что вы там нашли?

— Ничего! — воскликнул Арчи. — Ничего, кроме мебели, а мебель принадлежит хозяину, потому что там раньше жила тетка мужа сестры Разбойника, а мебель осталась та же самая.

Дина и Эйприл переглянулись, и Дина спросила:

— Арчи, ты хочешь сказать, что он забрал из дома все свои вещи?

— Ну да! — кивнул Арчи. — Абсолютно все вещи. Можно выпить кока-колы?

Эйприл принесла бутылку, открыла, подала Арчи и попросила:

— Продолжай дальше.

— Так я уже все рассказал, — ответил Арчи. — Он забрал и всю одежду, и картины, и книги, и бритву — все. Похоже, он уехал.

— Действительно, похоже, — согласилась Эйприл.

— Ох, Эйприл, — забеспокоилась Дина. — Наверное, надо скорее позвонить Биллу Смигу и сказать, что он опоздал.

Эйприл вздохнула.

— Можешь не беспокоиться понапрасну. С минуты на минуту он сам в этом убедится.

Глава 21

Вечер выдался весьма хлопотным. Полицейские машины разъезжали туда-сюда по улице. Арчи, высланный на разведку, вернулся с известием, что полиция обыскала дом, где жил Пьер Дегранж.

— Отпечатки пальцев снимали со всего, с чего только можно, — доложил он.

После обеда мама опять поднялась к себе наверх, чтобы сделать еще кое-какие заметки. Пришел Пит и принялся уговаривать Дину покататься с ним на велосипеде. Эйприл, как ни странно, поддержала его, настаивая, чтобы они ехали сейчас же, пока не наступили сумерки. Эйприл удалось выдворить из дома старшую сестру и ее кавалера через кухонный вход в тот самый момент, когда на парадном крыльце появился Билл Смит в обществе энергичного, но спокойного человека в темно-сером костюме. Так что Эйприл могла со спокойной совестью и к полному своему удовольствию сказать, что Дины нет дома. Она пригласила гостей в кухню и пересказала человеку в сером костюме разговор сестры с мистером Дегранжем. Как-то само собой получилось, что мужчины и не заметили, что начали помогать ей мыть посуду — Билл Смит мыл, а его спутник вытирал тарелки, Эйприл же рассказывала. Она закончила свой рассказ раньше, чем они справились с работой, поэтому добавила несколько подробностей насчет полученного Диной подарка. Эйприл пошла за картиной, а когда вернулась с ней, добровольные помощники вешали на крючок последнее кухонное полотенце.

— Как произведение искусства это немного стоит, — сказал мужчина в сером, — но как предлог просиживать целыми днями на пляже — годится.

— Вы его уже арестовали? — спросила Эйприл.

— Нет, — ответил Билл Смит. — Он сбежал. Но мы его поймаем. — И обратился к мужчине в сером: — Странно все же, что кто-то проник в его дом.

Эйприл тактично промолчала. Она вовсе не собиралась выдавать Арчи и подвергать его расходам за разбитое стекло.

Вернувшись с прогулки, Дина, к своему изумлению, застала кухню в идеальном порядке. Эйприл слушала новую пластинку Гарри Джеймса. Пит остался на вечер. Он предложил свернуть ковер и потанцевать. На минутку забежали Мэг и Джоэлла, а через пять минут появились Эдди и Вилли. Потом пришли Арчи, Адмирал, Разбойник и Рыжий. И только через пару часов Дина смогла спросить у Эйприл:

— Пока меня не было, ничего интересного не случилось?

Эйприл небрежно ответила:

— Ничего особенного. Разве что приходил человек из ФБР.

Все это случилось вечером. А на следующее утро мама спустилась к завтраку и объявила, что собирается не только сделать прическу и маникюр, но и купить себе новые рабочие брюки. В утренних газетах не было написано ни слова о бегстве Пьера Дегранжа, Арманда фон Хене, или как там его звали на самом деле. О расследовании убийства Флоры Сэнфорд было сказано только, что полиция продолжает разыскивать Уоллеса Сэнфорда.

Короче говоря, наступило затишье. Но Эйприл с удовольствием думала о том, что это — затишье перед бурей. Во вторник вечером Билл Смит должен прийти на обед, а мама будет с красивой новой прической и маникюром. Может быть, к тому времени убийца миссис Сэнфорд уже будет пойман.

Школьные уроки в этот понедельник показались исключительно скучными. Эйприл впервые в жизни получила на уроке актерского мастерства оценку "неудовлетворительно", Дина дважды получила замечания на уроке домоводства, Арчи же не смог решить ни одного из девяти простейших арифметических примеров.

Это так поразило учителя, что он направил его к школьной медсестре, заподозрив, что с ним не все в порядке. День выдался очень хлопотливый и полный неприятных сюрпризов для учителей, а для троицы юных Карстейрсов — невыносимо длинный.

Наконец они встретились в школьном автобусе, и Эйприл предложила:

— Может, заскочим к Люку?

— В холодильнике еще осталась кока-кола, — заметила Дина.

— Я хочу купить газету, — ответила Эйприл.

Дина и Арчи уставились на нее:

— Зачем?

— Чтобы прочесть, — спокойно пояснила Эйприл. — И не задавайте глупых вопросов. — Она повернула в сторону заведения Люка. Дина и Арчи пошли за ней.

— Эй, — воскликнул Арчи, — так ведь у нас дома уже есть одна газета! С самого утра!

— Ее я уже прочла, — ответила Эйприл.

Она вошла в кафе первой и провела переговоры с Люком. Потом позвала брата и сестру, которые ждали перед входом на улице. Взяв с прилавка свежую газету, с улыбкой обратилась к Люку:

— Вы позволите?

— Пожалуйста, — ответил Люк, щедро добавляя в сироп замороженные взбитые сливки.

— Это должно быть на первой странице, — сказала Эйприл.

Так оно и было. Фотография и заголовок на две колонки:

ГЛАВНЫЙ СВИДЕТЕЛЬ ПО ДЕЛУ ОБ УБИЙСТВЕ ФЛОРЫ СЭНФОРД ПОХИЩЕН

Троица юных Карстейрсов автоматически отодвинула стаканы с сиропом подальше от газеты и продолжила чтение.

Полли Уокер, которая обнаружила тело миссис Сэнфорд, была похищена из своей квартиры в Голливуде, так было написано в газете.

Согласно показаниям горничной мисс Уокер, примерно в двенадцать часов пятнадцать минут кто-то позвонил ей по телефону. Женский голос требовал позвать Полли Уокер, говоря, что необходимо сообщить ей что-то важное и срочное. Мисс Уокер подошла к телефону и с минуту молча слушала, при этом выглядела весьма огорченной. Затем немедленно оделась, вызвала из гаража свою машину и вышла.

Швейцар видел, как какая-то машина, припаркованная неподалеку, подъехала к мисс Уокер и остановилась, хотя остановка там была запрещена. Мужчина в маске и с пистолетом в руке заставил ее сесть в машину, машина быстро тронулась с места и скрылась за поворотом.

Дальше в статье кратко излагались события, связанные с убийством миссис Сэнфорд, подчеркивалось, что именно Полли Уокер нашла тело убитой, излагалась краткая биография Полли, которая была воспитана в пансионате для девушек из хороших семей, потом добилась успеха на Бродвее и, наконец, стала голливудской звездой.

Эйприл отодвинула стакан, положила газету на место и поблагодарила Люка.

Дина и Арчи допили сироп и вышли за сестрой на улицу.

— Ты куда так торопишься? — поинтересовалась Дина.

— У меня свидание, — радостно воскликнула Эйприл. — У всех нас свидание.
— Эй-эй, — звал Арчи. — Подождите же меня!
— Ничего не понимаю, — задыхаясь, говорила на бегу Дина. — Похитили Полли Уокер! Неужели это сделала какая-то банда похитителей? Совсем, как с Бетти Лемо.
— Нет, — ответила Эйприл. — На этот раз похититель — всего один.
— Но, — возразила Дина, — подожди хоть минутку, Эйприл! Он не мог сделать это в одиночку, без сообщников!
— А я тебе говорю, что он был один, — настаивала Эйприл.
— В машину ее заставил сесть мужчина в маске. Но был же еще женский голос по телефону. Это наверняка хитрость, чтобы выманить ее на улицу и похитить.
— Этот женский голос, — почти неслышно призналась Эйприл, — был мой.
Дина вскрикнула, но не успела сказать ни слова, Эйприл указала в сторону дороги за домом Карстейрсов, которой не пользовался никто, кроме молочника и бакалейщика.
— Вот они, — воскликнула Эйприл, — похититель и его жертва!
Троица юных Карстейрсов галопом помчалась вниз по улице. В аллее за домом стояла машина, а в машине сидели Клив Кэллаган и Полли Уокер. Оба улыбались.

Глава 22

— Вы можете быть подружками на нашей свадьбе, — сказал Клив, — но я не знаю, что делать с вашим братом.
— Честно? — переспросила Эйприл.
Клив кивнул, а Полли залилась румянцем.
— Ох, — воскликнула Эйприл. — Вот здорово! — Она поцеловала Клива в щеку и чуть не задушила в объятиях Полли Уокер. — Арчи, наш маленький братишка, может подавать вам кольца.
— Не такой уж я и маленький, — возмутился Арчи, — и не хочу я подавать никакие кольца. А зачем кольца?
— Неважно, — ответила Дина. — Может, кто-нибудь объяснит мне, наконец, что здесь происходит?
Полли Уокер взглянула на нее и сказала:
— Мы с Кливом сегодня собираемся пожениться. — Ее волосы были растрепаны, на лице виднелись следы слез, а остатки губной помады размазаны вокруг губ. Выглядела она ужасно.
— Сначала вам надо бы хорошенько умыться, — посоветовала Эйприл. — И подкраситься. И причесаться.
Полли взглянула на нее, засмеялась, потом опять расплакалась.
— Какая же я была глупая!
Эйприл обратилась к Кливу:
— Если вы собираетесь жениться на этой глупышке — ваше дело!
— За все отвечаешь ты, — ответил он. — Это ты все подстроила! Посоветовала мне, что делать, и помогла осуществить задуманное. Если лет через сорок-пятьдесят мне придется с ней развестись...
Полли Уокер изумленно взглянула на него:
— Что она подстроила?
— Она посоветовала мне похитить тебя, — объяснил он. — И позвонила тебе сегодня в полдень с важным сообщением, чтобы выманить тебя из дому. И тогда я тебя похитил. Сейчас мы поедем в аэропорт, — обратился он к девочкам, — и по-

летим в Лас-Вегас, чтобы пожениться, жаль, без подружек невесты. Потому что вам так к лицу были бы воздушные платья из органзы...

— Это точно, — признала Эйприл. — Мы бы классно выглядели: я — в розовом платье, а Дина в голубом, Арчи — в белом костюме.

— Кстати, об Арчи, — забеспокоилась Дина. — Куда это он подевался?

Арчи исчез.

— Наверное, помчался сообщать в полицию, что двое подозреваемых в совершении убийства собираются лететь в Лас-Вегас. Ну, мисс Уокер, теперь вы быстренько расскажите все, а потом вам обоим лучше поскорее смыться, — заговорила Эйприл.

— Что рассказать? — удивилась Полли.

— Таково одно из условий сделки, — пояснил ей Клив.

— Сделки со мной, — подтвердила Эйприл. — Я согласилась помочь при условии, что Клив привезет вас сюда к четырем часам, и вы нам расскажете, как все на самом деле происходило.

— Я не могу! — Полли Уокер спрятала лицо в ладонях.

— Полли, дорогая... — пытался успокоить ее Клив.

Она взяла протянутый Кливом платок и вытерла нос:

— Она... эта миссис Сэнфорд... откуда-то обо всем узнала и потребовала много денег за свое молчание. А я... Я столько не зарабатываю... Потом на каком-то приеме я встретила его... Уолли... Он... Ну, он пытался за мной ухаживать... А поскольку он был ее мужем, то я подумала... Что он, быть может... — Она опять шумно вытерла нос. — На самом деле, он мне ни капельки не нравился, этот Уолли... Клив об этом знает... Наконец я сказала Уолли... обо всем: что мой отец — гангстер, а у его жены есть компрометирующие меня документы. Он пообещал раздобыть их для меня, если уговорит ее развестись и сможет потом жениться на мне. А затем... Затем он вдруг стал меня уговаривать, чтобы я приехала повидаться с ней. И я приехала. Она потребовала еще больше денег. Я думаю, нет, я точно знаю, Уолли ей обо всем проговорился. Она сказала, что за большую сумму готова отдать мне эти бумаги, дать ему развод и все простить. Я сказала, что в среду принесу деньги.

Я хотела ее напугать. Хотела заставить ее отдать мне эти письма. Тогда бы я смогла забыть и о ней, и об Уолли, и обо всем этом. Я приехала сюда примерно... нет, точно не помню, но это было время приблизительно между половиной пятого и пятью. Я оставила машину у ворот и подошла к дверям виллы. В руке у меня был пистолет. Я не собиралась в нее стрелять. Просто хотела напугать, — повторила Полли. — Я вошла в гостиную. Сначала позвонила, но никто не отозвался. Дверь была не заперта, и я вошла. Она смотрела на меня, не говоря ни слова. Я прицелилась в нее и сказала: "Миссис Сэнфорд"... Вдруг... Все произошло так быстро... Я не могу даже ясно представить себе... Откуда-то выбежал какой-то мужчина, наверное, со стороны лестницы. Я успела только заметить, что он был худощавый и смуглый, на голове шляпа с широкими полями. Он, ругаясь, пробежал мимо меня и исчез за дверью. Миссис Сэнфорд, казалось, его даже не заметила. И тут послышался выстрел. Как будто из столовой. Я увидела, как упала миссис Сэнфорд. И тут пистолет, который я все еще сжимала в руке, выпалил! Сама не знаю, как и почему, и куда попала пуля. Одно знаю точно — она попала не в нее... не в миссис Сэнфорд. И я убежала. Мужчина в шляпе садился в машину. Он быстро уехал. Я села в свою машину и тоже уехала. Не знаю, в какую сторону он поехал. Я повернула к побережью, но вскоре остановилась. Мне пришлось в голову, что, возможно, Флора Сэнфорд только ранена, и мне следует вернуться на виллу. Поэто-

му я вернулась и опять позвонила в дверь, как будто никогда раньше не была там... — Она запнулась и откинула волосы со лба.

— Руперт, друг мой, — восхищенно произнесла Эйприл, — вы берете в жены женщину со стальными нервами!

Полли Уокер продолжила свой рассказ:

— Но она уже была мертва... И я вызвала полицию... Все остальное вам уже известно.

Дина поцеловала Полли Уокер.

— Я страшно рада, что это не вы застрелили миссис Сэнфорд и что вам не придется выходить замуж за Уолли Сэнфорда, потому что, хотя он и неплохой парень, но ваш парень намного симпатичней, он — просто супер!

— Господи! — вдруг вскрикнул Клив.

Все оглянулись — к ним приближалась "банда". Шествие возглавлял Арчи с огромным букетом гортензий. За ним шел Адмирал с охапкой ярких пурпурных веток бугенвиллеи, Рыжий нес самые красивые георгины из коллекции своей мамы, Разбойник тащил охапку петуний, а Санни осторожно сжимал одну-единственную камелию.

— Больше нам ничего не удалось найти, — задыхаясь, проговорил Арчи. — Но мы очень спешили, чтобы не опоздать. Вот, нате. — Он бросил букет гортензий в салон машины. Санни торжественно вручил Полли Уокер камелию, а остальные осыпали невесту цветами.

— Я услышал, что вы собираетесь пожениться, — объяснил Арчи. — А когда люди женятся, должно быть много цветов, вот я и созвал "банду" по тревоге.

Полли обняла и расцеловала его. Потом Клив нажал на стартер и вывел машину на въездную дорогу. Он крикнул: "До свидания!", а Полли снова расплакалась. "Банда" с радостными воплями разбежалась, а Дина и Эйприл с братом направились в сторону дома.

— Скажи, Дина, — спросила Эйприл, — ты поверила в историю, которую рассказала Полли Уокер?

— Конечно! — воскликнула Дина. — Поверила каждому ее слову.

— Я тоже. Думаю, все начинает выясняться. Худощавый мужчина в серой шляпе — это Фрэнк Райли. Он был там во время преступления. Но не он застрелил миссис Сэнфорд. Полли Уокер тоже была там, и она подстрелила портрет дядюшки Герберта. Этой девушке никогда нельзя доверять никакого оружия, разве что рогатку. Кто-то, кто находился в столовой, выстрелил оттуда и убил миссис Сэнфорд. Кто-то, у кого был пистолет сорок пятого калибра и кто хорошо стреляет. Дина, мы уже много узнали!

— Много и ничего! — угрюмо подытожила Дина. — Не стоит так радоваться. Потому что многое нам еще не известно.

— Все, что осталось нам узнать, — загадочно улыбнулась Эйприл, — кто именно тогда стоял в столовой и выстрелил оттуда в миссис Сэнфорд.

Глава 23

Маникюр выглядел исключительно. Прическа тоже удалась. Троица юных Карстейрсов во время обеда не могла глаз отвести от мамы. Нет, Биллу Смиту не устоять перед такой красотой!

— Мне пришло в голову, — сказала счастливая Мэриан, — раз уж я устроила себе небольшой отпуск, может быть, завтра пойдем все вчетвером в ресторан, а потом в театр...

Девочки переглянулись. Дина спросила глазами, не пора ли рассказать маме о том, что на завтрашний обед приглашен Билл Смит. Но Эйприл отрицательно помотала головой. Умоляющий взгляд Дины, казалось, взывал: "Ну, так сделай же хоть что-нибудь!"

— Ах, мама, это было бы прекрасно! — отозвалась Эйприл. — Но ты всегда так занята, а мы по тебе соскучились. Для нас самое лучшее — провести этот вечер с тобой дома. Вчетвером. Честно говоря, мне такой вечер доставил бы больше радости, чем ресторан и театр.

— Мне тоже! — пылко подхватила Дина.

Арчи присоединился к сестрам.

— А ведь девушки правы, черт побери!

— Правда? — переспросила Мэриан. Троица юных Карстейрсов дружно кивнула. — Боже, какие у меня замечательные дети! Хорошо, остаемся дома. Я приготовлю праздничный обед по такому случаю. Чего бы вам хотелось больше всего? Моего, бифштексов?

— Я знаю, чего мне хочется больше всего, — призналась Эйприл. — Пусть это будет хороший сочный кусок запеченного в духовке мяса с густым соусом.

— И лимонный пирог, — подключилась Дина. — И твои несравненные пирожные-безе!

— И непременно бисквиты, — потребовал Арчи.

Мэриан покорно кивнула головой и вздохнула:

— Что за дети! Я предлагаю им обед в самом лучшем ресторане и билеты на самый интересный спектакль в городе. А они предпочитают остаться дома и играть в лото. Я предлагаю им бифштекс, а они хотят есть мясо, запеченное на старинный манер!

Дина захихикала. Эйприл же ответила с достоинством:

— Это потому, что мы знаем, что на самом деле лучше всего!

— И потому, что... — вырвалось у Арчи. Эйприл пришлось быстренько пнуть его под столом. — Потому что мы тебя любим! — закончил он и триумфально улыбнулся сестрам.

— Сегодня посуду мою я, — заявила мама.

— Только не с этим маникюром! — решительно возразила Эйприл. — Лучше сядь на диване, как настоящая дама, и почитай книгу о психологии детей.

— Ведь самое важное, чтобы ты знала, как нас правильно воспитывать, — поддержала сестру Дина.

— Это точно! — присоединился и Арчи. — Эй, знаете, что? Мама, знаешь, что сказал о тебе Билл Смит?

— И что же такого он сказал обо мне?

Но Эйприл была уже за спиной Арчи. Она предупреждающе ткнула его под левую лопатку большим пальцем и выпалила:

— Билл Смит сказал, что ты — необыкновенная, очаровательная женщина. Мы это и без него знали. Арчи, собери со стола тарелки!

— Даже не подумаю, — отрезал обиженный Арчи и попытался сбежать.

Эйприл свободной рукой ухватила брата за волосы. Арчи так врезал ей по ребрам, что ложки, ножи и вилки с грохотом посыпались на пол. Дина обежала вокруг стола, чтобы разнять дерущихся, но споткнулась об ногу Арчи и рухнула на пол, потянув за собой сестру и брата.

— Как не стыдно бить маленьких! — канючил Арчи.

— Арчи, скотина! — вопила Эйприл. — Моя новая прическа!

— Дети! — взывала мама.

Дина ухватила Арчи за плечи, одновременно мама, пытаясь оттащить Эйприл, поскользнулась и хлопнулась на пол. И в этот момент кто-то позвонил в дверь.

Воцарилась гробовая тишина. Все четверо участников побоища остолбенело глядели друг на друга. Вечер выдался теплый, поэтому парадная дверь была гостеприимно распахнута. На пороге стоял Билл Смит, за ним — еще двое мужчин.

— Надеюсь, мы вам не помешали, — сказал Билл Смит.

Дина опомнилась первой.

— Ни капельки, — вежливо ответила она, вскочила, помогла встать маме и пригласила ей волосы.

— Обычно после обеда мы занимаемся гимнастикой — это наша семейная традиция, — спокойно объяснила Эйприл. — Упражнения очень хорошо влияют на пищеварение.

— Проходите, пожалуйста, — пригласила гостей Дина. — Не желаете ли выпить кофе? Арчи, принеси поднос... — Она ущипнула брата, и он умчался.

Один из спутников Билла Смита оказался тем самым молчаливым мужчиной в сером, который разговаривал с Эйприл накануне. Второго никто не знал. Хотя... В его лице было что-то знакомое.

— Я хочу сообщить вам, — сказал Билл Смит, — что ваша умная дочь Дина выследила шпиона. — Но при этом он широко улыбался. Улыбались и оба его спутника.

Мэриан подавила вскрик изумления, ее глаза удивленно распахнулись.

— Да это же не шпион! Это Пат Donovan! — И бросилась обнимать незнакомца.

— Мэриан! — Гость взял ее руки в свои ладони. — На старости лет ты стала ужасно рассеянной. Не узнать меня за столько недель!

Билл Смит прервал излияния двух старых друзей, представив хозяйке дома мужчину в сером, агента ФБР. Мэриан попеременно поглядывала на своих неожиданных гостей.

— Мама, — серьезно произнесла Эйприл. — Это на самом деле шпион. Дина его распознала.

— Чепуха! — слабо запротестовала Мэриан.

— В самом деле! — уверяла Дина. — Только вот мне он сказал, что его зовут Питер Десмонд, а я ему поверила.

— И он рисует воду! — пронзительно выкрикнул Арчи, ставя на стол поднос с кофейным сервизом. — Он рисует воду маслом. Так сказала Эйприл.

— Я чувствую себя так глупо, что дальше некуда, — со вздохом призналась Мэриан, машинально наливая кофе в чашки. — Может, кто-нибудь наконец объяснит мне, что здесь происходит? Никак не могу поверить, что Питеру Десмонду удалось меня одурачить с помощью фальшивых усов.

— И вовсе не фальшивых! — обиженно запротестовал Пат Donovan. — Я отпустил настоящие!

— Так вы знаете этого человека? — спросил мужчина в сером.

— Конечно, знаю. Он работал в Чикаго в редакции одной газеты, а я — в редакции другой. Много лет назад. Он был свидетелем на моей свадьбе. Потом я встречала его в Париже, Мадриде, Берлине и Шанхае. Последние несколько лет мы не виделись, но я узнала бы его всегда и везде...

— ... если бы он не отпустил усы, — подсказал Пат Donovan.

— Ты мог бы признаться мне во всем, вместо того, чтобы заставлять изъясняться по-французски и обсуждать твои ужасные полотна, — упрекнула его Мэриан.

— Они вовсе не ужасные, — горячо возразил Пат Донован. — Во всяком случае, не такие ужасные, как твое французское произношение.

Тут Дина вскочила с места, выпрямилась и звенящим голосом отчеканила:

— К вашему сведению, моя мама великолепно говорит по-французски. А вы, мистер Донован, или Десмонд, или Дегранж, или как вас там еще... вы — лжец!

— Дина! — воскликнула Мэриан.

— Эй, Дина, — попытался вмешаться Арчи. — Знаешь, что? Знаешь, что?

— Отстань, — отрезала Дина и продолжила пламенную речь, испепеляя взглядом Пата Донована: — Мало того, что сначала вы меня бессовестно обманули, так вы еще и критикуете французское произношение моей мамы!

— Знаешь, что? — вопил Арчи. — Послушай же меня! Его имя не могло быть Питер Десмонд. Потому что Питер Десмонд — это тип из сборника комиксов! Он говорит на сорока языках и все время переодевается.

— Да, я тоже видела этот комикс, — холодно ответила Дина. Господи! Пойматься на такую дурацкую наживку!

— Дина, — робко произнес Пат Донован. — Я сейчас все объясню...

— Меня совершенно не интересуют ваши объяснения, мистер Как-там-ваша-фамилия. У меня есть дела поважнее! — Резко развернувшись, Дина стремительно вышла в кухню, где с грохотом принялась собирать посуду со стола.

Она уже чистила столовое серебро, когда в кухне появилась Эйприл.

— Дина, он — не шпион, а репортер. Он пишет книгу о шпионах.

— Вытри стаканы, — коротко бросила Дина.

Эйприл взяла чистое полотенце. В этот момент в кухню ворвался Арчи с криком:

— Эй, Дина! Знаешь, что?

— Вынеси мусор, — скомандовала Дина.

Эйприл и Арчи работали молча. Дина продолжала мыть кастрюли и сковородки, ставя их на сушилку. Эйприл краешком глаза следила за ней.

— Арчи, — холодно произнесла Дина, — поставь на место кастрюли и сковородки. Эйприл, на этом стакане остались полосы от полотенца.

Эйприл и Арчи переглянулись и подмигнули друг другу. Эйприл еще раз тщательно протерла стакан, Арчи принялся ставить на полку кастрюли и сковородки.

Дина, постепенно успокоившись, вдруг спросила, взглянув на дверь:

— Интересно, о чем они сейчас говорят?

Троица юных Карстейрсов проскользнула в холл и затаилась в темноте у подножия лестницы.

— ...ты должна простить меня за то, что я обманул тебя, Мэриан. Но ты была единственным человеком, на котором я мог проверить свою маску. Я считал, что если ты меня не узнаешь, значит, не узнает никто, и я могу чувствовать себя в безопасности.

— Если бы ты мне во всем признался, я, наверное, могла бы нечаянно выдать тебя. Так что все в порядке.

Молчаливый человек в сером костюме ушел. Пат Донован развалился в кресле, попивая кофе, и выглядел при этом, как у себя дома. Билл Смит держал в руке чашку с настолько остывшим кофе, что от нее издали веяло холодом, и лицо его было угрюмым.

— Скажи мне, Пат, — попросила Мэриан, — как поживает Джек? Когда ты видел его в последний раз?

— Джек Юстус? Мы виделись в Чикаго с год назад. У него все в порядке. Женился на великолепной блондинке. Мэриан, сможешь ли ты когда-нибудь забыть ту ночь, когда на Блю-Айленд горели склады товаров?

— Никогда! — смеясь, воскликнула Мэриан.

— А есть ли какие-нибудь вести от Альмы? — поинтересовался Пат.

— Она вышла замуж, — ответила Мэриан, — за человека, который владеет сетью бензозаправочных станций в Индиане.

— Я до самой смерти не забуду, — воскликнул Пат, — то время, когда Альме пришлось работать в гостинице горничной для того, чтобы взять эксклюзивное интервью у...

— Должно быть, у журналистов очень интересная работа, — холодно пророчил Билл Смит.

— Даже представить не можешь, насколько интересная! — ответила Мэриан. — А помнишь, Пат, как Джим написал статью на всю первую полосу — о контрабандах, которые перевозили спиртное самолетом?

— Джим Форсайт? Конечно же, помню! Как у него дела?

— Собственная газета в Мичигане. Он оказался великолепным редактором и преуспевает. А помнишь, Пат...

— Наверное, вы встречались с массой интересных людей, — еще холоднее отозвался Билл Смит и поставил чашку на стол.

— Да уж, их было много, обо всех и не рассказать! Помнишь, Мэриан, золото-волосую графиню из Гаваны, которая носила в носу кольцо и везде водила за собой на поводке дрессированного леопарда?

— Прошу прощения, но уже поздно, и мне пора уходить, — сказал Билл Смит и встал.

В углу под лестницей Дина толкнула сестру локтем и довольно прошептала:

— Он ревнует!

Эйприл подтолкнула Арчи:

— Бегом вверх! И кричи там погромче!

— Почему? — пронзительным шепотом решил уточнить Арчи, уже взбежав до половины лестницы.

— Потому что ты испугался привидения, — прошипела в ответ Эйприл.

— Ах, мистер Смит, неужели вам в самом деле надо уходить? — огорчилась Мэриан.

— К сожалению, надо, — ответил лейтенант.

— Но ведь я...

В этот момент раздался громкий вопль Арчи. Дина одним прыжком оказалась на первом этаже, Эйприл нырнула за барьер ступенек.

— Мама! — позвала Дина. — Арчи испугался привидения!

Мэриан уже мчалась вверх по лестнице. Эйприл задержала Билла Смита и Патта Donovan, выйдя им навстречу со словами: "Ах, этот Арчи!"

— Мэриан! — позвал встревоженный Билл.

— Все в порядке, — донесся со второго этажа ее голос. — Просто Арчи что-то приснилось. Спокойной ночи, господин лейтенант.

С сияющей улыбкой Эйприл повторила:

— Спокойной ночи! И не забудьте, что завтра мы ждем вас на обед.

— Не забуду, — ответил Билл Смит, все еще глядя в сторону лестницы. — А ты уверена, что наверху все в порядке?

— Совершенно уверена! — зашебетала Эйприл. — Мы очень часто видим привидения. Спокойной ночи!

Она успела закрыть за ним дверь раньше, чем Мэриан спустилась со второго этажа.

— Мистеру Смигу пришлось уйти, он куда-то спешил, — объяснила Эйприл.

— Жаль! — Мэриан пригладила волосы, села на диван и заметила: — Иногда мне кажется, что Арчи не всегда говорит правду!

Эйприл побежала наверх, где ее ждали Дина и Арчи.

— Прекрасно! — прошептала Эйприл. — Это как раз то, что надо! Соперник! Теперь ему никуда не деться.

— Мне тоже пора уходить, — раздался голос Пата Donovan.

— Ах, Пат! Может, завтра придешь к нам на обед?

— Это было бы здорово! — обрадовалась Дина. — Соперник, новая прическа, маникюр и запеченное мясо! Перед этим Биллу не устоять.

Троица юных Карстейрсов внимательно прислушалась к разговору в гостиной.

— К сожалению, — ответил Пат Donovan, — сегодня ночью я улетаю. Эдна с детьми уже полгода ждут в Санта-Фе, пока я управлюсь с этим заданием.

Троица переглянулась и на цыпочках покинула свой наблюдательный пост.

— Ничего, — утешительно пробормотала Эйприл. — Судя по сегодняшнему поведению Билла Смита, достаточно будет нашего интеллекта и маминой красоты. Обойдемся без соперника и ревности.

Глава 24

Во вторник дети проснулись очень рано. Они ходили по дому на цыпочках, чтобы не разбудить маму. Чем лучше она выспится, тем прекраснее будет выглядеть за обедом.

Посреди завтрака на Эйприл снизошло вдохновение. Она отложила вилку и тихонько воскликнула:

— Дина! А дочь мистера Холбрука!

— Что-о-о? — переспросила Дина.

— Надо хорошенько рассмотреть ее фотографию. Потому что она — звезда мюзик-холла, а, может, уже и перестала ею быть.

— Перестала? Почему? — переспросила ошеломленная Дина.

— Бетти Лемо была звездой мюзик-холла, — драматическим тоном изрекла Эйприл. — И если это она дочь мистера Холбрука... кстати, где живет мистер Холбрук?

— На Вашингтон-Драйв, — ответила Дина. — Примерно четыре квартала отсюда. У него есть экономка. Ужасная женщина. Мы с Джозеллой однажды пытались продать ей билет на благотворительный вечер, организованный родительским комитетом школы. Так она целых пятнадцать минут рассказывала нам, почему даже и не думает покупать этот билет!

— Прекрасно! — восхитилась Эйприл. — Великолепно. Именно то, что нам надо. — Она схватила свою вилку и с аппетитом принялась поглощать яичницу. — Мы пойдем туда по дороге из школы. Ты и Арчи позвоните в парадную дверь и предложите ей... например, подписаться на журнал. А я тем временем проникну через черный ход в дом и попытаюсь найти фотографии.

— А если тебя застукают на горячем? — нахмурилась Дина.

— Если застукают, арестуют, и придется мне сидеть в тюрьме, — невозмутимо произнесла Эйприл. — Вот только не надо каркать, старая ворона! Будем надеяться, что меня не поймают и удастся найти фотографию.

— Если я буду заговаривать зубы экономке, — заявил Арчи, — можете обыскивать дом сколько угодно. Я ее знаю. У нее очень красивый сад. Возьму у Разбойника собаку и прихвачу ее с собой.

— Арчи, ты — гений! — восхитилась Эйприл. — За это можешь съесть мой джем.

Арчи сморщил нос и, придвигая к себе банку с джемом, пробурчал:

— Я прекрасно знаю, что этот джем ты не любишь.

— Эйприл, но ведь сегодня — вторник! — воскликнула Дина. — А по вторникам у меня после уроков еще и гимнастика. Я выйду из школы только в половине пятого.

— Вот невезуха! — огорчилась Эйприл. — Вечно с тобой что-то не так! Ничего не поделаешь, придется прогулять гимнастику.

— Да не могу я! — жалобно взмолилась старшая сестра. — Я и так уже три занятия пропустила: первый раз — когда Арчи захотелось посмотреть фильм с Роем Роджерсом, второй — когда погода была такая прекрасная, что обязательно надо было сходить на пляж, а третий...

— Минутку! — прервала Эйприл. — Я уже знаю. Ты подвернула ногу.

Дина машинально взглянула на свои ноги. Они показались ей абсолютно здоровыми.

— Арчи, — командовала Эйприл, — неси пластырь. Сейчас я покажу, что не напрасно посещала скаутские курсы по оказанию первой помощи.

Через десять минут Эйприл закончила свою тонкую художественную работу и с удовольствием любовалась забинтованной ногой Дины.

— А теперь запоминай, — сказала она. — Когда ты уходила в школу, мама еще спала, и поэтому ты не могла взять записку. Учительница гимнастики такая рассеянная, что наверняка забудет об этом до следующего урока. А даже если не забудет, мы успеем к тому времени все объяснить маме. Надо ворваться в дом Холбрука ровно в четыре часа. И не забывай прихрамывать!

Без двух минут четыре Дина и Арчи подошли к дому на Вашингтон Драйв. Дина старательно хромала, Арчи вел на поводке огромную лохматую рыжую дворнягу, позаимствованную у Разбойника. Параллельно по боковой дорожке шла Эйприл.

— Итак, мы распространяем абонементы на журнал "Жена фермера", — вполголоса бормотала Дина. — Но что я буду делать, если она и вправду захочет подписаться на этот журнал?

— Скажешь, что завтра принесешь квитанцию для подписки, — посоветовал Арчи. — А я спущу Самсона с поводка. Это на какое-то время отвлечет ее.

Дина вздохнула. Они повернули к главному входу и в кустах за домом заметили затаившуюся Эйприл.

Адвокат Холбрук жил в гладко оштукатуренной, без особых архитектурных претензий, вилле средних размеров, с обычным аккуратным газоном перед домом и любовно ухоженным садом. На солнечных часах дремал большой белый кот с бандитской мордой.

Самсон зарычал. Арчи дернул за поводок и прикрикнул на пса:

— Тихо, Самсон! — И, обращаясь к Дине, мечтательно произнес: — Представляешь, что будет, когда Самсон погонится за этим котом?

Дина позвонила. Дверь открыла высокая, худощавая седая женщина.

— Не желаете заказать годовую подписку на журнал "Жена фермера"? — робко спросила Дина.

— Я что, действительно похожа на жену фермера? — грозно поинтересовалась седая женщина. — Или этот дом напоминает вам ферму?

— Нет, мэм, — тихим голосом признала Дина. — Но...

— Видите ли, мэм, если мы распространим десять годовых абонементов на этот журнал, то моя сестра получит приз — кольцо с настоящим бриллиантом! — пришел на выручку Арчи.

Седая женщина сурово поджала губы. Затем последовала десятиминутная лекция, в которой она изложила, почему не желает подписываться на "Жену фермера", что думает о бессовестных детях, которые навязывают соседям всякие глупые журналы, и свое отношение к совершенно испорченному современному молодому поколению. Лекция завершилась решительным приказом:

— И немедленно уберите отсюда эту дворнягу!

Дина запаниковала. Эйприл, должно быть, еще находилась в доме. Они договаривались, что, выбравшись из виллы, сестра подаст им условный сигнал, но пока ее не было видно на аллее, и сигнала они не слышали.

Экономка адвоката Холбрука уже ступила за порог и закрывала за собой дверь, когда Арчи спустил Самсона с поводка. Самсон рванул в сторону кота, который с воплями начал убегать. Экономка вскрикнула и припустилась за Самсоном. За ней побежали Дина и Арчи.

Ад кромешный продолжался минут пять, и событие завершилось на заднем дворе: кот сидел на телефонном столбе и шипел, Самсон под столбом громко лаял, экономка ругала Дину и Арчи, Арчи и Дина кричали.

Воспользовавшись всеобщим замешательством, Эйприл выпрыгнула из бокового окна, обежала вокруг дома и присоединилась к группе, крича издали:

— Арчи! Как же тебе не стыдно натравливать эту ужасную собаку на бедного маленького котика!

"Бедный маленький котик" с высоты телефонного столба страшно шипел на Самсона.

Эйприл схватила конец поводка, сунула в руки Арчи и сурово приказала:

— Марш домой! Сейчас же!

Арчи удалился с поля битвы, волоча за собой разрывающегося от лая Самсона. Дина побежала за ними. Эйприл еще на минутку задержалась, чтобы сочувственно посоветовать экономке:

— Вам, наверное, лучше позвонить в пожарную службу. Этот кот никогда по собственной воле не слезет со столба.

Она догнала Дину и Арчи уже на середине улицы.

— Ну и как? — спросила Дина. — Нашла?

— Нашла. В ящике письменного стола, там, где и думала. Но не взяла с собой, потому что она нам не пригодится.

— Как это? — переспросила Дина.

— Фотография дочери мистера Холбрука именно такая, как описано в письме: три павлиньих пера, жемчужное ожерелье и тому подобное. Но красotka — крупная блондинка, к тому же располневшая. Она так же похожа на Бетти Лемо, как, например, на Арчи.

Дина вперила взгляд в сестру. Арчи выпустил из руки поводок, и взволнованный Самсон побежал домой.

— То есть ты хочешь сказать, — угрюмо спросила Дина, — что мы провернули всю эту военную операцию и загнали кота на телефонный столб напрасну? И что я целый день напрасно хромала?

— Послушай, только не стоит драматизировать! — ответила Эйприл. — Мы узнали одну очень важную вещь. Что Бетти Лемо не была дочерью мистера Холбрука. Это очень важно. Потому что теперь нам известно, что мистеру Холбру-

ку незачем было убивать миссис Сэнфорд. Остается только узнать, кто же ее убил.

Дина только гневно фыркнула в ответ и ничего не сказала.

— И надо поскорее снять повязку с твоей ноги, — продолжала Эйприл, — пока мы не пришли домой и мама не начала расспрашивать, что с тобой случилось.

Снятие повязки заняло некоторое время и вызвало живую дискуссию. Эйприл пыталась разрезать ее скаутским ножом Арчи. Это ей не удалось. Дина предложила отклеить повязку с помощью растворителя для лака. Эйприл напонила ей, что у них нет с собой никакого растворителя. Наконец Арчи в отчаянии ухватился за конец пластыря и резко дернул. Дина вскрикнула. Пластырь остался в руках Арчи. Дина обулась, и они направились домой.

— Прекрати хромать, — шепнула сестре Эйприл, когда они оказались на кухонном крыльце.

— Не могу, я уже привыкла, — меланхолично проронила Дина. — Наверное, теперь буду хромать до конца своих дней, и все по твоей вине.

Они вошли в кухню. На столе красовались огромный лимонный пирог и нежные безе. На печке стояло подготовленное мясо — его осталось только сунуть в духовку, а рядом — кастрюля с начищенной картошкой. И, что самое важное, на маленьком огне тихо побулькивал луковый суп.

Дженкинс, Черныш и Шустрик сидели рядом на полу возле печки и мечтательно глядели на противень с мясом. В дуршлагае красовались вымытые овощи для салата. Бисквиты для гренок были нарезаны, их оставалось только поджарить.

— Знаешь, Эйприл, — радостно сказала Дина, — Биллу Смиты от нас не уйти. Я уже вижу его в брачных оковах.

— Ты слышишь? Это, случайно, не шум стиральной машины?

Действительно, работала стиральная машина. На заднем дворе мама громко и весело насвистывала старую балладу о паровозе.

Гонимая страшным предчувствием, Эйприл помчалась на задний двор, Дина и Арчи — за ней.

— О, привет! — обрадовалась мама. — День такой солнечный, а у меня выдалось немного свободного времени, вот я и решила простирнуть старые спальные мешки. Последний как раз в стиральной машине. Вы можете мне их развесить?

— Мама! А как же твой маникюр? — воскликнула Дина.

Мама взглянула на дочь, и лицо ее вытянулось:

— Я совершенно о нем забыла!

Глава 25

Арчи накрыл стол, как настоящий мастер. В центре красовались самые лучшие розы из воскресного букета. В начищенных подсвечниках были вставлены свечи. Место для Билла Смита было отведено напротив мамы, так, чтобы он видел ее сквозь розы.

В кухне все шло по плану. Дина поливала мясо маслом, Арчи, громко протестуя, мыл редиску.

— Ты уже сказала маме? — спросила Дина.

— Нет еще. Но скоро скажу. А сейчас надо переодеться.

Завязалось короткое совещание на тему, что кому надеть. Озаренная вдохновением, Эйприл воскликнула:

— Дина! Белые платья со швейцарской вышивкой, голубые шарфы и банты в волосах!

— Боже, да ты с ума сошла, — возмутилась Дина, хлопнув дверцей духовки. — Мы в этих платьях выглядим, как младенцы!

— В том-то и дело, — объяснила Эйприл. — Ты же не хочешь, чтобы Билл Смит увидел маму, окруженную почти взрослыми детьми!

— Ну... — начала было Дина. — Ладно, пусть будут белые платья, но только один раз — сегодня.

— А ты, — приказала Эйприл брату, — умойся как следует!

Она медленно поднималась по ступенькам, размышляя, как объяснить маме, что у них на обеде будет гость.

Эйприл в раздумье стояла под маминой дверью, пока ей в голову не пришла нужная мысль.

Мама как раз снимала с вешалки розовое платье.

— Ты прекрасно выглядишь, — восторженно прошептала Эйприл. — Послушай, мама... Этот полицейский — Билл Смит — будет сегодня вечером по соседству, а поскольку поблизости нет ни ресторана, ни бара, может быть, мы дадим ему какой-нибудь сэндвич в кухне?

— Эйприл! — воскликнула мама, выронив платье. — Сэндвич в кухне? Это смешно! Просто пригласи его на обед.

— Слушаюсь, мэм, — отчеканила Эйприл, выскочила в коридор и побежала вниз по ступенькам.

Вдруг открылась дверь, и послышался мамин голос:

— Эйприл, постели кружевную скатерть и поставь на стол какие-нибудь цветы!

— Слушаюсь, мэм, — отрапортовала Эйприл. Кружевная скатерть уже лежала на столе, а в центре его красовались розы.

Когда девочки переодевались в своей комнате, Эйприл приоткрыла дверь в комнату мамы и заглянула в нее. Мама сидела перед зеркалом и тщательно приглаживала брови. На ее лице сияла улыбка. Прическу украшала роза, подобранная под цвет платья.

— Жалко все же, — пробормотала себе под нос Эйприл, — что я не кошка.

— Почему? — искренне удивилась Дина.

— Потому что тогда я могла бы мурлыкать от удовольствия, — с лучезарной улыбкой ответила сестра.

В назначенное время в дверь позвонил Билл Смит.

Он был одет в новенький костюм и аккуратно подстрижен.

Троица юных Карстейрсов заранее распределила между собой нужные реплики. Когда все уселись за стол и начали передавать друг другу гренки, Дина вздохнула и мечтательно произнесла:

— Ах, мамочка, никто на свете не запекает мясо так замечательно, как ты!

— Мясо действительно необыкновенно вкусное, — подтвердил Билл Смит.

Арчи тут же подхватил:

— А если бы вы попробовали, какие мама готовит бифштексы!

Через несколько минут голос подала Эйприл:

— Эти гренки — просто божественные!

Билл Смит, намазывая уже третью гренку, согласился:

— Я в жизни не ел более вкусных гренков.

— А какие великолепные пончики печет мамочка! — воскликнула Дина.

Дети тактично молчали, когда мама разговаривала с Биллом Смитом о политике, литературе и кино. Но как только разговор смолкал хотя бы на минуту, Арчи реагировал на поданный Эйприл сигнал и восклицал:

— Эй! Можно мне еще соуса? Соус сегодня — просто объединение!

— Не желаете ли еще соуса? — спросила Эйприл, подсовывая соусницу Биллу Смуту. — Мама так чудесно готовит соусы!

— К котлетам, например! — добавила Дина. — Вы непременно должны попробовать когда-нибудь ее котлеты под соусом. Это — шедевр!

Только одна вещь беспокоила маму во время обеда: дети вели себя слишком изысканно. Они сидели тихо, если не считать кулинарных комментариев, и как-то не доставало выкриков и вечных вопросов Арчи.

Но страшное подозрение зашевелилось в груди мамы лишь тогда, когда Эйприл небрежно произнесла:

— Мама, этот фантастический салат ты приготовила сама?

А Дина молниеносно ответила:

— Конечно, мама всегда сама готовит салаты.

Как мама, так и обе ее дочери великолепно знали, что этот салат готовила Дина. Вдобавок Мэриан заметила знак, который Эйприл подала Арчи за долю секунды до того, как он пропищал:

— Мамочка умеет делать такой майонез — просто пальчики оближешь!

Когда в конце обеда торжественно был подан лимонный пирог, Мэриан начала подозревать, что пала жертвой грандиозного заговора. Если сейчас кто-то из детей похвалит пирог...

Но на этот раз реплику подал Билл Смит:

— Никто на свете так чудесно не печет лимонный пирог, как ваша мама!

Их взгляды встретились над букетом роз, и Мэриан заметила в глазах Билла веселые искорки. Она с трудом удержалась, чтобы не расхохотаться, и серьезно подхватила:

— Это еще что, вот если бы вы попробовали мои фирменные пряники!

Дети озадаченно уставились сначала на лейтенанта, потом — на маму, и пришли в себя только тогда, когда с пирогом уже было покончено.

— Кофе — в гостиной, — сказала Эйприл.

Она зажгла свечи на каминной полке, а Дина принесла поднос с кофе. Чудесно! Запах кофе, мягкие огоньки свечей и мама в прекрасном розовом платье.

Когда девочки попытались выгнать Арчи на кухню под тем предлогом, что надо мыть посуду, он пылко запротестовал:

— Эй, вы! Я тоже хочу подслушивать!

Дина сняла скатерть и специальной щеточкой смела со стола крошки. Потом огорченно призналась сестре:

— Жаль, что мне не удалось вставить фразу: "Как, наверное, одиноко вы себя чувствуете, когда обедаете в гостиничном ресторане!"

— Ничего страшного, — утешила ее Эйприл. — Все в порядке. — Она прижала палец к губам и приблизилась к дверям гостиной. Дина и Арчи на цыпочках последовали за ней.

Они услышали тихий мелодичный смех и голос мамы: "В самом деле, Билл..." А потом голос лейтенанта: "Я говорю серьезно, Мэриан, я уже давно хочу сказать..."

В эту минуту в дверь кто-то позвонил.

— Я открою, — крикнула Эйприл, пробегая через гостиную. — Это, наверное, разносчик газет.

Но это был вовсе не разносчик газет. На пороге стоял сержант О'Хара. Выглядел он крайне озабоченным и тяжело дышал. Его круглое лицо пылало.

— Добрый вечер, юная леди... Не знаете ли вы... — Тут он заметил Билла Смита и обрадовался: — О, и ты здесь! Мы нашли мистера Сэнфорда. В кустах, возле ворот его собственного дома. Он лежит там, я думаю, недавно. Я оставил возле него на посту Флэнагана.

Билл Смит вскочил так резко, что чуть не перевернул кофейную чашку:

— Он убит?

— Не совсем, — ответил сержант. — Огнестрельное ранение. Думаю, выживет. Сначала надо вызвать "Скорую помощь", а потом сообщить нашему начальству.

Мэриан тоже вскочила:

— Здесь есть телефон.

Эйприл вбежала в кухню, скомандовала шепотом: "За мной!" — и выскочила во двор. Дина и Арчи, разумеется, за ней. По дороге к въездной аллее виллы Сэнфордов Эйприл объяснила брату и сестре ситуацию и добавила:

— Арчи! Возле него стоит полицейский. Сумеешь его отвлечь? Немедленно!

— Ясное дело, — ответил Арчи и нырнул в кусты.

Дина и Эйприл пробежали через газон и начали осторожно подкрадываться к воротам. Там стоял полицейский, у его ног скрючилась какая-то фигура, накрытая одеялом.

Вдруг из-за кустов донеслись душераздирающие вопли. Полицейский вздрогнул, обернулся и побежал в ту сторону, откуда доносились крики. Эйприл и Дина подбежали к лежащей на земле фигуре.

Уоллес Сэнфорд открыл глаза и посмотрел на девочек. Его лицо было очень бледным.

— Вас не убили, — облегченно проговорила Эйприл. — Вы просто ранены. Не волнуйтесь.

— Все будет хорошо, — прошептала Дина.

Уоллес Сэнфорд попытался что-то сказать, прикрыл глаза, потом опять открыл их.

— Послушайте, — простонал он. — Послушайте. Я знаю... Человек, который убил Флору... — Его глаза опять закрылись.

— Да? — шепнула Эйприл. — Да!

— Тот... тот, кто заплатил выкуп... это ее... — И больше не смог сказать ни слова.

Дина наклонилась над ним.

— Он жив, — прошептала девочка, — Просто потерял сознание.

Они побежали по аллее к своему дому. У ворот встретили Арчи, который вынырнул из-за ствола дерева. Где-то поблизости раздался пронзительный звук полицейского свистка. Билл Смит, сержант О'Хара и мама сбежали с парадного крыльца как раз в тот момент, когда дети открыли дверь кухни.

Дина глубоко вздохнула и машинально принялась убирать посуду.

— Еще немного — и мы бы влипли!

— Как вам понравился мой крик? — гордо поинтересовался Арчи.

— Класс! — похвалила Дина.

— Вы еще не слышали, как я умею ругаться, — похвастался Арчи. — Слушай, Эйприл...

Но Эйприл ничего не ответила. Она присела на кухонную табуретку и подперла голову руками.

— Эйприл, — позвала Дина.

— Тихо, дети. Не мешайте. — Эйприл выглядела удивленной и немного расстроенной, — потому что мне надо кое о чем поразмыслить.

Глава 26

— Наверное, Флэнаган услышал сову, — предположил сержант О'Хара.

— По крайней мере, наконец мистер Сэнфорд оказался в ваших руках, — сказала Мэриан. — Не желаете ли выпить кофе? Я могу заварить свежий за две секунды.

— У меня как раз готов кофе! — крикнула с кухни Дина. — Уже несю.

Она вошла с подносом. Эйприл несла сахарницу, Арчи — кувшинчик сливок — все хотели услышать новые подробности о расследуемом деле.

Сержант О'Хара только сейчас огляделся вокруг и заметил свечи на каминной полке, розовое платье хозяйки и аккуратную стрижку Билла Смита.

— Не думай ни о чем, Билл, — сказал он. — Доклад о Сэнфорде может подождать до утра. Он ранен не так уж и тяжело, а после того, как выспится, его будет легче допрашивать. Ты поймал парня, так что отдохни и отпразднуй этот успех.

— И все же... — начал Билл, нахмурившись.

— Уоллес Сэнфорд не убивал свою жену, — прервала его Дина. — Иначе зачем кому-то было стрелять в него?

— И кто-то пытался отвлечь полицейского, который сторожил раненого, — добавила Мэриан.

— Этот крик вовсе не был похож на крик совы, я-то знаю, как кричит сова, — отозвался Арчи с чувством законной гордости.

— Кроме того, мы слышали выстрелы, — вмешалась Эйприл. — Дина как раз пошла взглянуть на часы, чтобы узнать, не пора ли ставить на огонь картошку...

Билл Смит пробормотал под нос одно-единственное слово. К счастью, никто из юных Карстейрсов не расслышал его.

— Ну, на сегодня хватит, — сказала Мэриан. — Давайте на время забудем обо всем этом. Сержант О'Хара прав, Билл, ты наверняка больше узнаешь, если допросишь Уоллеса Сэнфорда завтра утром, пусть бедняжка выспится как следует. Давайте выпьем кофе, хорошо? Куда же я подевала шоколадки... И, сержант, может быть, вы попробуете кусочек лимонного пирога? Остался еще один кусок.

Арчи принес остатки пирога. Эйприл налила кофе в чашки. Дина угостила всех шоколадками. Наконец троица юных Карстейрсов уселась рядышком на диване, с Арчи в центре, и выглядели они при этом весьма живописно.

Сержант О'Хара рассыпался в комплиментах по поводу пирога. Он заявил, что пирог был почти таким же вкусным, как у миссис О'Хара.

Мама и Билл Смит старательно избегали встречаться взглядами, но румянец на лице Мэриан запылал еще сильнее. Сержант встал, чтобы попрощаться, обвел глазами освещенную свечами гостиную, девочек в белых платьях и голубых шарфах, розовое платье Мэриан и глубоко вздохнул. Потом повернулся к Биллу Смит-у и пророкотал:

— Как плохо, дружище, что у тебя нет ни жены, ни детей... как, должно быть, пусто по вечерам в твоём номере... Ну, спокойной ночи всем!

Дина, Эйприл и Арчи мысленно благословили уходящего сержанта.

Билл Смит отставил чашку.

— Мэриан...

— Пойдем, Эйприл, — поспешно бросила Дина. — Надо перемыть посуду.

Когда они были уже посреди столовой, зазвонил телефон.

Мэриан взяла трубку.

— Да... Да? Ох! Ох, как жалко... Да, я сейчас же приду. — Она помолчала, потом добавила: — лейтенант Смит? Он здесь. У мужа миссис Черрингтон опять был сердечный приступ. Она там с ним одна. Не знаю, почему, но ей надо о чем-то поговорить с тобой, Билл.

— Ох! — вскрикнула Эйприл. — Ох, нет! — Она вдруг побледнела. — Это, наверное, правда, но я не хотела, чтобы все так получилось!

— Эйприл! — прошептала изумленная Дина.

Эйприл отодвинула сестру в сторону.

— Мама, ты когда-то писала репортажи о похищении Бетти Лемо. Скажи, как ее звали на самом деле?

— Почему ты спрашиваешь об этом? Ее звали Розой... Фамилии я не помню, — ответила пораженная Мэриан.

— Я так и знала! — вскрикнула Эйприл. — Я так и знала! Сумма выкупа была пятнадцать тысяч долларов, как раз столько, сколько он растратил. Раз он офицер, значит, у него есть пистолет сорок пятого калибра. И, кроме того, глаза у миссис Черрингтон не карие, а голубые...

— Детка, — прервала ее обеспокоенная мама и прикоснулась ладонью ко лбу дочери, чтобы проверить, не повысилась ли у нее температура. — Ты в порядке? У тебя не болит горло?

— Горло у меня совсем не болит, и температура нормальная, — ответила Эйприл. — Но настоящее имя мистера Черрингтона — Чандлер, и он был офицером. И у них была дочь по имени Роза, и она пошла на сцену и взяла псевдоним Бетти Лемо. И ее похитили гангстеры, и он украл для выкупа пятнадцать тысяч долларов, но ее все равно убили, а его выгнали из армии и посадили в тюрьму. Он решил найти похитителей и отомстить, вот почему они приехали сюда и сняли этот дом, и...

— Пожалуйста, говори помедленней, — взмолилась Дина.

— И все это, — продолжала Эйприл, — усложнилось, когда Фрэнк Райли выпустили из тюрьмы, потому что Райли помогал гангстерам в похищении. Но она забабастала весь выкуп, иначе Райли не пришлось бы грабить банк, и он не попал бы в тюрьму. Когда Райли вышел из тюрьмы и пришел сюда, это послужило для мистера Черрингтона, то есть полковника Чандлера, доказательством ее участия в похищении. Он застрелил Флору Сэнфорд, потому что она убила его дочь и разрушила его жизнь, а потом и Фрэнк Райли... по той же самой причине. У него было достаточно сил, чтобы занести тело Райли в заброшенный бассейн, потому что он еще не старый, ему всего пятьдесят лет. Потом он стал выслеживать мистера Сэнфорда и попытался сегодня вечером убить его, но, на счастье, не убил, потому что на самом деле мистер Сэнфорд ни в чем не виноват, и так вышло, что у него случился сердечный приступ. А теперь он, наверное, хочет во всем признаться... — Эйприл расплакалась. — Фотография в холле... Она похожа на миссис Черрингтон, только глаза темные. И на ней написано "Роза". То же самое лицо, что на фотографии Бетти Лемо.

Дина и Арчи изумленно таращились на сестру.

Мама гладила волосы Эйприл и приговаривала:

— Не плачь, детка. У него давно болит сердце...

— Мэриан, — послышался охрипший голос Билла Смита. — Миссис Карстейрс! Так вы об этом знали? Вот почему вы отказались с нами сотрудничать, когда я вас об этом попросил?

— Я догадывалась, — призналась Мэриан. — Я тоже заметила эту фотографию.

Эйприл подняла голову, увидела взгляды, которыми обменялись мама и Билл Смит, и сказала:

— А сейчас вам лучше пойти поговорить с мистером Черрингтоном.

— Она права, — заметил Билл Смит.

— Она права во всем, — добавила Мэриан и поцеловала Эйприл в лоб.

Глава 27

Было почти четыре часа утра, когда троица юных Карстейрсов легла спать, причем Арчи лейтенанту Смигу пришлось нести наверх на руках. Дина и Эйприл совершенно не чувствовали себя сонными.

Мама пошла в кухню и приготовила для всех какао. Ее волосы растрепались, она выглядела бледной и утомленной, но Билл Смит не мог глаз от нее оторвать.

Мистер Черрингтон во всем признался, и все было почти так, как предугадала Эйприл. Полицейская санитарная машина перевезла его в больницу, и врач сказал, что он, должно быть, не доживет до суда. Миссис Черрингтон держалась мужественно и даже, казалось, вздохнула с облегчением. Сейчас, когда трагедия закончилась, она рассказала все без утайки.

Да, ее муж действительно украл деньги для того, чтобы заплатить выкуп похитителям дочери. "Бандиты, убив ее, как бы убили и ее отца. С тех пор его не волновало ничего на свете, он хотел всего лишь похоронить дочь в таком месте, где бы над ее могилой цвели розы. Он не мог официально явиться за ее телом, потому что это было равносильно признанию в похищении денег. Но его преступление все равно было раскрыто, и его посадили в тюрьму. Когда же освободили, он был старым и больным человеком, переполненным лишь одним желанием — отомстить. Он сделал это, и теперь для него все закончено.

— Он умрет счастливым, — с горечью заметила под конец миссис Черрингтон.

Всю эту историю мама рассказала им, пока готовила какао. А потом добавила:

— Я только не понимаю, дети, каким образом и почему вы оказались замешанными в эту историю.

— Для тебя, мамочка, — ответила сонная Дина. — Чтобы сделать тебе рекламу.

— Мы хотели, чтобы ты разгадала настоящую криминальную загадку, — подхватила Эйприл, клюя носом над чашкой какао. — Но ты была так занята, что мы решили разгадать ее за тебя. Эй, Арчи...

Тут-то и пришлось Биллу Смигу отнести спящего Арчи в кровать.

Он спустился вниз и взглянул на девочек.

— Идите сейчас же спать, а то через минуту и вас надо будет нести на руках. И... Мэриан... Миссис Карстейрс...

— Да? — отозвалась Мэриан.

— Сегодня уже чересчур поздно, но я должен сказать тебе кое-что важное. Я знаю, что ты очень занята, но... Сможешь уделить мне несколько минут завтра вечером?

Мама залилась краской, словно школьница.

— Хорошо, приходи к нам завтра.

Дети спали почти до полудня. К этому времени под дверью скопилась толпа журналистов. Билл Смит дал знать газетчикам, что загадку убийства в вилле Сэнфордов почти самостоятельно решила Мэриан Карстейрс, автор детективных романов. Репортеры жаждали интервью и фотографий. Дина, Эйприл и Арчи поста-

рались все это им обеспечить. Напрасно мама протестовала, троица юных Карстейрсов была непреклонной. Не для того они так старались, чтобы теперь пропали плоды их трудов!

— Как знать, может быть, завтра к этому времени у тебя уже будут предложения от киностудий, — мечтательно произнесла Эйприл.

— Подумай только, как это повлияет на продажу твоей новой книги, — добавила Дина.

— Это не имеет смысла! — неуверенно возразила мама.

Дети позаботились абсолютно обо всем. Эйприл уложила маме прическу, Дина убрала гостиную и везде расставила свежие цветы. Арчи расчесал Дженкинса, Шустрика и Черныша, после чего живописно расположил их на ковре в гостиной.

Шустрик и Черныш запрыгнули к маме на колени, когда фотограф из "Газетт" направил на нее объектив. Снимок получился замечательный.

Эйприл вызвала Дину и Арчи на парадное крыльцо, оставив маму наедине с журналистами.

— Послушай, Эйприл, — начала Дина. — Что мы будем делать со всеми этими бумагами? Ну, ты знаешь... Которые мы нашли у миссис Сэнфорд... Наверное, их необходимо сжечь.

— Я помню об этом, — ответила Эйприл и нахмурилась. — Дайте-ка подумать... Все эти люди... Они, наверное, в тревоге с того самого момента, как была убита миссис Сэнфорд, и волнуются, в чьи руки попадут бумаги.

— Мы могли бы отослать им документы по почте, — предложила Дина.

— У нас нет денег на марки, — ответила Эйприл. — Мы же остались без денег. — С минуту она задумчиво смотрела в пространство, а потом просияла: — Я знаю, что делать! Задержите первого же репортера, который выйдет из дома.

Они ждали минут пятнадцать или даже дольше. Фотографы один за другим начали выходить из дома. Наконец оказался толстяк в сером костюме, он распахивал на ходу по карманам записи.

— Привет! — сказала Эйприл.

Толстяк оглянулся, и его круглое лицо просияло.

— Кого я вижу! Наш очаровательный надежный свидетель!

Эйприл вздрогнула, пригляделась к нему и выпалила:

— Я вас узнала! Это вы прятались за газетой в кондитерской и подслушивали чужие разговоры! Не хотите ли услышать еще одну историю из уст надежного свидетеля, имя которого, к сожалению, вы не можете сообщить?

— Конечно, хочу! — воскликнул толстяк и принялся вытаскивать из кармана записную книжку.

— Так вот, — начала Эйприл, — как вам, наверное, уже известно, Флора Сэнфорд была шантажисткой... — Дальше она красочно описала, что в доме миссис Сэнфорд были найдены обширные материалы, компрометирующие многих невинных людей. Полиция не захотела публиковать документы, от которых могут пострадать люди, поэтому эти бумаги — все, до последней страницы — были сожжены.

Толстяк записал несколько слов и переспросил:

— Ты в этом уверена?

— Абсолютно, — подтвердила Дина. — Я видела все собственными глазами.

— Только одно условие, — серьезно произнесла Эйприл. — Вы не должны указывать, откуда все это вам известно. Иначе...

— Информация предоставлена надежным свидетелем, имени которого мы не имеем права раскрывать, — с улыбкой отчеканил толстяк, повернулся и сбежал со ступенек.

— Кстати, — крикнула ему вслед Эйприл, — вы могли бы по дороге заскочить в кондитерскую Люка и предупредить его, что скоро мы придем к нему на солодовый сироп. За ваш счет, разумеется.

Дети некоторое время молчали, а потом Эйприл решительно проговорила:

— Сейчас, я думаю, пора и в самом деле сжечь бумаги. И, насколько я знаю этого типа, он распишет мою информацию на целую страницу. Так что люди, замешанные в эту историю, перестанут беспокоиться за свою репутацию.

— Давайте разожжем костер! — предложил Арчи. — Сжигать бумагу в печке совсем неинтересно.

— Знаешь, Дина, — перебила его Эйприл. — Мы еще не закончили дело мистера Холбрука.

— Какое дело?

— Я думаю, мы должны вернуть ему фотографию дочери. И письма — тоже.

— Ты что, с ума сошла?

— Во-первых, ему, наверно, недостает этой фотографии. Во-вторых, если ему в руки не попадет газета со статьей о сожжении документов, он будет напрасно переживать. Я считаю, что мы должны отнести ему эти вещи.

Не успели Дина или Арчи сказать ей хоть слово, как она уже обежала дом и исчезла за кухонной дверью.

— Ой! — воскликнул Арчи. — Знаешь, что?

— Знаю, — угрюмо ответила Дина. — Лучше молчи.

Через пять минут Эйприл вернулась с красиво упакованным свертком в руке.

— Мы скажем ему, что принесли маленький подарок. Он поймет, что мы видели эту фотографию и читали эти письма. Готова поспорить на что угодно, ему нескоро захочется называть меня "дитя мое"!

Всю дорогу до дома мистера Холбрука они прошли молча. На ступеньках сидел белый кот с бандитской мордой. При виде незваных гостей он зашипел и убежал.

— Какая сердечная встреча! — пробормотала Эйприл и нажала кнопку звонка.

Дверь открыла высокая красивая женщина с платиновыми волосами и милой улыбкой.

— Вы к кому, дети?

Эйприл присмотрелась к блондинке, побледнела и воскликнула:

— Ох!

Из глубины дома раздался мужской голос:

— Кто там пришел, Гарриет?

— Мисс Холбрук! — прошептала Эйприл.

Брови блондинки изумленно поползли вверх.

— Откуда вы меня знаете?

— Не могли бы мы увидеться с вашим отцом? — жалобным голоском спросила Эйприл.

В дверях показался Генри Холбрук. Адвокат уже не был таким бледным и несчастным, каким они видели его в последний раз. Он курил трубку и улыбался.

— Кого я вижу! — воскликнул он. — Мои юные друзья. Познакомьтесь с моей дочерью Гарриет. Она больше известна, как Ардена, знаменитый модельер.

— Вот это да! — восхитилась Эйприл. — Так это вы проектируете все эти чудесные костюмы для знаменитых музыкантов! Вы должны гордиться такой дочерью, мистер Холбрук!

— Конечно, я горжусь, — просиял в ответ счастливый отец. — Она сделала мне сюрприз. Я не знал об ее успехах, пока она не появилась здесь, чтобы рассказать обо всем.

Эйприл искоса взглянула на красавицу. Несомненно, это была та же особа, которая танцевала в костюме из трех павлиньих перьев и жемчужном ожерелье.

— Такой дочерью может гордиться каждый отец, — продолжал мистер Холбрук, обняв блондинку за плечи. — Что там у вас в свертке, дитя мое?

Эйприл при этих словах вздрогнула, но сдержалась.

— Как бы это объяснить... Такое стечение обстоятельств... Мы нашли это... Это было спрятано в доме миссис Сэнфорд. Мы думали, что, может быть, вы хотели бы... — впервые в своей жизни Эйприл не находила нужных слов.

Арчи вырвал сверток из рук сестры и ткнул его мистеру Холбруку со словами: — Вот, возьмите!

Генри Холбрук разорвал упаковку. Фотография выпала у него из рук. Гарриет Холбрук — она же Ардена — быстро наклонилась и радостно вскрикнула:

— Ах, папа! Это та фотография, которую я везде искала! Она очень пригодится для рекламной кампании ...

Но Генри Холбрук лихорадочно просматривал письма. В его глазах было выражение радости и одновременно замешательства:

— Гарриет, а ты...

— Пойдем отсюда, — сказала тихонько Дина, и тройца юных Карстейрсов удалилась.

— Да, — сказала Эйприл, — я чувствую себя так, словно нечаянно выполнила норму своих добрых поступков на два или три года вперед. Давайте пойдем к Люку, проверим, заказал ли толстяк для нас сироп.

Но Дина отрицательно замотала головой.

— Нам надо идти домой, и поскорее! Разве вы забыли — у мамы сегодня вечером свидание! Журналисты, наверное, уже все ушли.

— Ты права, — вздохнула Эйприл. — У нас сегодня много работы. Идем домой. Арчи, прекрати швыряться в кота мистера Холбрука. Пусть он и поцарапал тебя, это еще не причина, чтобы забрасывать несчастное животное камнями...

Глава 28

Свидание, назначенное на сегодняшний вечер, было очень важное. Во что же должна одеться мама? Дина настаивала на голубом цвете, потому что недавно прочла в журнале, что всем мужчинам нравится этот цвет. Эйприл предпочла бы розовый, потому что, по ее мнению, в нем мама выглядела прекрасно. Девочки спорили, поедая сэндвичи и запивая их кока-колой. Спор продолжался и во время приготовления обеда. А когда уже стол был накрыт, они вдруг осознали, что все это время со второго этажа доносился знакомый шум, настолько знакомый, что до сих пор они его не замечали.

Они побежали наверх, постучали в дверь и вошли.

— Мама! — сурово сказала Дина.

Мама даже не подняла головы. Стол был покрыт толстым слоем бумаг, записок, записных книжек, использованной копирки и пустых сигаретных пачек. Мама сбросила домашние шлепанцы и босыми ногами оплела хлипкие ножки столика, на котором так и подсакивала пишущая машинка. Ее волосы кое-как были скотлы на макушке, а на носу чернела полоса от копирки. Она была одета в свои старые рабочие брюки.

— Эй! Мама! — позвала Эйприл.

Мама перестала стучать по клавишам и, подняв на дочерей глаза, рассеянно улыбнулась им:

— Я начала писать новую книгу. Все идет, как по маслу.

— А разве тебе не хочется поесть? — тяжело вздохнула Дина.

— Знаешь, я действительно немного проголодалась. Забыла о ленче. Спасибо, что ты мне напомнила.

Мэриан встала, сунула ноги в шлепанцы, схватила несколько страниц и двинулась в сторону ступенек. Шустрик и Черныш вылезли из-под стула и последовали за хозяйкой. Троица Карстейрсов — тоже.

Она прошла мимо двери столовой, вошла в кухню и рассеянно улыбнулась детям.

— Приготовьте себе, что хотите. А я просто поджарю себе яичницу и посмотрю за едой эти страницы.

— Но мама! — начала Дина. — Это не ленч! Это уже...

Эйприл толкнула сестру локтем:

— Тихо! Не раздражай маму. Видишь, она занята!

Они сосредоточенно и встревоженно наблюдали за мамой. Мэриан разбила яйцо на маленькую эмалированную сковороду. Поставила на кухонный стол тарелку, хлеб, масло, стакан с молоком, вынула из яйца вилку. Глядя на рукопись, время от времени карандашом исправляла какие-то слова. Наконец погасила газ под сковородой и села за стол, внимательно читая.

— Ой, Эйприл! Ну и дела! — прошептал Арчи.

— Ч-ш-ш! — ответила Эйприл.

Мама медленно ела хлеб с маслом, запивая молоком и не переставая читать. Когда она прочла последнюю страницу, то встала, унесла тарелку и стакан в раковину, помыла их и поставила в сушилку. Затем вышла из кухни. Яйцо осталось на сковороде.

Дина печально вздохнула и отдала яйцо котяткам, которые жадно набросились на еду.

— Ничего не поделаешь! — сказала она. — Когда она проголодается, то придет что-нибудь съесть. Мы можем садиться за обед.

— Но Билл Смит должен прийти сегодня вечером, — напомнила Эйприл. — А мама без прически, и не подкрашена, и не в розовом платье...

— И не в голубом, — поправила Дина. — Может, она сумеет пораньше закончить главу.

— Эй, знаете, что? — спросил Арчи, занимая свое место за столом. — А если она сегодня не закончит главу?

— Должна! — сказала Дина.

Но пишущая машинка непрерывно стучала все время, пока они обедали. И продолжала стучать, когда троица юных Карстейрсов выносила свои тарелки на кухню и мыла их. Она продолжала стучать и тогда, когда у входной двери раздавался звонок.

Дина и Эйприл взглянули друг на друга.

— Ничего не поделаешь, — сказала Эйприл. — Надо брать дело в свои руки.

На Билле Смита был новый галстук, волосы аккуратно причесаны. Он выглядел взволнованным.

— Добрый вечер. Дома Мэриан?

— Садитесь, пожалуйста, — вместо ответа произнесла Дина.

Он взглянул на нее, ничего не понимая.

— Да садитесь же! — сурово приказала Эйприл. — Нам надо с вами кое о чем поговорить.

Через десять минут троица юных Карстейрсов вошла в мамину комнату. Мэриан как раз заправляла в машинку новый лист бумаги.

— Мама, — сказала Дина. — Билл Смит пришел.

Мама оставила листок вставленным в машинку только наполовину. Покраснела. Нагнулась к своим шлепанцам.

— Я сейчас спущусь к нему.

— Минуточку! — остановила ее Эйприл. — Нам надо с тобой поговорить.

— Ой, мама! — пропищал Арчи. — Знаешь, что, мама...

— Тихо, Арчи! — скомандовала Дина. — Послушай, мама, ответь нам: тебе нравится Билл Смит?

Удивленная мама смогла лишь кивнуть в ответ.

— А нравится ли он тебе так, — Эйприл вдохнула поглубже, — чтобы влюбиться?

Мама тихо вскрикнула и продолжала изумленно смотреть на детей.

— Ты могла бы влюбиться в него и выйти за него замуж? — вступила в разговор Дина.

Мамины щеки пылали огнем. Она пробормотала:

— Но... Я... Он, должно быть, и не собирается на мне жениться...

— Очень даже собирается! — хором закричали Дина и Эйприл.

— Что? Откуда вам это известно?

— Ура! Мы его об этом только что спросили! — присоединился Арчи.

Мама взглянула на них, вскочила и побежала вниз по лестнице.

— Мама! — крикнула ей вслед Дина. — А голубое платье!

— Мама! — простонала Эйприл. — А прическа! А макияж!

Мэриан не слышала. Она вбежала в гостиную. Ошеломленные дети шли за ней.

— Мэриан! — смеясь, воскликнул Билл Смит. — Твоя троица! Ох, Мэриан, какая же ты красивая!

Дружная троица увидела лицо своей мамы над плечом лейтенанта — оно действительно было прекрасным! — и на цыпочках удалилась в кухню, тактично прикрыв за собой дверь.

Через минуту на кухонном крыльце появился сержант О'Хара. Его лицо сияло, и в руках у него была огромная коробка с шоколадом.

— Примите мои поздравления, — сказал он, — вижу, что ваш разговор удался.

— Откуда вы знаете? — почти в унисон спросили они.

Он улыбнулся еще шире.

— Я понял все с самого начала. Меня не проведешь. Потому что я своих таких девять вырастил... ■

Перевод с английского Евгении БУГАЕВОЙ.

Самое интересное

Имя — Антуан-Мари Жюль Верн — французский писатель-фантаст, автор знаменитых романов о путешествиях в будущее. Он предсказал многие изобретения, которые мы знаем сегодня. Жюль Верн — один из самых популярных писателей в мире. Его произведения переведены на многие языки. В его романах описаны путешествия на воздушном шаре, на подводной лодке, на самолете и т.д.

Иван ЗЮЗЮКИН
Странности
Антуана
де Сент-Экзюперри

*"Не опасности я люблю... Я люблю жизнь...
между тем, если человеческой жизни и нет цены,
мы действуем всегда так, как будто существует нечто
превосходящее по ценности человеческую жизнь.
Но что же это?"*

Сент-Экзюпери

Полное его имя — Антуан-Мари Роже де Сент-Экзюпери. Профессиональный летчик и классик французской литературы XX века, он принадлежал к семейству графов де Сент-Экзюпери, родовитых, но обедневших дворян Франции. Однако своего графского звания всю жизнь стеснялся. В юности, случалось, он даже лез в драку, когда ему напоминали о его аристократическом происхождении: вспыльчивый и самолюбивый, он полагал, что достоин уважения сам по себе. Прежде, чем стать летчиком и литератором, Сент-Экзюпери кем только не был: и рядовым французской армии, и счетоводом на черепичном заводе, и торговым агентом автомобильной компании, и механиком авиамоторных мастерских. Наверное, читатель согласится, что даже в наш век, лишенный сословных предрассудков, это бы звучало смешно и дико: счетовод или механик граф де Сент-Экзюпери... И еще он не любил свое полное имя. Сент-Экс — так он представлялся незнакомым людям, так, желая сделать ему приятное, называли его друзья...

Но куда он мог деться от своего благородного происхождения? Хотя и сильно обедневшие, графы де Сент-Экзюпери по-прежнему владели землями, поочередно жили в родовых, увитых плющом, окутанных романтическими тайнами замках Ла Молль и Сен-Морис де Реманс. Да, уже не было прежней роскоши, множества слуг в ливреях, богатых выездов и пышных приемов (отец Антуана служил страховым инспектором в Лионе), но в семье хранили вековые традиции, в ней царила атмосфера утонченной дворянской культуры. Этот мир, уже полуреальный, стремительно уходящий в небытие, но каким-то чудом доживший до начала прошлого века (Антуан родился как раз в 1900 году), пропитывал будущего писателя своим изыском и неповторимостью. Правда, он же во многом предопределил драму его жизни и творчества.

Как многие классики литературы, Сент-Экзюпери посвятил немало страниц размышлениям о том, что дают и что отнимают у человека его детские годы. Но, пожалуй, он единственный писатель, который назовет детство лучшей порой жизни. "Я не очень-то уверен, что жил после того, как прошло детство", — напишет он однажды. И хотя его публицистическому и эпистолярному творчеству присуща некоторая категоричность, думается, это не просто изящно выраженная мысль.

У Сент-Экзюпери нет специальной книги, в которой он бы стройно и последовательно изложил свои взгляды на ребенка и его воспитание, хотя при желании составить такую книгу совсем не трудно: письма Антуана матери госпоже Мари де Сент-Экзюпери (отца он рано потеряет) полны, если не сказать, переполнены воспоминаниями о годах, когда он, его сестры и брат Франсуа были маленькими детьми. Он писал ей из Парижа, где поступал в морскую академию, из Африки, где обслуживал в единственном числе промежуточный аэродром, из Южной Америки и Юго-Восточной Азии, где прокладывал новые воздушные трассы. И почти каждое письмо пронизано неутраченной тоской по детским годам жизни. Порой даже кажется, что он, уже вполне взрослый человек, пытается совершить невозможное — несмотря на свой почти двухметровый рост, солидный вес, огромное расстояние, разделявшее его и мать, очутиться на ее руках и вновь пережить ни с чем не срав-

нимое блаженство, испытываемое ребенком, когда он оказывается в объятиях самого родного на свете существа... Вот отрывки из некоторых писем Антуана:

"Мир воспоминаний детства, нашего языка и наших игр... всегда мне будет казаться бесконечно более реальным, чем любой другой. Этим вечером мне вспомнилась холодная прихожая Сен-Мориса. После вечерней трапезы мы усаживались на сундуки и в кожаные кресла, дожидаясь отхода ко сну... В полутьме слышались обрывки фраз, это было таинственно. Мы дожидались, пока понесут в гостиную лампы. Их несли как охапки цветов, и каждая лампа бросала на стены прекрасные тени, похожие на листья пальм. Затем букет света и темных пальмовых листьев запырала в гостиную. Мы уходили спать..."

"Вы склонялись над нами, над нашими кроватками, в которых мы отправлялись навстречу завтрашнему дню и, чтобы ничто не тревожило наши сны, чтобы наше путешествие было спокойным, вы разглаживали волны, складки и тени на наших одеялах. Вы смиряли наши кровати, как божественный перст смирял бурю на море..."

"Я впервые ощутил необъятность не на самолете, не посреди моря, а на второй кровати в вашей комнате. Заболеть было такой удачей! Каждый из нас мечтал об этом. Грипп давал право на безбрежный океан".

В годы первой мировой войны госпожа де Сент-Экзюпери по доброй воле становится сестрой милосердия, работает в военном госпитале. Сыновей Антуана и Франсуа она устраивает в швейцарский коллеж и изредка навещает их. Из всех детей разлуку с ней и домом тяжелее переживает Антуан. Он еще малышом отличался особой привязанностью к матери. То ли ревнуя ее к сестрам и брату, то ли испытывая душевный дискомфорт в ее отсутствие, маленький Тонио, рассказывают, буквально по пятам ходил за ней, волоча за собой свой любимый зеленый стул. Вот и теперь, когда ему идет уже пятнадцатый год, он ведет себя точно малыш, не желая принять во внимание, что идет война и взрослым недосуг.

"Дорогая мамочка! Франсуа только что получил ваше письмо, где вы говорите, что приедете только в начале марта. А нам так хочется видеть вас в субботу! Почему вы задерживаетесь? Мы так надеемся, что вы приедете!..."

В другой раз он с горьким недоумением напишет: "Стоит только подрасти, и милосердный Бог оставляет вас на произвол судьбы..."

После одного из своих первых полетов двадцатидвухлетний летчик Сент-Экзюпери пишет матери о том, что больше всего на свете хотел бы оказаться рядом с ней.

"Мамочка, я только что перечитал ваше письмо, оно такое нежное... Что вы делаете, мама? Пишете ли вы картины? Ответьте мне. Ваши письма помогают мне жить, они приносят свежесть. Мамочка, откуда вы берете такие прелестные слова? Вы мне нужны так же сильно, как в детстве. Старшина, военная дисциплина, уроки тактики — какая сухость, какая черствость. Я представляю, как вы поправляете цветы в гостиную, и я ненавижу старшин... И как я мог когда-то заставлять вас плакать?.. Вы лучшее, что есть в моей жизни... Только вы — защита, только вы всё знаете и можете утешить меня, вольно или невольно я все равно чувствую себя совсем мальчишкой..."

Надо заметить, из пятерых детей графов де Сент-Экзюпери Антуан был самым нелегким ребенком. Непоседливый, своевольный, с претензиями на лидерство (хотя младше его был только Франсуа), он ни за что ни про что обижал сестер, дрался с братом, ссорился с садовником ("Как вы смеете, месье, отрывать головы цветам!"), доводил каверзными вопросами ("А что вы делали, Паула, когда были

обезьяной?)” гувернантку. Взрослым надо было иметь за ним глаз да глаз. Тонио то забирался на ветхую крышу замка, то уходил в лес один. Его наказывали, но это не действовало. С годами его фантазии принимали угрожающий характер, однажды он чуть не погиб, мастера паровой двигатель. Но больше всего он увлекался сочинительством. Уверенный в том, что это для всех так же важно и интересно, как и для него, он мог посреди ночи поднять на ноги всю семью и познакомить ее со своим новым сочинением...

Во время учебы в швейцарском коллеже в жизнь Антуана ворвется трагедия: на его глазах от лихорадки умрет Франсуа. Умрет тихо, спокойно, причастившись, завещав старшему брату свой велосипед. Его смерть ошеломит впечатлительного Антуана. Учителя и ученики коллежа заметят, что прежде задиристый, слегка надменный Сент-Экзюпери станет молчаливым и задумчивым. В дальнейшем жизнь возьмет свое — переболел всеми, какие есть, болезнями роста, он вырастет жистнерадостным, добрым, самоотверженным, благодаря своей непосредственности неотразимо обаятельным человеком. Хотя и не без странностей в характере и судьбе...

Вот одна из них: наделенный множеством талантов (обладая литературным даром, он также прекрасно рисовал, проявил себя незаурядным изобретателем, владел искусством гипноза) Сент-Экзюпери долгие годы мечется и не может найти место в жизни. Учась в коллеже, он не блещет особыми успехами. При поступлении в морскую академию позорно проваливается на экзаменах... по гуманитарным предметам. Затем безуспешно пытается стать архитектором. Имея положенную ему по закону отсрочку от службы в армии, по собственной воле прерывает ее и становится рядовым одной из авиачастей Франции. После увольнения в запас его вновь преследуют неудачи, он хватается за то, за другое, третье. По совету одного человека, знавшего толк в литературе, начинает писать рассказы из жизни летчиков. Но признание и слава придут к нему еще не скоро...

Странно и другое: аристократ до мозга костей, он не найдет общего языка со своим сословием. Благодаря связям матери получив доступ в лучшие дома и салоны Парижа, молодой граф Антуан быстро разочаруется в своих новых приятелях. “Люди света несколько лет назад ухватились за беднягу Эйнштейна, — с иронией и сарказмом пишет одной своей подруге. — Им захотелось ничего в нем не понимать, почувствовать великую растерянность, “дыхание неведомого”. Эйнштейн был для них чем-то вроде факира. Заметьте, если люди, как правило, и стараются развить свою память, знания, свое умение красиво говорить, то почти совсем не стараются культивировать свою мысль. Они хотят правильно рассуждать, а не мыслить верно. Люди света говорят: “Мы перекинулись идейками” — они мне противны”. В письмах к матери он судит об аристократах и представителях парижской богемы еще резче. “У меня нет никакого уважения к этой лжекультуре, этой мании искать всяческие предлоги к выражению фальсифицированных эмоций, к тем избитым способам выражения чувств, чуждых истинному, питающему ум любопытству... Не люблю этих людей, которые испытывают рыцарские чувства, когда на костюмированном вечере они выражены мушкетерами...”

Но по большому счету нелюбовь к “людям света” у молодого Сент-Экзюпери проистекает от глубокого недовольства самим собой. С одной стороны, он сознает, что ему не по пути с этими богатыми манерными бездельниками, с другой — ничего не может противопоставить им, кроме своего неприятия. В спорах с ним о смысле жизни и долге человека перед обществом граф Антуан выступает с позиций максимализма. “С ним невозможно разговаривать! — жалуются оппоненты. — Он не дает слова сказать...” Одна светская дама, вспоминая, как в те годы

Антуан вел себя и что он проповедовал, сердито воскликнет: "Сент-Экзюпери? Да это же был коммунист!" Лишь один человек на свете понимает, отчего кипит и бунтует Антуан — его мать. Одной ей он приоткрывает потаенные уголки своей мятущейся души: "Я, мама, скорее, жесток по отношению к самому себе и вправе отвергать в других то, что отвергаю и исправляю в самом себе. Я такой, каким могу быть, и это даже немного тяжело..."

Что приведет его в авиацию? То же самое, что и когда-то в армию — отчаяние. И еще — вера в то, что профессия летчика гражданской авиации (в те годы куда более опасная, чем сегодня) предоставит ему возможность познать всамделишную, не "костюмированную", суровую и прекрасную в своей противоречивости жизнь. ("Прежде, чем писать, нужно жить", — так объяснит он свое решение расстаться с Парижем и богемой.) Заделавшись профессиональным летчиком, граф Антуан останется легкоранним, гордым, самолюбивым человеком, но довольно быстро освободится от того, что во все века губит многих от природы умных и талантливых людей — комплекса неполноценности. Он отлично чувствует себя, поднявшись в небо — оно становится его второй родной стихией. Взгляд на землю из поднебесья ("До чего же прибран мир, когда смотришь на него с высоты трех тысяч метров!") делает ее и живущих на ней людей более близкими и понятными. ("Земля людей" — так он и назовет одну из своих повестей.) Даже занимаясь одно время наземным обслуживанием в Аравийской пустыне, он испытывает душевную эйфорию. "Дорогая мамочка. Что за монашескую жизнь я здесь веду! Полное отрешение от благ. Дошатая постель, тощий соломенный тюфяк... пишущая машинка и казенные бумаги... Самолеты прибывают целую неделю. Затем три дня перерыва. И когда они улетают, я чувствую себя насадкой, у которой разбежались цыплята. Я тревожусь до тех пор, пока радио не принесет весть об их прибытии в следующий пункт... В часы прилива море добирается до нас, и когда по ночам я сижу, облокотившись на подоконник моего окошка с решеткой, оно плещет подо мной, словно я в лодке... Учусь писать. Уже немного получается... Чувствую себя хорошо. Мамочка, ваш сын очень счастлив, он нашел свое призвание".

В авиации он найдет и много новых друзей — мужественных, скупых на слова, надежных. Высокое чувство товарищества, воспетое в литературе Ремарком и Хемингуэем, Антуану знакомо не по книгам. Совершая полеты за тысячи километров, он не раз попадает в беду, из которой его выручают друзья. То же самое делает он, когда это случается с ними. Он ведет самолет, невзирая на погоду, совершает посадку в горах, песках, на территории, контролируемой враждебными племенами. В представлении к ордену Почетного легиона, которым было решено его наградить, о нем говорится как о "пилоте редкой смелости", проявлявшем "замечательное хладнокровие и редкую самоотверженность при спасении раненых экипажей". Кровь предков, в числе которых было немало храбрых рыцарей, как видно, давала о себе знать в графе-летчике...

Но дружелюбный, преданный товарищам, Антуан из-за некоторых особенностей характера и артистичной природы для большинства пилотов остается если не чужаком, то "вещью в себе". Используя любые предлоги, он стремится летать в одиночку и будто заведомо отрезая себе путь к отступлению, не берет с собой на борт радиопередатчик, по которому мог бы попросить о помощи. И, что особенно примечательно, всем временам суток для полетов предпочитает ночное. Летя над спящими городами в полном одиночестве, он испытывает мало кому ведомое наслаждение, чувствует себя человеком, поднявшимся в "надзвездные края". Однажды он так и напишет: "...сокровенная тема этой книги — ночь (ведь моя жизнь начинается после девяти часов вечера)". В его знаменитой повести "Ночной по-

лет" есть страницы, которые мог написать только он, человек, знавший ночное небо так же хорошо, как землю, залитую полуденным солнцем. "Горы Бразилии четко выделялись на светящемся небе, окунали в серебристые воды моря свои порошкие черным лесом вершины... На этот лес, не окрашивая его, лились непрерывным дождем лунные лучи. И острова — тоже черные, как обломки кораблекрушения в морских волнах. И эта неистощимая луна на всем пути — брызжащий светом фонтан..." "Звезды казались... чересчур яркими, воздух — слишком влажным. Странная ночь! Она внезапно начинала подгнивать — подгнивать слоями, как мякоть роскошного с виду плода..."

Даже эти небольшие кусочки его прозы говорят, что он был больше поэт, чем прозаик. Один проницательный критик так скажет об этой особенности его литературного таланта: "Его мысль бесконечно оборачивается поэзией, а поэзия так же бесконечно превращается в мысль". Конечно, прозу Сент-Экзюпери можно любить или не любить, но в чем его невозможно упрекнуть: он ни под кого не подделывался, это словно бы про него сказано: "Стиль — это человек". Даже в своих между делом написанных письмах он оставался верным себе. Вот как, к примеру, он скажет про начавшуюся вторую мировую войну: "Дело дрянь. И все-таки я не могу не поражаться синеве этого вечера. Война такая печальная и такая синяя".

Да, по своему мироощущению и манере письма он был романтиком (среди писателей XX века, пожалуй, последним), умевшим видеть самую мрачную действительность "синей", тогда как все остальные видели ее только черной. Друзья-летчики любили Сент-Экса как человека, но их немало смущал пафос его сочинений о жизни пилотов: на их взгляд, он многое преувеличивал. Писатель это знал. В чем-то он с ними соглашался, в чем-то — нет. Да, говорил он, самолет "всего лишь орудие, такое же, как плуг". Но, возражал он им, самолет — "орудие, которое, прокладывая воздушные пути, приобщает человека к вечным вопросам". Вот ради них, вечных вопросов бытия, он и садился за штурвал...

Он долгое время не мог привыкнуть к тому, что его называют писателем, да еще с эпитетом "выдающийся". Звание летчика ему льстило больше. И к процессу сочинительства он относился без всякого пиетета: часто писал, что называется, на коленке, а одно время даже на бочке из-под горючего. И вот еще какая странность была у него: когда он работал над очередной повестью, то не читал ничего художественного, но зачем-то обкладывался сугубо технической литературой. Техника и наука каким-то образом вдохновляли его романтическую музу... Случалось, он умолкал так надолго, будто давал обет больше не писать. После первой книги вторая у него выйдет через восемь лет. А одно время он вообще бросит писать прозу и станет киносценаристом, но ни один фильм по его сценарию не будет снят. Боясь фальши и неправдоподобия, Сент-Экзюпери вздрог разругается со всеми кинорежиссерами. И лишь после этого вновь возьмется за прозу...

Но если писателем он был в самом деле и замечательным, и выдающимся, то летчиком — посредственным. Вернее, страшно безалаберным и дико беспечным по отношению к вверенной ему технике и даже к собственной жизни. Он мог начинать взлет, уткнувшись лицом в книгу, и подняться в воздух, забыв захлопнуть дверцу кабины. Однажды, не поставив в известность начальство, поведет новый, еще не испытанный в полетах самолет и через несколько мгновений окажется среди его обломков на земле, что будет ему стоить нескольких месяцев мук в гипсе. Был случай, когда он додумался взять на борт львенка. Ошалев от моторного гула и тряски, звереныш нападет на пилота, зубами и когтями выражая ему свое неудовольствие. Правда, в экстремальных обстоятельствах Сент-Экзюпери как пилот

проявляет не только мужество, но и изумительное мастерство. Так, во время перелета Париж-Сайгон он посадит терпящую аварию машину прямо в барханах Ливийской пустыни. "Самолет чудом не перевернулся, он полз на брюхе, колотя хвостом по песку, словно разъяренный ящер", — так опишет эту посадку сам Сент-Экзюпери. Оценивая масштаб случившегося, один бывалый летчик философски заметит: "После этого разбитые уже нельзя". И действительно: через некоторое время граф Антуан снова окажется среди обломков и снова врачам его придется собирать чуть ли не по частям...

Беспечное отношение к собственной жизни у него выражалось и в том, что он был отчаянно непрактичным и жил в вечной (хотя, конечно, относительной) нужде. К примеру, за год работы торговым агентом автомобильной компании он умудрился продать всего один грузовик. Ему уже под тридцать, а он в письмах к матери (вынужденной, в конце концов, продать Сен-Морис) жалуется на безденежье, по-сыновьи просит ее подкинуть ему ту или иную сумму. Но, получив деньги, тут же тратит их на что-нибудь несущественное, раздает в долг направо и налево. Бывают дни, когда ему не на что снять квартиру, и тогда он, нимало не смущаясь, живет у кого-нибудь из друзей, "снимая" ванную...

Даже когда он благодаря огромным тиражам своих книг и отовсюду сыпавшимся гонорарам разбогатеет, деньги по-прежнему будут уходить у него словно вода в песок. Еще вчера не имевший угла, граф Антуан снимает роскошные апартаменты в роскошном отеле, шикует с друзьями в дорогих ресторанах, опять раздает деньги в долг, и опять — кому попало...

Каким-то горьким недоразумением выглядит его личная жизнь: она почти сплошь состоит из неудач. Говоря словами поэта, лодка его любви то и дело садится на мель. (Мимолетные связи, которыми граф не пренебрегал, в счет не берутся.) Его первая пассия Луиза де Вильморен не дождалась жениха, угодившего в очередную аварию, и выйдет замуж за богатого торговца. По прошествии нескольких лет она с удивлением обнаружит, что восходящая звезда французской литературы и ее бывший незадачливый жених — одно и то же лицо. Возможно, она хотела исправить допущенную ошибку, но будет поздно: граф Антуан к тому времени женится и безнадежно запутается в своих семейных делах.

Консуэло Карильйо он встретит и полюбит в Аргентине, где работает одно время служащим французской авиакомпании "Аэропосталь". Боже, на что только он не идет, чтобы добиться взаимности и согласия стать его женой! Рассказывают, однажды, взяв ее на борт, он переведет самолет в крутое пике и не выйдет из него, пока Консуэло, как он того требовал, не поцелует его. Никто не принесет графу Антуану столько тревог и страданий, как эта маленькая, уже дважды до него побывавшая в замужестве, взбалмошная, капризная, непредсказуемая в своем поведении женщина. Дочь писателя А.И. Куприна, хорошо знавшая Консуэло, так вспоминала о ней: "У нее была масса того, что французы называют "персоналите", а у нас своеобычностью. Но в большой дозе она была утомительна... Она, например, никогда не рассказывала что-нибудь просто. Факты перемежались с необузданной фантазией... даже самые интимные... и притом сумасшедшие вещи!" В умении сорить деньгами она превзошла Антуана, вынуждая его залезать в долги, постоянно устраивала мужу публичные скандалы, на его глазах крутила романы и при каждом удобном случае напивалась до ручки. Говорят, катастрофой в Ливийской пустыне Сент-Экзюпери во многом обязан ей: накануне полета он всю ночь не спал, разыскивая графиню в злых местах Парижа. Тем не менее он никому не позволял говорить о ней плохо ("Мы все в ответе за тех, кого приручили", — скажет он в своем "Маленьком принце"), терпе-

ливо сносил все ее выходки и оскорбления. Когда "Маленький принц" выйдет в свет, все его друзья, не сговариваясь, в колючей капризной розе узнают Консуэло, но, опять же не сговариваясь, сочтут, что Антуан сильно идеализировал свою жену, состоявшую, казалось, из одних шипов... Неудачная семейная жизнь будет многого стоить Сент-Экзюпери: к сорока годам он сильно сдаст. Но он не сделает ни одной попытки развестись с Консуэло. Больше того, когда начнется вторая мировая война, он, став военным летчиком, попросит мать предоставить Консуэло помощь и кров, если та попросит ее об этом...

Прямой потомок не только рыцарей, но и средневековых иерархов французской церкви, он был неверующим человеком. Правда, в этом отношении он мало чем отличался от многих интеллигентов того времени, принявших несомненные успехи науки лишь как аргумент в пользу атеизма. Да и трудно было от такой увлекающейся природы, как он, ожидать святости и благонравия. "Будь я верующим, — словно бы посмеиваясь над собой, скажет он однажды, — я был бы монахом". Но он, может, как никто из современных ему писателей, много размышлял о глобальных проблемах человеческого бытия, высказал немало отвлеченно-философских идей. Его смело и без тени иронии можно назвать выдающимся моралистом XX века. "Быть человеком — это и значит чувствовать, что ты в ответе за все. Сгорать от стыда за нищету, хотя она как будто существует и не по твоей вине. Гордиться победой, которую одержали твои товарищи. И знать, что, укладывая камень, помогаешь строить мир". Его слова, подобные этим, воспринимались несколькими поколениями прошлого века как нравственный катехизис, как неоспоримые правила духовного обновления человечества. Все, что говорил Сент-Экзюпери, в глазах людей приобретало особый вес: в отличие от многих моралистов, он и сам в жизни следовал тому, что утверждал на словах...

От политики он старался держаться подальше. Сент-Экзюпери не был, как считали светские дамы, коммунистом, но и капиталистическая система не вызвала у него восторга. "Промышленность, основанная на прибыли, — заметит он однажды, — стремится... создавать людей для жвачной резинки, а не жвачную резинку для людей". "Век рекламы, конвейера, тоталитарных режимов, армия без труб и знамен! — воскликнет он в другой раз. — Ненавижу всеми силами свою эпоху. Человек в ней умирает от жажды".

Он был пацифистом и посвятил много статей жестокости и бессмысленности любой войны. Но когда гитлеровская Германия разгромит Францию, вчерашний пацифист переосмысливает свое отношение к войне. Уже немолодой человек, мучимый многими болезнями и старыми ранами, он вновь садится за штурвал самолета, на этот раз — военного. Он приходит в ярость, когда друзья, исходя из лучших побуждений, пытаются отговорить его от участия в боевых действиях. "Ты прекрасно знаешь, как я далек от воинственности, — пишет он одному из них. — И тем не менее я не могу остаться в тылу... Это большая интеллигентская гадость утверждать, что надо уберечь тех, кто представляет собой ценность. Только участвуя, играешь действительную роль". Но он на самом деле уже был мало пригоден для войны. Он надевал или снимал с себя летный комбинезон всегда лишь с помощью сослуживцев — и всегда со стонами от боли. Но он так рвался в небо! Наверное, ему там было легче, чем на земле. Причем майор Сент-Экзюпери всякий раз просил, чтобы его полеты проходили над районом Анесси — кусочком оккупированной Франции, где прошло его детство...

Но даже участвуя в войне, он не приемлет ее как способ разрешения человеческих проблем. "Я вам почти ничего не говорю о моей жизни, да и нечего, собственно, сказать: опасные задания, еда, сон, — так, без всяких прикрас, описывает он

фронтовые будни. — Я испытываю страшную неудовлетворенность. Для сердца нужны другие упражнения. Пустыня сегодня в душе... Но больше, чем война, меня пугает завтрашний день. Разрушенные деревни, разрозненные семьи, смерть — все это куда ни шло, но я не хочу, чтобы война уничтожила духовную общность людей...”

Как писатель Сент-Экзюпери переживет самого себя еще при жизни. Уже перед войной, несмотря на то, что его книги по-прежнему издаются большими тиражами, за ним, как прежде, не гоняются репортеры, литературные критики не спешат откликнуться на его новые произведения. Это будут годы, когда в моду войдут литература абсурда, романы без героев... Лишь после войны, когда Европе, чтобы восстать из пепла, понадобятся ободряющие идеалы, о Сент-Экзюпери снова вспомнят, снова его книги будут покупаться нарасхват. Затем снова спрос на них упадет, в том числе и в России. Не верится, однако, что это — навсегда...

Да, сегодня уже не все из нас помнят имена героев “Южного почтового”, “Ночного полета”, “Военного летчика” и других его повестей. Но, можно не сомневаться, все мы помним и вряд ли когда-нибудь забудем его Маленького принца из одноименной сказки — может, самого лучшего из всего, что он написал.

Станет общим местом указывать на сходство автора сказки с ее упрямым, трогательным, чистым в мыслях и поступках маленьким пришельцем из далеких миров. Но что поделаешь, если это так на самом деле? Сент-Экзюпери и сам был во многом не от мира сего. “Маленький принц”, — это как бы его фантастическая автобиография. В этой сказке, написанной, скорее, для взрослых, чем для детей, с роскошным вымыслом соседствуют факты и эпизоды из жизни писателя. Например, говорят, что дикое, но прелестное сравнение шляпы с удавом, проглотившим слона, принадлежит полубезумной Консуэло. И развевающийся шарф Маленького принца Сент-Экзюпери как бы срисовал с самого себя: точно такой же он, никогда не надевавший пальто, повязывал себе на шею в холодную погоду. Но главное сходство в другом: рослый Антуан тоже был Маленьким. Он всю жизнь до последнего вздоха — и этим, в первую очередь, этим объясняются многие его странности — оставался большим ребенком, за что его горячо любили люди, но что, несомненно, было причиной многих недоразумений в его жизни, которые, в свою очередь, оказывались мощным источником его неповторимого творчества.

“Маленький принц” — это еще и редкий случай самопророчества. Автор сказки и его герой не умрут в общепринятом смысле слова, а покинут планету по имени Земля. Звездного мальчика от бренности земного существования избавит ядовитая змея. “Точно желтая молния мелькнет у его ног. Мгновение он оставался недвижим. Не вскрикнул. Потом упал, медленно, как падают деревья. Медленно и неслышно, ведь песок приглушает все звуки... когда рассвело, я не нашел на песке его тела”. Сам Сент-Экзюпери 31 июля 1944 года вылетит на боевое задание и уже не вернется никогда. Обстоятельства его гибели останутся неизвестными. Его до сих пор считают без вести пропавшим. Сравнительно недавно на дне Средиземного моря нашли его браслет. Но это само по себе еще ничего не значит...

Незадолго до последнего вылета Антуан по своему обыкновению отправил матери письмо. Нетрудно представить, с каким чувством, какими слезами обливаясь, читала его госпожа де Сент-Экзюпери, уже зная, что её странного, но бесконечно родного сына больше нет на свете. Вот это письмо:

“Дорогая мамочка, я так хочу, чтобы вы не беспокоились обо мне. Чувствую себя очень хорошо, совсем хорошо. Я горюю, что так долго вас всех не видел... Несчастное время! Когда, наконец, станет возможным сказать тем, кого любишь, что ты их любишь?...”

“Что имеем — не храним, потерявши — плачем”. Известное всем изречение, банальность которого не умаляет его справедливости. Но вот героям этой истории буквально чудом удалось сохранить семью и обрести наконец счастье. Повезло? Или — на роду так было написано?

Несколько лет тому назад свадьбу Гали и Олега показывали по телевизору. Случайно оказавшиеся во Дворце

Светлана БЕСТУЖЕВА-ЛАДА

ОТ СУДЬБЫ НЕ УИДЕШЬ

бракосочетаний телевизионщики пришли в полный восторг от “самой счастливой пары сезона”. А поскольку пара оказалась не только счастливой, но еще и фотогеничной, то их свадебная фотография украсила одну из обложек популярного журнала, где я имела счастье сотрудничать. Такое триумфальное начало!

Поэтому, когда появилась необходимость написать о самом счастливом событии года у самых разных людей, естественно, вспомнилась эта пара. И естественным было поинтересоваться, как сложилась их семейная жизнь. Ведь даже самое блистательное ее на-

чало, к сожалению, не дает гарантии прочности и долгосрочности брака.

Пессимистические прогнозы мои, однако, не оправдались. Голос Гали в телефонной трубке был неподдельно радостным:

— Да, мы по-прежнему вместе. Самое счастливое событие? О-о, это — целая история. Конечно, мы с удовольствием ее расскажем, тем более что наш опыт может кому-то пригодиться. Приезжайте, ждем.

История действительно оказалась, мягко говоря, незаурядной. И счастливым событием в жизни Гали и Олега она стала лишь благодаря самому невероятному стечению обстоятельств, которому способствовали, кстати, друзья молодых супругов.

Это утро ничем не отличалось от сотни других. Зазвонил будильник — и его тут же прихлопнула тяжелая мужская рука. И в ответ на звонкий зевок с другой половины кровати раздался тяжелый вздох... Привычно начинался будний день.

Воистину, привычка убивает любовь. За прекрасными медовыми месяцами последовали будни, похожие друг на друга, как горошины из одного стручка. А потом томительными стали и выходные дни, если они проходили без гостей, с глазу на глаз. А ходили в гости и принимали у себя все реже: друзья и подруги женились, выходили замуж, обзаводились детьми. Да и сегодняшняя жизнь оставляла не слишком много времени на отдых — нужно было делать карьеру, зарабатывать деньги, словом, вертеться.

Галя и Олег, естественно, тоже "вертелись". К счастью, оба были программистами, так что безработица им пока не угрожала. Но вот вопрос о ребенке оставался открытым. Их доходы росли, но и цены — тоже. Сначала нужны были сотни, потом — тысячи, причём отнюдь не рублей, чтобы "продолжить род". А чем больше проходило

времени, тем меньше молодым супругам хотелось "связывать себя" ребенком. А когда в супружеских отношениях появились первые шероховатости, трещинки, оба решили, что поступили мудро. Хотя в глубине души оба немного сожалели о том, что своевременно не "сгруппировались".

Так что, повторяюсь, это утро ничем не отличалось от многих других. Первоначально. Но, по-видимому, накопившееся взаимное раздражение достигло критической массы именно в это хмурое ноябрьское утро. То ли туман с дождем, залепивший окна, превратил просто плохое настроение в отвратительное, то ли невымытая с вечера посуда послужила катализатором взрыва, то ли Олег на лишнюю пару минут задержался в недрах совмещенных "удобств", задержав тем самым Галю. А может быть, и то, и другое, и третье стало поводом для скандала. В любом случае скандал состоялся. И не традиционная супружеская перебранка, а такая ссора, с такими взаимными определениями, что Олег выскочил из-за стола, не допив кофе, побросал в кейс самое необходимое и хлопнул дверью. Выкрикнув на прощание, что с него довольно, более он себя женатым человеком не считает и Галина тожевольна устраивать свою личную жизнь, как ей заблагорассудится. После развода, разумеется.

— И больше вы не общались? — с любопытством спросила Галя ее ближайшая подруга Оксана. — За целую неделю один телефонный звонок? Ну, ребята, вы даете! А ты не хочешь сделать первый шаг?

— Тут нужно не шаги делать, а принимать окончательное решение, — усмехнувшись, сказала Галя. — Я вовсе не уверена, что хочу снова влезать во всю эту бодягу. День за днем одно и то же. Надоело! Раньше хоть в кино ходили, на выходные из Москвы уезжали... А теперь почти каждый вечер дома у телевизора сидим, да и то ссоримся: футбол смотреть или про любовь...

— Про любовь... Ты его, кстати, любишь?

— Почему я знаю! Привыкла. И он, наверное, привык: Ладно, подожду еще. Может, одумается. Хотя не уверена, что хочу его возвращения... Опять тоска, опять его походы в баню и на преферанс с каким-то Романом. Может, это просто ширма. Иначе познакомил бы, я же всех его друзей знаю.

— А где Олег живет?

— Понятия не имею. Не у друзей, во всяком случае. Не исключено — у подруги.

— Ну и ты заведи себе кого-нибудь! Нельзя же так сидеть и оплакивать неудачный брак. Вон в газетах объявлений о знакомстве и браке — пруд пруди... Или я тебе кого-нибудь поищу.

— Посмотрим, — неопределенно сказала Галя. — Но мне ведь не флирт нужен, а нормальная семья. И ребенок.

— Дозрела?

— Дозрела. Знаешь ведь: что имеем — не храним...

В то же самое время на другом конце Москвы Олег тоже беседовал по душам со своим приятелем. Не самым близким, правда, зато таким, который помог временно решить жилищную проблему: дал ключ от своей однокомнатной квартиры, поскольку сам жил у жены. Звали приятеля Романом, и он искренне не мог понять, почему Олег никак не обзаведется партнершей. Хотя бы временной.

— Ты меня, конечно, извини, старина, но ты очень все усложняешь. Хата есть, бабки есть, вообще все при тебе. Какие проблемы? Баб вокруг — навалом.

— Да не умею я на улице знакомиться! Точнее, разучился.

— Знакомься в помещении. Тебе скоро тридцать, неужели тебя нужно учить, как телку снимать?

Олег раздраженно поморщился:

— Мне не телка нужна, а женщина. То есть будущая жена. Иначе я не стал

бы заводить всю эту волынку с разводом и разменом квартиры. Попросил бы у тебя ключи на вечер — всего и делов.

— Ну, если ты хочешь жениться, так тебе нужно охрану нанимать. Иначе желающие просто растерзают тебя. Молодой, интересный — да еще хочет жениться, а не просто переспать.

— Не понимаю, что тут смешного. Мне нужно, в общем-то, немного: молодая, неглупая, миловидная женщина, чтобы любила дом и хотела иметь детей.

— Тогда это — твоя Галя.

— Но она не хочет ребенка! И я ее раздражаю... Как и она меня, впрочем.

— Тогда дай объявление в газету. Сейчас это модно.

— Я не холодильник ищу, а жену!

— Тогда я тебя не понимаю. Что тебе мешает?

— Честно говоря, сам не знаю. Наверное, боюсь проснуться утром и подумать: "Господи, а что эта чужая тетка делает в моей постели?"

— Действительно тяжелый случай. Поговорю-ка я со своей супружницей. У нее подруг — полным-полно. Пусть подберет тебе подходящую. У нас и познакомитесь, как бы ненароком. Годится?

— Попробовать можно...

— Одна, говорят, попробовала — семерых родила. Ладно, не вешай носа. Получишь развод, разменяешь квартиру — и начнешь новую жизнь. А мы с жинкой поищем тебе молодую и миловидную. С неглупой, конечно, сложнее, тем более что в наше время детей только дураки хотят иметь. В общем, кто ищет, тот всегда найдет. Спорим, твоя Галка уже кого-нибудь подцепила?

— Не знаю. Когда я ей однажды позвонил, голос у нее был не слишком радостный...

А время незаметно шло, и до Нового года оставалось совсем немного. Ко

всем прежним заморочкам с разводом и разменом прибавилась еще одна: где встречать Новый год? Четыре года подряд Галя и Олег отмечали этот праздник в собственной квартире, приглашая еще две-три супружеские пары, и весело проводили время. Теперь же все было неясно. Галя ни за что на свете не поехала бы на новогоднюю ночь к родителям — выслушивать мамины причитания о легкомысленном отношении современной молодежи к семье и браку и выдерживать неодобрительные папины взгляды. К друзьям? Там тоже будут разводить чуткость и проявлять сочувствие. Оксана обещала помочь, но сама еще толком не знала, куда их с мужем пригласят на Новый год. И лишь за неделю до праздника позвонила сообщить радостную новость:

— Значит, так. Мы пойдем к моей сослуживице. У них с мужем квартира в самом центре, очень удобно. И главное, для тебя нашли кавалера. Не старше тридцати, это точно, холостой, но вроде бы хочет жениться. Москвич, есть квартира. Нужна молодая, приличная женщина, главное, чтобы любила детей.

— Вот это правильно. Если бы Олег хотел ребенка, то уговорил бы меня. Дура я была, что с этим тянула. Ну, ничего, второй раз такой ошибки не сделаю. Я ведь действительно люблю детей.

— Ну и отлично! Я буду рядом, так что не волнуйся. Надеюсь, он к тебе не будет с глупостями приставать, если ему нужна приличная женщина.

Почти в то же самое время происходил и другой телефонный разговор. У Олега с Романом.

— Значит, так, старина. Мы с супружницей приглашаем тебя на Новый год. Она, кстати, нашла для тебя даму, надеюсь, что не только на один вечер. Молодая, одинокая, квартира есть. Вроде бы приличная, во всяком случае, мечтает о ребенке.

— Откуда твоя жена ее взяла?

— Не беспокойся, не с улицы. Это — подруга ее сослуживицы. В общем, попытка — не пытка. Как говорится, не догонишь, так хоть согреешься. А если сладится — с тебя бутылка.

— Бутылку я тебе хоть сейчас поставлю, если надо.

— Не гони волну, старина. Значит, ждем тридцать первого. Адрес знаешь, так что давай.

В последнюю минуту, однако, все чуть было не сорвалось. Галя договорилась встретиться с Оксаной и ее мужем на выходе из метро. Но с опозданием на двадцать минут примчалась одна Оксана.

— У меня стихийное бедствие: свекор со свекровью нагрянули экспромтом. Целый год деньги копили, за границей ведь живут, в Белоруссии. Так что я тебя только провожу, познакомлю — и обратно. Иначе, сама понимаешь, кровная обида будет.

Галя сразу скисла и попыталась отказать. Но Оксана была непреклонна:

— Идем, люди ждут. Под лежачий камень вода не течет, а не понравится мужик, так распрощаешься, и будем другого искать.

Сослуживица Оксаны жила в десяти минутах ходьбы от метро. Оксана почти втолкнула Галю в прихожую, наскоро объяснила хозяйке ситуацию и умчалась. А Галя... осталась.

Хозяйка дома, понимая деликатность ситуации, проявила максимум такта. Познакомила Галю с остальными гостями, попросила чувствовать себя как дома.

— Вот придет муж — и сядем за стол. Они с приятелем в дежурный "Гастроном" побежали. Всегда что-нибудь забудешь в последний момент. А вы, Галочка, располагайтесь, отдыхайте, музыку послушайте...

Десять минут спустя она вновь пошла к Гале, одиноко сидевшей в кресле перед телевизором:

— Вот, Галя, познакомьтесь, это приятель моего мужа, Олег.

Галя подняла глаза и онемела. Перед ней стоял... ее собственный, пока еще вполне законный муж. Принаряженный, тщательно выбритый, с радостной улыбкой на губах. Улыбка, правда, казалась несколько деланной, поскольку Олег, похоже, тоже, мягко говоря, растерялся. Но через минуту овладел собой и склонился к Галиной руке:

— Очень, очень приятно. Мое любимое имя. И молодая, прелестная женщина. Просто новогодний подарок.

Галя посмотрела на него и поняла, что он не шутит. Ему действительно было приятно ее увидеть. И, что тоже немаловажно, приятно было и ей. Она и не подозревала, как соскучилась без него. И немного забыла, какой он обязательный...

Хозяева дома были в полном восторге. Олег прямо-таки "прилип" к Гале, а та, похоже, ничего не имела против, скорее наоборот. Танцевали они только друг с другом, а в промежутках между танцами о чем-то шушукались в углу гостиной. Пару раз выходили на кухню покурить, а когда Роман решил к ним присоединиться, ему показало, что парочка только что целовалась. Во всяком случае Галя смущенно выскользнула из кухни, оставив мужчин вдвоем.

— Ну что, старина, — добродушно спросил Роман, — понял, как важно иметь настоящих друзей? Сам бы такую ни в жизнь не нашел, спорим? Кстати, с тебя бутылка.

— Обязательно! — подтвердил Олег. — Если бы не ты, я бы таких дров наломал, ого-го! Но теперь — все. Берусь за ум и начинаю новую жизнь. Собственно говоря, уже начал.

И, потушив сигарету, вернулся в гостиную. К Гале. Ушли они, конечно же, вместе. И не знали, что Оксана уже звонила своей сослуживице, и что та подтвердила точность выбора.

— Они прямо-таки созданы друг для друга. И вообще, по-моему, это любовь с первого взгляда.

— Значит, самым счастливым событием этого года для вас была ваша, так сказать, вторая свадьба? — спросила я.

Супруги переглянулись с видом заговорщиков. Похоже, у них в запасе был еще один сюрприз.

И действительно, Галя на минуту вышла в соседнюю комнату и вернулась оттуда с младенцем на руках. Крохотный человечек крутил головенкой и недовольно кряхтел.

— Главное событие года, самое счастливое событие — это наша Любовь.

Голосом заглавные буквы не передаются, поэтому смысл сказанного до меня дошел не сразу. И Олег пояснил:

— Наша Любушка, Любаша, Лялька. Она родилась тридцатого сентября. Мы долго думали, как ее назвать. Верой? Мы и так верим, что у нас теперь все будет хорошо. Надеждой? И с надеждой на счастливое будущее у нас тоже все в порядке. А любовь... Любовь всегда должна быть в семейном доме.

Оставалось только пожелать Гале и Олегу сохранить то, что они уже имеют. И не позволять больше серым будням убивать такое прекрасное и редкое — увы! — счастье: семейное.

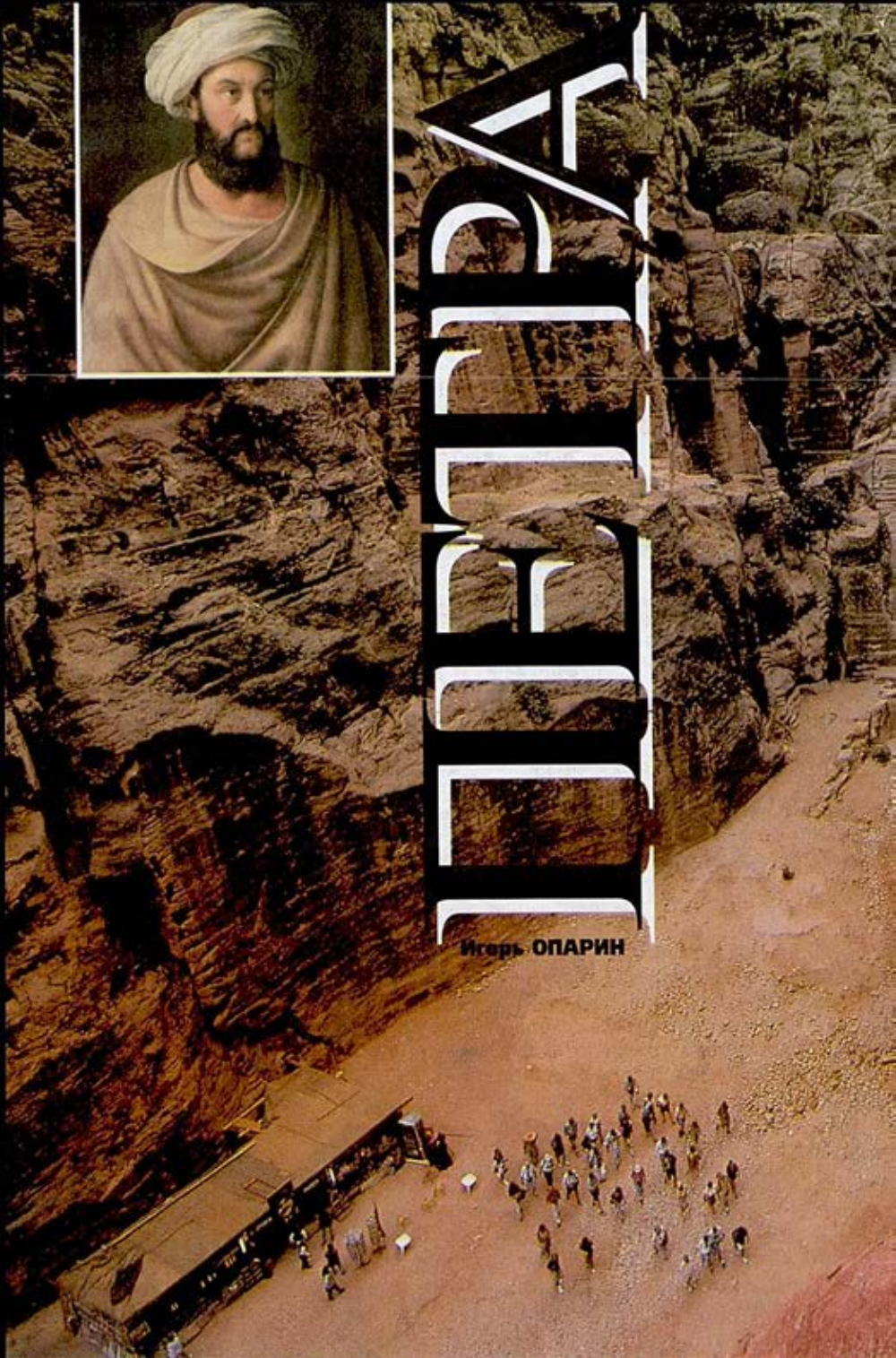
А нам остается только гадать, что же случилось: стечение обстоятельств? удача? соответствующее расположение звезд? Но в любом случае вспоминается старинная присказка:

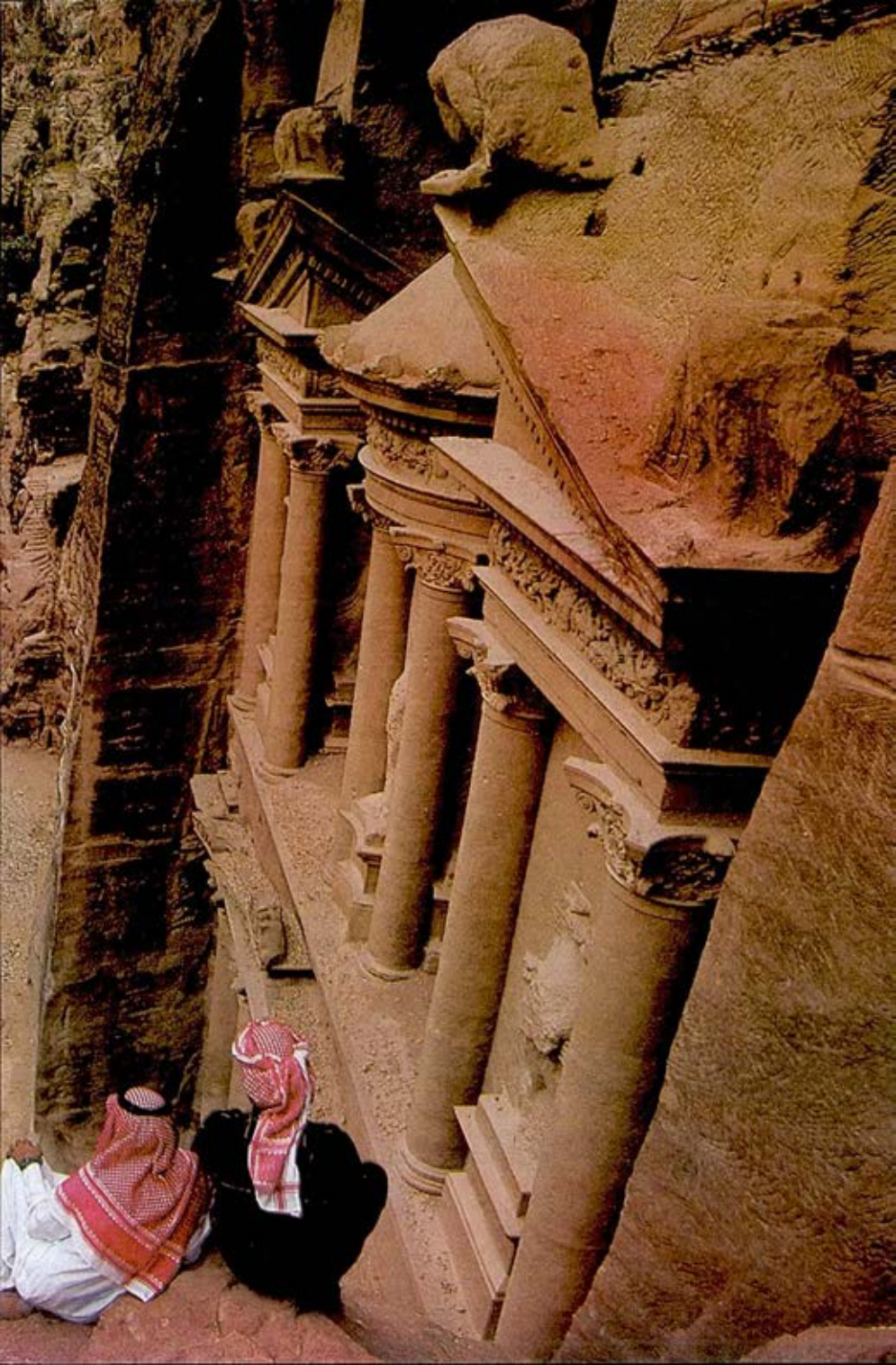
"От судьбы не уйдешь". ■

ПЕРВА

Игорь ОПАРИН

В наши дни путешественники со всего мира приезжают в Иорданию, чтобы увидеть знаменитую Петру, о которой англичанин Джон Бургон как-то сказал: "Петра, прекрасный розово-красный город возрастом в половину вечности". А совсем недавно, еще в прошлом веке, в Европе и не подозревали о существовании этой жемчужины древности...

В начале XIX века почти весь Ближний Восток принадлежал Османской империи. Власть шахов была еще крепка, и редко кто из европейцев осмелился проникнуть во владения турок. Но после наполеоновских походов в Египет страстный интерес ко всему восточному — истории, товарам, укладу жизни местных народов — овладел Европой. Все новые и новые авантюристы — священники, миссионеры, ученые, путешественники, а иногда и шпионы, — часто переодевшись в мусульманские одежды, высаживались в портах Ливана и Сирии и шли с торговыми караванами по легендарным землям, где когда-то жили библейские герои.

Среди таких авантюристов — швейцарский путешественник Иоганн Людвиг Буркхардт (1784-1817). Он оказался на Ближнем Востоке летом 1812 года, а в конце августа его путь шел из Сирии, из Алеппо, в Египет, целью путешествия был Каир. Переодевшись паломником, в рваных одеждах, чернородый, странствовал он по аравийской земле вместе с торговым караваном. Буркхардт прекрасно знал арабский язык, регулярно совершал намаз и в учении мог посоревноваться с любым муллой. Даже имя себе взял арабское — Ибрагим ибн Абдулла. Здесь, в стране ислама, все должны принимать его за правоверного мусульманина — ведь иначе несдобровать: религиозные фанатики, проведая, что он неверный, наверняка бы не церемонились — тут же зарезали, как свинью, и никто бы не узнал, где в

далекой аравийской пустыне покоятся его останки. Так, под постоянной угрозой смерти, путешествовал этот отчаянный и смелый человек.

Синай не радует разнообразием пейзажа. Горы и пески, горы и пески... Да еще палящее солнце... Все время хочется пить, а колодцы, наполненные горьковатой и грязноватой водой, так далеко друг от друга, что если один из них пересохнет, караван не дойдет до другого — люди умрут от жажды. Но для Буркхардта эти земли стали притягательнее всех оазисов и садов. Ведь когда-то именно здесь, по каменистым тропам, шли ведомые Моисеем евреи, убежавшие от египетского рабства. Здесь голодали они, мучались от жажды и болезней... Здесь Моисей ударом посоха рассек скалу и напоил из источника жаждавших. А теперь, с горечью размышлял Иоганн, следуя за тяжело навьюченным верблюдом, легендарные земли — владения арабов, теперь тут кочуют бедуины да изредка проходят торговые караваны...

Однажды, когда путники находились недалеко от Мертвого моря, Буркхардт случайно разговорился с симпатичным арабом, местным торговцем. Тот с удовольствием поведал паломнику о таинственных древностях долины Вади Муса — Долины Моисея, над которой возвышается священная гора мусульман — Гарун. Рассказ араба чрезвычайно заинтересовал Буркхардта. Он просто обязан попасть в эту долину, — решил любознательный швейцарец, — вдруг там остались какие-то следы пророка.

И вот, наконец, долгожданный отдых. С верблюдов сняли тяжелые грузы, уставшие животные разлеглись в скудной тени деревьев, а караванщики улеглись у костра. Надо было срочно придумать причину для задуманной им экспедиции, поскольку простая любознательность в глазах арабов могла выглядеть подозрительно: а вдруг он — охотник за сокровищами древних царей?

И тут у Буркхардта возникла идея. Он подошел к главному погонщику.

— Мне очень хочется подняться на вершину Гаруна, — сказал он. — Еще в Дамаске я дал обет — принести жертву пророку Аарону, брату Моисея, на вершине Гаруна — ведь там, по преданиям, он погребен.

— Ну что ж, твое дело. Но помни — на рассвете следующего дня мы уходим.

Наняв местного бедуина в проводники — всего за пару старых подков, цена оказалась невысокой, он отправился в путь. Проводник таскал за собой козу, а Иоганн — тяжелую флягу с водой. Коза упиралась — ее явно пугала тишина мрачных скал. Идти было трудно. А тут еще дорогу преградила отвесная скала. О, а там — вход в ущелье! Местные жители называют ущелье Сик, сказал проводник. Да это же та самая скала, которую расщепил своим посохом Моисей, отсюда хлынула на евреев вода! — подумал Иоганн. Так рассказывали ему бывалые караванщики, не раз ходившие по этим местам, но никто из них не заглядывал сюда...

Путешественники вошли в ущелье, оказавшись на дне глубокой, но узкой пропасти. Над ними — тонкая полоска неба, и свет с трудом проникал в глубь огромной расщелины. Стены ее были влажными, и несколько жалких кустиков повисло над проходом. Дно расщелины усыпано мелкими камешками — похоже, и правда здесь когда-то давно тек ручей. После примерно получаса ходьбы ущелье внезапно кончилось, и перед отважным путешественником открылся потрясающий вид. Иоганн оказался перед великолепным красно-розовым фасадом здания высотой 20 метров, когда-то давно высеченным в горах. Здание как бы обрамляли стены Сика. Боже, да это целый город! Прекрасные дворцы были розовыми, желтыми, охряными, голубыми — разноцветные скалы незаметно переходили в здания, украшенные изысканной формы колоннами и изящными портиками. Окна и двери открыты и чернели проемами в горах — казалось, их жители только что вышли прогуляться и забыли закрыть двери. Но нет, город совершенно мертв.

Мостовые завалены щебнем, фонтаны и бассейны давно высохли, на стенах и капителях следы разрушения — горячий ветер пустыни и время хорошо постарались. Буркхардт не мог не остановиться перед великолепным, похожим на величественный храм, зданием, которое теперь называют Эль-Хазне Фараон — “Сокровищница Фараона”. (Бедуины считали, что в Эль-Хазне спрятаны сокровища египетских фараонов, и что стоит только сделать отверстие в правильном месте на венчающей Эль-Хазне чаше, и оттуда польется золотой поток. Вот почему она вся в отверстиях.) Солнечные лучи ярко освещали стройные коринфские колонны, фриз и орнаменты в виде изящных завитков, вырезанные из розового камня рукой настоящего мастера. Назначение этого сооружения до сих пор неизвестно, однако его положение в самом конце ущелья Сик кажется тщательно продуманным, словно архитектор хотел поразить путешественников, прошедших темный Сик: после мрака ущелья внезапно перед их глазами выросло это чудо, замечательное творение рук древних.

Буркхардт шел дальше по дороге, называемой в наши дни Внешним Сиком, и везде ему попадались темные входы в помещения, которые, как он думал, служили гробницами, высеченными в горах на разной высоте. Здания неглубоко врезаны в скалах, иногда присутствовал лишь тщательно обработанный фасад, а за ним, кроме неглубокой ниши, не было ничего. Похоже на театральные декорации. Да, настоящий город-театр, словно какой-то шутник вырезал его в разноцветных скалах для совершенно непонятных развлечений!

Долина стала расширяться, и Буркхардт подошел к амфитеатру, ряды которого спускались со склона горы. В этом театре собралось до трех тысяч зрителей, прикинул Иоганн. Перед его взором возникла долина, обрамленная горами, а на западе над всем возвышалась величественная вершина Умн Эль-Биара.

Здесь он обнаружил “множество поваленных камней, фундаменты домов, фрагменты колонн и остатки пешеходных дорожек”. Стали попадаться и настоящие дома, тоже вырезанные в скалах. В основном двухэтажные здания, на второй этаж, видно, поднимались по лестницам, которые время не пощадило, о них можно только догадываться.

Молодой швейцарец стоял в самом сердце древнего города. Горы вокруг изрезаны проходами и просто усыпаны сотнями пустых захоронений жителей города, их храмами и жилищами. Некоторые фасады просты и строги, другие же поражали великолепием входов, колонн и фронтонов, выступающих из скал. Архитектура города, не отличаясь чистотой стиля и имея смешанный характер, явно испытала на себе влияние греческой и римской традиций. Были здесь и строения, напоминавшие египетские храмы, были и не походившие ни на что, виденное Иоганном раньше.

Теперь Буркхардт сомневался, что нашел город Моисея. А может, это Петра (по-гречески “петра” — скала), потерянный город римлян и византийцев?

Солнце садилось, пора возвращаться. Буркхардт не добрался до Деира, прекрасного монастыря в скалах, он не видел и многие другие вырубленные в горах фасады. Его проводник, наблюдая все более и более растущее любопытство своего господина, стал подозрителен. Уже поздно, скоро совсем стемнеет, пора собираться обратно, да и время приступить к церемонии жертвоприношения. Козу торжественно зарезали, а тушу спрятали в небольшую пещеру. Иоганну хотелось еще подняться на горы, может, там сохранились следы пребывания Моисея. Но пришлось уходить из города мертвых...

Вернувшись в Европу, Буркхардт написал историю своего путешествия. Его отчет, опубликованный только в 1827 году, через десять лет после смерти отважного путешественника, стал настоящей сенсацией. Неужели действительно най-

ден город Моисея? О таинственном городе говорили в свете, писали в научных журналах, спорили. Историки штудировали древние рукописи, а такие же отважные путешественники, как Бургхард, устремились в Синайскую пустыню — всем хотелось посмотреть на древний, высеченный в скалах город, ставший экзотической и романтической целью странствий для многих европейцев. В 1828 году Петру посетили два британских морских офицера, капитаны Ирби и Менглес. Позднее они писали, что "город в большей степени напоминает театральную сцену, на которой разыгрывается какое-то фантастическое действие, чем реальный город из камня". Позже в Петре побывали и такие известные путешественники, как французский аристократ Леон де Лабур, американский ученый, специалист по Библии Эдвард Робинсон, английский художник Дэвид Робертс и английский писатель Эдуард Лир. Повар Лира, описывая Петру, говорил, что это "мир, где все сделано из шоколада, ветчины, соуса кэрри и лосося".

Итак, что же это за город, который открыл в Синайских скалах Бургхардт? Сторонники библейской версии, признавая, что Бургхардт действительно нашел Петру, считали, что это тот самый Синай, упоминаемый в Библии, где останавливались евреи во время своего исхода из Египта. Они же и построили прекрасный город. Приверженцы этой теории цитировали записки капеллана и летописца короля крестоносцев Болдуина I, побывавшего в Петре в 1101 году и тоже считавшего, что Петра — легендарный Синай.

Однако чем больше путешественников приезжало в Петру, чем больше действительно серьезных историков и археологов, заинтересовавшись прошлым величественного памятника, изучало древние манускрипты, различные письменные источники и сами развалины, тем яснее становилось, что Петра не имеет ничего общего ни с Моисеем, ни с его народом. Найденный Бургхардтом

город в скалах оказался столицей государства набатеев, арабского племени, обитавшего на этих землях с IV века до н.э. до IV века н.э., примерно семь столетий. И хотя город был хорошо известен европейцам со времен античности, точное знание о его местоположении утеряно со времен Крестовых походов, когда крестоносцы, в XII веке овладев городом, пробыли здесь совсем недолгий период. С тех пор на протяжении семи столетий сюда не ступала нога европейца.

Историки до сих пор не могут дать точного ответа, кто такие набатеи и откуда они пришли на земли нынешней Иордании. Набатеи не оставили своих собственных письменных свидетельств. Ученым приходится основываться лишь на рассказах путешественников, побывавших в набатейском царстве или на археологических памятниках. Одни специалисты считают, что набатеи были простыми кочевниками, осевшими в этих местах благодаря их выгодному расположению — здесь проходили караванные пути, соединявшие Европу, Африку и Азию. Другие полагают, что набатеи пришли из Ассирии, а может, даже с севера Аравийского полуострова. Так или иначе, известно, что набатеи — отважный и воинственный народ, подчас не брезговавший и откровенным разбоем. Первый, как выяснили историки, царь набатеев — Арета I, его правление началось в 169 г. до н.э. Но город Петра, столица набатейского царства, существовал и раньше — упоминания о нем относятся к 312 г. до н.э. В том году греческая армия попыталась завоевать Петру и была вынуждена отступить. Свою столицу набатеи спрятали глубоко в горах, попасть туда можно, лишь пройдя узкое, меньше двух метров, ущелье Баб эль Сик, высокие скалы почти закрывали небо — не удивительно, что отразить набег вражеской армии могла даже небольшая кучка воинов. Благодаря удачному расположению на пересечении двух основных торговых путей — один из них соединял Персидский залив

и Средиземноморье, а другой Сирию и Красное море — город быстро богател. Мальчишки на своих осликах мгновенно разносили новость о том, что в город идет новый караван, и путешественников встречали ароматы вкусной пищи, обильно сдобренной пряностями. Купцы останавливались в Петре на отдых, покупали продукты и запасались водой, а также продавали жителям города свои товары. Петра стала для погонщиков верблюдов и купцов местом, где они, наконец, могли отдохнуть после тяжелых переходов, наестся до отвала, насладиться вкусным холодным вином и развлечься с прекрасными куртизанками. А, кроме того, здесь столько воды! Она струилась по специально проделанным в скалах желобам, брызгала в фонтанах! Набатеи оказались блестящими инженерами-гидрологами — как дорогие алмазы, собирали они каждую каплю воды, хранили драгоценную жидкость в специальных цистернах и подавали ее по специальным трубам и каналам в дома, бассейны и в фонтаны. Сотни цистерн с водой — неприкосновенный запас питьевой воды — помогали жителям Петры выжить в засушливые периоды, а каменные дамбы на окружающих город горах спасали от наводнений, когда наступал сезон проливных дождей. Да, древние набатейские гидроинженеры были настоящими мастерами; созданная ими, тщательно продуманная и надежная система водоснабжения города и сейчас производит неизгладимое впечатление, а уж по тем временам — поистине чудо!

В Петре путники могли не только отдохнуть, но и поблагодарить милосердных богов, позволивших дойти до благословенного города. В скалах их ждали вытесанные храмы бога Душара, главного среди набатейских богов. И, наконец, на рыночной площади можно было хорошо продать свой товар. Набатеи становились все богаче и богаче, собирая немалую дань с караванчиков. Постепенно они тоже стали заниматься

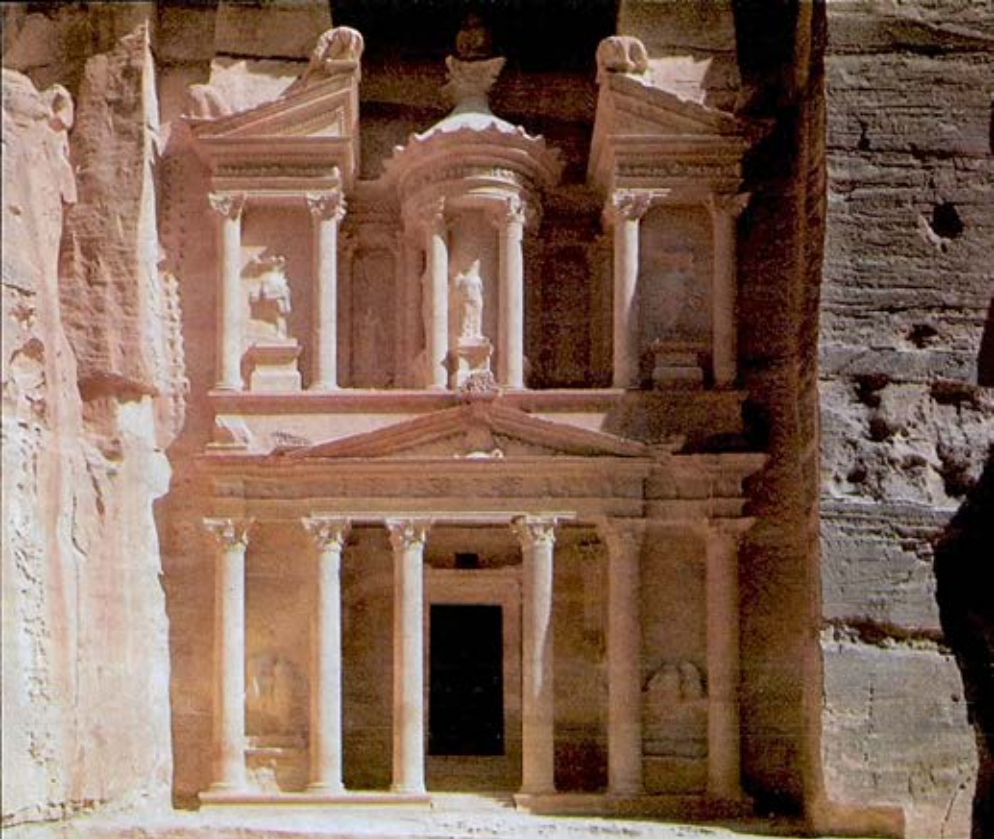
торговлей. В период с I века до н.э. до 40 года н.э. государство набатеев достигло пика своего расцвета, а Петра по всему миру славилась богатством и красотой. Вдоль узких улочек города когда-то располагалось множество маленьких магазинчиков и жилых домов с плоской крышей. Несмотря на то, что в основном почти все эти строения не сохранились, археологи смогли указать местоположение нескольких самых важных муниципальных зданий.

В давние времена жители Петры отдыхали от яркого солнца в тени покрытых крышей колонн грандиозной улицы Колоннады, тянувшейся параллельно руслу реки и ведшей к храмам на окраине города. В жаркий день, движимые жаждой, они шли к Нимфауму — большому, украшенному узорами фонтану с питьевой водой, посвященному нимфам воды. Вода доставлялась к фонтану из источника, находившегося за пределами города, по водопроводу, сложной системе каналов и труб.

Народ Петры молился богам в храмах, которые потрясали своим величием и красотой. Один храм, к северу от улицы Колоннады, был, по-видимому, посвящен богине Атаргатис. К его портику и украшенному мрамором интерьеру подходили, перейдя по мосту через долину и поднявшись по террасам вверх на гору. Внутри храма стены были оштукатурены и ярко расписаны узорами, в которых присутствовали мотивы цветочных гирлянд...

Важнейший из всех религиозных сооружений — грандиозный Каср Фирун — поражал красотой арочного входа. Сейчас от него мало что осталось. Широкие мраморные ступени ведут к четырем гигантским колоннам портика и к входу в храм. Внутри стены украшены росписями по штукатурке. Они освещались естественным светом солнца, проникавшим через два высоких окна на боковых стенах.

Самый большой храм в Петре — Эль-Дейр, "Монастырь". Слегка изоли-

рованное положение на вершине гор к северо-западу от центра города придает какую-то особенную святость колоссальному зданию — его фасад, высеченный из камня, имеет высоту 44 метра.

Своеобразным символом и памятником богатства жителей Петры стали грандиозные каменные гробницы. Среди наиболее впечатляющих — четыре Царские Гробницы в горах к востоку от центральной части города. Первая —

гробница Урн, фасад ее украшен четырьмя поврежденными временем и непогодой колоннами. За ними — вход в огромное помещение, вырубленное в горах на глубину 56 метров. Перед гробницей — довольно большой внутренний дворик, огороженный со всех сторон изящной колоннадой.

Слухи о богатстве набатеев дошли до римлян. Трижды пытались они покорить Петру, и трижды набатеи отражали их атаки. В 105 году умер царь Раббэль II, ставший последним набатейским правителем. Воспользовавшись трудным моментом в жизни государства, римляне подошли к Петре и, наконец, взяли ее, но без штурма, хитростью — просто перекрыли водопровод, и жители горо-

да стали умирать от жажды. Так Петра вошла в состав римской провинции Аравия. Город по-прежнему процветал, и только в III веке, когда открылся новый торговый путь через Пальмиру, расположенную к северу от Дамаска, Петра начала терять свое значение. Позднее, в IV веке, город попал под власть византийских императоров, здесь даже располагалась резиденция византийского епископа, но уже ничто не могло вернуть Петре былого величия. А в 363 и 551 годах произошли страшные землетрясения, окончательно убившие город. Когда в XI веке сюда пришли крестоносцы, Петра была уже мертвым городом. За гидросооружениями великих набатейских инженеров никто не следил, и

постепенно пустыня поглотила город. Иногда местные бедуины, забредая на развалины, селились в многочисленных пещерах, храмах и гробницах, но весь остальной мир забыл о прекрасном городе из розового камня. И только кочевники-бедуины рассказывали новичкам, попавшим в эти места, старую легенду о том, что именно здесь Моисей разрубил посохом гору и дал воду своему измученному походом народу.

Сейчас Петра не так недоступна, как во времена Буркхардта. Из Аммана, столицы Иордании, вас за небольшие деньги доставят в долину и поселят в комфортабельном отеле. Археологи говорят, что еще много памятников древнего города не раскрыто. В воздухе Петры

пахнет грандиозными открытиями, а на ее улицах и площадях валяются многочисленные осколки древних сосудов — трудно не наступить хотя бы на один. Здесь работают археологи со всего мира. Одна из главных целей — восстановить гидросистему, знаменитый водопровод набатеев. “По мере решения этой задачи мы все больше поражаемся, насколько сложные инженерные задачи решали древние мастера”, — говорит руководитель этого проекта Маан аль-Хунейди. Его группа нашла десятки дамб в горах и почти столько же каменных цистерн, вытесанных из песчаника. Каналы ведут от одной цистерны к другой, поставляя воду в разные участки города. В 1997 году рабочие Маана расчистили ущелье Сик и обнажили древнее покрытие, на стенах ущелья показали керамические трубы для воды и высеченное в камне изображение гигантского верблюжьего каравана. Конечно, археологам трудно работать, ведь Петру посещает огромное количество людей со всего мира. Десятки тысяч туристов приезжают в Иорданию каждый год, только чтобы увидеть волшебный город из розового камня.

Если вы когда-нибудь окажетесь в Иордании и решите побывать в Петре, приезжайте в город ранним утром, когда обычные туристы еще спят. По узкому Сику выйдете к Эль-Хазне и, как когда-то Иоганн Буркхардт, восхититесь красотой удивительного создания набатейских архитекторов. А потом пройдитесь по улицам города, пощупайте руками стены его домов, ощутите прохладу древнего камня, и вы обязательно почувствуете аромат благовоний, услышите шум фонтанов, разноязычную речь, крики погонщиков верблюдов и призывы торговцев — сквозь века до вас доносится шум ушедшей жизни, голос древнего, но и сейчас невыразимо прекрасного города, жители которого любили, страдали, воевали, торговали и высекали в скалах прекрасные здания, ставшие величественным памятником давно исчезнувшему народу. ■

Совместный проект журнала "Смена" и интернет-портала Report.ru

Интернет и молодежь

Что такое Интернет? Большой Всемирный Информаторий из фантастического романа братьев Стругацких? Информационная помойка? Виртуальная реальность, в которую уходят недовольные миром реальным? Гигантский банк данных для всех, кто пытается познать окружающую действительность? Средство общения? Ответы неоднозначны.

Выросший из простого объединения компьютерных систем научных институтов, Интернет стал явлением глобальным и многое определяющим в сегодняшней жизни.

Слова Интернет и Информация ныне синонимы. Сеть можно использовать для работы, самосовершенствования, отдыха, развлечения и, увы, удовлетворения низменных инстинктов. Можно

СТАНИ РУНЕТА

"Смена" открывает новую рубрику.

В материалах ее мы предполагаем рассказать о многих важных чертах глобального явления под названием Интернет, способах его воздействия на общество, о предоставляемых им колоссальных информационных ресурсах, возможностях, сложностях и проблемах, стоящих на пути его пользователей.

Постараемся заинтересовать рубрикой не только тех, кто активно использует Интернет в учебе, работе, общении, но и тех читателей, кто далек от информационных технологий. А помогут нам создатели и активные участники интернет-проекта Report.ru. Каждый его портал состоит из выбранных и описанных ведущим ссылкой на лучшие ресурсы Интернета, собственных статей ведущего, а также форума, на котором встречаются люди с похожими интересами. Причем интересы эти — самые разные: высокие технологии и виндсерфинг, электронная музыка и кулинария, путешествия и иностранные языки...

Разумеется, нам хотелось бы, чтобы публикации имели отклик, поэтому наши авторы указывают и свои электронные адреса. Вы можете отправить пожелания, предложения, вопросы прямо в "Смену", написав письмо, позвонив или воспользовавшись E-mail: smena@garnet.ru

утонуть в море информации, или же выплыть, используя возможности Сети максимально эффективно.

Что же интересует молодых на практически бескрайних просторах Интернета?

На сайте одной из популярнейших в Рунете, то есть российском Интернете, поисковых систем Yandex есть ссылка на страницу, где отображаются текущие за-

просы к поисковой системе. Приняв за аксиому, что Сеть посещают и проводят в ней долгое время в основном молодые люди, с большой долей уверенности можно утверждать, что большая часть однотипных запросов сформирована именно представителями растущего поколения.

Секс. Связанные с ним ресурсы стоят на первом месте по количеству запро-

сов. Во всех своих проявлениях, начиная с общих медицинских вопросов и заканчивая поиском порно-контента, который, кстати сказать, очень широко представлен в Интернете. Привлекает анонимность получения ответов.

Знакомства. Часто бывают связаны с предыдущей темой. Причем знакомства в Сети для многих привлекательны тем, что до поры до времени не видишь собеседника, беспрепятственно представляешь его своим идеалом. При этом ты можешь оценить человека исключительно по его высказываниям, образу мыслей, поведению в разговоре, сразу отсеивая неподходящие кандидатуры.

Чаты. Так же часто, но не всегда связаны с предыдущими двумя темами. Весьма часто ищутся чаты по интересам. Привлекают в основном тем, что если человек в реальности застенчив, скрытен и замкнут, то в чате он может раскрыться, быть превосходным оратором и собеседником, душой общества. Популярность разнообразных чатов может быть связана также с проблемой одиночества молодого человека, ищущего людей, которым он может быть интересен и которых он не может найти в окружающем мире.

Рефераты. Слизование рефератов и статей научной и околонучной тематики становится все более популярным методом сдачи неинтересных зачетов и экзаменов. Зачем напрягаться, когда в Сети полно материалов часто уже в готовом для сдачи виде? Хотя, возможно, что часть студентов (вероятно, малая часть) серьезно подходит к своей работе и во избежание повторов ищет в рефератах то, что было сделано до них.

Музыка. Скачать на свой компьютер можно практически любую музыку любых исполнителей, групп — популярных и практически неизвестных, причем совершенно бесплатно. Стоимость быстрого подключения к Сети, при котором скачивание больших файлов перестает быть проблемой, существенно ни-

же, чем стоимость лицензионных компакт-дисков или даже пиратских копий.

Программное обеспечение. Программы могут быть разнообразные, от последних версий популярных браузеров до программ-шуток размерами в считанные килобайты. Большинство программ специализированы и скачиваются пользователем для облегчения собственного труда, в том числе и взаимодействия с компьютером. Поэтому не менее популярны коды, креки, генераторы ключей и т.д. к программному обеспечению. Скачанная из сети программа должна работать, но о большинстве бесплатных программ этого не скажешь. Нередко они содержат временные или функциональные ограничения для работы в случае, если не зарегистрированы, а труд авторов программ не оплачен. Большая часть компьютерно грамотных молодых людей не обладает достаточными средствами, чтобы ставить лицензионное ПО, но обладает доступом в Интернет, чтобы скачать "ломалку" — инструмент для взлома программ.

Можно ли сказать по перечисленным запросам, что это штрихи к портрету молодого поколения в Сети? Да — с той точки зрения, что практически любой молодой человек хоть раз обращался к той или иной из описанных тем. Нет — поскольку данные запросы характерны для неопитов, впервые сталкивающихся с возможностями Сети. По мере накопления опыта и знаний новичок довольно быстро определяет главную для себя тематику и реже прибегает к услугам поисковых систем, предпочитая добывать информацию путем переходов по ссылкам на интересных ему сайтах или общаясь с людьми, увлеченными той же тематикой. Можно ли ограничиться представленными выше группами, сказав, что ничего более молодежь не интересует? Конечно же, нет. Интересы людей, попадающих в Интернет, бесконечно разнообразны, так же бесконечно разнообразны и представленные в Сети материалы. Каждый может найти

себе то, что он ищет, от рецептов приготовления любимых блюд до выставок художников-авангардистов и классических романов.

Алексей Халенков,
amxa@post.ru

Инструмент познания

По данным статистики до 60% постоянной аудитории Интернета в нашей стране составляет получившая образование или учащаяся молодежь в возрасте от 18 до 35 лет. Причем проводят они в Сети в среднем несколько часов в день. Именно Интернет дает возможность свободного и никем не контролируемого обмена самой разнообразной информацией и выражения всего спектра эмоций от неприкрытой враждебности до искреннего восхищения. Эта главная отличительная черта Сети внесла революционное изменение в современный мир, менее чем за десятилетие превратив его в информационное общество.

Для того, чтобы через Интернет рассказать людям о том, что знаешь сам, не надо покупать услуги типографий и телестудий, не нужны деньги, чтобы снять зал или оформить разрешение на митинг. С минимальными усилиями почти каждый грамотный компьютерный пользователь может создать сайт и предложить на нем людям то, что ему интересно и что одновременно может быть нужно другим людям. Размещение в Интернете личного сайта (так называемый хостинг) стоит всего несколько долларов в месяц. При этом существуют сотни проектов, владельцы которых предоставляют хостинг всем желающим бесплатно, либо без всяких условий, либо взамен на разрешение периодически ставить на созданную любителем страницу свои информационные или рекламные материалы. Такая легкость создания сайтов привела к тому, что ежедневно их создают сотнями и тысячами.

С ростом числа посетителей нарастало осознание важности использования

информационных возможностей Интернета для влияния на общественное мнение и осуществления коммерческой деятельности. Это поставило на поток создание интернет-сайтов практически всех государственных и общественных организаций, производственных и посреднических компаний, средств массовой информации, научных и учебных заведений. Наступило перенасыщение. Поэтому теперь важно не только создать сайт, но и найти способ привлечения внимания к нему тех, для кого он предназначен. А вот это с каждым днем становится труднее.

Наш мир наводнен насилием и рекламой, а свободный выбор сводится к выбору между боевиком и мыльной оперой или между "Тайдом" и кипячением. То же самое грозит миру Интернета, который заполняется за деньги тем, что может и должно быть продаваемо, а значит, реально или потенциально выгодно для создателей и владельцев соответствующих информационных ресурсов и рекламных площадок. Бизнес и коммерция все шире используют широкие коммуникационные возможности Интернета для пиара, рекламных кампаний, имиджевых проектов, продвижения различных брендов, создания электронных бирж, аукционов, магазинов и прочей прибыльной деятельности.

При этом коммерческие ресурсы в Интернете зачастую более профессионально оформлены и прописаны, их владельцы покупают первые места в списках ресурсов поисковых машин, так что сформировав запрос с парой интересующих тебя ключевых слов, в первых нескольких ресурсах списка почти наверняка ничего интересного не найдешь, а просмотрев два десятка, поймешь, что оригинальных из них только 2-3, а остальные — повторы и цитаты, причем чаще всего без указания автора и источника изложенных сведений. К сожалению, в Интернете удручающе много мусора и повторов, но зато и полезной информации там столько, что ни

Большой Советской энциклопедии, ни энциклопедическому изданию Britannica даже не снилось.

Я уверена, что потребность в знании, как и потребность поделиться полученными открытиями, заложена в Homo sapiens на генетическом уровне. Если бы это было не так, человеческий детеныш не был бы так открыт для обучения различным навыкам. Но безусловный рефлекс тяги к новым знаниям и способность работать ради их получения современное общество настойчиво и безуспешно пытается подменить желанием получить без труда и как можно быстрее всю необходимую для успеха сумму знаний. Вспоминается чудесный рассказ-антиутопия известного фантаста Айзека Азимова, где в день Чтения семилетки под гипнозом получали взрослые навыки чтения, а в день Профессии также под гипнозом овладевали необходимыми обществу профессиями и начинали свою профессиональную деятельность. Вот только создавать новые программы для обучения и новые приборы могли лишь "неудачники", которые несколько лет обучались по крупицам с помощью обычных книг в специальных школах для "тугодумов". Без них описанная Азимовым цивилизация замерла бы.

Давайте и мы будем использовать новый мощный инструмент познания — глобальную сеть Интернет. А для этого требуются интеллектуальные усилия.

Ирина Тарасова,
taras@teleportal.ru

Телеработа от первого лица

Так сложилась жизнь, что я много лет ежедневно работала от звонка до звонка. Сначала всерьез занималась системами управления в режимном почтовом ящике, потом — автоматизацией документооборота в когда-то крупном, но не выдержавшем дефолта банке, а

после — на разных должностях в интернет-компаниях. И везде мне не хватало ощущения того, что я свободно распоряжаюсь своей жизнью. Все время казалось, что настоящая жизнь бурлит где-то за стенами опустыленного офиса. Целый год была безработной, но подобная свобода имеет очень тоскливый привкус безденежья пополам с безнадежностью. И вот, наконец, я нашла способ совместить собственное желание жить полноценной жизнью и необходимость зарабатывать деньги на эту полноценную жизнь. Это телеработа.

Модный в последние годы термин означает такую организацию труда, при которой работник трудится вне офиса, при этом используя персональный компьютер, Интернет и другие достижения коммуникационных технологий для того, чтобы получать задания от руководства, выполнять их и оформлять отчеты о проделанной работе. И даже за зарплатой можно в офис не ходить — переводят через банк на карточку. Так это вышло мне два года назад, когда я получила предложение сначала вести портал, посвященный проблемам телеработы и ее внедрения, а потом и самой начать работать дома.

В связи с тем, что практически все деловые информационные потоки в наше время существуют в электронном виде и могут быть мгновенно переданы через Интернет в любую точку земного шара, существенно расширилась география и круг специалистов, которые могут осуществлять свои функции в режиме телеработы. Это программисты, журналисты, информационные специалисты и аналитики, юристы, консультанты, менеджеры и практически все остальные работники умственного труда, умеющие использовать персональные компьютеры и современные средства связи. В связи с этим изменяется характер труда и система его организации, жесткая система оплачиваемых рабочих мест заменяется гибкой системой, создающей возможности для выполнения функциональных

обязанностей в любом удобном для работника месте.

Являясь промежуточным звеном между работой повременной и самостоятельной занятостью, телеработа может быть разделена на три основных вида по уровню самостоятельности работников: штатники, фрилансеры, телепредприниматели.

Первая категория — бывшие штатные работники, которым их наниматели предложили трудиться вне офиса, и чьи должностные обязанности и функциональные задания строго определены в специальном документе — контракте или договоре.

Вторая категория — фрилансеры, которых связывает с нанимателем только подряд на выполнение определенной работы за определенную плату. Показателем того, что на такого рода услуги возрастает спрос, является постоянно увеличивающееся количество сайтов-посредников в Интернете, на которых заказчики и исполнители могут найти друг друга и вступить в контакт. Причем работа может быть как серьезная — на месяцы с оплатой в сотни и тысячи долларов, так и очень простая — на несколько часов и несколько долларов соответственно.

Третья категория — телепредприниматели, пытающиеся развивать свой бизнес вне офиса на основе глобальных сетей. Объем работы определяется самим исполнителем, а величина вознаграждения — реальной рыночной стоимостью услуги, если ее удастся продать.

В большинстве стран Западной Европы, США и Канаде телеработа является официально развиваемой государственной инициативой, на реализацию которой тратятся немалые ресурсы. Развитие телеработы при этом тесно связывают и с экологией — уменьшение загрязнений от выхлопов автомобилей, и с улучшением качества жизни — меньше времени на перемещение.

Очевидно, что благодаря поддержке госструктур и бизнес-кругов телеработа

становится неотъемлемой частью жизни развитого общества. Однако на сегодня существует еще ряд правовых проблем, таких как проблемы собственности и сохранности оборудования, обеспечения безопасности и конфиденциальности служебной информации, физической безопасности работников и медицинских норм, которым должно отвечать рабочее место. Камнем преткновения и существенным барьером для глобализации индустрии телеработы и расширения официальной возможности работы на иностранные компании являются различия в трудовом и налоговом законодательстве разных стран.

На сегодняшний день телеработа — самая прогрессивная форма интеллектуального труда. Потребность координации информационных потоков, циркулирующих между исполнителями различного уровня в процессе телеработы, перерастает в необходимость управления знаниями на уровне корпораций, отраслей, государств. Универсальной средой для консолидации является Интернет и его коммуникационные возможности. А одним из возможных средств — создание новых способов анализа информационных потоков. Практическая реализация этой идеи нашла отражение в организации сообщества экспертов по самым разным темам в рамках интернет-проекта **Report.ru** (адрес в Интернете www.report.ru). Проект — практическое осуществление идеи использования телеработы в рамках русскоязычного Интернета. Многие эксперты проекта работают удаленно, причем не только в России, но и в Белоруссии, Украине, Израиле, Мексике. Мы обязательно познакомим вас со многими из тематических порталов **Report.ru** в наших следующих публикациях. А в заключение хочу пригласить вас на тематический портал "Телеработа" в рамках проекта **Report.ru**. Адрес в Интернете — telework.report.ru.

Елена Шмелькова,
telework@report.ru

“Омлет с шампиньонами”

Искусство хорошо готовить незаслуженно уходит в область преданий — многим эмансипированным дамам, делающим карьеру, не до плиты с духовкой. Но это не значит, что люди больше не любят вкусно поесть и путь к сердцу мужчины лежит уже не через желудок. Где же приобрести кулинарные навыки, если золотых рук осталось мало, а любимый мужчина каждый день требует разнообразия на обеденном столе?

Мы идем в книжный магазин и смотрим на полки, забытые гляцевыми томками: “100 вкуснейших салатов”, “100 блюд из картофеля”, “Меню за 100 рублей на каждый день” ... Потом, наконец, решаемся, выбираем книжку с самыми красочными фотографиями, приносим домой, с удовольствием пролистываем приобретение и... ставим в шкаф в компанию подобных сборников — до лучших времен и более боевого настроения. Почему? Да потому что книга, к сожалению, хороша лишь для умелых хозяек, которые не будут скрупулезно вымерять указанные в рецепте “20 г сливочного масла”, а на глазок отрежут кусок маргарина, вместо же “сотейника” не задумываясь воспользуются сковородой.

Куда ж податься за кулинарными познаниями современной девушке или молодой жене? Ну конечно, в Интернет! Заходим на любой поисковый сайт, набираем название блюда, ну хотя бы “омлет с шампиньонами”, нажимаем кнопку “Искать”, выбираем из длинного списка ссылок самую, по нашим женским критериям, лучшую и внезапно оказываемся в огромном мире, именуемом “кулинарный сервер”. После просмотра разнообразных страниц (омлет уже забыли), к нашему искреннему удивлению, заставляем себя признать, что долгое время использовали свою кухню как место, где можно всего лишь вымыть руки... И дело не только в бо-

гатстве предложенных рецептов и статей или энтузиазме и любви, с которыми подобран материал, а в том, что Интернет позволяет изложить все тонкости приготовления кулинарных шедевров и узнать смысл специфических терминов — припустить, шинковать, фламбировать и т.п. На форуме любого сайта, посвященного кухонным таинствам, вас встретят виртуальные альтруистки, которые объяснят, посоветуют, разжуют, поделятся ссылкой — и все на простом языке, без заумных словечек и нравоучений.

Несмотря на всю доступность Интернета, тем не менее у любой, даже продвинутой в части компьютерных технологий, хозяйки может возникнуть небольшая проблема. Интернет слишком необъятен для любого из нас: чем больше с ним знакомимся, тем больше в нем теряемся и тем больше времени уходит на поиск новых ресурсов. Как сократить эти поиски? Воспользуемся советами эксперта портала Cooking.Report.ru Натальи Елиной.

— Почему ваш выбор, Наташа, пал именно на кулинарию?

— Я случайно наткнулась на Report.ru в Интернете и сначала поразились обилию качественной информации, а потом удивилась отсутствию кулинарной темы. И мне захотелось попробовать свои силы, включиться в команду экспертов, тем более что я хорошо готовлю.

— А чем вас так привлек Report.ru?

— Меня подкупило то, что это простая, но, вместе с тем, очень легкая и красивая система. Материалы по определенной теме находятся в разделах, которые охватывают почти все, что может заинтересовать посетителя, — новости, книги, события, статьи, персоналии, веб-форумы и даже юмор! То есть на определенном портале находится вся информация по данному предмету.

Возьмем, например, мой портал. Ни на одном сайте, посвященном рецептам и диетам, вы не найдете полной

Что это значит?

Мини-словарь Интернет терминов

подборки новостей по данной теме, потому что профиль этих сайтов совершенно другой — набор рецептов. Значит, для того, чтобы узнать о всех новинках, вам нужно ежедневно просматривать новостные ленты по данной тематике, и хорошо, если на ленте есть фильтр. Если вам вдруг понадобилась подборка книг, вы тоже пойдете в поисковую систему или в виртуальный магазин и будете просматривать десятки и сотни книг, возможно, уже старых или не совсем интересных. А на портале вся необходимая работа за вас уже сделана. Эксперты — это очень важно! — должны ставить в разделы своего портала далеко не все материалы, которые обнаружили в Интернете, а только лучшую десятку, так что вы можете не сомневаться, что найдете в Report.ru то, что вам действительно нужно. Эксперты не только ставят в свои порталы лучшие ресурсы как отечественного, так и зарубежного Интернета, но и ранжируют их по значимости, следят за тем, чтобы данные не устаревали.

Разумеется, и я как эксперт и ведущая форума по кулинарии стараюсь придумывать что-то оригинальное и полезное. Вот, например, в конце лета совместными силами с посетителями форума сделали раздел, в который поместили рецепты с использованием яблок — джемы, варенье, пироги... Перед Новым годом я сформировала раздел "Детская кулинария". Рецепты в нем рассчитаны на тех, у кого уже есть свои пристрастия и кто уже капризничает за столом. Я постаралась собрать рецепты недорогих, полезных, простых в приготовлении и привлекательных для детишек блюд. Планирую еще пару разделов, возможно, по здоровому питанию и диетам. Надеюсь, что моя работа поможет кому-то найти новые интересные идеи или просто увереннее и комфортнее чувствовать себя на кухне. ■

Анна Демина,
Acurl@yandex.ru

Портал — Слово "портал" пришло в Интернет из архитектуры в значении "главный вход". Имеется в виду крупный сайт, который должен соответствовать потребностям большого числа пользователей. Поэтому портал в строгом смысле слова — это сайт с очень большим количеством посетителей, большой и известный.

Сайт — место в Интернете, которое имеет своего владельца и состоит из веб-страниц — основной логической единицы Интернета, однозначно определяемой интернет-адресом (URL). Обычно составляющая сайт совокупность веб-страниц имеет похожий дизайн, объединена по смыслу, навигационно и физически находится на одном компьютере, называемом веб-сервером.

Форум — инструмент для общения на сайте. Сообщения в форуме в чем-то похожи на почтовые: каждое из них имеет автора, тему и собственно содержание. Но для того, чтобы отправить сообщение в форум, пользователю не нужна никакая дополнительная программа — нужно просто заполнить соответствующую форму на сайте. Сообщения, отправленные в форум, могут храниться неограниченно долго, и ответ в форуме может быть дан отнюдь не в тот же день, когда появился вопрос. Частный случай форума — пресс-конференция в Интернете, когда форум организуется как общение пользователей сайта с приглашенными гостями.

Чат — общение в Интернете, когда разговор ведется в реальном времени. Чат в Интернете выглядит как окно, в котором идет поток сообщений от всех участников чата. Для того, чтобы общаться в чате, нужно просто выбрать себе имя, под которым вы "появитесь" в нем, и послать в чат сообщение, которое сразу же волеется в общий поток. Поскольку в чате, в отличие от форума, нельзя оставить сообщение "впрок", чат фактически существует, только если в нем в некоторый момент времени встретились хотя бы два человека. Как правило, чат — это молодежная тусовка, а не инструмент для дискуссии.

Кирилл СОКОЛОВ-КАРТАШОВ

■ Если в славном городе Петербурге оказаться в квартире на 16-м этаже дома по улице Пулковской, то на крыше соседнего дома можно увидеть... огород!

Да-да, это отнюдь не шутка, и в этом может убедиться каждый гость северной столицы. И выращивают этот огород сами жильцы скромной 9-этажки на южной окраине Петербурга.

Дом этот не старый, начал свою историю с 1993 года, но жильцы дома не думали и не гадали, что на их крыше

О Г О Р О Д

когда-нибудь зацветет морковь. Все получилось очень неожиданно. Как раз в том году по городскому радио выступила некая американская гражданка, которая жутко удивлялась — почему в России, где столько многоэтажных домов, никак не используются крыши. На них, мол, можно сделать много чего интересного. Например, учитывая тогдашнюю дороговизну и дефицит продовольственных товаров, американка предлагала выращивать

на крышах Петербурга овощи. Городские власти в принципе идеей заинтересовались и в порядке эксперимента разрешили устроить необычные клумбы на одном из домов Петербурга.

Выбор пал как раз на 9-этажный дом на улице Пулковской. Поначалу, как это всегда бывает, жильцы дома в большинстве своем восприняли планы иностранцев крайне негативно. Кроме ничем не объяснимого, ни к месту проявляемого патриотизма, главным доводом против зарубежных садоводов было то, что «они нам крышу проломают». Здравый смысл в этом, конечно, есть. Знаем мы, как у нас строят — и без ого-

Фото Дмитрий Фелисова

на крыше

рода крыша течет. Но и мэрия не зря выбрала именно этот дом, посчитав, что эта крыша выдержать должна.

В то время председателем жилищно-строительного кооператива дома была выбрана Алла Яковлевна Сокол — женщина весьма деятельная и инициативная. Вот она-то на собрании первой и призвала жильцов принять участие в необычном проекте:

— Мы ведь здесь живем, так почему же самим не подняться на крышу и не начать работать. Это ведь принесет пользу нам, а не какому-то чужому дяде...

Уже тогда, десять лет назад, Алла Яковлевна достаточно ясно представляла себе, что можно при желании сделать на обыкновенной крыше большого города — до этого она двадцать лет проработала в сфере, очень близкой к сельскому хозяйству.

На том первом собрании Аллу Яковлеву поддержало 12 человек. Сначала сажали на крыше все подряд — без системы. Хотели проверить, что будет расти на крыше, а что нет. Так, методом проб и ошибок выбирался "правильный" ассортимент посадочных культур. Уже на следующий год активисты "огородничества на крыше" зарегистрировали клуб городского огородничества. Оказалось, что в России их дом единственный, где есть огород на крыше. Позже нечто подобное сделали на крыше одной из школ Петербурга, где школьники выращивают цветы. А вот на Западе к тому времени чего только уже не придумали. Например, в Германии существует целая ландшафтная индустрия крыш, приносящая разработчикам огромные барыши. По-своему решили продовольственную проблему в городе-государстве Сингапуре. Там выращивать сельхозпродукты просто негде, поэтому устроили парники прямо на крышах небоскребов и эти огороды поставляют на продовольственный рынок Сингапура львиную долю овощей.

Так, постепенно, изучая необходимую литературу, петербургские огородники с каждым годом собирали все больший и больший урожай. Во многом необычному огороду помогли... калифорнийские красные черви. Немало сил у людей отнимал подъем земли на крышу. К тому же там, наверху, она быстро высушивалась и выветривалась. И тут повезло. Знакомые иностранцы привезли в подарок баночку этих самых червей, которые, обладая необыкновенной прожорливостью, перерабатывают пищевые отходы в гумус. А уж на нем все так прет, так прет... Решили начать с петрушки. Посадили рядом петрушку в простую землю и в гумус. Вторая оказалась выше первой на десять сантиметров! С тех пор на первом в России огороде на крыше предпочитают работать только с гумусом. Для червей отвели место в подвале и благословили — размножайтесь и производите гумус.

С первыми успехами появились и первые недоброжелатели. Кое-кто из жильцов взял за моду кричать чуть ли не на весь двор: "Ага, наживаются, гады, на нашей крыше. Карлсоны проклятые!" Огородники внимания не обратили. Ну что это за упрек — "наживаетесь"! Да у нас вся страна огороды имеет и кто-нибудь на этом нажился? А если вы, товарищи, так завидуете, что мы наживаемся, то — пожалуйста, идите к нам, работайте. Будет и у вас суп с зеленью!" Но что-то никто из крикунов на крышу так и не пришел. Наверное, не захотели "наживаться"...

С крыши этого дома окрестности Петербурга — как на ладони. А если занять правильную позицию, то прекрасно виден купол Исаакиевского собора, расположенного, как известно, в самом центре Петербурга.

Алла Яковлевна может рассказывать о крыше долго и самозабвенно. К вниманию прессы ей не привыкать. Однажды корреспондент местного телеканала, увидев, как она разрыхляет

почву в парнике, сделал непрости- тельную ошибку, задав вопрос: "А в вашем возрасте не тяжело на кры- ше?" Представляете, женщину и о возрасте спрашивать! Вот она и отве- тила:

— В моем возрасте "без крыши" тя- жело, а не на крыше...

Крыша словно перегорожена вен- тилиационными шахтами надвое. Вто- рую половину огородники пока не "приватизировали". Алла Яковлевна гордо указывает на "целину":

— Это наше будущее, перспектива. Места еще много, планов тоже, поэто- му обязательно найдем и второй поло- вине крыши применение. Благо, гуму- са у нас теперь вдоволь, можем и по- делиться...

После этих слов нам тоже захоте- лось взглянуть на хваленых калифор- нийских червей. При спуске в подвал инстинктивно зажимаем нос: сейчас завоняет... Но нет — терпимо. Конечно, специфический запах в подвале есть, но вполне перевариваемый. Странно, ведь мы по идее на помойке. Сюда сносят продуктовые отходы из пятидесяти квартир, да еще черви все это перерабатывают. Не может запаха не быть! Алла Яковлевна все популяр- но объясняет. Оказывается, все пище- вые отходы сваливаются в коробку к червям, а затем эта коробочка плотно закрывается, да еще специальная кле- еночка сверху — никакого запаха! Тем, кто занимается червями, приходится терпеть ужасное амбре лишь тогда, ко- гда достается готовый продукт — гу- мус. Кстати, остатки пищи в подвал но- сят только 50 квартир не потому, что остальным этого добра жалко, а пото- му, что больше черви просто не могут переработать. Но они, шельмецы, раз- множаются. А потому в скором време- ни пищевых отходов понадобится все больше и больше. Когда в полной ме- ре будут удовлетворены потребности "своей крыши", жильцы смогут очень неплохо зарабатывать. Во-первых, це-

нится сам червь. Когда их станет ровно столько, сколько надо, излишки мож- но будет продавать. А это неплохие деньги. Во-вторых, стоит копеечку и сам гумус. Так что крыша прирастает подвалом...

Есть у огородничества на крыше и еще одна хитрость. На даче, как из- вестно, огород засеивается в опреде- ленные сроки. А вот на крыше, в им- провизированной теплице, рассаду можно делать уже в марте. В итоге, ко- гда дачники только начинают сев, у жильцов необычного дома уже весьма приличного размера побеги. Они вы- капываются и увозятся по дачным уча- сткам. А это, естественно, намного по- вышает урожайность и скороспелость той же зелени или салата!

Удивительная землячка из гумуса повысила урожайность и позволила говорить о том, что огород на крыше действительно может давать прибыль. Конечно, на первых порах она вся ухо- дит на развитие огорода, но не исклю- чено, что со временем, кроме овощей и цветов, жильцы могут получать и ре- альную денежную прибыль. Поэтому не за горами тот момент, когда проект вступит в новую стадию — регистра- цию "Городской фермы на крыше". Еще Алла Яковлевна надеется, что по- чин и пример, который показали жильцы ее дома, заразит и других. Для старта подобного проекта нужны, ко- нечно, деньги. Алле Яковлевне и ее соратникам на заре становления по- могли иностранцы и местная власть. Хочется верить, что спонсоры найдутся и у других домов, жильцы которых действительно хотят работать. Ведь сегодня есть немало людей, которые, находясь на пенсии, еще имеют в себе силы сделать что-то полезное. Так вот вам, пожалуйста, пример того, как не выходя из дома, можно заниматься трудом на свежем воздухе и иметь на завтрак, обед и ужин самые разнооб- разные овощи. Овощи с огорода на своей крыше... ■

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Продолжается подписка на второе полугодие 2003 года на журнал "Смена"

Вы можете оформить подписку в любом почтовом отделении связи:

- по каталогу ОАО "Агентство "Роспечать" — индекс 70820, стр. 285;
- по Объединенному каталогу — индекс 88998, стр. 350;
- жители Московской области — по каталогу УФПС МО — индекс 70820, стр. 44

Вы можете оформить подписку через альтернативные подписные агентства:

Москва:

ООО "Сотра" (095) 160-58-48
ООО "Интер-почта" (095) 500-00-60
ООО АП "ИНИНС" (095) 251-33-96
ООО "Межрегиональное Агентство Печати"
(095) 200-24-04
ООО "Курьер-Пресссервис" (095) 933-30-71
Санкт-Петербург:
ООО "Петербург-Экспресс" (812) 325-09-25
ЗАО "Прессинформ" (812) 315-49-97

Екатеринбург:

ООО "Урал-Пресс" (3432) 75-80-71

Казань:

ЗАО "Коммерсантъ-Курьер"
(8432) 65-74-29

Красноярск:

ООО "Агентство "Ласка"(3912) 65-18-05

Новосибирск:

ООО АП "Медиа-курьер" (3832) 12-57-21

Орехово-Зуево:

ОАО МОП "Союзпечать" (242) 2-13-89

Рязань:

АРПИ "Союз печати" (0912) 77-53-74

Сергиев-Посад:

МООО "Обновление" (254) 6-09-83

Тольятти:

ЗАО ИЦЦ "Орикон" (8482) 30-08-84

Тула:

ОАО "Роспечать" (0872) 39-04-70

Беларусь:

Минск ИЧУП "РЭМ-ИНФО" (1037517) 284-73-62

Украина:

Киев KSS (044) 464-02-20 www.kiss.kiev.ru

Латвия:

Центр абонирования печати газеты "Диена"
(0371) 706-32-10

Латвийская почта (0371) 701-88-99

Литва:

"Импресс Тева" (03705) 230-43-98

Эстония:

"Ээсти Аякирандуслеви" (0372) 662-35-87

Казахстан:

СП ТОО "АиФ Казахстан" (3272) 21-76-03

Дальнее зарубежье:

ЗАО "МК-периодика" (095) 281-37-98

East view publication (095) 318-09-37

Вы можете оформить редакционную подписку:

Стоимость одного журнала при редакционной подписке — 46 руб., минимальный подписной период — 3 месяца. Чтобы получать журнал с желаемого месяца, необходимо оформить подписку не позднее 20 числа предподписного месяца.

Оформление редакционной подписки непосредственно в редакции:

1. Приехать в редакцию и заполнить Подписной купон с указанием данных о себе.
2. Оплатить стоимость подписки непосредственно в редакции.

Оформление редакционной подписки через Сбербанк:

1. Оформить из журнала и заполнить Подписной купон с указанием данных о себе.

2. Перечислить на наш расчетный счет стоимость подписки.

3. До 20-го числа предподписного месяца отправить в редакцию по факсу заполненный Подписной купон и банковскую квитанцию об оплате. При получении журнала в редакции иметь при себе Подписной купон и банковскую квитанцию об оплате.

Ежемесячно после 15-го числа Вы можете получить в редакции текущий номер журнала. Если у Вас нет возможности приезжать в редакцию каждый месяц — журнал будет ждать Вас в редакции.

Адрес и банковские реквизиты Редакции:

ЗАО "Издательский дом "Смена", 127994, Москва, Бумажный пр-д, д. 14 стр. 1,

Факс: 257-33-87, 250-59-28,

ИНН 7714281367, Р/с 40702810210110146401 в АКБ "Промсвязьбанк" (ЗАО) г Москва,

К/с 3010181060000000119, БИК 044583119

ЖУРНАЛ "СМЕНА": УМЕЕШЬ ЧИТАТЬ — ПРОЧТИ!

Подписной купон

1. ФИО _____
2. Телефон (код города) _____
3. Возраст _____
4. Социальное положение (студент, служащий, рабочий, руководитель, домохозяйка, пенсионер, другое) _____
5. Профессия, род деятельности _____

Ф. СП-1	Министерство связи РФ											
	АБОНЕМЕНТ на журнал											
	(индекс издания)											
	“СМЕНА”										Количество комплектов	
	на 2003 год по месяцам											
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
	Куда											
	(почтовый индекс)						(адрес)					
	Кому											
	(фамилия, инициалы)											
ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА												
ПВ		место		ли-тер		на журнал						
(индекс издания)												
“СМЕНА”												
Стои-мость	подписки				руб.				Количество комплектов			
	пере-адресовки				руб.							
на 2003 год по месяцам												
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
Куда												
(почтовый индекс)						(адрес)						
Кому												
(фамилия, инициалы)												

Адрес и банковские реквизиты Редакции:
ЗАО "Издательский дом "Смена",
127994, Москва, Бумажный пр-д, д. 14 стр. 1,
Факс: 257-33-87, 250-59-28,
ИНН 7714281367, Р/с 40702810210110146401
в АКБ "Промсвязьбанк" (ЗАО) г Москва,
К/с 30101810600000000119, БИК 044583119

**ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ
АБОНЕМЕНТА!**

На абонемента должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонемента проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах «Роспечати».

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ – МЕСТО» производится работниками предприятий связи и «Роспечати».

Внимание – радон!

Кора Земли с момента образования содержит радиоактивные элементы, которые создают естественный радиационный фон. Как оказалось, особая роль в этом фоне принадлежит радону, вклад которого составляет около 54%.

Радон — инертный тяжелый газ, в 7,5 раз тяжелее воздуха. Он не имеет вкуса, цвета и запаха, хорошо растворяется в воде. Радон входит в цепочку радиоактивного распада, начинающуюся с Урана-238 и заканчивающуюся Свинцом-206. Как и его "родители", является излучателем α -частиц. Следуя цепочке радиоактивного распада, он производит семейство других источников α -частиц. Их в целом называют дочерними продуктами распада (ДПР).

В замкнутое воздушное пространство (жилые дома, больницы, учреждения, магазины, закрытые манежи, подземные шахты) радон поступает либо через фундамент и пол из грунта, либо из материалов, примененных в конструкции. Уровни радона возрастают, если помещения не подвергаются вентиляции или если скорость ее недостаточна. В зонах с умеренным климатом концентрация радона в закрытых помещениях в 8 раз превышает наружную концентрацию.

Другой источник попадания радона и его ДПР в жилые помещения — наружный воздух, природный газ, используемый для приготовления пищи и отопления, вода для питья и других нужд. При этом особую опасность представляет вода из глубоководных колодцев или артезианских скважин. Следует помнить, что при кипячении значительная часть радона и его ДПР улетучивается. Существенную опасность представляет попадание паров воды с высокой концентрацией радона в легкое человека вместе с вдыхаемым воздухом в ванной комнате. При этом биологические последствия воздействия радона и его ДПР, содержащиеся во вдыхаемом воздухе, связаны с воздействием испускаемых α -частиц на бронхиальные клетки.

Для мониторинга содержания радона и его ДПР используют приборы, измеряющие объемную активность (длительность измерений — от нескольких минут до нескольких суток). Таковым является прибор, выпускаемый фирмой "КВАРТА-РАД": детектор-индикатор радона КВАРТЕКС РД 5400.

В отличие от большинства аналогичных приборов детектор-индикатор радона КВАРТЕКС РД 5400 прост в эксплуатации, а по техническим характеристикам не уступает им. В нем отсутствует принудительная проначка воздуха в намере. Анализируемый воздух поступает в измерительную камеру детектора через аэрозольный фильтр за счет свободной диффузии, что не требует специального устройства и удешевляет прибор. Прибор работает в трех режимах: пороговой индикации, текущей индикации и просмотра. В режиме пороговой индикации используется цветовая гамма, что упрощает работу с прибором. Автономное питание прибора позволяет эксплуатировать его в условиях, где отсутствует стационарное электропитание.

Детектор-индикатор радона КВАРТЕКС РД 5400 может быть использован для оценки плотности потока (или скорости выхода) радона с поверхности (из почвы) земли, допустимые уровни которого не должны превышать 80 мБк/м²с.

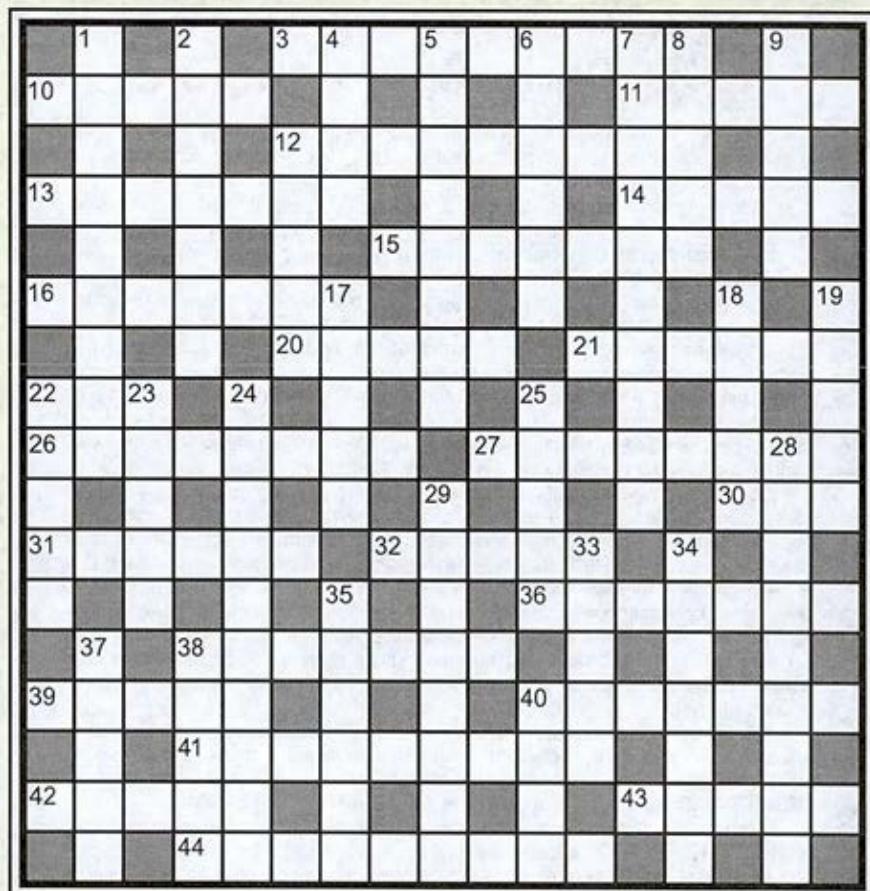
Детектор-индикатор радона КВАРТЕКС РД 5400 поможет вам в обеспечении радиационной безопасности. Не жалейте средств на его покупку. Помните, что радон с воздухом может попасть внутрь организма, что совсем нежелательно!

Наш адрес и контактные телефоны:

ООО "КВАРТА-РАД"

115409, Москва, Наширское шоссе, дом 31, корп. 44А

Тел.: (095) 323 91 14, тел/факс: (095) 324 54 62

По горизонтали. 3. Бриссо, Гюаде, Инар, Кондорсе, Ролан или Фоше по отношению к конвенту. 10. "Способность связывать действие с его причиной и направлять соответственно с требованиями случайных обстоятельств" (Ж.Фабр). 11. Национальность Степана Чумпина, нашедшего в 1735 году у горы, вскоре названной горой Благодать, крупный кусок магнитного железняка. 12. Дерево или кустарник, чьи плоды с удовольствием ест волк. 13. Рассказ Н.Лескова, герой которого мечтает в духе нигилизма накормить всех голодных. 14. Начало утра в народных говорах (по В.Далю). 15. Немецкий антифашист, узнавший о присуждении ему Нобелевской премии в тюремной больнице. 16. Французский философ, считавший, что безнравственность и жестокость вполне совместимы с религиозностью. 20. Материал для петли, которой в Древнем Риме ловили нарывников, чьим ядом лечились. 21. Историк, обнаруживший многие древнейшие русские летописи. 22. Старинное название на верфях судового остова без обшивки и оснастки. 26. Знаменитый кот-пацифист. 27. "Хрипун, удушенный, фাগот", по мнению Александра Чацкого. 30. Ы. 31. Последняя высота Марии Стюарт. 32. "Цвет" голоса. 36. "Баобабьи" просторы.

38. Человек, боящийся света. 39. Способ составить винный букет. 40. Русский композитор Франц Бауэр как музыкант-исполнитель. 41. "Страна тысячи островов". 42. Английский денарий, чеканенный в VIII веке. 43. Шведский писатель, в "Мечтах о розе и огне" проведший "Ночь здесь" и, когда пошел "Дождь на заре", предавший себя "Воспоминаниям". 44. У Б.Окуджавы "она по проволоке ходила".

По вертикали. 1. Представитель самого многочисленного класса животных. 2. Крик большой выпи. 4. Один из старейших курортов на французском берегу Ла-Манша. 5. Русское название пластинки еврейской мацы. 6. Блошница, зеновка, ладанка, лебедка, материнка, мята лесная (лекарственная трава). 7. Птица, в перелетных стаях никогда не летящая вместе с другими видами. 8. Вино в стихотворении Н.Языкова "На смерть няни А.С.Пушкина". 9. Последний крупный приток Оби, на котором, вопреки названию, не речется ряпушка, сиг, чир. 12. Инструмент, от которого возник синоним к первому слову "сверлить взглядом". 17. Немецкий писатель и теоретик натурализма, сведший в своих построениях поэзию фактически к прозе. 18. Американский художник, прославившийся телеграфом. 19. Средневековое название алеманнов. 22. Советский композитор, чей "Красный мак" превратился просто в "Красный цветок". 23. Самая крупная кефаль. 24. Европейская трава, которую индейцы Америки называют "следами белых". 25. ... Дирк — голландский живописец, один из зачинателей жанра группового портрета. 28. Прибор, какой прежде использовали при изучении созвездий по звездному глобусу. 29. Любка в рассказе А.Чехова "Воры" как вертялая "девка". 33. Пальма с самыми большими листьями (до 25 метров). 34. "...намак" — самая ранняя книга о шахматах, написанная в Персии. 35. Металл, башмаки из которого носили мулы Поппеи — жены Нерона. 37. Африканская лесная антилопа-вертихвостка. 38. Знаменитая актриса, однажды начавшая автобиографию так: "Я дочь небогатого нефтепромышленника" (имя). 40. Металл, название которому дал Парацельс. ■

ОТВЕТЫ НА ЭРУДИТ, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4

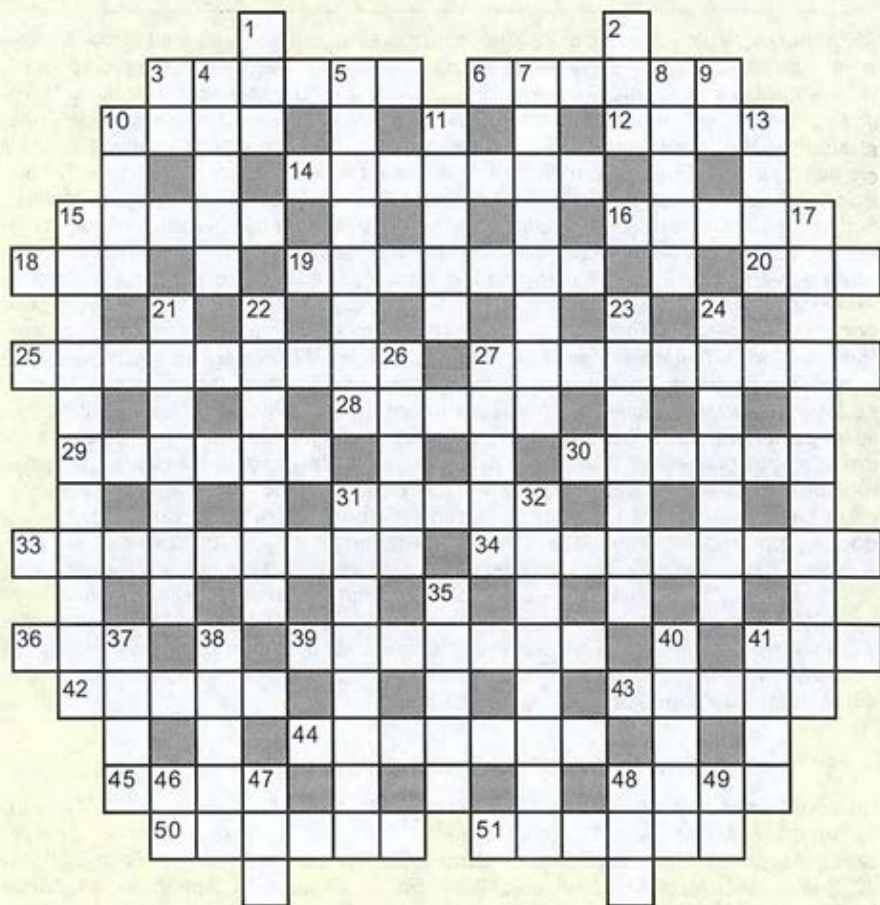
По горизонтали. 4. Удушение. 10. Арроба. 11. Китс. 12. Креветка. 13. Подкат. 15. Торф. 16. Заклинание. 17. Четь. 18. Репа. 19. ...жим. 22. Ляхи. 24. Отоми. 27. Агutti. 28. Ангар. 29. Итар. 30. Волк. 31. Шталь. 32. Кукша. 33. Ватто. 36. Лесс. 38. Ноа. 40. Янки... 43. Дрот. 44. Гельмгольц. 46. Бабр. 47. Яванка. 48. Арнарсон. 49. Сонм. 50. Юйшань. 51. Метатанк.

По вертикали. 1. Карпаччо. 2. Юродство. 3. Образ. 5. Даркле. 6. Шаванн. 7. Натанья. 8. Екатерининка. 9. Фторопласт. 14. Тари. 19. Житье. 20. Маркс. 21. Щучка. 22. Ливан. 23. Халва. 25. Тутанхамон. 26. Миллиграмм. 34. Тарантас. 35. Оствальд. 37. Селенит. 39. Оля. 41. Эмират. 42. Колонн. 45. Цвейг.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4

По горизонтали. 1. Сгусток. 7. Чуфа. 10. Живнью. 11. Ювеналии. 12. Рагу. 13. Акцепт. 16. Фердинанд. 17. Кри. 19. Энтомолог. 21. Пилатр... 24. Цитата. 25. Вишневка. 29. Сержант. 31. Медалист. 34. Озирка. 36. Брусок. 38. Снискание. 42. Хум. 43. Галатика. 44. Абинка. 47. Ярри. 48. Твистрон. 49. Связь. 50. Пяст. 51. Мельмот...

По вертикали. 2. Гретри. 3. Стагирит. 4. Опивала. 5. ...знак... 6. "Двое". 7. Черт. 8. Фигаро. 9. Люффа. 13. Адэр. 14. Цитрин. 15. Пимен. 17. Клюв. 18. Игра. 20. Тире. 21. Пара. 22. Ласи. 23. Торт. 25. Ваер. 26. Штос. 27. Ежик. 28. Кикс. 30. Есенин. 31. Месх. 32. Джим. 33. Лакаб. 35. Зоркость. 36. Бега. 37. Условие. 39. Нутрия. 40. Вирардо. 41. Манна. 44. Аист. 45. Ирис. 46. Коза.

По горизонтали. 3. Илья Муромец в те 30 лет пребывания в селе Карачарово, когда он не владел ни руками, ни ногами. 6. Ретромакияж. 10. Главное западнославянское женское божество, противостоящее смерти. 12. Предвестница выхода солнца на арену дня. 14. По старой шутке, жена как...: тащить тяжело, а бросать жалко. 15. Французский писатель и философ, предшественник Герцена как будителя революции. 16. Соревнование спринтеров или стайеров с групповым стартом. 18. Советский художник и педагог. 19. Качество кислот. 20. Первый шар в бильярдной "пирамиде". 25. Звание настоящего мужчины в песне Аллы Пугачевой. 27. Деньгодел. 28. Ледник во дворе. 29. И весьма странная австралийская зверюга, и язвительный человек. 30. Лев-пианист. 31. Далекий извозчик. 33. Легкий двухколесный экипаж. 34. Добыча падальщиков. 36. Движение коня на доске. 39. Советский писатель, не любивший рассказывать о своей работе следователем НКВД. 41. Предшественник евро. 42. Вдохновение, инстинкт на языке актеров. 43. Апельсиновая или лимонная кожура как пряность. 44. Апоплексический удар. 45. Остров у античных географов в шести днях плавания к северу от Британии (видимо, Исландия). 48. Неожиданное везение.

Дорогие читатели!

Напоминаем вам, что открыта подписка на журнал "Смена" на второе полугодие 2003 года. Условия подписки — на стр. 248.

Для тех, кто вовремя оформит подписку, наша редакция совместно с издательством "РОСМЭН" проводит конкурс на самого активного подписчика.

По итогам розыгрыша 50 счастливыхчиков получат подарок — любую из указанных ниже книг на выбор.

Для детей: "Большой атлас животных", "Атлас динозавров", "Атлас подводного мира", "Иллюстрированная энциклопедия школьника. Мир животных", "Иллюстрированная энциклопедия школьника. Наука и техника", "Мифы древней Греции", "Большая книга сказок мира", "Волшебные миры Гарри Поттера".

Для женщин: "Все о прическах", "Энциклопедия красоты", "Макияж и уход за кожей", "Модные прически", "Красота VOGUE".

Для всех: "Дачный дизайн", "Дизайн и архитектура", "Ландшафтные проекты", "Основы садоводства", "Лучшие рецепты на каждый день. Соленья и маринады", "Лучшие рецепты на каждый день. Торты и пирожные", "Лучшие рецепты на каждый день. Диетические блюда", "Лучшие рецепты на каждый день. Блюда для праздничного стола".

Подведение итогов конкурса — 10 июня 2003 г.

Имена победителей будут опубликованы в нашем журнале.

КУПОН

1. Какую книгу из перечисленных на этой странице вы бы хотели получить в подарок _____
2. Адрес доставки _____
3. ФИО _____
4. Телефон (с кодом города) _____ 5. E-mail _____
6. Возраст _____
7. Социальное положение (студент, служащий, рабочий, военнослужащий, предприниматель, домохозяйка, другое) _____
8. Профессия, род деятельности _____
9. Учебное заведение, факультет _____
10. Укажите, если считаете возможным, доход на члена семьи (в долларах США): до 100, до 500, свыше 500 (нужное подчеркнуть)

Внимание! В розыгрыше принимают участие только купоны, отправители которых оплатили подписку до 20.05.03 (по дате оплаченной подписной квитанции).

50. "Шкурная" рубаха у коми, ненцев и хантов. 51. Итальянский художник и архитектор, благодаря которому мы многое знаем о деятелях искусства Возрождения.

По вертикали. 1. Гора в Малой Азии, где, согласно мифам, проходил знаменитый суд Париса. 2. Широколиственное дерево, стойко переносящее городские условия. 3. После ля, но не ля-ля. 4. Рыба из дерева и ноты. 5. Верхом на скакуне на скачках. 7. Пайщик, партнер. 8. Оружие Мурки в популярной блатной песне. 9. Сотка земли. 10. Народное название острого перца по его воздействию на язык. 11. И почти раб на Руси, и человек с лакейской душой. 13. Спутник Сатурна. 15. В Забайкалье — багульник, в Японии — "одурманивающий похотью цветок". 17. Няня-учительница. 21. Шкура утробного или мертворожденного теленка. 22. Французский город, местопребывание римских пап в 1309-1377 годах. 23. Нос, который семерым рос, а одному достался. 24. Главное достоинство бритвы. 26. Украшение шали в романсе "Мой костер" на слова Я.Полонского. 27. Виновник яркого следа в ночном небе. 31. И вольнодумец, и порода голубей. 32. Ласковое название заплетенных волос белокурой молодой барыни в главе "Последыш" (Н.Некрасов. "Кому на Руси жить хорошо"). 35. Дитя легкого поведения. 37. Отрава, какой, не запрети ее, можно было вывести и людей. 38. Отвислая губа или щека. 40. Венгерский композитор, у которого "Цыганскую любовь" с "Веселой вдовой" испытал "Граф Люксембург". 41. Греческий бог на двоих. 46. Потенциальное содержимое серого вещества. 47. Лесная любительница украшений. 48. Похожая на репс красивая шелковая ткань, какую теперь не производят. 49. Японская мера длины. ■

“СМЕНА” — ЧИТАТЕЛЯМ

Для участия в розыгрыше призов необходимо:

1. До 20 мая 2003 года оплатить подписку на журнал “Смена” №№ 7—12, 2003 г.
2. Заполнить купон на стр. 256.
3. Отправить купон и копию оплаченной подписной квитанции в редакцию по факсу: (095) 250-59-28, 257-33-87, либо по почте: 127994, Москва, А-15, ГСП-4, Бумажный проезд, д. 14, стр. 1, редакция журнала “Смена”.

Подписывайтесь на “Смену”

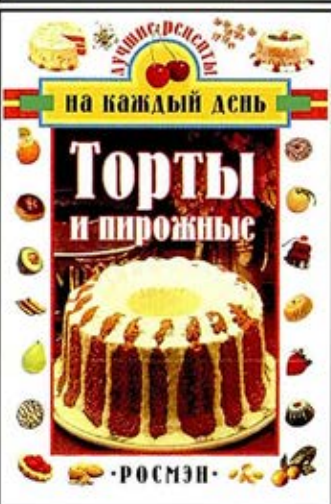
и выигрывайте приз!

ДИЗАЙН И АРХИТЕКТУРА

НОВЫЕ ИДЕИ • СОВЕТЫ • ИНФОРМАЦИЯ ПО САДОВОДСТВУ

ТГТУ сегодня –
крупный
учебный,
научный
и культурный
центр
Верхневолжья.

Тверскому
Государственному
техническому
университету –
80 лет.

Тверь,
набережная
А. Никитина, 22.

Ректорат:

(0822)316 335

(0822)314 112

Факс: (0822)316 335

E-mail: common@tstu.tver.ru

www.TSTU.tver.ru

